

**«СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПРАВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»**

(к 370-летию со времени принятия
Соборного уложения 1649 года)

**Сборник трудов
XVI Всероссийских декабрьских
юридических чтений
в Костроме**

**Всероссийская научно-практическая конференция
(12–13 декабря 2019 года, г. Кострома)
Текстовый электронный сборник
В двух томах**

ТОМ 1

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Костромской государственный университет
Костромское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»**

**«СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПРАВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»
(к 370-летию со времени принятия
Соборного уложения 1649 года)**

Сборник трудов
XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме
Всероссийская научно-практическая конференция
(12–13 декабря 2019 года, г. Кострома)

Текстовый электронный сборник

В двух томах

Том 1

Кострома
КГУ
2020

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

УДК 341.211(470)(063)
ББК 67.400.51(2Рос)я431я04
С891

Р е ц е н з е н т ы :

И. В. Благов, заместитель начальника Управления государственной службы
и кадровой работы Администрации Костромской области,
начальник отдела государственной службы;

О.В. Воронина, заместитель Главы Администрации города Костромы

Издается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

С891 **Суверенное государство и его право:** актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России» (к 370-летию со времени принятия Соборного Уложения (1649 года) : сборник трудов XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (12–13 декабря 2019 г., г. Кострома) / сост. Н. В. Ганжа, А. С. Евстегнеев, Д. Н. Лукоянов, И. Н. Мельников, О. В. Плюснина, А. Г. Сироткин, И.В. Орловская ; отв. ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. – Электронные текстовые, граф. дан. (2,8 Мб). – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – 1 CD-ROM: цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб; Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб; CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8285-1097-9

Том 1. – 2020

ISBN 978-5-8285-1098-6

Настоящий сборник составлен по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России» (к 370-летию со времени принятия Соборного Уложения (1649 года), состоявшейся 12–13 декабря 2019 г. в г. Костроме. В сборнике трудов рассматриваются актуальные вопросы юридической науки и практики.

Предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 341.211(470)(063)
ББК 67.400.51(2Рос)я431я04

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке материалов сборника ссылка на сборник трудов обязательна.

ISBN 978-5-8285-1097-9

ISBN 978-5-8285-1098-6 (т. 1)

16+

© Костромской государственный университет,
2020

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

Содержание

СЕКЦИЯ 1. СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА 11

Александров А. С.

Правовая организация противодействия преступности в России: от
Соборного Уложения 1649 г. до цифрового государства 11

Савельева О.Е.

Исторический аспект института несостоятельности (банкротства) в
Российской Федерации 15

Смирнов М. А., Коновалова Ю. А.

Антидопинговые требования к российским спортсменам..... 19

Терехов Е. М.

Нужен ли России федеральный закон «об основах
правоинтерпретационной деятельности в РФ? 24

Тишаков М. П.

Обеспечение безопасности дорожного движения на территории Донбасса
в 1953–1957 годах..... 29

Бабичева Н. А.

Государственный суверенитет как один из признаков
государственности..... 33

СЕКЦИЯ 2. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА..... 38

Мельников И. Н., Баскова А. Е.

Основания для ограничения участия в выборах как нарушение принципа
всеобщего избирательного права 38

Мельников И. Н., Петров А. С.

Проблемы осуществления надзорной деятельности при добыче подземных
вод физическими лицами 42

Осипов Д. А.

К вопросу о совершенствовании правового статуса представителя
высшего должностного лица субъекта Российской Федерации
в региональном парламенте 46

Обеснюк О. С., Хлестакова Л. А., Сидоров А. Н.
Законодательство субъектов Российской Федерации
об административных правонарушениях
на примере Костромской области 52

Хлестакова Л. А., Редков Н. А.
Институт административной преюдиции в уголовном праве:
понятие и функции 58

Шевчук О. Л.
Конституционно-правовой статус прокуратуры
Российской Федерации 64

**СЕКЦИЯ 3. ИНСТИТУТЫ ЧАСТНОГО
И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА:
ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ 71**

Бибиков А. И.
Недействительные сделки в системе юридических фактов 71

Бриль Г. Г., Зайцев Л. Н., Московская В. И.
Правовое регулирование обеспечения прав беженцев
и вынужденных переселенцев в субъектах Российской Федерации
(на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области)..... 75

Зайцев Л. Н.
Актуальные проблемы судебной практики рассмотрения
административных дел об обжаловании нормативных правовых актов
органов местного самоуправления 81

Смирнова А. А., Гребнева А. В.
Особенности социального обеспечения различных категорий населения
в Бельгии 87

Егорова О. Н.
Способы повышения эффективности взыскания и исполнения
алиментных обязательств 90

Стефанишина С. В.
Становление института «третьих лиц» в гражданском и конкурсном праве
(исторический аспект) 95

<i>Тресцова Е. В.</i> К вопросу о защите прав добросовестного приобретателя недвижимого имущества	100
<i>Шлыкова Е. А.</i> К вопросу о необходимости функционирования комиссий по трудовым спорам	106
СЕКЦИЯ 4. ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА	111
<i>Александрова И. А., Алаев Р. С.</i> Освобождение от уголовной ответственности за совершение налогового преступления	111
<i>Бубнова Т. Г.</i> Экономические признаки древесины как предмета преступления, предусмотренного ст. 191.1 Уголовного кодекса РФ.....	115
<i>Вишневский Я. А., Моисеева К. Н.</i> Проблемы привлечения к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными	119
<i>Глазков В. А.</i> Компьютерные преступления: проблемы и перспективы	124
<i>Дворянсков И. В., Бубенцов В. И.</i> История конвойной службы в дореволюционной России	129
<i>Заливалова Л. Н., Агеев В. А.</i> Преступления коррупционного характера в уголовном праве Федеративной Республики Германия и Российской Федерации	135
<i>Заливалова Л. Н., Жижина А. Р.</i> К вопросу о государственных преступлениях в уголовном праве Российской Федерации и Франции	140
<i>Журтов А. Б.</i> Субъективные признаки пытки: проблемы квалификации	145
<i>Карпенко Л. К., Затеищикова Е. Л.</i> Киберпреступность как новая угроза информационному обществу	150

Конардов С. Б., Лисенко Н. А.

Генезис законодательного регулирования организации исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении несовершеннолетних 155

Коница Д. В.

Проблема оценочных понятий в статье 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Занятие высшего положения в преступной иерархии» в рамках борьбы государства с организованной преступностью..... 160

Корж П. А.

Некоторые проблемы судебно-экспертной деятельности 164

Лившиц Ю. М.

Влияние уголовного закона на преступление 168

Майоров А. В.

Виктимологическое обеспечение национальной безопасности 177

Мартыненко Н. Э.

Уголовно-правовая охрана потерпевшего 181

Мартыненко Э. В.

Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера: современное состояние, перспективы развития..... 185

Петрова Г. О., Петров А. А.

Необходимая оборона или реализация права на защиту 189

Петров Э. И.

Предупреждение преступлений: идентификация с нормами 193
Общей части УК РФ

Тимошенко Н. А., Федосеева Я. О.

Меры предупреждения совершения должностных преступлений 200

Фонина А. О.

Определение понятия большого при квалификации преступления по статье 124 УК РФ 204

Шаймуллин Р. К.

Преступления против интересов службы: проблемы противодействия коррупции..... 207

Шевчук О. Л. Разграничение составов преступления п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ и административного правонарушения по ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ.....	211
Ярошенко О. Н. Защита нравственности в современном обществе и ее уголовно-правовая характеристика	218
СЕКЦИЯ 5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	229
Агеев А. Н. Развитие закономерностей в уголовном преследовании	229
Бабичев Д. А. Мотивы злоупотреблений сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел.....	233
Бриль Г. Г., Лебедева А. А. Судебная защита чести, достоинства и деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности в России, Германии и Италии	236
Верецагина А. В. Размышления по поводу злоупотребления правом в российском уголовном судопроизводстве	240
Верецагина А. В., Кононенко С. М. Об особенностях и перспективах развития упрощенных форм производства по уголовным делам.....	246
Власова С. В., Количенко А. А. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве России: фикция или реальность?	255
Жбанков В. А., Монгуш Д. Р. Об организации использования специальных знаний при расследовании преступлений органами дознания Федеральной таможенной службы Российской Федерации	260
Васильева А. В. Кадровое обеспечение прокурорской деятельности	264

Загрядская Е. А. Судебный контроль как метод минимизации рисков в деятельности следователя	269
Зайцева О. О., Ганжа Н. В., Хлестакова Л. А. Уголовно-правовой аспект защиты прав граждан в сфере оплаты труда	274
Коваленко Т. С. Система сдержек и противовесов в уголовном судопроизводстве	278
Макашова Т. П. Пределы полномочий адвоката при сборе доказательств по уголовному делу.....	281
Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании по уголовным делам в отношении субъектов предпринимательской деятельности материалов, полученных в результате гласных обследований помещений	285
Омельяненко М. Е. Исследование заключения эксперта (специалиста) при рассмотрении дел судом с участием присяжных заседателей: некоторые вопросы	289
Орловская И. В., Баринова Е. А. Фальсификация протокола судебного заседания секретарем судебного заседания и судьей	294
Ряполова Я. П. Периодизация истории развития стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ и перспективы ее преобразования	300
Серобаба И. А. Временный управляющий как участник уголовного судопроизводства	306
Сиверская Л. А., Пеунова К. С. Правовая служба УМВД России: понятие, цели, задачи, направления деятельности	310
Смирнова Н. А., Терехина П. В. К вопросу о понятии медиации в современном праве Российской Федерации	315

Сеидов В. О. Актуальные проблемы регулирования полномочий прокурора по надзору за исполнением законов	320
Ушакова К. С., Фарафонова В. А. Некоторые проблемы отказа государственного обвинителя о т обвинения в уголовном процессе	325
Фадеев В. А. Недостовверные выводы эксперта: возмещение расходов в арбитражном процессе.....	329
Хлестакова Л. А., Рунтов С. И. Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности при загрязнении атмосферного воздуха	334
Шерстнев В. Б. Оптимизация процедуры прекращения уголовного дела о предпринимательском преступлении против собственности	340
Яснева Е. В., Гуляева А. А. Некоторые проблемные вопросы о применении правовых средств защиты участников уголовного судопроизводства	344
КРУГЛЫЙ СТОЛ. ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ОПЫТ	350
Быкова М. С. О некоторых вопросах реализации прав граждан в условиях цифровой экономики.....	350
Качалова С. В. Возможности практического применения гибкого подхода при правовом регулировании отдельных отраслей цифровой экономики (на примере Костромской области).....	355
Никитин В. В. Правовые основы регулирования информационных отношений в условиях цифровизации экономики	363
Рубцова М. В. Цифровые технологии в транспортной сфере: проблемы, перспективы.....	369

**КРУГЛЫЙ СТОЛ. ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В МЕХАНИЗМЕ
БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ** 375

Александрова Л. И.

Противодействие коррупции в таможенной сфере 375

Васин А. А.

Практика надзора за исполнением законодательства
о противодействии коррупции на территории Костромской области..... 382

Диканова Т. А.

К вопросу о борьбе с коррупцией..... 386

Евстегнеев А. С., Ким Е. П.

К вопросу о детерминантах преступлений
коррупционной направленности..... 393

Зацепин М. Н., Глушкова Е. М., Зацепин А. М.

Политика экономической (предпринимательской) безопасности
в России 402

Изгагина Т. Ю.

Коррупционные схемы хищения бюджетных средств
при строительстве объектов по государственным контрактам 415

Кабанов П. А.

Заслуга в противодействии коррупции как основание
официального поощрения и правовая категория 421

Фещенко П. Н.

Формирование нетерпимости к коррупционным проявлениям:
проблемы теории и практики 426

СЕКЦИЯ 1

СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

УДК 343.9.01

Александров Александр Сергеевич,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
anrc@rambler.ru

Правовая организация противодействия преступности в России: от Соборного Уложения 1649 г. до цифрового государства

русская правовая организация противодействия преступности сложилась в 16–17 веках в период становления царского самодержавия. В дальнейшем авторитарной властью данная правовая система противодействия преступности совершенствовалась, но принципиально не менялась. В основе ее лежит базовое правовое отношение между авторитарной властью и бесправным человеком. К настоящему времени такая модель износилась, ее культурно-идеологические подпорки сгнили. Уголовно-правовая система теряет эффективность. Необходим отказ от традиционной русской уголовной политики. Требуется перепрограммирование правовой организации противодействия преступности на основе новой теории уголовного процесса и уголовного права.

Ключевые слова: уголовно-правовая система, уголовная политика, авторитарная власть, теория уголовного права, уголовный процесс

Aleksandrov Alexander Sergeevich
doctor of law, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

The legal organization of the fight against crime in Russia: from the Council Code of 1649 to the digital state

the Russian legal organization of the fight against crime took shape in the 16–17th centuries during the formation of the tsarist autocracy. In the future, the authoritarian government, this legal system of combating crime was improved, but fundamentally did not change. It is based on the basic rela-

tionship between autocratic power and a person without rights. To date, such a model has worn out, its cultural and ideological props rotted. The criminal law system is losing effectiveness. It is necessary to abandon the traditional Russian criminal policy. Reprogramming of the legal organization of combating crime is required on the basis of a new theory of criminal process and law.

Keywords: *criminal law system, criminal policy, authoritarian authority, theory of criminal law, criminal process.*

Правовая организация противодействия преступности в России создавалась и развивалась в условиях автократии.

Вначале это было царское самодержавие. Затем советская государство – диктатура партийной номенклатуры.

Матрица подобной правовой организации сложилась во времена московских судебников (1497, 1550 годов), изданием которых было отмечено становление великого московского княжества, а затем и московского царства.

Соборное Уложение 1649 г. стало решающей вехой в формировании национального правового механизма противодействия преступности [4], содержательное ядро которого (после обработки М. М. Сперанским) вошло в Свод законов Российской империи, продолжавший свое действие до конца 19 века.

Монополизация государством (бюрократией) правотворчества и функции по борьбе с преступностью исключило участие народного (общественного элемента) из уголовной политики.

Отмечу, между прочим, что вопрос о *монголо-византийском влиянии* на русскую правовую культуру и правовую организацию противодействия преступности весьма интересен, но пока не готов утверждать, что изначально история нашего уголовного права (в единстве его процессуально-материально составляющих) было определена в домосковский период.

Почти никогда на протяжении многовековой истории нельзя было помыслить спор человека/гражданина с государством на равных, в условиях устного, состязательного судебного разбирательства перед лицом независимого, объективного суда по предмету выдвинутого обвинения в уголовном преступлении.

Были короткие периоды вегетарианского, рас- или о-слабленного состояния российской государственности, когда власть вела диалог с обществом (в лице экспертного научного сообщества, в парламенте) о возможности соскочить со следственной, авторитарной правовой традиции поддержания правопорядка уголовно-правовыми средствами. Наиболее ярко, это проявилось, когда в результате Манифеста 17 октября 1905 г. Об усовершенствовании государственного порядка в России почти появилась конституционная монархия, тогда готовились новые проекты Устава уголовного судопроизводства (1907). Что-то подобное оттепели наблюдалось в период НЭПа, когда были настоящие дискуссии: по проекту УПК РСФСР

1928 г. и шире – по трактовке «социалистического права». Можно еще вспомнить прожектёрство в сфере уголовного и уголовно-процессуального строительства конца 1980–1990-х годов, которое вылилось в Концепцию судебной реформы 1991 года.

Очень редко и недолго власть и общество пытались диалог о том, как обустроить по-новому систему обеспечения взаимной безопасности от наиболее опасных антисоциальных проявлений. Гораздо дольше и чаще были и полного попрания всяких процессуальных гарантий применения верховной властью уголовно-политической репрессии: опричнина Ивана Грозного, сталинские репрессии 1930–1940-х годов.

Хотя ни те, ни другие перегибы, надо признать, не определяют глубинный, нутряной слой правовой организации противодействия преступности в нашей стране, который имеет в своей основе монолог, а не диалог, управление авторитарной властью обществом.

Не было у нас традиции взаимодействия разных слоев общества, власти в выработке на основе консенсуса определения преступного и мер противодействия ему. Как было демократической традиции выработки уголовной политики. Будет ли и дальше действовать эта закономерность?

После распада СССР вроде открылся шанс для того, чтобы прервать авторитарный стиль уголовной политики. Многие союзные республики, ставшие самостоятельными государства, взяли курс на интеграцию с Западом и радикально поменяли если уже не всю правовую систему, то ее основы. Они переняли у европейских государств новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Одновременно с переустройством всей государственной власти в сторону правового государства. Они могли себе это позволить, отказавшись от суверенитета, национальной самости в пользу унифицированного европейского государственно-правового стандарта в сфере противодействия преступности.

Россия пошла своим путем, а именно: эволюции той исходной модели правовой организации противодействия преступности, которая была создана московским царством во времена средневековья.

Если брать основные элементы государственно-правового устройства по защите публичных и частных интересов уголовно-правовыми средствами, то и УК (1996), и УПК РФ (2000) это еще вполне себе традиционные для России законы (немного усовершенствованные советские модели). Несмотря на правозащитную риторику, идеология, понятийный аппарат, наконец, содержание этих текстов вполне программируют авторитарный – следственный тип применения уголовно-правовых норм.

Предопределена ли подобная форма уголовного правоприменения объективно, то есть самым способом существования российской цивилизации в предзаданных ей судьбой гео-климатических, духовных и прочих исторических обстоятельствах? Полагаю, что нет. Переход на принципиально иную правовую систему противодействия преступлениям (контроля преступности) возможен.

К настоящему моменту традиционная русская модель государственной власти подошла к своему историческому концу. Мы, граждане России члены речевого, информационно-коммуникативного общества, не можем себе более жить по старине и мириться в цифровую эпоху с правовыми схемами, созданными нашими дедами и прадедами.

Необходима новая – «процессуальная» теория уголовного права, которая создана представителями нижегородской академии МВД России. Основные ее положения представлены на сайте МАСП, а также в публикациях [1, с. 75–86; 2, с. 53–61; 3, с. 4–18], которые должны изменить юридический мир России.

Правовую основу противодействия преступности образует не уголовный кодекс, а уголовный процесс. Процедура (рече-мысле-деятельность) есть форма и способ бытия права, процессуального и материального.

Вся суть уголовного процесса не в розыске, не в «раскрытии и расследовании» преступления органами уголовного розыска (следственной власти) а в суде, в судопроизводстве. Судопроизводство и все судебные технологии (рече-деятельности, судовоговорения, судебного доказывания) построена по типу диалога: обвиняемого и обвинителя.

Пришло время совершенно по-другому организовать правовую защиту общества, бизнеса от преступлений (преступлений в сфере экономики, (кибер)преступности). Это означает доведение судебной реформы до построения настоящего справедливого состязательного судопроизводства, действительно независимой судебной власти, задействование потенциала коммуникативных технологий на повышение взаимодействия суда, правоохранительных органов с населением и бизнесом по вопросам обвинения и доказывания. Для этого суд надо «освободить» от власти следственной (правительственной). Уравнять права сторон на доказывание и защиты своих законных интересов до суда и в суде.

Библиографический список

1. Александров А. С., Александрова И. А., Власова С. В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75–86.

2. Александров А. С., Власова С. В. Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1. С. 53–61.

3. Александров А.С., Александрова И.А. Уголовный Кодекс + Уголовный Процесс = Уголовное право //Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, Институт права БашГУ, 31 октября 2016) Уфа : РИЦ БашГУ, 2016. (290 с.). С. 4–18.

4. Пусторослев П. П. Конспект лекций по особенной части русского уголовного права: Преступление и проступки против веры. Государственные преступления. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1902. Вып. 1. Введение. 258 с.

УДК 336.6

Савельева Ольга Евгеньевна,

доцент, Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация
oes57@mail.ru

**Исторический аспект
института несостоятельности (банкротства)
в Российской Федерации**

В статье затрагиваются исторические вопросы института несостоятельности (банкротства) физических лиц.

Первые из дошедших до нас норм относятся ко времени издания первого свода законов Ярослава Мудрого – «Русской Правды», то есть к XI веку.

Упоминания о банкротстве граждан можно встретить в судебном своде Псковской республики, именуемом «Псковская судная грамота», созданном в 1467 году. Отдельные нормы, регулирующие процедуру банкротства граждан содержат Судебник 1497 года и 1550 года, а также Соборное уложение, изданное в 1649 году.

В Советском Союзе, в связи с отменой, понятия частной собственности законодательное регулирование процедуры банкротства физических лиц утратило свою актуальность, но ненадолго.

В нашей стране в начале 1990-х годов был ознаменован переход к рыночной экономике, что привело к необходимым социально-экономическим предпосылкам для возвращения законодательного урегулирования процедур банкротства.

Современное законодательство оказывает помощь в восстановлении платежеспособности тем гражданам, которые попали в затруднительное финансовое положение и оказались не в состоянии самостоятельно погасить свои обязательства перед кредиторами, а также защита кредиторов от недобросовестных действий должника.

Ключевые слова: несостоятельность должников, банкротство граждан, кредитор, несостоятельность государственных предприятий (банкротов), процедура банкротства.

Savelyeva Olga Evgenievna,

associate professor, Vladimir state University named after Alexander Gri-goryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletov,
Vladimir, Russian Federation

Historical aspect of the institution of insolvency (bankruptcy) in the Russian Federation

The article deals with the historical issues of the institution of insolvency (bankruptcy) of individuals.

The first of the extant norms relate to the time of publication of the first set of laws of Yaroslav the Wise – “Russian Truth”, that is, to the XI century.

References to the bankruptcy of citizens can be found in the judicial code of the Pskov Republic, called “Pskov judicial Charter”, created in 1467. Separate rules regulating the procedure of citizens' ban include the judicial code of 1497 and 1550, as well as the Council code issued in 1649.

In the Soviet Union, due to the abolition of the concept of private property, the legal regulation of the bankruptcy procedure of individuals has lost its relevance, but not for long.

In our country, the early 1990s marked the transition to a market economy, which led to the necessary socio-economic prerequisites for the return of legislative regulation of bankruptcy procedures.

Modern legislation provides assistance in restoring solvency to those citizens who are in a difficult financial situation and are unable to repay their obligations to creditors on their own, as well as protecting creditors from the debtor's unfair actions.

Keywords: *insolvency of debtors, bankruptcy of citizens, creditor, insolvency of state enterprises (bankrupt), bankruptcy procedure.*

В Первом своде законов Ярослава Мудрого – «Русской Правды», отмечаются правила, касающиеся персональной ответственности должника, понятия продажи в долговое рабство и процедуры реструктуризации долгов в случае, если должник не виновен в сложившейся с ним ситуации (например, если невозможность погасить долги возникла вследствие стихийного бедствия) [1, с. 67]. Кроме того, в «Русской Правде» были заложены начала очередности удовлетворения претензий кредиторов.

О банкротстве граждан можно встретить в судебном своде Псковской республики, именуемом «Псковская судная грамота», созданном в 1467 году, Судебник 1497 года и 1550 года, а также Соборное уложение, выпущенное в 1649 году.

Так, в вексельном уставе 1729 года в первый раз произошло формулирование понятие несостоятельности: «Когда приниматель векселя по слуху в народе банкротом учинился (то есть в неисправу и в убожество

впал) и затем от биржи или публичного места, где торговые люди сходятся, отлучается, дозволяется потребовать от него обеспечения в платеже (порук), а если откажет – то протестовать» [2, с. 300].

Очевидно, в указанном документе впервые в истории России определены четкие признаки банкротства, а именно нарушение сроков внесения платежей, отсутствие у должника достаточного количества имущества и выявление попыток скрыться от кредиторов.

Обнищание населения и увеличение числа банкротов, а также многообразие конкретных обстоятельств несостоятельности должников сформировали предпосылки выпуска целостного документа с наименованием «Банкротский устав». Указанный документ был принят 15 декабря 1740 года. Далее был утвержден «Устав о банкротах», 19 декабря 1800 года, фактически состоящий из двух частей: о дворянской несостоятельности и о несостоятельности купцов.

В «Уставе о банкротах» можно встретить понятия, применяемые до настоящего времени в современном законодательстве о банкротах. Среди них собрание кредиторов, очередность платежей, публикации и некоторые другие. Устав о торговой несостоятельности (с изменениями и дополнениями 1832 года) сохранил свое действие вплоть до социалистическое революции 1917 года, приведшей к изменению государственного строя в стране [1, с. 69].

В связи с отменой в Советском Союзе понятия частной собственности законодательное регулирование процедуры банкротства физических лиц утратило свою актуальность, но ненадолго. Уже во времена НЭПа законодатели официально возродили данный институт.

Ввиду неиздания новых, отвечающих требованиям времени законов этого направления при рассмотрении конкретных дел о несостоятельности суды были вынуждены следовать нормам Устава 1832 года. Для избегания юридических недоразумений в ряд статей Гражданского кодекса 1922 года было внесено понятие несостоятельности.

Осуществление социалистических идей, привело к потере вышеупомянутым нормам практического значения. За период существования Советского Союза новых законов, которые бы регулировали банкротство физических лиц, не принималось.

В нашей стране в начале 1990-х годов был ознаменован переход к рыночной экономике, что привело к необходимым социально-экономическим предпосылкам для возвращения законодательного урегулирования процедур банкротства.

О банкротстве граждан-потребителей в тот период даже не помышляли. Тогда никому даже и в голову не приходило задумываться о введении механизма правового регулирования отношений, связанных с несостоятельностью физических лиц. Связано это было с тем, что на этапе начального формирования банковской системы в Российской Федерации

в стране не было и не могло быть такое количество граждан, обремененных неподъемными для себя финансовыми обязательствами, неисполнение которых могло создать угрозу всей финансово-экономической системе страны.

Стремительное развитие экономики страны привело к быстрому устареванию положений закона, который уже через несколько лет прекратил соответствовать актуальным требованиям и представлениям об имущественном обороте, которые предъявляли к участникам современной рыночной экономики.

В основание федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» была положена идеология отказа от позиции неоплатности долга при установлении главного критерия банкротства в пользу самой позиции неплатежеспособности.

Пункт 3 статьи 162 Закона о банкротстве от 1998 года предусматривал, что в случае обнаружения фактов сокрытия гражданином имущества, или фактов незаконной передачи имущества третьим лицам тот кредитор, требования которого не были удовлетворены в ходе проведения процедуры банкротства имеет право предъявления требования об обращении взыскания на это имущество. Кроме того, пункт 1 статьи 163 закона о банкротстве от 1998 года запрещал гражданину в течение пяти лет после признания его банкротом обращаться в суд повторным заявлением о своем банкротстве.

В случае если же в течение пяти лет после банкротства гражданин повторно признавался банкротом по заявлению налогового органа, кредитора или прочего уполномоченного органа, то по завершении расчетов с кредиторами этот гражданин от дальнейшего исполнения оставшихся неудовлетворенными требований кредиторов не освобождался.

Думается, закон не стимулировал законопослушность предпринимателей с целью уклонения от упомянутых негативных последствий.

Библиографический список

1. Гудович С. С. История развития процессуального законодательства в сфере несостоятельности (банкротства) // Право: история, теория, практика : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017). СПб. : Свое издательство, 2017. С. 67.

2. Пирогова Е. С., Курбатов А. Я. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт., 2017. С. 224.

УДК 340.115.7

Смирнов Михаил Александрович,
кандидат исторических наук, Волго-Вятский институт (филиал)
университета им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
sma@msalkirov.ru

Коновалова Юлия Андреевна,
студент, Волго-Вятский институт (филиал)
университета им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
sma@msalkirov.ru

Антидопинговые требования к российским спортсменам

В статье рассматриваются вопросы, связанные с регулированием антидопингового законодательства, его тенденциями и развитием на территории Российской Федерации. Анализируются основные нормативно-правовые акты, регулирующие данную социальную сферу. Указывается организация, контролирующая данные социальные процессы. Проанализированы и описаны этапы противодействия употреблению допинга спортсменами.

***Ключевые слова:** спорт, спортивное право, борьба с допингом, физическая культура, допинговый контроль.*

Smirnov Mikhail Alexandrovich,
candidate of historical sciences, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin
University,
Kirov, Russian Federation

Konovalova Yulia Andreyevna,
student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Anti-doping requirements for russian athletes

The article deals with issues related to the regulation of anti-doping legislation, its trends and development on the territory of the Russian Federation. The main legal acts regulating this social sphere are analyzed. Specifies the organization that controls these social processes. Analyzed and described the stages of the counter the use of doping by athletes.

***Keywords:** sport, sports law, anti-doping, physical culture, doping control.*

На сегодняшний день суровые условия выживания в нынешнем спорте вынуждают спортсменов работать практически за пределами физиологических возможностей организма. Важным условием эффективной работы спортсменов в настоящий период — это очень высокий уровень их подготовленности и результатов [12]. Проблема усложняется коммерциализацией спорта. Большая цена победы в нынешнем спорте приводит к ряду отрицательных последствий, из числа которых особо беспокоит допинг либо прием запрещенных спортивных веществ либо методов [4]. С медицинской точки зрения прием подобных веществ, зачастую никак не обоснованных и не контролируемых, может быть рискованным для самочувствия и здоровья спортсмена. В передовых спортивных состязаниях летальные случаи, вызванные употреблением спортсменами запрещенных препаратов, происходят достаточно часто [8, с.33].

Актуальность данной проблемы определена тем, что вопрос допинга в настоящее время считается одной из центральных проблем современного спорта, так как применение допингов спортсменами не только причиняет вред их здоровью, но и подрывает основные принципы и правила спорта.

Эта проблема не является до конца разрешенной и с юридической стороны, так как узаконенная концепция наказаний за применение допинговых веществ, как в международном спорте, так и в частности в Российской Федерации не является в достаточной мере результативной.

В России национальная стратегия в области противодействия употреблению допинговых средств и методов нацелена на осуществление жесткого контроля, установление ответственности и уничтожение указанных преступлений в спорте [10].

Российская Федерация в 2006 г. утвердила Международную конвенцию по борьбе с допингом в спорте, соблюдает Всемирный антидопинговый кодекс, ВАДА (Всемирного антидопингового агентства) и прочие международные правовые акты в области противодействия допингу [3, с. 47].

В Российской Федерации организована законодательная база по предупреждению применения допинга в спорте и борьбе с ним. Закон от 4 декабря 2007 года N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» регулирует соответствующие вопросы. Трудовой кодекс России предусматривает дисциплинарную ответственность за несоблюдение антидопинговых правил спортсменами, тренерами и другими специалистами в сфере физической культуры и спорта [1, с.46].

В статье 26 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» указаны санкции в отношении тренеров и медицинских работников, в области спортивной медицины за несоблюдение антидопинговых правил. Кроме того, каждый год обновляются редакции нормативно-правовых актов в сфере противодействия допингу в спорте [14].

Статья 26 действующего Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» устанавливает допинг-контроль как процедуру, содержащую в себе составление плана проведения тестов, взятие проб, их хранение, транспортировку, лабораторный анализ проб, послетестовые операции, а еще осуществление определенных слушаний и обсуждение апелляций [7, с. 49].

Довольно важную роль в организации противодействия допингу исполняет партнерство с организацией «РУСАДА». Некоммерческое партнерство «Российское антидопинговое агентство» «РУСАДА» основано в 2008 году. Главные направления работы этого учреждения – создание и введение государственных антидопинговых правил, организация и выполнение тестирований, разработка и осуществление просветительных программ, осуществление научных исследований в сфере борьбы с допингом, рассмотрение нарушений антидопинговых законов, регулирование деятельности самостоятельных комитетов, международное сотрудничество с другими странами. «РУСАДА» на сегодняшний день выступает одной из основных организаций по количеству тестирований – каждый год агентство выполняет более двадцати тысяч допинг-проверок [13, с. 63, 64].

На сегодняшний день допинговый контроль во всеобщем виде нацелен на борьбу с нарушениями антидопинговых правил – как отечественных, так и международных [11].

В едином виде система деятельности противодействию допингу включает в себя ряд этапов:

Первый этап – тестирование – это первая часть допинг-контроля, которая включает общее планирование тестирования, отбор проб, их транспортировку в лабораторию и анализ. Тестирование осуществляется с целью получения доказательства соблюдения спортсменом запрета на применение запрещенных субстанций или методов. Проверка наличия субстанций проводится через лабораторные анализы [5, с. 72].

Правила реализации тестирования регулируются Всемирным антидопинговым кодексом и Международным стандартом по тестированию и расследованиям. Российская система допинг-контроля принимает во внимание требования этих документов.

В соответствии с требованиями, результаты анализа проб должны быть предоставлены в антидопинговую организацию в срок до 10 рабочих дней после предоставления пробы в лабораторию. Срок предоставления результатов анализа может быть изменен по предварительной договоренности.

Второй этап – анализ отобранных проб. В соответствии с требованиями Всемирного антидопингового кодекса пробы спортсменов на содержание допинга могут быть подвергнуты анализу только в лабораториях, аккредитованных ВАДА. В настоящий момент в мире аккредитовано 34 таких лаборатории.

При проведении исследований анализов лаборатория не располагает информацией о личности спортсмена, его имя, фамилия и данные должны быть зашифрованы. В лабораторию передаются лишь данные о номере пробы, которые позволяют в дальнейшем «привязать» результаты анализа к личности и биологическому профилю каждого конкретного спортсмена в системе АДАМС. Деятельность лабораторий урегулирована Международным стандартом по лабораториям [9].

Третий этап – расследование, который имеет место в случае обнаружения проб, в которых явно либо условно зафиксированы вещества, отнесенные к запрещенным международным законодательством. Согласно уставу «РУСАДА» к одному из ключевых видов деятельности относится именно расследование случаев нарушения антидопингового законодательства.

Четвертый этап предполагает обработку результатов в случае, если возникает подозрение либо обнаружение нарушений антидопингового законодательства. При получении информации, в результате тестирования и анализа проб о неблагоприятном результате анализа, либо ином нарушении антидопинговых правил, инициируется процедура обработки результатов, главной целью которой выступает установление факта нарушения (либо его отсутствия) и, при необходимости, определение меры наказания по нормам Всемирного антидопингового кодекса [6, с. 31].

При получении в результате анализа неблагоприятного результата, осуществляется первоначальное рассмотрение проб и материалов анализа для определения того, имеются ли явные отступления от Международного стандарта по тестированию и расследованиям, или стандарта для лабораторий, которые могли привести к неблагоприятному результату анализа. Также выявляется, есть ли разрешение на терапевтическое использование обнаруженного в пробе препарата.

В случае неблагоприятного результата исследования проб, на спортсмена будет наложено временное отстранение. Отстранение является обязательным при обнаружении в пробе субстанции, которая не относится к особой, либо выявлено использование спортсменом запрещенного метода. В иных случаях решение о временном отстранении остается на усмотрение РУСАДА. Но спортсмен имеет право подать дополнительно запрос на проведение более оперативных по срокам слушаний, по вопросу временного отстранения, как меры наказания. У спортсмена есть также право добровольно, со своей стороны, согласиться с его временным отстранением [2, с. 10].

Таким образом, по результатам ряда правовых и общественных преобразований в Российской Федерации сформирована довольно хорошая система противодействия допингу в спорте, установлены полномочия и характерные черты работы разных участников этого процесса, размеры финансирования и порядок реализации антидопинговых мероприятий. В соответствии с отмеченными документами, допинговый контроль ориен-

тирован на борьбу с нарушением общероссийских антидопинговых законов, антидопинговых правил, утвержденных международными антидопинговыми организациями, в т.ч. применению либо попытке употребления запрещенных веществ и (либо) запрещенного метода; охрану прав спортсменов на участие в спортивных состязаниях, свободных от допинга; применение в отношении спортсменов, нарушивших антидопинговые правила и законы, спортивных санкций (в частности дисквалификации); содействие в разработке и введению антидопинговых проектов, в целях осуществлении мер по предупреждению использования допинга в спорте и борьбе с ним.

Библиографический список

1. Абсалямов Т. М. Борьба с допингом в Российской Федерации // Вестник спортивной науки. 2014. № 1(3). С. 45–49.
2. Антидопинговый кодекс // Спорт в школе 2016. № 9. С. 1–15.
3. Антидопинговые законопроекты // Спорт: экономика, право, управление. 2015. № 3. С. 46–48.
4. Волков А. А., Минченкова О. Ю. Анализ системы контроля противодействия использованию допинга спортсменами в Российской Федерации // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 187–193.
5. Горбачев А. Л., Кривицкий В. В., Кубей И. В. Проблема допинга в современном спорте // Северо-Восточный журнал. 2011. № 1. С. 71–79.
6. Горюнов В. Д. Об усилении ответственности спортсменов и специалистов сборных команд России за применение или содействие применению запрещенных субстанций и методов // Сборник официальных документов и материалов. 2014. № 6. С. 31–32.
7. Любимова А. С. К вопросу об определении понятия «допинг» // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. С. 48–50.
8. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте / ООН по вопросам образования, науки и культуры // Спорт: экономика, право, управление. 2017. № 1. С. 31–45.
9. «Об ограничении и проведении антидопингового контроля в области физической культуры и спорта в Российской Федерации». Приказ Госкомспорта РФ от 20.10.2003г. № 837» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_80663/ (дата обращения: 15.11.2019).
10. Приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 13.05.2009 № 293 «Об утверждении Порядка проведения допинг-контроля» // Электр. фонд ПиНТД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902172794> (дата обращения: 15.11.2019).
11. Трубицына Ю. Ю. Развитие международного сотрудничества в сфере борьбы с допингом в спорте. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-1. С. 270–272.

12. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 07.06.2013) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 15.11.2019).

13. Федотова И. В., Таможникова И. С. Влияние применения допинг-препаратов на процесс постпрофессиональной адаптации экс-спортсменов. Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2017. № 2(20). С. 61–68.

14. Федоров С. С., Токарев А. Р. Возможности медико-биологического контроля в спорте (краткий литературный обзор) // Вестник новых медицинских технологий. 2016. № 23(4). С. 294–298.

УДК 340.12

Терехов Евгений Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент,

Балаковский филиал

Саратовской государственной юридической академии

г. Балаково, Российская Федерация

terehov1989@yandex.ru

Нужен ли России федеральный закон

«Об основах правоинтерпретационной деятельности в РФ»?

В представленной статье исследуется потребность в разработке основополагающего нормативного документа в области официального толкования норм права – Федерального закона «Об основах правоинтерпретационной деятельности в РФ». Анализируется противоречивая интерпретационная практика; отдельные моменты одного из обращений Президента РФ в адрес Федерального Собрания РФ; опыт деятельности некоторых субъектов РФ, на фоне которых показывается значение разработки для России указанного нормативного правового акта. Его наличие позволит не только единообразить и упорядочить реализацию официального толкования норм права в России, но и по сути, решить общегосударственную задачу, заключающуюся в создании условий, способствующих снижению противоречивости интерпретационной и правоприменительной практики.

Ключевые слова: правоинтерпретационная деятельность, правоинтерпретационная политика, толкование права, интерпретационная практика, интерпретационный акт, федеральный закон.

Terekhov Evgeniy Mikhailovich,
candidate of law, associate professor,
Balakovo branch of the Saratov state law Academy
Balakovo, Russian Federation

Does Russia need a federal law «About the basics of law-interpret activity in the Russian Federation»?

This article examines the need to develop a fundamental normative document in the field of official interpretation of legal norms—the Federal law “On the basics of legal interpretation in the Russian Federation”. The article analyzes contradictory interpretative practice; certain moments of one of the addresses of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation; the experience of some subjects of the Russian Federation, against which the significance of the development of this normative legal act for Russia is shown. Its presence will not only help to unify and streamline the implementation of official interpretation of legal norms in Russia, but also, in fact, solve the national task of creating conditions that help reduce the inconsistency of interpretation and law enforcement practices.

Keywords: *legal interpretation activity, legal interpretation policy, interpretation of law, interpretative practice, interpretative act, Federal law.*

В современной России основным регулятором общественных отношений является право. Ежегодно в нашей стране издается большое число законов и подзаконных актов, призванных урегулировать самые разнообразные общественные отношения, начиная от отношений в семье заканчивая отношениями в космической отрасли. Органы законодательной власти РФ «никогда не остаются без работы». Однако создать совершенный закон, который моментально регулировал бы необходимые общественные отношения, предусматривая все жизненные ситуации, тяжело. Эту тенденцию учитывают органы законодательной власти РФ, предусматривая в текстах законов оценочные нормы права и периодически размытые формулировки. В таких ситуациях на помощь приходит правоинтерпретационная деятельность, потенциал которой еще предстоит исследовать в будущем время.

Правоинтерпретационная деятельность представляет собой механизм работы государственно-властных субъектов по раскрытию смысла норм права, реализуемый в определенных рамках (пределах), оканчивающийся изданием интерпретационных актов, вызывающих юридические последствия у субъектов права.

Правоинтерпретационная деятельность имеет огромное значение для общества и государства, поскольку позволяет раскрывать смысл норм права, делая их понятными для восприятия и удобными для правоприменения.

Однако серьезной проблемой, на сегодняшний день, является отсутствие в России единого нормативного правового акта, регулирующего общественные отношения в правоинтерпретационной деятельности. Это сказывается, в первую очередь, возникновением противоречивой интерпретационной и правоприменительной практики. Так, Федеральной антимонопольной службой РФ 24 июля 2015 года заявлена правовая позиция, согласно которой объединение в один предмет закупки работ по архитектурно-строительному проектированию и работ по выполнению инженерных изысканий не ограничивает количество участников закупки [9]. Несмотря на это, Минэкономразвития РФ в письме от 19 сентября 2016 года № Д28и-2590 «Об объединении в один лот проектных и изыскательских работ» разъясняет, что «объединение в один лот работ по подготовке проектной документации и работ по выполнению инженерных изысканий может повлечь ограничение конкуренции и количества участников закупки» [8]. Подобных примеров в отечественной юридической практике много.

Отсутствие строго очерченных законодательных рамок в правоинтерпретационной деятельности позволяет отдельным ее субъектам пользоваться в свободной форме исключительно собственным мнением и усмотрением при раскрытии смысла норм права, игнорируя интерпретационные акты иных субъектов правоинтерпретационной деятельности.

Интересно, что юридической наукой на современном этапе развития общества выработано немало представлений о целях, задачах, методах, стратегии, тактике, способах, результатах правоинтерпретационной деятельности, однако указанные результаты должным образом не систематизированы. На это уже обращалось внимание исследователей [7, с. 410–418].

В далеком 2000 году, Президент РФ выступая с ежегодным посланием Федеральному Собранию РФ, отмечал, что обстановка в области правоинтерпретационной деятельности нуждается в исследовании и последующем совершенствовании, что объясняется двойственностью официального толкования нормативных правовых актов, а также произвольной интерпретацией норм права должностными лицами на всех уровнях власти [1]. В частности, произвольная интерпретация отдельными чиновниками органов исполнительной власти определения «многодетность», не только создает существенные сложности многодетным семьям в жизнедеятельности, но и способствует легализации отказов последним в предусмотренных им денежных средствах [6].

С 2000 по 2019 год прошло много времени, но, к сожалению, отмеченные Президентом РФ проблемы, не были решены, а работа по противодействию им так и не была налажена в постоянном режиме, тем более не было сделано никаких законодательных выводов.

Интересно, что практика деятельности субъектов РФ имеет положительный опыт разработки и принятия региональных законов, посвященных официальному толкованию норм права, правда стоит сразу оговориться,

что практически все они посвящены официальному толкованию норм права региональными органами законодательной власти субъектов РФ. Подобная практика имеет место, к примеру, в Санкт-Петербурге [3], Пензенской области [2].

В 2016 году в стенах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ прошла Международная научно-практическая конференция, посвященная проблемным моментам толкования норм права. В ходе ее реализации также было обращено внимание на необходимость разработки нормативного правового акта, регулирующего отношения в области толкования норм права [5, с. 82].

Появление Федерального закона «Об основах правоинтерпретационной деятельности в РФ» позволит не только систематизировать совокупность знаний о ней, разработать единый механизм ее реализации, но и позволит установить четкие ограничения, которые так необходимы отдельным ее субъектам и правовой системе, в частности. Это связано с тем, что сейчас субъекты, при реализации правоинтерпретационной деятельности, не имеют каких-либо правовых ограничений в работе, за исключением фактов игнорирования интерпретационных актов высших органов судебной власти РФ. Такое положение дел позволяет органам законодательной власти вместо интерпретационных актов выносить законы о толковании законов, что стирает рамки между правовыми актами и не соответствует правовой жизни современного общества [4].

Разработка и принятие самостоятельного Федерального закона в области правоинтерпретационной деятельности представляет собой не просто юридический факт, а показывает одно из направлений реализации правоинтерпретационной политики современного Российского государства, в ходе которой государственная стратегия и тактика в сфере официального толкования норм права отражаются в едином законе, обязательном для использования всеми физическими и юридическими лицами. Создаются вполне конкретные и понятные юридические рамки, которых должны будут придерживаться субъекты официального толкования норм права. Речь идет о целях, задачах, инструментах, принципах, пределах, ограничениях, способах правоинтерпретационной деятельности. Это позволит не только повысить качество общей правоинтерпретационной деятельности, но и самое главное, придаст ей прозрачность, снизит уровень противоречивой интерпретационной и правоприменительной практики, внесет ясность в процессы правового регулирования.

Таким образом, разработка и принятие Федерального Закона «Об основах правоинтерпретационной деятельности в РФ» позволит не только законодательно урегулировать отношения в сфере официального толкования норм права на территории всей России, но и позволит решить задачу общегосударственной важности, заключающуюся в создании условий, способствующих снижению противоречивости интерпретационной и пра-

воприменительной практики, показывая при этом гибкость и оперативность государственной правоинтерпретационной политики. Вместе с принятием указанного Федерального закона в области официального толкования норм права, наконец, появятся столь необходимые правовые ограничения, учет которых, безусловно, позволит повысить общее качество юридической деятельности.

Библиографический список

1. Выступление В. В. Путина при представлении ежегодного послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 года // Российская газета. 2000. 11 июля.

2. Закон Пензенской области от 05.10.2012 г. № 2296-ЗПО «Об официальном толковании законов Пензенской области и постановлений Законодательного Собрания Пензенской области» // Российская газета. 2012. 7 октября.

3. Закон Санкт-Петербурга от 02.10.2003 г. № 522-77 (с изм.) «Об официальном толковании законов Санкт-Петербурга» // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2003. № 12.

4. Закон Санкт-Петербурга от 26.10.2015 г. № 607-114 «Об официальном толковании Закона Санкт-Петербурга «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга»» // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2015. № 32.

5. Залоило М. В., Ибрагимова Ю. Э. Современные проблемы толкования права // Журнал российского права. 2016. № 8(236). С. 78–95.

6. Лебедева Н. Мама может. Когда в России войдут в моду многодетные семьи? // Российская газета. 2017. 30 ноября.

7. Петрушев В. А. Теория толкования права как составная часть общей теории права // Lex Russica. 2009. № 2. С. 410–418.

8. Письмо Минэкономразвития РФ от 19.09.2016 г. № Д28и-2590 «Об объединении в один лот проектных и изыскательских работ» // ИПП «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71423206/> (дата обращения: 12.10.2019).

9. Решение Федеральной антимонопольной службы РФ от 24.07.2015 г. по делу № К-889/2015 «О нарушении законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RGSS&n=24920#0061030808487244625> (дата обращения: 12.10.2019).

УДК 625.7:662.2

Тишаков Максим Петрович,

кандидат юридических наук, Ростовский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции,

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

TMAXIM7@yandex.ru

Обеспечение безопасности дорожного движения на территории Донбасса в 1953–1957 годах

В представленном вниманию научном исследовании на основе архивных материалов и документов содержательно проанализированы организационные и правовые аспекты противодействия аварийности на транспорте на территории Донецкого региона. Основное внимание акцентировано на деятельности подразделений государственной автомобильной инспекции и местных органов власти по борьбе с дорожно-транспортными происшествиями. Проанализировано состояние обеспечения безопасности дорожного движения на территории Донбасса, динамика аварийности на транспорте, раскрыты превентивные и административные меры по противодействию дорожно-транспортного травматизма. Установлено, что в рамках, проводимых на территории Донбасса организационно-правовых мероприятий на протяжении 1953–1957 годов удавалось эффективно сдерживать рост аварийности, благодаря тесному взаимодействию подразделений Госавтоинспекции, местных партийных и советских органов.

Ключевые слова: Госавтоинспекция, аварийность, обеспечение безопасности дорожного движения, дорожно-транспортный травматизм.

Tishakov Maxim Petrovich,

candidate of law, Rostov Institute (branch)

All-Russian state University of justice,

Rostov-on-Don, Russian Federation

Ensuring road safety in the Donbass in 1953–1957

In the presented scientific research on the basis of archival materials and documents, the organizational and legal aspects of countering accidents on transport in the territory of the Donetsk region are significantly analyzed. The main attention is focused on the activities of the state automobile Inspectorate and local authorities to combat road accidents. The article analyzes the state of

ensuring road safety in the territory of Donbass, the dynamics of accidents in transport, and reveals preventive and administrative measures to counteract road traffic injuries. It is established that within the framework of organizational and legal measures carried out on the territory of don-bass during 1953–1957, it was possible to effectively contain the growth of accidents, thanks to the close interaction of state traffic police units, local party and Soviet bodies.

Keyword: *Traffic police, accidents, road safety, road traffic injuries.*

За последнее десятилетие в сфере обеспечения безопасности дорожного движения произошло существенное снижение количества дорожно-транспортных происшествий. Это было достигнуто благодаря комплексному подходу и поступательной реализации разнообразных программ общегосударственного и регионального уровня по противодействию аварийности на автомобильном транспорте, проведению значительного количества превентивных мероприятий, усилению мер юридической ответственности, а также активному внедрению современных информационных технологий и решений. Однако состояние аварийности все еще не в полной мере соответствует общемировым показателям, что требует не только усовершенствования существующих средств и методов обеспечения безопасности дорожного движения, применения лучших зарубежных разработок, но и использования позитивного исторического опыта.

В целом проблемам обеспечения безопасности дорожного движения в современной историографии посвящено значительное количество научных изысканий. Среди работ историко-правовой направленности следует отметить труды таких ученых как: М. Б. Афанасьев, Д. В. Вадило, Е. А. Войтенков, А. С. Квитчук, А. М. Мацук, О. С. Сидорова, В. И. Суковицин, А. Е. Шевченко и др. Однако научные исследования в рамках изучения организационно-правовых аспектов обеспечения безопасности дорожного движения в региональном аспекте – на территории Донбасса, в середине прошлого века еще не находят своего должного отражения в научной литературе и требуют более детального анализа на основе архивных документов и материалов, которые для широкой общественности малоизвестны.

Ведь именно 1953–1957 годы являются переломным периодом, характеризуются появлением новых подходов в правовом регулировании и централизации самой системы обеспечения безопасности движения. Данные процессы нашли свое отражение не только в общегосударственном масштабе, но и на региональном уровне. Особенно это показательно на примере Донбасса, где местные партийно-советские органы власти приняли значительное количество решений и постановлений, что позволило на региональном уровне регламентировать в правовой плоскости наиболее значимые вопросы обеспечения безопасности дорожного движения.

Особой значимости приобретают нормативно-правовые акты в сфере соблюдения правил движения по улицам и дорогам Донбасса. Стоит отме-

тительное решение исполкома Сталинского областного совета от 20 марта 1953 г., [2, л. 529–532] которое было направлено на обеспечение дисциплины и порядка движения транспорта и пешеходов, предупреждения аварий, наездов и несчастных случаев в сфере использования автомобильного транспорта. Первостепенное внимание уделялось осуществлению постоянного контроля технической готовности автопарка, проведению периодических технических осмотров транспорта, сроки и порядок проведения которых для автохозяйств и индивидуальных владельцев также регламентировались решениями местных органов власти [3, л. 242–243; 6, л. 294–295].

Увеличение интенсивности движения, количества автомобильного транспорта, строительства улично-дорожной сети и динамическое развитие региона требовало активизации усилий и по улучшению обеспечения безопасности дорожного движения. Поэтому 27 апреля 1955 года исполкомом Сталинского облсовета было принято решение «О соблюдении правил движения по улицам и дорогам Сталинской области» [5, л. 299–300], «Об усилении борьбы с дорожными происшествиями на местном транспорте в городах и районах области» [4, л. 257–258].

Особой значимости в сфере обеспечения безопасности дорожного движения региона занимает и решение облисполкома «Об укреплении трудовой дисциплины на автотранспорте» от 19 апреля 1957 г. [7, л. 124–125], принятое по инициативе органов Госавтоинспекции в целях ликвидации нарушений на автотранспорте и ставшее основой для проведения комплексных мероприятий по противодействию аварийности на автотранспорте в последующем. В частности, данный нормативный акт предусматривал: усиление массово-разъяснительной и воспитательной работы среди водителей, активизацию кадровой работы при приеме водителей, оказание содействия общественным автоинспекторам в борьбе с нарушителями. В свою очередь местные исполкомы обязывались осуществлять детальный анализ и обсуждение состояния трудовой дисциплины с руководителями автохозяйств. Также предусматривалось привлечение к ответственности органами милиции не только конкретных виновников аварий, но и лиц, создавших условия, не гарантирующие безопасность движения. Особенно в данном решении акцентировалось внимание на необходимости борьбы с лицами управляющими транспортом в состоянии алкогольного опьянения. Ведь только за период 1953–1956 годов на территории Сталинской области было выявлено 8726 таких случаев [7, л. 129–130], что и обусловило совершение по причине нахождения водителей в состоянии алкогольного опьянения каждого пятого нарушения в 1956 году.

В целом, в первой половине 50-х годов состояние аварийности на транспорте оставалось не удовлетворительным, фиксировалось значительное количество дорожно-транспортных происшествий. Ведь, только за 10 месяцев 1955 г. в результате автодорожных аварий на территории Сталинской области пострадало 447 человек, из которых 149 погибло. В связи

с этим, Бюро Сталинского обкома КП(б) Украины 27 декабря 1955 года обязало руководство местных правоохранительных органов усилить борьбу с происшествиями на транспорте [1, л. 27, 30].

Эти факторы обусловили необходимость более тесного сотрудничества и взаимодействия в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. В частности, областным Управлением внутренних дел председателя Сталинского облисполкома были направлены предложения по усовершенствованию регионального законодательства в сфере предотвращения аварийности на автотранспорте, а также предложен проект соответствующего решения, предусматривающего широкий спектр административных и организационно-правовых мероприятий для борьбы с дорожно-транспортными происшествиями [7, л. 129–130].

Оперативно рассмотрев предложения областного УВД исполком Сталинского облсовета 19 апреля 1957 г. принял соответствующее Решение под № 270 [7, л. 124–125]. В данном нормативном акте было детально акцентировано внимание на увеличении количества случаев управления транспортом водителями в состоянии алкогольного опьянения и как следствие, приведших к тяжким последствиям в конкретных населенных пунктах (гг. Макеевке, Горловке, Енакиево, Шахтерске и Чистяково). Одной из главных причин являлось отсутствие соответствующей реакции руководителей автопредприятий на грубые и систематические нарушения со стороны водителей, не принятия надлежащих мер реагирования. Также были установлены случаи приема на работу лиц, которые ранее неоднократно осуществляли систематическое употребление алкогольных напитков во время управления транспортом и нарушали правила движения. Кроме этого, руководители автохозяйств допускали эксплуатацию неисправных автомашин, что приводило к авариям.

С целью укрепления дисциплины среди водительского состава и ликвидации нарушений на автотранспорте, в Решении был предусмотрен комплекс прогрессивных и действенных организационно-правовых мер: обязать руководителей предприятий, учреждений и организаций, в распоряжении которых имеется автотранспорт, усилить массово-разъяснительную и воспитательную работу среди водительского состава; более качественно проверять водителей при приеме на работу и в ходе выполнения трудовых обязанностей. Также акцентировалось внимание на необходимости оказания содействия в работе общественных комиссий автохозяйств и общественных автоинспекторов по борьбе с нарушителями дисциплины на автотранспорте. Для территориальных исполкомов Горрайсоветов предусматривалось установление сроков осуществления обязательной проверки по состоянию трудовой дисциплины среди водительского состава на местах, с принятием соответствующих мер реагирования.

В заключение отметим, что даже в современных условиях рассмотренный исторический опыт не утрачивает своей актуальности, ведь как

показывает практика, усилий одних правоохранительных органов в сфере обеспечения безопасности дорожного движения недостаточно в силу самой специфики и глубины проблематики. Конечно, только совместные усилия, целенаправленная государственная политика и учет региональных особенностей, в том числе и исторического организационно-правового опыта, могут действительно улучшить ситуацию в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Библиографический список

1. Донецкий государственный архи (ДГА). ДГА. Ф. П-326. Оп. 10. Д. 407.
2. ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 1. Д. 793.
3. ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 1. Д. 794.
4. ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 1. Д. 803.
5. ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 125.
6. ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 211.
7. ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 302.

УДК 342.1 (10.15.41)

Бабичева Наталья Александровна,

старший преподаватель, Луганская академия внутренних дел

имени Э.А. Дидоренко,

г. Луганск, Луганская Народная Республика

babicheva_natalya@inbox.ru

Государственный суверенитет как один из признаков государственности

В данной статье автор рассматривает один из основополагающих признаков государства – суверенитет. Изложены различные подходы к содержанию данного понятия, а так же даны его основные характеристики, коими являются: возможность власти самостоятельно определять и реализовывать свою волю, отсутствие внешних ограничений для власти, все решения выражаются в юридических нормах, наличие юридических институтов, охрана правопорядка, а так же гарантированность прав и свобод человека и гражданина. Анализ литературных источников позволил автору установить, что в юридической литературе чаще всего встречаются такие понятия, как государственный суверенитет, национальный суверенитет и народный суверенитет.

Ключевые слова: государство, признак, признак государства, суверенитет, государственный суверенитет, национальный суверенитет, народный суверенитет.

Babicheva Natalia Alexandrovna,
senior lecturer, Luhansk Academy of internal Affairs
named after E. A. Didorenko,
Luhansk, Luhansk people's Republic

State sovereignty as one of the signs of statehood

In this article, the author considers one of the fundamental features of the state - sovereignty. Set out different approaches to the content of this concept and its main characteristics, which are: the ability of the authorities to independently determine and implement their will, the lack of external constraints for the government, all decisions are expressed in legal norms, legal institutions, law enforcement, and warranty rights and SVO-BoD of man and citizen. The analysis of literary sources allowed the author to establish that in the legal literature such concepts as state sovereignty, national sovereignty and people's sovereignty are most often found.

Keywords: *state, feature, feature of the state, sovereignty, state sovereignty, national sovereignty, people's sovereignty.*

Изучая «государство» и «государственность», ученые в первую очередь сталкиваются не только с проблемой многообразия трактовок данных понятий, вызванной сложностью и многогранностью этих явлений, но и с вопросами, касающимися рассмотрения основных признаков государства. На сегодняшний день, несмотря на особую актуальность данной темы в связи с происходящими в мире геополитическими изменениями, а так же разнонаправленным процессом фрагментации и глобализации, недостаточно раскрыт данный вопрос отрасли права, как в зарубежной, так и в отечественной юриспруденции.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова, «признак» – это показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-либо [8]. Соответственно, под признаками государства следует подразумевать показатели, критерии, по которым государство отличается от иных социальных явлений, то есть все, в чем состоит его уникальность, идентичность и качественная определенность.

В юридической литературе широко представлены работы многих ученых рассматривавших признаки государства. Данными вопросами занимались С. С. Алексеев, Н. А. Власенко, В. Е. Чиркин, В. В. Груздев, А. И. Левченков, А. В. Малько, М. Н. Марченко, Н. И. Матузов, В. О. Миронов, В. С. Нерсесянц, А. С. Пиголкин, О. Ф. Скакун, В. Н. Хропанюк и другие.

В числе основных признаков государства, например, С.С. Алексеев называл «территориальную организацию населения и осуществление публичной власти в территориальных пределах, публичную (государственную)

власть, государственный суверенитет и неразрывную связь государства и права» [9]. Более расширенную классификацию признаков государства дал Н. А. Власенко. По его мнению «к основным (классическим) признакам государства относятся: территория и ее границы, публичная власть, система налогов и сборов, суверенитет, наличие государственных символов (герб, флаг, гимн), монополия на издание законов, принуждение [4, с. 86].

Анализ литературных источников позволил установить, что, несмотря на все разнообразие суждений о выделении признаков государства, основополагающими являются: территориальный принцип организации населения, само население, правительство, способность вступать во взаимоотношения с другими государствами, а так же суверенитет [1, с. 236].

В нашей работе хотелось бы уделить особое внимание одному из основополагающих признаков государства как суверенитет. Страна, не имеющая суверенитета, – это всего лишь колония либо доминион. Термин «суверенитет» был введен в научный оборот известным философом и юристом Жаном Боденом, который в XVI веке сформулировал и обосновывал его, как абсолютную власть феодального монарха, как в стране, так и в отношениях с иностранными державами.

Сегодня понятие суверенитет определяется большинством авторов как свойство государственной власти, выражающее ее независимость от всякой иной власти как внутри страны, так и за ее пределами [4, с. 87]. Данное определение по нашему мнению является незыблемым, несмотря на то, что в зарубежной литературе последнее время авторы стали определять суверенитет, как устаревший термин, ставя под вопрос относительность независимости государств, что является темой для отдельной дискуссии.

Как любое понятие суверенитет имеет ряд отличительных характеристик. Так, по мнению А. Л. Бредихина к ним относятся:

- возможность носителя верховной власти самостоятельно определять и реализовывать свою волю. Это означает, что носитель суверенной власти в государстве имеет непосредственное право, исходя из личных интересов, издавать законы и другие нормативно-правовые акты;

- высшая государственная власть должна осуществляться без каких-либо внешних ограничений. Данная характеристика определяет тот факт, что любые другие суверенные субъекты не имеют прав влиять или иным образом вмешиваться в политико-правовые процессы данного государства;

- любые решения принятые носителем суверенитета должны быть выражены в юридических нормах. Она единственная в государстве способна принимать, и принимает законы;

- верховная власть должна иметь свои юридические институты, с помощью, которых она будет осуществлять свои властные полномочия [2, с. 42];

– государственная власть непосредственно охраняет порядок в государстве;

– в суверенном государстве власть обязательно гарантирует гражданам демократические права и свободы.

В юридической литературе чаще всего встречаются понятия государственный суверенитет, национальный суверенитет и народный суверенитет.

Государственный суверенитет, по мнению А. Б. Венгерова, – это «одна из важнейших черт государства и заключается в верховенстве и независимости от какой-либо иной власти, в обладании права и возможности осуществлять внутреннюю и внешнюю политику от имени всего общества внутри и вне страны» [3, с. 92].

Национальный суверенитет – это «право каждой нации на самоопределение, полновластие нации, право выбирать форму взаимоотношения с другими нациями, политическую свободу выбирать собственную государственно-правовую организацию» [7, с. 20].

Народный суверенитет подразумевает признание народа верховным носителем всей власти в государстве, который использует эту власть исключительно в своих собственных интересах.

Н.С. Конева в своей работе «Народный суверенитет и независимое народовластие как социальные и правовые приоритеты современной России» данные виды суверенитетов считает необходимым рассматривать в совокупности, так как «национальная государственность» имеет строго общегражданский смысл, тогда как категории «нация», «народ» и «государство» являются синонимами понятию «суверенитет» [6, с. 13].

Важным явлением в изучении понятия суверенитет являются его принципы. По мнению О. А. Клименко, А. К. Мирзоева и И. Л. Третьякова, «принципы обеспечения государственного суверенитета – это общепризнанные юридической наукой, теорией и практикой национального и международного права единые и общие начала, требования к признанию, правовому регулированию правового статуса и механизму функционирования и укрепления территориальной целостности, самостоятельности и независимости государства». В юридической науке выделяют:

– принцип признания суверенитета государства на международной арене;

– принцип суверенного равенства всех государств;

– принцип единства и неделимости самого суверенитета государств;

– народность суверенитета, что обязательно закрепляется в Конституциях государств;

– принцип целостности и неделимости территории государства;

– принцип нерушимости границ государства;

– принцип защиты суверенитета государства в случае посягательства другими государствами.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить, что суверенитет является одним из основополагающих признаков государства. Это фундаментальный принцип миропорядка, влияющий не только на внутреннее развитие государств, но и на все основы и нормы международного права. Безусловно, как отмечает британский ученый Р. Джексон: «суверенитет периодически претерпевает обновления, идя в русле новых исторических обстоятельств, но центральное понятие суверенитета – политическая независимость – осталось неизменным» [5, с. 47].

Библиографический список

1. Бабичева Н. А. Признаки государственности в контексте признания Луганской Народной Республики международным сообществом // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 3. С. 234–238.
2. Бредихин А. Л. Суверенитет как политико-правовой феномен : монография. М. : ИНФРА-М, 2012. 128 с.
3. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М. : Омега-Л, 2005. 595 с.
4. Власенко Н. А. Теория государства и права : учеб. пособие для бакалавриата. 3-е изд., доп. и испр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 480 с.
5. Катков А. Д. Влияние принципа суверенитета на политику признания государств (на примере конфликта в Косово) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 37–48.
6. Конева Н. С. Народный суверенитет и независимое народовластие как социальные и правовые приоритеты современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 15(153). С. 10–15.
7. Кошкин Р. П. Информационное общество и государственный (национальный) суверенитет // Стратегические приоритеты. 2017. № 2(14). С. 9–25.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд. перераб. М. : Мир и образование, 2014. 1376 с.
9. Теория государства и права : учебник для вузов / под общ. ред. проф. С. С. Алексеева. М. : Норма, 2005. 496 с.

СЕКЦИЯ 2

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 342.8

Мельников Иван Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
melnikk44@gmail.com

Баскова Анастасия Евгеньевна
магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
infernal_bas@mail.ru

Основания для ограничения участия в выборах как нарушение принципа всеобщего избирательного права

В статье рассматриваются вопросы нарушения принципов избирательного права, в частности, принципа всеобщего избирательного права, а также вопрос о наличии неисполненного решения суда или иного государственного органа, которое обязательно к исполнению как возможное основание ограничения пассивного избирательного права граждан и отказа в регистрации кандидатом на выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления. В данном исследовании также рассматривается влияние данного ограничения на избирательные права граждан и их реализацию.

***Ключевые слова:** пассивное избирательное право, ограничения, принцип всеобщего избирательного права, кандидат, демократические выборы, регистрация кандидатов, альтернативность.*

Melnikov Ivan Nikolaevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Baskova Anastasia Evgenievna,
undergraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Grounds for restricting participation in elections as a violation of the principle of universal electoral law

The article addresses the issues of violation of the principles of electoral law, in particular, the principle of universal suffrage, as well as the issue of the existence of an unexecuted decision of a court or other state body, which is mandatory for execution as a possible basis for restricting passive suffrage of citizens and denial of registration a candidate for election to government bodies and local authorities. This study also examines the impact of this restriction on citizens' voting rights and their implementation.

Keywords: *passive electoral rights, passive suffrage, restrictions, principle of universal suffrage, candidate, democratic elections, registration of candidates, alternativeness of elections.*

Демократия является предметным термином, как избирательной демократии, так и основной идеи демократической концепции, основанной на приоритете прав и свобод. Это важный способ, средство и форма прямо или косвенно управлять государством, управлять обществом и осознавать ценность и значимость прав и свобод человека и гражданина, которые и дают населению большое количество возможностей. В современных странах демократия, по сути, является конституционным вопросом о природе государства и форме правления, власти и правах, государстве и гражданине, а также легитимности и прозрачности избирательного процесса.

Избирательный процесс в первую очередь основывается на принципах избирательного права, а значит, их соблюдение при проведении каждой из стадий выборов имеет огромное значение при обеспечении их легитимности. Оценивая всю совокупность принципов, положенных в основу современного российского избирательного права, нельзя не признать, что принципы всеобщего, равного прямого избирательного права при тайном голосовании, несомненно, являются основополагающими принципами для реализации избирательных прав граждан [1, с. 173].

Принцип всеобщего избирательного права является одним из основных принципов, на которых базируется избирательный процесс, а потому его нарушение существенно скажется на реализации избирательных прав граждан, законности и демократичности выборов, чистоты результатов голосования и не отразит реальное отношение населения к существующей власти и ее деятельности. Все это может повлечь за собой нарушение норм конституционного и избирательного законодательства.

Именно принцип всеобщего избирательного права отвечает за возможность реализации пассивного избирательного права только по воле лица и никак иначе, он дает возможность каждому гражданину участвовать в выборах на всех уровнях власти независимо от его принадлежности к определенному избирательному объединению, принадлежности к религии,

расе, полу, национальности, что подтверждается статьей 4 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [5, ст. 4].

В данном исследовании будет проведен анализ ситуации с недавним предложением о введении запрета гражданам и региональным объединениям, имеющим задолженность перед судебными приставами, в отношении которых открыто исполнительное производство и не выполнено постановление суда или иного органа власти, решение которого обязательно к исполнению, на участие в выборах и выдвижение своих кандидатов.

Причем мотивировалась такая потребность отсутствием в нормах законодательства, закрепляющих ограничения для кандидатов, ограничений именно для должников и лиц, уклоняющихся от исполнения решения суда, а потому и не имеющих права быть избранным на выборах.

Речь здесь идет не об ограничении активных избирательных прав, а об ограничении пассивных, что в свою очередь не прямо нарушает конституционные нормы, принцип всеобщего избирательного права и принцип демократизма, но вводит дополнительные ограничения для кандидатов

С одной стороны предложение о таком ограничении логично и обоснованно, так как это поможет не допустить до власти лиц, которые идут в органы государственной власти и органы местного самоуправления в корыстных целях и для личной выгоды (материальных благ, положения и т.д.). Например, в Городскую Думу Ноябрьска на выборы 8 сентября 2019 года выдвигались 14 кандидатов-должников, что составляет почти 20% от всех зарегистрированных участников (73 человека). В основном речь идет о кредитах, коммунальных услугах, штрафах по линии ГИБДД, неуплате налогов [2]. У части этих кандидатов долги достигали весьма внушительных сумм. И здесь уже возникает вопрос о добросовестности и чистоте намерений таких кандидатов.

С другой стороны, это существенное ограничение прав граждан, основные из которых закреплены в статье 32 Конституции Российской Федерации [4, ст. 32], лишение их возможности участвовать в формировании органов власти и управлении обществом. Статьей 21 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г. [3, ст. 21] устанавливается, что выборы должны проводиться «при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования».

Избирательное законодательство Российской Федерации закрепляет существование лишь двух цензов – это ценз оседлости и возрастной ценз. Поэтому, если при выборах законы субъектов Российской Федерации и уставы муниципальных образований предусматривают в качестве обязательных условий обладания избирательным правом на региональных и муниципальных выборах языковые, образовательные и иные избирательные

цензы, подобные нормы противоречат положениям федерального законодательства. Такие ограничения всеобщего избирательного права кандидатов на выборах в государственные органы и органы местного самоуправления не должны и не могут применяться.

Вместо предложенных ограничений целесообразнее было бы публиковать вместе с информацией об имуществе и доходах кандидата и информацию о существующих задолженностях или возбужденных в отношении кандидата исполнительных производствах. Соответственно публикация таких сведений должна происходить в соответствии с законодательством, чтобы не нарушать права кандидатов.

Согласия в данном случае не потребуется и это подтверждается статьей 6 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [6, ст. 6], которая устанавливает, что согласие не требуется, если обработка персональных данных происходит в соответствии с законодательством, а также данных о кандидатах на должности в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Так как избирательным законодательством установлено, что в избирательную комиссию кандидат должен предоставить сведения о размере, источниках доходов, об имуществе, принадлежащим кандидату на праве собственности, а также сведения о вкладах в банках, об отсутствии иностранных счетов, о наличии ценных бумаг, то правильно будет считать, что публикация о задолженностях кандидата на выборы не будет нарушать его прав.

Необходим более высокий уровень доверия к деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и более позитивное восприятие реагирования на их деятельность. Результаты нашего исследования могут иметь особенно важное значение, обеспечивая баланс между интересами избирателей и правами кандидатов.

Библиографический список

1. Волкова О. Б. К вопросу о принципах избирательного права // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2018. № 1. С. 172–175.
2. В России хотят запретить должникам участвовать в выборах. Новости // Сайт Российского информационного агентства URA.RU. URL: <https://ura.news/> (дата обращения: 19.11.2019).
3. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Международные акты о правах человека: сборник документов / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. 2-е изд., доп. М. : НОРМА, 2002. С. 38–42.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) : по состоянию на 21.07.2014 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Федеральный Закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Рос-

сийской Федерации» (в ред. от 29.05.2019 № 104-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.11.2019).

6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 31.12.2017 № 498-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.11.2019).

УДК 330.15

Мельников Иван Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
melnikk44@gmail.com

Петров Андрей Сергеевич,
магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
petrov.batya@yandex.ru

Проблемы осуществления надзорной деятельности при добыче подземных вод физическими лицами

В работе раскрываются проблемные вопросы осуществления контрольной и надзорной деятельности при добыче подземных вод физическими лицами. Анализ действующего законодательства показал, что подобного рода вопросы требуют пристального внимания и законодательного урегулирования вопросов, связанных с добычей подземных вод физическими лицами, как на Федеральном, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: недра, подземные воды, добыча подземных вод, физические лица, предприятия коммунального комплекса, проблемы правового регулирования добычи подземных вод, полномочия, субъекты Российской Федерации.

Melnikov Ivan Nikolaevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Petrov Andrey Sergeevich,
undergraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Problems of oversight in the extraction of groundwater by individuals

The paper reveals the problematic issues of control and Supervisory activities in the extraction of underground water by individuals. Analysis of the current legislation has shown that such issues require close attention and legal regulation of issues related to the extraction of groundwater by individuals, both at the Federal and regional levels.

Keywords: *subsoil, underground water, underground water production, physical persons, utilities, problems of legal regulation of underground water production, powers, subjects of the Russian Federation.*

Россия владеет богатейшими ресурсами пресных подземных вод, поэтому одной из главных практических задач управления их фондом является рациональное использование этих ресурсов и охрана водоносных систем от загрязнения и истощения.

Подземные воды – это особый тип полезного ископаемого. Важной особенностью, отличающей подземные воды от других видов полезных ископаемых, является динамичность запасов и ресурсов.

Также, в отличие от других полезных ископаемых, запасы подземных вод возобновимы: в процессе их эксплуатации происходит не только их извлечение, но и формирование.

На территории Костромской области вопросами недропользования в сфере добычи подземных вод, в том числе осуществления контрольной и надзорной функции осуществляет Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Костромской области (за исключением участков недр отнесенных к ведению федеральных органов государственной власти).

В соответствии с Постановлением губернатора Костромской области от 29 октября 2009 года № 247 «О департаменте природных ресурсов и охраны окружающей среды Костромской области» выдает лицензии на пользование недрами в отношении участков недр местного значения, содержащих общераспространенные полезные ископаемые, и участков недр местного значения, содержащих подземные воды, которые используются для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения (далее – питьевое водоснабжение) или технологического обеспечения водой объектов промышленности либо объектов сельскохозяйственного назначения и объем добычи которых составляет не более 500 кубических метров в сутки [2].

С 2015 года департамент осуществляет предоставление права пользования участками недр местного значения, содержащих подземные воды, которые используются для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения или технологического обеспечения водой объектов промышленности либо объектов сельскохозяйственного назначения и объем добычи которых составляет не более 500 кубических метров в сутки.

В соответствии со статьей 11 Закона РФ «О недрах» предоставление недр пользование оформляется специальным государственным разрешением в виде, лицензии, включающей установленной формы бланк с Государственным гербом РФ, а также текстовые, графические и иные приложения, являющиеся неотъемлемой составной частью лицензии и определяющие основные условия пользования недрами [1].

Лицензия является документом, удостоверяющим право ее владельца на пользование участком недр в определенных границах в соответствии с указанной в ней целью в течение установленного срока при соблюдении владельцем заранее оговоренных условий.

В реестре действующих лицензий на право пользования участками недр, содержащих подземные воды, которые используются для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения или технологического обеспечения водой, объем добычи, которых составляет не более 500 кубических метров в сутки на территории Костромской области по состоянию на 31 декабря 2018 года зарегистрировано 225 лицензий.

В 2018 году рассмотрены 62 заявки:

Выдано лицензий – 16 шт.

Внесено изменений – 6 шт.

Досрочно прекращено – 19 шт.

Отказано – 21 шт.

Передано в «Костроманедра» – 4.

Объем добычи подземных вод в 2018 году, за который отчитались недропользователи составил около 2 млн. 300 тыс. м³. Учет подземных вод в 2018 году выполнен по 145 лицензиям, что составляет 65 % от общего количества зарегистрированных недропользователей и зарегистрировано 65 уведомлений о бытовых скважинах.

Основной водоотбор приходится на г. Кострому, Костромской и Буйский районы, так как они являются наиболее промышленно развитыми и густонаселенными.

В данной работе нам бы хотелось уделить внимание проблемам, связанных с добычей подземных вод физическими лицами, а также обратить внимание законодателя на деятельность, осуществляемую физическими лицами для населения, которая связана с бурением скважин на воду.

В настоящее время законодателем никак не урегулирован вопрос о том, должен ли быть разработан, какой либо уведомительный порядок для лиц, осуществляющих такого рода услуги населению о предоставлении информации в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, содержащей сведения информационного характера о том, где и как было выполнено бурение скважины на воду.

Проанализировав законодательство, касающиеся вопросов в рассматриваемой теме, мы пришли к выводу о том, что лица, осуществляю-

щие бурение скважин на воду не несут обязанности о предоставлении информации об оказанной такого рода услуги.

На наш взгляд было бы целесообразно разработать порядок предоставления информации о пробуренных скважинах на воду, как для лиц, ее сделавших, так и для тех, кто их использует.

Данное предложение позволит:

1. Уменьшить несанкционированную добычу подземных вод физическими лицами;

2. Орган государственной власти, осуществляющий контроль и надзор за рассматриваемой сферой отношений смог бы более точно оценить запасы подземного источника;

3. Ведение реестра таких скважин позволило бы снизить негативное воздействие на подземный источник, так как в настоящее время из скважины можно не только осуществлять забор подземных вод, но и сбрасывать различного рода отходы.

4. Располагая сведениями об имеющихся таких скважинах у физических лиц на территории Костромской области, орган, осуществляющий контроль и надзор, смог бы достоверно оценить целевое использование данной скважины и впоследствии привлечь лиц за нецелевое использование данной скважины.

Также следует отметить, что в настоящее время на территории Костромской области активно ведется работа по информатизации населения о необходимости регистрации бытовых скважин.

Практика Костромского региона показывает, что работа по оповещению населения области о необходимости регистрации бытовых скважин ведется на постоянной основе.

В рамках межведомственного взаимодействия с государственными органами уполномоченными, осуществлять земельный надзор, департаментом природных ресурсов и охраны окружающей среды Костромской области было зарегистрировано определенное количество уведомлений о бытовых скважинах на территории региона.

По состоянию на 1 января 2019 года Департаментом зарегистрировано 65 уведомлений о скважинах и колодцах, пробуренных на первый водоносный горизонт с водоотбором до 100 м³ для собственных нужд.

Информация о скважинах, пробуренных для собственных нужд, не поступала из: Антроповского, Вохомского, Кологривского, Мантуровского, Межевского, Нейского, Нерехтского, Октябрьского, Островского, Павинского, Парфеньевского, Поназыревского, Пыщугского, Сусанинского и Чухломского районов Костромской области.

На наш взгляд было бы целесообразно предложить законодателю внести изменения, касающиеся полномочий департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Костромской области, а именно – наделить департамент полномочиями по осуществлению надзора, в рамках которого

специалисты, уполномоченные осуществлять надзор за окружающей средой смогли бы самостоятельно выявлять наличие бытовых скважин у физических лиц, а не в рамках межведомственного взаимодействия.

Такое законодательное закрепление повлекло бы за собой следующие изменения:

1. Специалисты департамента смогли бы самостоятельно выявлять наличие бытовых скважин у физических лиц и проводить проверку их целевого использования;

2. Заметно сократится время на выявление бытовых скважин, тем самым реестр таких скважин будет наиболее полным, вследствие чего будет возможность оценить влияние бытовых скважин на подземный источник;

3. Располагая сведениями о количестве бытовых скважин на территории Костромской области будет возможность рассчитать водопотребление подземных вод в регионе и оценить запасы подземного источника.

Наделение департамента такими полномочиями, на наш взгляд, заметно сократит несанкционированное использование подземных вод физическими лицами через бытовые скважины и снизит риск использования таких скважин не по целевому использованию и как следствие привлечь лиц нарушающих требования законодательства к ответственности.

Библиографический список

1. Федеральный закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 № 2395-1 по состоянию на 02.08.2019 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/ (дата обращения: 12.11.2019).

2. Приказ Губернатора Костромской области от 29 октября 2009 г. № 247 «О департаменте природных ресурсов и охраны окружающей среды Костромской области» (в ред. от 01.07.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/469104275> (дата обращения: 12.11.2019).

УДК 342.33

Осипов Даниил Александрович,

старший преподаватель,

Нижегородский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

daniilosipov92@gmail.com

**К вопросу о совершенствовании правового статуса
представителя высшего должностного лица
субъекта Российской Федерации в региональном парламенте**

В статье рассматриваются мероприятия по совершенствованию (конкретизации) конституционно-правовых статусов представителей высших должностных лиц субъекта Российской Федерации в органах власти регионов, в частности путем четкого определения органов государственной власти, в которых могут действовать представители главы субъекта Российской Федерации (к их числу предлагается отнести исключительно региональные парламенты); ранее не проводившегося определения предметов ведения представителя; конкретизации задач и цели деятельности представителя; впервые предлагаемого разграничения прав и обязанностей представителя; новой нормативно-правовой фиксации связи представителя с высшим должностным лицом субъекта России в виде ухода с должности вместе с представляемым лицом.

Ключевые слова: *представитель, отношения представительства, высшее должностное лицо, губернатор, региональный парламент.*

Osipov Daniil Alexandrovich,

senior lecturer, Nizhny Novgorod Institute of management (branch)
Russian Academy of national economy and public administration
President of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

**On the issue of improving the legal status of the commissioner
of senior official of subject of the Russian Federation
in a regional parliament**

The article considers measures to improve (specify) the constitutional and legal status of representatives of the highest officials of the Russian Federation in the regional authorities, in particular by clearly defining the state authorities in which representatives of the head of the Russian Federation can act (it is proposed to include exclusively regional parliaments); previously not conducted definition of the subjects of the representative's competence; specifying the tasks and goals of the representative's activity; for the first time, the proposed delineation of the rights and duties of the representative; a new legal record of the representative's relationship with the highest official of the subject of Russia in the form of an ear from the position together with the represented person.

Keywords: *representative, relationship of representative, the highest official, the Governor, the regional Parliament.*

Начавшийся в 1993 году конституционный процесс привел к возникновению необходимости согласования политики, проводимой высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, и направлений законотворческой деятельности представительного органа субъекта Российской Федерации. Это в свою очередь объективно обусловило появление пред-

ставителей высших должностных лиц регионов в законодательных органах субъектов России. Однако, указы и постановления высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (далее – глав регионов), которыми вводят должности представителей не являются унифицированными, что ведет к отличию правовых статусов представителей в разных регионах, а используемые в положениях о представителях неточные формулировки лишают представителя возможности эффективно осуществлять возложенные на них функции и действовать в интересах представляемого. Как следствие, представитель не может достигнуть цели, для которой он был назначен на должность (обеспечивать реализацию полномочий представляемых органов и должностных лиц и создавать условия эффективного осуществления ими своих прав и обязанностей для достижения устойчивого и социально-эффективного управления публично-правовым образованием и его комплексного развития), что в свою очередь ведет к ухудшению качества законотворческого процесса в частности и государственного управления в целом.

Соответственно сегодня требуется совершенствование (конкретизация) конституционно-правового статуса представителя высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в законодательном органе власти региона [3, с 229] путем четкого определения органов государственной власти, в которых могут действовать представители главы субъекта Российской Федерации (к их числу предлагается отнести исключительно региональные парламенты); ранее не проводившегося определения предметов ведения представителя; конкретизации задач и цели деятельности представителя; впервые предлагаемого разграничения прав и обязанностей представителя; новой нормативно-правовой фиксации связи представителя с высшим должностным лицом субъекта России в виде ухода с должности вместе с представляемым лицом.

Одним из мероприятий по совершенствованию (конкретизации) конституционно-правовых статусов представителей высших должностных лиц субъекта Российской Федерации в органах власти регионов также видится внесение изменений в ч. 6 и ч. 7 ст. 23 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [1]. Необходимо также скорректировать ч. 4 ст. 5 пп. а. 1, уточнив перечень полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, добавив следующее – «назначает представителя законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, действующего в межпарламентских ассоциациях».

Корректировки требуют и положения о представителях высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в части определения предметов ведения, цели деятельности и задач представителей, конкрети-

зации их прав и обязанностей, механизма их реализации и закрепления связи представителя в виде ухода его с должности вместе с представляемым лицом.

Закон и практика деятельности представителей главы регионов в органах государственной власти субъектов Российской Федерации обусловили возможность назначения представителей в любой орган власти региона. Вместе с тем, необходимо констатировать, что на сегодняшний день наличие представителя главы региона целесообразно только в законодательном органе власти субъекта Российской Федерации.

При комплексном толковании ст. 77 Конституции Российской Федерации целью деятельности любого регионального парламента является обеспечение нормативно-правового урегулирования предметов ведения субъекта Российской Федерации и предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в пределах полномочий субъекта Российской Федерации. Отсюда, целью деятельности представителя главы региона в законодательном органе власти является «обеспечение согласования политики, проводимой высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, и направлений законотворческой деятельности представительного органа субъекта Российской Федерации» [3, с. 230]. Для достижения этой цели представитель должен решать определенные задачи, содержание которых требует наделения представителя правами и обязанностями. Однако, не все полномочия представителя обязательны к реализации. Например, согласно ч. 3 Положения о полномочном представителе губернатора Магаданской области в Магаданской областной Думе представитель вправе «направлять в органы исполнительной власти для подготовки замечаний, предложений и отзывов проекты федеральных законов» [2]. Данное полномочие верно определено именно как право, а не обязанность, поскольку не каждый проект областного закона требует учета мнения органов исполнительной власти. Соответственно представитель может направить закон на согласование, но может и не делать этого. В то же время, согласно п. 2.1 ч. 2 вышеназванного положения «представитель губернатора области от имени и по поручению губернатора области представляет на заседаниях Думы и ее постоянных комиссий <...> проекты областных Законов, внесенные губернатором области в порядке реализации права законодательной инициативы». Данное полномочие является обязанностью, поскольку представитель не может не исполнить поручения представляемого лица, напрямую связанное с целью его деятельности.

Таким образом, предлагается разделить полномочия представителя на права и обязанности, установив, что для выполнения своих функций решения задач и достижения цели представитель высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в региональном парламенте вправе:

1. Принимать участие в согласовании вопросов, включаемых в повестку дня, в ходе заседаний законодательного органа.

2. Создавать рабочие группы по отдельным направлениям законотворческой деятельности.

3. Определять поручения руководителям органов исполнительной власти, аппарата высшего должностного лица и правительства региона.

4. Подписывать документы организационно-распорядительного (приказы, распоряжения) и информационно-аналитического характера (доклады, аналитические отчеты, записки, информационные справки).

В то же время представитель обязан:

1. Участвовать в заседаниях временных рабочих органов, формируемых законодательным органом власти.

2. Участвовать в формировании плана законопроектной работы представительного органа.

3. Организовывать работу согласительных комиссий при возникновении разногласий между высшим должностным лицом и законодательным (представительным) органом.

4. Контролировать исполнение поручений, поставленных руководителям органов исполнительной власти, аппарата высшего должностного лица и правительства региона.

5. Согласовывать с законодательным органом власти кандидатуры должностных лиц органов исполнительной власти региона, ответственных за представление законопроектов на сессиях регионального парламента.

6. Доводить до сведения депутатов представительного органа власти позиции высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по вопросам, связанным с региональным нормотворчеством.

7. Осуществлять информационно-аналитическую поддержку законодательного (представительного) органа власти и представляемого высшего должностного лица в области региональной нормотворческой деятельности.

8. Организовать своевременную подготовку документов организационно-распорядительного (приказы, распоряжения) и информационно-аналитического характера (доклады, аналитические отчеты, записки, информационные справки).

Кроме того, одним из способов решения проблемы дифференцированности и несогласованности подходов к закреплению правовых статусов представителей видится разработка типовых правовых актов, содержащих рекомендации по закреплению прав, обязанностей, запретов, гарантий, порядка назначения на должность, сроков полномочий и ответственности представителей высшего должностного лица субъекта Российской Федерации:

– Модельного положения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в органах государственной власти субъектов Российской Федерации;

– Модельного положения о представителе высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в муниципальном образовании.

Нормативно-консолидирующее воздействие данных актов видится необходимым для определения единой правовой политики в сфере регулирования общественных отношений, складывающихся в связи функционированием представителей высших должностных лиц субъектов Российской Федерации.

Данные документы могут быть приняты и апробированы в ряде субъектов Российской Федерации. В последующем, если их использование будет признано способствующим более эффективному исполнению полномочий представителями, способствующими достижению цели деятельности парламентской ассоциации, они могут быть предложены для использования в других субъектах Российской Федерации. Принятие модельных актов, регламентирующих функционирование представителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации в органах управления и контроля хозяйственных обществ также видится возможным [4, с. 89–93].

Библиографический список

1. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 206; 2019. № 16. Ст. 1601.

2. О полномочном представителе губернатора Магаданской области в Магаданской областной Думе : постановление Губернатора Магаданской области от 30.04.1999 № 154-р (ред. от 31.05.2005) // Электр. фонд правовой и НТД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/441578478> (дата обращения: 12.11.2019).

3. Осипов Д. А., Черкасов К. В. Представитель главы региона в региональном парламенте: место, роль и значение в механизме осуществления публичной власти // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 228–235.

4. Осипов Д. А. Об особенностях правового положения (статуса) представителя субъекта Российской Федерации в совете директоров (наблюдательном совете) и представителя в ревизионной комиссии акционерного общества // Вестник Российской Правовой академии. 2017. № 2. С. 89–93.

УДК 342.9

Обеснюк Ольга Сергеевна,
магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
obesnuk@yandex.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Сидоров Александр Николаевич,
старший преподаватель, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
an.sydorov@yandex.ru

**Законодательство субъектов Российской Федерации
об административных правонарушениях
на примере Костромской области**

Наличие пробелов и отсутствие четких границ в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях в сфере разграничения предметов ведения субъектов Российской Федерации и весомого объема региональных норм права, нуждающихся в административно-правовой защите, делают необходимым осуществление кодификации законодательства об административных правонарушениях в каждом субъекте Российской Федерации, в том числе и в Костромской области. На примере Костромской области проведено сравнительное исследование законодательства об административных правонарушениях субъекта Российской Федерации за последние 10 лет, которое позволило обосновать ряд новых положений для административно-правовой науки, направленных на совершенствование законодательства субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: региональное законодательство об административных правонарушениях, рабочая группа, предложения, ответственность.

Obesnyk Olga Sergeevna,
undergraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna,
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Sidorov Alexander Nikolaevich,
senior lecturer, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Legislation of the subjects of the Russian Federation on administrative offences on the example of the Kostroma region

The existence of gaps and the absence of clear boundaries in the Code of administrative offences of the Russian Federation in the sphere of delineation of subjects of jurisdiction of the Russian Federation and a significant volume of regional legal norms in need of administrative legal protection make it necessary to codify the legislation on administrative offences in each sub-region of the Russian Federation, including in the Kostroma region. On the example of the Kostroma region, a comparative study of the legislation on administrative offenses of a Russian Federation subject over the past 10 years was conducted, which allowed us to justify a number of new provisions for administrative law science aimed at improving the legislation of the Russian Federation subject on administrative offenses.

Keywords: regional legislation on administrative offenses, working group, proposals, responsibility.

Защита интересов общества является необходимым условием становления гражданского демократического общества в России, для прогрессивного развития и процветания государства и каждого субъекта Федерации.

В соответствии со статьей 72 Конституции Российской Федерации в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находится административное и административно-процессуальное законодательство [1].

В развитии конституционной нормы на территории Российской Федерации действует Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), в котором предусмотрена административная ответственность за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [2].

Учитывая, что административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении, на территории всех 85 субъектов Российской Федерации приняты соответствующие законы об административных правонарушениях.

Таким образом, законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Законы субъектов Российской Федерации должны приниматься в соответствии с КоАП РФ. Такое положение отражает иерархию двух уровней государственной власти в России (федеральной и региональной) и характер распределения полномочий между ними.

Во многих субъектах Российской Федерации приняты и применяются на практике кодифицированные законодательные акты об административных правонарушениях, в которых предусмотрена административная ответственность за нарушение правил, установленных законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации в пределах предметов их ведения (к примеру, за нарушение тишины и покоя в ночное время, за нарушение правил благоустройства, охраны зеленых насаждений, пользования общественным транспортом, охраны общественного порядка и др.). При принятии таких законов субъекты Российской Федерации должны соблюдать требования, сформулированные в КоАП РФ.

В соответствии со статьей 1.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях к ведению субъектов Российской Федерации относится установление законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления, а также организация производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации.

Целевым назначением законотворчества субъектов Российской Федерации в административно-деликтной сфере являются правовое регулирование и правовая защита общественных отношений, во-первых, не урегулированных федеральным законодательством, а во-вторых, отражающих региональную специфику конкретного субъекта Российской Федерации.

Установление региональным законодательством административной ответственности, вопросы разграничения предметов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации на разных этапах развития законодательства об административных правонарушениях и иные проблемы эффективности правоприменения интересовало ученых и находило отражение в различных исследовательских работах.

Явление административной ответственности, вопросы разграничения предметов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации на разных этапах развития законодательной базы интересовало внимание ученых-административистов. Проблемами законодательства об административных правонарушениях занимались такие ученые как: Ю. С. Адушкина, И. Н. Ананов, А. П. Алехин, З. А. Багишаева, Д. Н. Бах-

рах, И. Л. Бачило, К. С. Бельский, С. Г. Березовская, А. А. Бондаренко, Р. Ф. Васильев, В. Ф. Волович, В. В. Денисенко, В. Ф. Дерюжинский, С. Е. Десницкий, В. Н. Дурденевский, А. И. Елистратов, М. И. Еропкин, А. А. Кармолицкий, В. Т. Квиткин, Ю. М. Козлов, И. А. Куров, Б. М. Лазарев, С. С. Маилян, В. М. Манохин, Р. С. Мельник, А. Х. Миндагулов, И. В. ПANOVA, Л. Л. Попов, А. А. Савостин, В. Д. Сорокин, С. С. Студеникин, И. Т. Тарасов, Н. Ю. Хаманева и другие.

Формирование и исследование регионального законодательства об административных правонарушениях также исследовались в работах А. Е. Лунева, Л. А. Мицкевич, А. П. Коренева, М. Я. Масленникова. В рамках диссертационных исследований региональное административное законодательство изучали Л. В. Четверикова, Р. В. Сидорцов, Н. А. Рубченко, С. Н. Клепиков.

Следовательно, можно с уверенностью констатировать, что наука административного права основательно исследовала проблемы правового регулирования административной ответственности. При этом следует заметить, что отсутствует комплексное исследование законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях с учетом новых изменений и дополнений внесенных в федеральное законодательство, оценка современных тенденций развития института административной ответственности, формирования судебной практики, правоприменительных проблем, возникающих на региональном уровне.

Региональный правоприменитель ощущает острую необходимость в четком и ясном законодательстве, не требующем каждый раз решения сложнейшей задачи квалификации деяния по региональному или по федеральному закону, этим обусловлена необходимость разработки новой редакции кодекса объясняется тем, так как предыдущий Кодекс Костромской области об административных правонарушениях был утвержден почти 10 лет назад. За это время в документ было внесено более 70 изменений. За указанный период изменились и правоотношения, многие проблемные вопросы кодексом не регулировались, что и потребовало разработку нового кодекса.

Проблемы правоприменения регионального законодательства об административных правонарушениях обусловили необходимость сравнительно-правового анализа содержания Закона Костромской области от 21 июля 2008 № 352-4-ЗКО «Кодекс Костромской области об административных правонарушениях» (далее – предыдущего Кодекса) [3], а так же разработку примерных комплексных мероприятий и предложений различной направленности, адресованных субъектам административной юрисдикции в целях повышения эффективности применения Закона Костромской области от 20 апреля 2019 года № 536-6-ЗКО «Кодекс Костромской области об административных правонарушениях» (далее – Кодекс) [4].

В 2017 году студентам третьего курса Юридического института имени Ю. П. Новицкого в рамках изучения дисциплины «Административное

право» было поручено проанализировать соответствующее законодательство во всех субъектах Российской Федерации и сравнить с Кодексом Костромской области об административных правонарушениях, а также подготовить предложения по его дальнейшему совершенствованию.

С разрешения кафедры и руководства института в данном эксперименте участвовало 56 студентов. Они тщательно, грамотно, ответственно и компетентно изучили закрепленное за каждым административное законодательство других регионов, проанализировали правоприменительную практику предыдущего Кодекса, с точки зрения его эффективности и внесли свои предложения по его совершенствованию.

В марте 2018 года, проанализированные и обобщенные предложения студентов были направлены ректором КГУ губернатору Костромской области и председателю Костромской областной Думы. Губернатором Костромской области, на основе внесенных предложений, было поручено рабочей группе разработать проект нового Кодекса Костромской области об административных правонарушениях.

Распоряжением губернатора была создана рабочая группа из числа различных специалистов, которые должны были учитывать баланс между интересами граждан, общества, хозяйствующих субъектов, органов государственной власти и органов местного самоуправления. В состав рабочей группы вошли представители правового управления администрации Костромской области, исполнительных органов государственной власти Костромской области, Костромской областной Думы, прокуратуры Костромской области, Управления Министерства внутренних дел России по Костромской области, Управления Министерства юстиции России по Костромской области, Общественной палаты Костромской области, образовательных и научных организаций Костромской области, а также, включая в то время заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доцент Д. Н. Лукоянов, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин А. В. Деревесников и старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права А. Н. Сидоров.

Рабочая группа более года трудилась над проектом нового Кодекса. Подавляющее количество предложений от КГУ нашли свое отражение в законопроекте. В октябре 2018 года проект Кодекса был размещен на сайте госорганов для общественного обсуждения.

Проект Кодекса прошел согласование с органами государственной власти Костромской области, надзорными органами, органами местного самоуправления, обсуждение в Общественной палате Костромской области, с гражданами, предпринимательским сообществом в рамках процедуры оценки регулирующего воздействия. По итогам в текст законопроекта было внесено около двухсот поправок.

20 апреля 2019 г. за №536-6-ЗКО губернатором Костромской области подписан Закон Костромской области «Кодекс Костромской области об

административных правонарушениях», вступивший в силу с 1 мая 2019 г.

Кодексом более конкретно детализирована административная ответственность физических и юридических лиц за нарушение чистоты и порядка в местах общего пользования, массового посещения и отдыха, за выбрасывание или оставление мусора вне урн и контейнеров, за оставленный мусор после торговли на улице (ст. 2.1 Кодекса); за размещение автомобилей на газонах, детских и спортплощадках (ст. 2.6 Кодекса); за курение электронных сигарет на территориях и в помещениях образовательных организаций и на детских площадках (ст. 3.4 Кодекса); за нарушение покоя и тишины соседей (ст. 8.2 Кодекса); отправление естественных нужд в общественных местах и подъездах (ст. 8.8 Кодекса); за отсутствия мусорных контейнеров и урн, мероприятия по удалению борщевика Сосновского, уборки наледей и снега на улицах и во дворах, за сосульки и наледь на кровлях зданий (ст. 2.11 Кодекса).

В заключении хочется отметить, что принятый Кодекс положительным образом повлияет на правоприменительную практику по привлечению к административной ответственности виновных лиц, не с целью пополнения регионального и городского бюджета, а с целью создания таких условий, когда соблюдение закона выгоднее, чем платить штрафы.

Задачи, предусмотренные Кодексом в части защиты личности, охраны прав и свобод человека и гражданина успешно реализуются субъектами административной юрисдикции на основе Кодекса Костромской области об административных правонарушениях, отвечающего современным требованиям, предъявляемым к законодательству об административных правонарушениях.

Однако имеются некоторые недоработки, снижающие качество регулирования, которые предполагалось устранить, в связи с чем, в мае 2019 ректором КГУ в адрес губернатора Костромской области и председателя Костромской областной Думы направлен «Примерный комплекс мероприятий по повышению эффективности применения Кодекса Костромской области об административных правонарушениях» подготовленный профессорско-преподавательским составом Юридического института им. Ю. П. Новицкого из числа членов рабочей группы.

На основании этого можно сделать вывод о том, что в настоящее время к перспективным направлениям развития правового регулирования административно-деликтной сферы, несомненно, относится совершенствование законодательства субъектов Российской Федерации, современное состояние которого находится в стадии формирования законодательства на российском региональном уровне, выявленные проблемы и сформулированные предложения по его совершенствованию могут быть использованы в практической работе органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. Это

определяет большое значение для укрепления целостности правовой системы Российской Федерации, улучшения правовой культуры граждан.

Опубликованные «Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» и практическое воплощение заложенных в ней идей в проект нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, размещенном для обсуждения на сайте Министерства юстиции Российской Федерации, свидетельствует о динамическом совершенствовании Российского законодательства об административных правонарушениях.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2019).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (по состоянию на 28.12.2018) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2019).

3. Закон Костромской области от 21.07.2008 № 352-4-ЗКО «Кодекс Костромской области об административных правонарушениях» (по состоянию на 16.07.2018) // Электр. фонд правовой и НТД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819058202> (дата обращения: 01.12.2019).

4. Закон Костромской области от 20.04.2019 № 536-6-ЗКО «Кодекс Костромской области об административных правонарушениях» (по состоянию на 26.03.2019) // Электр. фонд правовой и НТД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553263652> (дата обращения: 01.12.2019).

УДК 343.231

Хлестакова Любовь Анатольевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Редков Николай Александрович,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
redkov0202@yandex.ru;

Институт административной преюдиции в уголовном праве: понятие и функции

Одним из основных и наиболее важных направлений современной уголовной политики является возвращение к институту преюдиции. В настоящей статье производится осмысление понятия административной преюдиции в уголовном праве. Приводятся политические и исторические предпосылки введения данного института в уголовный закон. Предлагается дополнить УК РФ определением понятия «Преступление с административной преюдицией», что может стать одним из путей устранения правовой неопределенности в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: *преюдиция, административная преюдиция в уголовном праве, преступление с административной преюдицией, административное правонарушение, преступление.*

Khlestakova Lyubov Anatolyevna,
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Redkov Nikolai Alexandrovich
undergraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Institute of administrative prejudice in criminal law: concept and functions

One of the main and most important directions of modern criminal policy is the return to the institution of prejudice. This article provides an understanding of the concept of administrative prejudice in criminal law. Political and historical prerequisites for the introduction of this institution in the criminal law are given. It is proposed to Supplement the criminal code with the definition of "Crime with administrative prejudice", which may become one of the ways to eliminate legal uncertainty in this area.

Keywords: *pre-trial, administrative pre-trial in criminal law, crime with administrative pre-trial, administrative offense, crime.*

В последние годы в современной уголовно-правовой политике прочное место заняла тенденция внедрения в уголовный закон составы преступлений с административной преюдицией, что по задумке законодателя направлено на гуманизацию уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести.

Институт административной преюдиции в нашей стране не является чем-то новым. Стоит отметить, что большинство фундаментальных источников российского уголовного законодательства XI–XIX вв. отражают принцип, согласно которому повторное совершение общественно опасных деяний два или более раза влекло за собой усиление наказания, т. е. большое значение имел признак неоднократности. Так, например, Соборное Уложение 1649 года [6] предусматривало увеличение, по сравнению с более ранними законодательными актами, количества преступлений, при неоднократном совершении которых предусматривалась более суровая ответственность: татьба (кража), разбой, кормчество, побег и т. д. То есть уже тогда возникли предпосылки формирования рассматриваемого института.

По мнению Е.В. Ямашевой, административная преюдиция, будучи уже самостоятельным институтом, впервые появилась в отечественном уголовном законе в ст. 79 УК РСФСР 1922 г. [9, с. 70]. В советский период уголовное законодательство не содержало единообразного подхода к определению и конструированию норм с административной преюдицией, что характерно и для действующего уголовного законодательства. Несмотря на достаточно многолетнюю практику применения преюдициальных норм, при принятии УК РФ 1996 года законодатель отказался от использования административной преюдиции.

Введение составов преступлений с административной преюдицией в УК РФ было предопределено Посланием Президента России Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 года. В частности, Президент России рекомендовал: «В уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения» [4] с целью сделать уголовное законодательство «более современным». Постепенно в УК РФ были включены следующие уголовно наказуемые деяния с административной преюдицией: ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 171.4, 212.1, 215.3 ч. 1, 215.3 ч. 2, 215.4, 264.1, 282, 284.1, 314.1, 315 ч. 1 УК РФ.

Сущность рассматриваемого института неоднозначно трактуется учеными, что в том числе объясняется отсутствием законодательно закрепленной дефиниции термина «административная преюдиция». Сам термин «преюдиция», как отмечает Е. А. Худяков, в переводе с латинского *praejudicium* – предрешение вопроса, заранее принятое решение, обстоятельство, которое позволяет судить о последствиях [8, с. 9].

Понятие «преюдиция» наиболее знакомо из процессуального права и типично для него. В частности, ст. 90 УПК РФ устанавливает, что понимается под преюдицией в уголовно-процессуальном праве. Что касается материального права, то, как ранее отмечалось, в настоящее время понятие административной преюдиции в уголовном законе не закреплено. По всей

видимости, законодатель вводил в УК РФ составы с административной преюдицией путем использования понятия неоднократности.

В юридической науке нет единого мнения о сущности административной преюдиции. В частности, П. П. Бобрович понимает под ней способ установления одного из квалифицирующих признаков юридического состава правонарушения [1, с. 47]. В справочнике «Доктринальные, законодательные и судебные понятия в современном уголовном праве России» административная преюдиция определена как привлечение лица к уголовной ответственности за совершение им противоправного деяния, но только в том случае, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение такого же деяния [2, с. 14]. Т. В. Серкова предлагает ввести в УК РФ следующее определение: «Административной преюдицией в уголовном праве признается совершение лицом, ранее подвергнутым административному наказанию, нового тождественного административного правонарушения, за которое предусмотрена уголовная ответственность» [5, с. 163].

Следует отметить, что указанные определения не содержат указание на срок, в течение которого лицо, подвергнутое административному наказанию, может быть привлечено к уголовной ответственности. Кроме того, не считаем необходимым акцентирование в определении признака тождественности нового административного правонарушения, поскольку каждое из правонарушений может обладать собственными специфическими требованиями.

Полагаем, что уголовный закон должен быть дополнен нормой не об административной преюдиции как таковой, а о преступлениях с административной преюдицией. Данное положение следовало бы изложить в классической дефиниции преступления путем дополнения уголовного закона ст. 14.1 УК РФ в следующей редакции: «Преступлением с административной преюдицией признается виновно совершенное в течение определенного законом срока общественно опасное деяние, лицом, подвергнутым административному наказанию, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Считаем, что данное определение содержательно раскрыло бы все основные признаки таких составов преступлений и способствовало устранению правовой неопределенности.

На наш взгляд, развитие института административной преюдиции в действующем уголовном законе не только целесообразно, но и весьма перспективно. Перспективность данного института определяется теми функциями, которые она может выполнять. Полагаем, что к ним следует отнести:

1) предупреждение преступлений. Административная преюдиция может выполнять превентивную функцию, но только в том случае, если правонарушитель осознает, что совершение административного правонарушения, за неоднократное совершение которого предусмотрена уголовная

ответственность, приближает возможность применения уголовного наказания;

2) ограничение уголовной репрессии только злостными случаями нарушений правовых запретов. Данная функция способствует соответствию действующего уголовного закона принципу экономии репрессии. Как отмечается в Концепции развития российского законодательства, предложенной Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ в 2014 году, сокращение контингента осужденных является одной из актуальных задач уголовной политики, а для ее решения необходимо использовать административную преюдицию – «инструмент уголовно-правовой техники, от которого необоснованно отказался законодатель, создавая УК РФ 1996 года» [3, с. 57];

3) декриминализация и криминализация преступлений. Декриминализация деяний осуществляется путем перевода отдельных видов преступлений, не представляющих повышенной общественной опасности, в категорию административных проступков. В данном значении функция декриминализации говорит о гуманизации уголовного законодательства.

Так, например, в 2016 году в новой редакции была принята ст. 116.1 УК РФ, а также введена ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои». В ключе данных изменений лица стали привлекаться к уголовной ответственности за побои после того, как уже были подвергнуты административному наказанию за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, т. е. за повторное аналогичное деяние. В данном случае мы видим такой подход весьма обоснованным, т. к. перевод побоев в разряд административных правонарушений уменьшит возможность остаться безнаказанными, поскольку административному процессу незнаком институт примирения сторон. Считаем, что необходимо продолжить декриминализировать преступления с последующей криминализацией посредством административной преюдиции. К их числу можно отнести, например, ст. 322.2 УК РФ «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации», ст. 322.3 УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации» и др. Данные деяния относятся к категории преступлений небольшой тяжести и могут носить неоднократный характер.

Несмотря на положительные тенденции развития, институт административной преюдиции в уголовном праве подвергается критике со стороны некоторых представителей научной общественности. Например, Н. А. Лопашенко считает, что: «Наличие административной преюдиции

в нормах уголовного права противоречит конституционному принципу о том, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же правонарушение» [9, с. 70]. Также исследователями предполагается, что закрепление на законодательном уровне института преюдиции приведет к тому, что граница между преступлением и правонарушением будет расплывчатой, что может привести к усилению уголовно-правовой репрессии [7, с. 127]. Следует отметить, что указанные мнения носят дискуссионный характер и потому не снижают ценность и практическую значимость рассматриваемого явления.

Таким образом, можно сделать вывод, что современное отечественное законодательство последовательно развивается в направлении усиления ответственности за общественно опасное деяние, совершенное два и более раз. Это позволяет правовому регулированию стать более современным, гибким, соответствующим тенденции гуманизации уголовно-правовой политики государства. Административная преюдиция в уголовном праве ценна тем, что позволяет предупреждать совершение преступлений, ограничивает уголовную репрессию, является средством криминализации и декриминализации преступлений. Несмотря на всю важность данного института для российской уголовной политики, среди ученых нет единого мнения о сущности административной преюдиции, и целесообразности внедрения данной юридической категории в действующий уголовный закон. Учитывая вышеизложенные обстоятельства, изучение административной преюдиции в уголовном праве приобретает несомненную актуальность в настоящее время.

Библиографический список

1. Бобрович П. П. Административная преюдиция в уголовном праве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 47–51.
2. Доктринальные, законодательные и судебные понятия в современном уголовном праве России в 7 т. / под науч. ред. Н. И. Чечеля. Ставрополь : Изд-во СГУ. 2009. Т. 1. С. 14.
3. Концепция развития российского законодательства / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2014. С. 57.
4. Президент сказал слово // Российская газета. 2009. № 5038 : офиц. сайт. URL: <http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie.html/> (дата обращения: 30.10.2019).
5. Серкова Т. В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород., 2016. С. 163.
6. Соборное Уложение 1649 года // Библиотека исторического факультета МГУ им. Ломоносова : офиц. сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 15.09.2019).

7. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 125–133.

8. Худяков Е. А. Эффективность применения норм с административной преюдицией : учеб. пособие. М., 1981. С. 9.

9. Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 69–71.

УДК 347.963

Шевчук Олеся Леонидовна,

заместитель прокурора,

Осташковская межрайонная прокуратура Тверской области,

г. Осташков, Российская Федерация

alex8039@yandex.ru

Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации

Исторически прокуратура занимает особое место в системе государственных органов, обладает особым исторически сложившимся статусом и динамично развивающимися полномочиями, что в свою очередь налагает на прокурора особую ответственность «яко око Государева». Вместе с тем Конституции Российской Федерации функционального закрепления статуса прокуратуры не содержит, что в свою очередь ставит в зависимость от законодательных и исполнительных органов государственной власти существование прокуратуры с его исторически сложившимся статусом.

Ключевые слова: конституция, прокуратура, история становления института прокуратуры, полномочия прокуратуры, статус органов прокуратуры, принцип независимости органов прокуратуры.

Shevchuk Olesia Leonidovna,

deputy prosecutor,

Ostashkovsky Interdistrict Prosecutor's office of the Tver region,

Ostashkov, Russian Federation

Constitutional and legal status of the public prosecutor's office of the Russian Federation

Historically, the prosecutor's office occupies a special place in the system of state bodies, has a special historical status and dynamically developing powers, which in turn imposes on the Prosecutor a special responsibility «like the eye of the Sovereign». At the same time, the Constitution of the Russian Federation does not contain a functional consolidation of the status of the Prosecutor's office, which in turn makes the existence of the Prosecutor's office with its historically established status dependent on legislative and Executive bodies of state power.

Keywords: *the Constitution, the prosecutor's office, the history of formation of Institute of prosecution, the powers of the prosecutor's office, status of prosecutors, the independence of the prosecution.*

Изначально Прокуратура в России учреждена Петром I «**Понеже сей чин – яко око наше и стряпчий о делах государственных**, того ради надлежит верно поступать, ибо перво на нем взыскано будет».

Именной Высочайший Указ Государя Петра I от 12 января 1722 г. гласил: «Надлежит быть при Сенате Генерал-прокурору и Обер-прокурору, также во всякой Коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-прокурору». В последующем Указом Петра I были установлены должности прокуроров в надворных судах и в пределах компетенции надворных судов в делах по доносам фискальных и прочих людей.

Основными целями деятельности прокуратуры выступают обеспечение верховенства закона, единство и укрепление законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Напомним, что при создании прокуратуры (12 января 1722) Петром I перед ней была поставлена задача «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония». В дальнейшем в п. 1 ст. XI Именного указа от 27 апреля 1722 г. «О должности Генерал-прокурора» цели деятельности прокуратуры были сформулированы еще более ярко: «И понеже сей чин - яко око наше и стряпчий о делах государственных, того ради надлежит верно поступать, ибо перво на нем взыскано будет»[10].

В 1755г. Екатерина II своим Указом утвердила «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи» – знаковый документ в истории страны и прокуратуры. В нем имелась глава «О прокурорской и стряпческой должности», закрепившая задачи и функции прокуратуры [9].

Более подробно остановлюсь на советском этапе становления и конституционного закрепления положений о прокуратуре.

После провозглашения советской власти прокуратура была упразднена. Декретом № 1 «О суде», опубликованным 24 ноября 1917 г., Совет Народных Комиссаров – высший исполнительный орган советской власти распустил существовавшие ранее институты судебных следователей и прокурорского надзора, а вместе с ними суды, присяжную и частную ад-

вокатуру. Лишь спустя почти пять лет большевики пришли к необходимости возрождения прокуратуры, а с образованием Союза ССР 23 ноября 1923 г. прокуратура Российской Федерации стала составной частью общесоюзной прокурорской системы [10].

Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик 1923 года [8] содержал положения о Прокуроре Верховного Суда Союза С.С.Р., который назначался Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза С.С.Р.

К полномочиям Прокурора Верховного Суда Союза С.С.Р. Конституцией относились: дача заключений по всем вопросам, подлежащим разрешению Верховного Суда Союза С.С.Р.; поддержание обвинения в заседании его и в случае несогласия с решениями пленарного заседания Верховного Суда Союза С.С.Р. опротестование их в Президиуме Центрального Исполнительного Комитета Союза С.С.Р. (статья 46).

Кроме того, на Прокурора Верховного Суда Союза С.С.Р. возлагалось осуществление надзора за закономерностью действий Объединенного Государственного Политического Управления Союза С.С.Р. осуществляется Прокурором Верховного Суда Союза С.С.Р. на основе специального постановления Центрального Исполнительного Комитета Союза С.С.Р. (статья 63).

Также Конституция СССР 1923 года предоставляла право Прокурору Верховного Суда Союза С.С.Р. вносить представления в Центральный Исполнительный Комитет Союза С.С.Р., при котором был учрежден Верховный Суд, по рассмотрению и опротестованию постановлений, решений и приговоров высших судов союзных республик по соображениям противоречия таковых общесоюзному законодательству или поскольку ими затрагиваются интересы других республик.

При этом Конституция (Основной Закон) РСФСР 1925 года [3] положений о прокуратуре РСФСР не предусматривала.

Таким образом, на указанном этапе развития Конституционно закрепились только должность прокурора межреспубликанского характера, устанавливались порядок назначения, основные обязанности, полномочия и права.

В последующем тенденции были противоположными.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 года [4] содержала лишь одну статью (статья 117), предусматривающую, что органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному Прокурору СССР.

А уже Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1937 года [5] (далее – Конституция РСФСР 1937 года) в разделе «Судебная власть и прокуратура» включала ряд статей, предусматривающих порядок назначения прокуроров,

сроки осуществления ими полномочий, а также сами обязанности и полномочия (в том числе возможность выдавать санкции на арест наравне с судом).

Конституция РСФСР 1937 года предусматривала системную организацию органов прокуратуры с подчинением нижестоящих вышестоящим и Прокурору СССР.

Так, система выстраивалась от прокурора СССР до прокурора РСФСР, краевых, областных и прокуроров автономных республик и автономных областей и прокуроров национальных административных округов и городских прокуроров.

Впервые Конституция РСФСР 1937 года предусматривала, что на территории РСФСР прокуратура осуществляет *Высший* надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами.

При этом указывалось, что надзор может осуществляться как непосредственно Прокурором СССР, так и через Прокурора РСФСР.

Кроме того, Конституция РСФСР 1937 года, как и Конституция СССР 1936 года, устанавливала принцип независимости деятельности прокуратуры.

Так, статья 121 Конституции РСФСР 1937 года провозглашала, что органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР.

Далее Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 года [6] проводит смену терминов.

Вместо Прокурора СССР появляется Генеральный прокурор СССР, наименование должности Прокурора РСФСР отсутствует.

Расширен перечень поднадзорных объектов.

Теперь прокуратурой осуществляется высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами. При этом установлены территориальные пределы осуществления надзора в виде территории только РСФСР.

Впервые Конституционно закрепляется, что организация и порядок деятельности органов прокуратуры определяются Законом о прокуратуре СССР.

Кроме того, Конституция СССР 1977 года наряду с принципом независимости органов прокуратуры закрепляла непосредственную ответственность Генерального прокурора СССР.

Статья 165 гласила, что Генеральный прокурор СССР ответствен перед Съездом народных депутатов СССР и Верховным Советом СССР и им подотчетен.

Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России 1978 года [7] (далее – Конституция РФ 1978 года) уже содержала полноценную главу № 22, отдельно посвященную прокуратуре.

Конституцией России 1978 конкретизировались с учетом проведенных административных изменений поднадзорные объекты. При этом из названия надзора уходит слово «Высший». Ссылка на специализированный закон о прокуратуре, которым регламентируется деятельность, также исчезает.

Полномочия прокуратуры практически становятся исчерпывающими положениями Конституции, за исключением полномочий Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров в сфере осуществления правосудия, которые могут определяться законами Российской Федерации о судопроизводстве.

В последующем из Конституции Российской Федерации исчезли положения, регламентирующие деятельность, основные функции и цели прокуратуры, принципы независимости, единства и централизованности.

Изначально в Конституции Российской Федерации 1993 года [2] положения о прокуратуре были включены совместно с судебными органами главу «Судебная власть». Статья 129 Конституции Российской Федерации гласила, что прокуратура единая централизованная система с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации.

Действующая редакция статьи [1] вышеуказанного принципа организации прямо не предусматривает, а содержит только порядок назначения прокуроров и освобождения их от должности.

Часть 1 статьи 129 Конституции Российской Федерации указывает, что полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом.

Примечательно, что статья не содержит указания на то, каким именно законом регламентируются полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры, что в свою очередь позволяет широко толковать данную норму.

Конституционное закрепление прокуратуры дает лишь гарантии на само существование прокуратуры как органа.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что прокуратура Российской Федерации наделена особым конституционно-правовым статусом только как государственного органа, функциональную принадлежность которого определяет законодательная власть, а зачастую и исполнительная, в случае отсылок закона к подзаконным нормативным актам.

Отсутствие функциональной принадлежности и действующая в конституционно-правовая неопределенность может привести к произвольному изменению полномочий, организации и порядка деятельности органов прокуратуры, позволяет наделять органы прокуратуры, казалось бы, не свойственными ей исторически, «как Оку Государеву», полномочиями, такими как: статистический учет преступлений, профилактику правонарушений, формирование ежегодного плана проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, правовое просвещение, экспертиза нормативных правовых актов и их проектов, участие в правотворческой деятельности и др.

Конечно, отсылочное закрепление полномочий прокуратуры позволяет динамично реагировать на меняющиеся запросы общества в целях обеспечения верховенства закона.

Однако действующая редакция Конституции Российской Федерации не закрепляет ни целей, ни принципов работы прокуратуры как органа, что в конечном итоге может привести не только к изменению полномочий, но и к смене исторического сложившегося статуса органа как «Ока Государева», оставив лишь наименование органа «прокуратура Российской Федерации».

Библиографический список

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. # 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», вступившим в силу со дня его официального опубликования 6 февраля 2014 г. № 0001201402060001 // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 31.10.2019).

2. Конституция Российской Федерации 1993 года // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 31.10.2019).

3. Конституция (Основной Закон) РСФСР 1925 года, Утверждена Постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.10.2019).

4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 года, Утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.10.2019).

5. Конституция (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1937 года, Утверждена Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.10.2019).

6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 года, принята Верховным Советом СССР 07.10.1977 //

СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.10.2019).

7. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России 1978 года, принята Верховным Советом РСФСР 12.04.1978 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.10.2019).

8. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик, утв. ЦИК СССР 06.07.1923 Систематическое собрание действующих законов СССР, книга 1. М., 1926 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.10.2019).

9. Правоохранительные и судебные органы России : учебник / под ред. Н. А. Петухова, А. С. Мамыкина ; Российский государственный университет правосудия, 2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.10.2019).

10. Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М. : Статут, 2017. С. 624.

СЕКЦИЯ 3

ИНСТИТУТЫ ЧАСТНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

УДК 347.74

Бибииков Александр Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Российская Федерация
aibibikov@yandex.ru

Недействительные сделки в системе юридических фактов

Новая редакция норм ГК РФ о признании по общему правилу всех сделок, противоречащих требованиям закона, оспоримыми породила сомнения в их отнесении к числу неправомερных действий в системе юридических фактов. В статье критически оценивается понимание недействительных сделок как неправомερных действий, и обращается внимание на то, что основанием выделения недействительных сделок в системе юридических фактов лежит не признак дозволенности их законом, а соответствие их условиям действительности сделок, в связи с чем предлагается рассматривать их в качестве самостоятельного вида юридических фактов.

Ключевые слова: дозволение закона, правомερное и неправомερное действие, условия действительности, недействительная сделка, правонарушение.

Bibikov Alexander Ivanovich,
doctor of law, professor, Ivanovo state University,
Ivanovo, Russian Federation

Invalid transactions in the system legal fact

The new edition of the rules of the Civil Code of the Russian Federation on recognition as a General rule of all transactions contrary to the requirements of the law, challenged doubts in their attribution to the number of illegal actions in the system of legal facts. The article critically assesses the understanding of invalid transactions as illegal actions, and draws attention to the fact that the basis for the allocation of invalid transactions in the system of legal facts is not

a sign of their permissibility by law, but their compliance with the conditions of validity of transactions, in connection with which it is proposed to consider them as an independent type of legal facts.

Keywords: *permission of the law, lawful and illegal action, conditions of validity, invalid transaction, offense.*

Достаточно кардинальные изменения норм ГК РФ о сделках, вообще, и недействительных сделках, в частности, внесенные ФЗ от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ, реанимировали давнюю проблему о правовой природе недействительных сделок и их места в системе юридических фактов. Одной причин к этому стала новая редакция ст. 168 ГК РФ о недействительности сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта, в соответствии с п. 1 которой такие сделки стали квалифицироваться как оспоримые. При этом такие же сделки, посягающие на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, остались ничтожными при условии, если из закона не следует, что такие сделки являются оспоримыми (п. 2).

Такой подход законодателя в определенной мере подорвал существующие ранее представления об обеспечении режима законности частноправовых актов, в соответствии с которым любая сделка как частноправовой акт, нарушающая требования закона, считалась ничтожной. В соответствии с новой редакцией ст. 168 ГК РФ такие сделки, нарушающие требования закона, не будучи оспоренными, по общему правилу будут считаться законными и порождать правовые последствия, на которые они направлены. То есть за такими сделками как «объективно противоправными действиями» («неделиктными правонарушениями», своеобразными «правовыми аномалиями»)» [12, с. 43, 73, 75; 10, с.12; 11, с. 13–15, 45–46] теперь признается юридический эффект, что не может, как и раньше, не породить вопросы о *природе таких сделок и их месте в системе юридических фактов.*

Следует заметить, что эти вопросы, как ключевые в решении, порождают множество первичных вопросов: является ли недействительная сделка вообще сделкой (?), если она сделка, то можно ли ее относить к числу правонарушений (?), является ли недействительная сделка противоправным действием и в целом правонарушением (?), если она представляет собой правонарушение, то почему она не влечет как все правонарушения гражданско-правовую ответственность? Позиции ученых в решении этих вопросов расходятся.

Одна группа авторов, отталкиваясь от нормативной терминологии, *включает недействительные сделки в число сделок.* Фактический состав недействительной сделки (воля и волеизъявление) налицо, а правомерность или неправомерность сделки определяет лишь ее последствия. Сделки по отношению к праву могут быть и правомерными, и неправомерными. Последние суть недействительные сделки – это запрещенные сделки [2, с. 50; 8, с. 248–252].

Другие выступили против отнесения недействительных сделок к сделкам. Такие сделки считаются несуществующими, а потому и *не являются сделками*. Сделками могут быть только правомерные действия, недействительные сделки как неправомерные сделками не являются, а по своей природе представляют собой правонарушение («неделиктное правонарушение») [6, с. 232–233; 9, с. 6; 11, с. 38, 40; 5, с. 17].

Третья группа авторов пыталась найти компромисс между этими крайними точками зрения. По их мнению, недействительная сделка по своему содержанию, форме и направленности является сделкой, но и одновременно правонарушением, поскольку нарушает конкретную норму права. Недействительность сделки и ее неправомерность не обязательно всегда следуют друг за другом. Противоправной является лишь сделка, которая нарушает императивные требования и запреты. Поэтому недействительная сделка как юридический факт может быть *как правомерным, так и неправомерным действием* [10, с. 122; 3, с. 58-65, 82].

Однако, как справедливо было замечено В. Б. Исаковым, *недействительность действия нельзя отождествлять с противоправностью*. Недействительность может быть вызвана обстоятельствами, которые, тем не менее, не делают действие противоправным (например, отступление от установленной формы сделки), а могут, наоборот, превращать его в противоправное (сделка, совершенная под влиянием обмана и насилия). Противоправность последних – это крайняя форма недействительности (дефектности) действия [4, с. 117–120].

Как отмечается в литературе, деление действий как юридических фактов на правомерные и неправомерные, с одной стороны, и действительные, и недействительные (применительно к сделкам), с другой, отражает не только разные основания их классификаций, но и *разное «плоскостное» их расположение* [7, с. 427–428]. Первое деление сделок, то есть как правомерных и неправомерных действий, проводится по основанию их оценки со стороны закона на предмет того результата, на который они нацелены. Второе деление сделок на действительные и недействительные производится по основанию их оценки со стороны закона в качестве действующего или недействующего юридического факта. *Сделка* в ее подлинном понимании воспринимается законом как *юридически признаваемое (действительное) обстоятельство*, с которым связываются именно те *правовые последствия, на которые она направлена*. *Недействительные сделки* в таком виде законом не воспринимаются: они с позиций закона *«юридически не действуют» как сделки, порождающие правовые последствия*, на которые они направлены. *В смысле сделки они есть «ничто»*. Но в смысле юридического факта (совершенного действия) они, как образно и точно заметил М. И. Брагинский, *есть, «нечто»* [1, с. 52]. Закон, таким образом, *признает недействительные сделки как вид юридического факта – действия*. Для чего? На первый взгляд, может показаться, что это делается для привязки к особым по-

следствиям, предусмотренным законом (реституции или конфискации). Однако, как верно замечает Д. О. Тузов, сама по себе недействительная сделка не может стать основанием применения указанных мер. Для этого необходимо, чтобы по такой сделке было произведено имущественное предоставление. Если его нет, то нет места для применения реституции или конфискации [13, с. 27].

На наш взгляд, основанием классификации действий на правомерные и неправомерные выступает признак дозволенности их законом, тогда как в основу деления сделок на действительные и недействительные кладется соответствие их условиям действительности: способности лиц к совершению сделки, соблюдению формы сделки, соответствию воли и волеизъявления и, наконец, законности содержания сделки, отход от которой, как было отмечено выше, теперь может свидетельствовать о подрыве режим законности лишь при оспаривании таких сделок. Это свидетельствует о том, что недействительные сделки теперь не могут автоматически оцениваться как неправомерные действия, а должны рассматриваться как видовое развитие сделок при их классификации.

Однако, определив место недействительных сделок в системе одноименных действий, нельзя не затронуть вопрос о том, находятся ли они в каком-то соприкосновении с неправомерными действиями? По мнению того же Д. О. Тузова, эти две формы (плоскости) правовой оценки являются самостоятельными и непересекающимися. В. Б. Исаков, также отмечая несовпадение противоправности и недействительности, тем не менее, как уже указывалось, считает, что некоторые противоправные действия образуют крайнюю форму дефектности (недействительности) действия [13, с. 21; 4, с. 117]. Как представляется, ни то, ни другое положение не являются верными. Точка соприкосновения «плоскостей» недействительности и противоправности находится в том месте, где закон в отношении недействительной сделки допускает применение мер гражданско-правовой ответственности. Это может быть *случай нарушения недействительной сделкой норм объективного права* (так называемые «объективно противоправные деяния»), например, ст. 169 ГК РФ) или *субъективного права либо охраняемого законом интереса, влекущего возможность взыскания с виновной стороны реального ущерба в пользу пострадавшей стороны по недействительной сделке* (например, п. 1 ст. 171, п. 2 ст. 172, п. 6 ст. 178, п. 4 ст. 179 ГК РФ и др.).

Библиографический список

1. Брагинский М. И. Сделки: понятия, виды и формы (комментарий к новому ГК РФ). М. : Экономика и жизнь, 1995. 137 с.
2. Генкин Д. М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону. Уч. зап. ВИЮН. Вып. V. М., 1947.
3. Гутников О. В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М., 2003.

4. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984.
5. Матвеев И. В. Правовая природа недействительных сделок. М., 2002.
6. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. М., 2003.
7. Мындра Д. И. Недействительность сделки и неправомерность действия (недействительность сделок с точки зрения классификации юридических фактов) // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 2. М. : Статут ; Екатеринбург : Институт частного права, 2002. 427 с.
8. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность // Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М., 2006. Т. 1.
9. Перетерский И. С. Гражданский кодекс РСФСР: научный комментарий. Вып. 5: Сделки. Договоры. М., 1929.
10. Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. – Л., 1960.
11. Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М., 2000.
12. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.
13. Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М., 2007.

УДК 347.1

Бриль Геннадий Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
g_bril@ksu.edu.ru

Зайцев Леонид Николаевич,
старший преподаватель,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
zln15@yandex.ru

Московская Вера Игоревна
магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
moskovskaya.vera@yandex.ru

**Правовое регулирование
обеспечения прав беженцев и вынужденных переселенцев
в субъектах Российской Федерации
(на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области)**

В статье анализируется правовое положение беженцев и вынужденных переселенцев на территории Российской Федерации. Исследуется законодательство Санкт-Петербурга и Ленинградской области указанной категории лиц. Рассматриваются виды социальной поддержки, предоставляемых беженцам и вынужденным переселенцам на региональном уровне. Предлагается распространить миграционную практику Северо-Западного Федерального округа (г. Санкт-Петербург) и для других регионов Российской Федерации.

***Ключевые слова:** беженец, вынужденный переселенец, правовой статус, приобретение статуса, виды социальной поддержки.*

Brill Gennady Gennadyevich,
doctor of law, professor, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Zaitsev Leonid Nikolayevich,
senior lecturer, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Moscowskaya Vera Igorevna,
undergraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

**Legal regulation of ensuring the rights
of refugees and internally displaced persons
in the regions Russian Federation
(on the example of Saint Petersburg and the Leningrad region)**

The article analyzes the legal status of refugees and internally displaced persons on the territory of the Russian Federation. The article examines the legislation of St. Petersburg and the Leningrad region for this category of persons. it Considers the types of social support provided to refugees and internally displaced persons at the Federal and regional levels. The problems of providing certain types of social support, in particular in the field of employment, are identified. It is proposed to extend the migration practice of the North-Western Federal district (Saint Petersburg) and for other regions of the Russian Federation.

***Keywords:** refugee, internally displaced person, legal status, acquisition of status, types of social support.*

Вынужденная миграция населения является одной из глобальных проблем современного мира. Перемещение миллионов людей в результате дискриминации, вооруженных конфликтов, расовых гонений и многих других причин затрагивают многие стороны социально-экономической, общественно-политической, этнической, нравственно-психологической, религиозно-духовной жизни целых стран и народов.

Проблема беженцев и вынужденных переселенцев актуальна не только для России, но и для стран всего мира. Война в Сирии не заканчивается уже несколько лет и, в связи с этим поток мигрантов из этой страны в страны Европы только возрастает. По прогнозам аналитиков и экспертов в 2020 году поток беженцев ближайшее время будет увеличиваться. По данным Евростата на 2018 год число беженцев составляло 1,3 млн, и сирийцы составляли четверть от всех беженцев в Европейских странах.

Анализ научной литературы по избранной теме исследования позволяет сделать вывод о том, что современные ученые, юристы-практики недостаточное внимание уделяли вопросам миграционной политики в целом и положению беженцев и вынужденных переселенцев в частности. Наибольший интерес представляют работы О. Ф. Алиева [9], Е. Г. Бельковой [10], В. А. Иванова [11], Е. В. Карсановой [12], О. В. Ковальчук [13], Н. В. Прокушевой [14] и других.

Правовое положение беженцев и вынужденных переселенцев в России регулируется международным [1, 2], федеральным [3–5] и региональным [6–8] законодательством.

Если федеральное законодательство регулирует общие принципы положения беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации, то региональное законодательство в основном опирается на решение социальных проблем для указанной категории лиц.

Санкт-Петербург и Ленинградская область являются экономически привлекательным регионом, вследствие чего множество беженцев и вынужденных переселенцев стремятся попасть именно туда. Региональное законодательство Санкт-Петербурга и Ленинградской области в сфере беженцев и вынужденных переселенцев развито лучше, чем в других регионах Российской Федерации, за исключением Москвы и Московской области.

В качестве примера можно привести Закон Санкт-Петербурга от 22 ноября 2011 г. № 728-132 «Социальный кодекс Санкт-Петербурга». Однако, сразу следует отметить, что данный нормативно-правовой акт не является специальным регулятором для категорий субъектов, о которых речь идет в статье. Социальный кодекс Санкт-Петербурга в отношении беженцев и вынужденных переселенцев предусматривает лишь две меры социальной поддержки.

Одна из них – предоставление пособий на детей семьям, в которых один или оба родителя являются гражданами, лицами без гражданства, в том числе беженцами, имеющими место жительства или место пребывания

ния в Санкт-Петербурге, иностранными гражданами, имеющими место жительства в Санкт-Петербурге, а также лицами без определенного места жительства (ст. 17). Социальный кодекс Санкт-Петербурга выделяет 8 критериев предоставления мер социальной поддержки семьям беженцев, в которых есть дети, в частности ежемесячные пособия на приобретение товаров детского (подросткового) ассортимента и продуктов детского (подросткового) питания. Размеры пособий зависят от возраста; рождения первого, второго и последующих детей; рождении первого, второго ребенка в неполной семье, семье военнослужащего; семьи, где оба законных представителя (единственный законный представитель) являются инвалидами I и (или) II групп; на ВИЧ-инфицированного ребенка и ребенка-инвалида в возрасте от рождения до 18 лет; на ребенка в возрасте от 7 лет до 16 лет либо до окончания образовательной организации, реализующей образовательные программы начального общего, основного общего, среднего общего образования, но не старше 18 лет.

Также, Социальным Кодексом закреплено право детей из семей беженцев и вынужденных переселенцев на такую меру социальной поддержки как организация отдыха и оздоровления, которая оказывается в виде оплаты части или полной стоимости путевок в организации отдыха и оздоровления детей и молодежи. Квоты предоставления путевок ежегодно утверждаются Правительством Санкт-Петербурга.

Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 22 июля 2008 г. № 875 «Об отдельных мерах по реализации Закона Санкт-Петербурга «О государственных стандартах социального обслуживания населения Санкт-Петербурга» утверждены реестр, стандарты и нормативы обеспеченности стандартов предоставляемых беженцам и вынужденным переселенцам, в стационарной и нестационарной форме в учреждениях социального обслуживания населения.

Также, согласно Постановлению Правительства Санкт-Петербурга от 23 июня 2014 г. № 497 «О государственной программе Санкт-Петербурга «Социальная поддержка граждан в Санкт-Петербурге» установлены некоторые гарантии для беженцев. В частности, говорится о предоставлении социальной поддержки в форме предоставления услуг социального обслуживания беженцев и вынужденных переселенцев. В соответствии с данным постановлением социальная поддержка предоставляется адресно, в том числе беженцам и вынужденным переселенцам в форме услуг (путем организации отдыха детей), в натуральной форме (предоставление жилья, обеспечение необходимыми лекарственными средствами, предоставление проездных документов и т.п.), предоставлением льгот. Некоторыми целями данной программы являются: расширение масштабов предоставления мер социальной поддержки отдельным категориям граждан в денежной форме; обеспечение поддержки и содействие социальной адаптации граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию или находящихся в соци-

ально опасном положении; снижение бедности среди получателей мер социальной поддержки на основе расширения сферы применения адресного принципа ее предоставления, обеспечение эффективности и финансовой устойчивости СО НКО; увеличение объемов социальных услуг, оказываемых негосударственными организациями, в том числе СО НКО.

Согласно Постановлению Правительства от 23 июня 2014 года № 497 к настоящему времени в субъектах Российской Федерации и, в частности, в Санкт-Петербурге сформирована система социальной защиты населения, которая распространяется, в том числе, на беженцев и вынужденных переселенцев.

Администрации различных районов Санкт-Петербурга организуют специальные центры, помогающие интеграции семей мигрантов в культурное пространство Санкт-Петербурга. К примеру, «Центр социальной помощи семье и детям Выборгского района», основанный на Постановлении Правительства Санкт-Петербурга от 5 апреля 2007 № 366 «О создании Санкт-Петербургского государственного учреждения «Центр социальной помощи семье и детям Выборгского района», осуществляет комплексную поддержку семей «группы риска» с несовершеннолетними детьми, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, которая выражается в защите прав и интересов семей мигрантов, содействии в решении социальных, психологических, правовых и иных вопросов, входящих в компетенцию специалистов социальной помощи семьям мигрантов. Беженцам и вынужденным переселенцам оказывается полустационарная форма обслуживания (с периодом пребывания до 4 часов).

Кроме того, в Санкт-Петербурге функционируют отделения различных общественных организаций, специализирующихся на помощи. Например, «Центр адаптации детей беженцев» осуществляет свою деятельность, направленную на сложную категорию вынужденных мигрантов – на несовершеннолетних лиц.

Особо показательным примером удачной реализации социальной поддержки мигрантов является проект Санкт-Петербургского отделения Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» при поддержке Организации Объединенных Наций по делам беженцев в России. Также проект Красного Креста поддерживается субсидиями на основании Постановления Правительства Санкт-Петербурга от 17 апреля 2018 г. № 295 «О Порядке предоставления в 2018 году субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям на реализацию мероприятий, направленных на бытовую, языковую и социокультурную адаптацию мигрантов, профилактику экстремизма, укрепление межнационального согласия и гражданского единства». Данный проект направлен на создание условий для интеграции вынужденных мигрантов. Данный проект представляется эффективной формой интеграционной поддержки для таких категорий вынужденной миграции как беженцы, лица,

ищущие убежище, вынужденные переселенцы и лица без гражданской принадлежности.

Кроме того, субъектами, которые участвуют в организации социальной поддержки, являются высшие учебные заведения. Так, например, на базе СПбГУ организован «Центр социальной помощи семье и детям Приморского района Санкт-Петербурга».

Региональное нормотворчество на примере Северо-Западного федерального округа в сфере миграционной политики позволяет эффективно решать вопросы социальной защиты, социальных компенсации и социальных гарантий. Взаимодействие государственной власти с общественными организациями позволяет предотвратить социальную напряженность. По нашему мнению, следует распространить миграционную практику Северо-Западного Федерального округа (г. Санкт-Петербург) и для других регионов Российской Федерации.

Библиографический список

1. Конвенция о статусе беженцев (принята 28 июля 1951 г. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1950г.) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9.

2. Протокол, касающийся статуса беженцев (одобрен Генеральной Ассамблеей в резолюции 2198 от 16 декабря 1966г) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 13.

3. Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 года № 4531-1 «О вынужденных переселенцах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993. № 48. Ст. 1.

4. Федеральный закон от 19 февраля 1993 года № 4528-1 «О беженцах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993. № 52. Ст. 7557.

5. Приказ МВД России от 07.10.2017 № 838 «Об утверждении административного регламента министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по рассмотрению ходатайств о признании беженцем на территории Российской Федерации и заявлений о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации» // Электр. фонд правовой и НТД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/542611095> (дата обращения: 10.10.2019).

6. Закон Санкт-Петербурга от 22 ноября 2011г. №728-132 «Социальный кодекс Санкт-Петербурга» // Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга. 2011. № 46.

7. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 23 июня 2014 г. № 497 «О государственной программе Санкт-Петербурга «Социальная поддержка граждан в Санкт-Петербурге» // Электр. фонд правовой

и НТД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/822403633> (дата обращения: 10.10.2019).

8. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 5 апреля 2007 № 366 «О создании Санкт-Петербургского государственного учреждения «Центр социальной помощи семье и детям Выборгского района» // Электр. фонд правовой и НТД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/8448086> (дата обращения: 10.10.2019).

9. Алиев О. Ф. Историко-правовой обзор проблем вынужденной миграции // Евразийская адвокатура. 2017. № 30. С. 17–25.

10. Белькова Е. Г. Беженцы и переселенцы: разграничение понятий // Право и законодательство. 2010. № 3. С. 113–116.

11. Иванова В. А. Юридическое содержание понятий «беженец» и «вынужденный переселенец» // Марийский юридический вестник. 2016. № 3. С. 40–42.

12. Карсанова Е. В. Беженцы и вынужденные переселенцы как социальная проблема современности // Педагогические науки. 2016. №7. С. 29–31.

13. Ковальчук О. В. Социальная адаптация беженцев в современном российском обществе // Право и законодательство. 2017. № 7. С. 46–49.

14. Прокушева Н. В. Определение статуса и понятий беженца и вынужденного переселенца // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 5. С. 253–259.

УДК 342.924

Зайцев Леонид Николаевич,
старший преподаватель,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
zln15@yandex.ru

**Актуальные проблемы
судебной практики рассмотрения административных дел
об обжаловании нормативных правовых актов
органов местного самоуправления**

В статье анализируется судебная практика обжалования нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Отдельное внимание уделяется процессуальным вопросам защиты прав гражданина и члена семьи при рассмотрении административных дел данной категории. Автор обращает внимание на актуальность вопроса о том, с какого же времени следует признавать нормативный правовой акт недействительным.

Ключевые слова: правовое государство, нормативный правовой акт, органы местного самоуправления, административное исковое заявление.

Zaitsev Leonid Nikolayevich,
senior lecturer, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

**Actual problems of judicial practice of consideration
of administrative cases on appeal of normative legal acts
of local governments**

The article analyzes the judicial practice of appealing against normative legal acts of local authorities. Special attention is paid to procedural issues of protecting the rights of a citizen and a person when considering administrative cases of this category. The author draws attention to the relevance of the question of the time from which a regulatory legal act should be recognized as invalid.

Keywords: rule of law, normative legal act, local authorities, administrative statement of claim.

Проблема реализации права на оспаривание нормативных правовых актов, закрепленная в ст. 46 Конституции РФ, представляет неизменный интерес как для юристов-практиков, так и для деятелей науки.

Например О. А. Бек считает, что вопросы исследования практики оспаривания нормативных правовых актов, имеет огромное как теоретическое, так и практическое значение [7, с. 5].

Правовой основой для разрешения споров данной категории дел являются нормы Конституции Российской Федерации, главы 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [2], главы 23 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [1].

Возможность судебного обжалования нормативных правовых актов органов местного самоуправления и их отмены предусмотрена статьей 48 Федерального закона РФ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [3].

Особую роль в судебной практике при рассмотрении дел данной категории играют разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» от 25 декабря 2018 года № 50 [4].

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 20 КАС РФ административные дела указанной категории подсудны областному суду.

Нами проанализированы 45 административных дел данной категории, рассмотренных Костромским областным судом в период 2017–2019 гг.

Из указанных дел прекращено 3 дела, по 2 делам административные исковые заявления оставлены без рассмотрения. По 40 делам вынесены судебные решения, из которых по 37 делам иски удовлетворены, т. е. 92,5 %. Указанные обстоятельства свидетельствуют о существенных недостатках в законотворчестве органов местного самоуправления.

Мы считаем положительным моментом закрепление на законодательном уровне фактическое отсутствие срока давности обращения в суд с административным исковым заявлением по данной категории споров. Такие иски подаются в течение всего срока действия оспариваемого правового акта.

Существенное значение при рассмотрении дел данной категории имеет установление факта отнесения оспариваемого акта к нормативному правовому акту, споры по которым рассматриваются областным судом.

Признаками нормативного правового акта органа местного самоуправления являются: 1) издание его в установленном порядке; 2) наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц; 3) рассчитанных на неоднократное применение; 4) направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

О. В. Воробьева справедливо обращает внимание на необходимость принятия закона, содержащего понятие нормативного правового акта [9, с. 137]. По нашему мнению за основу такого понятия можно принять определение, содержащееся в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 50.

От правильности позиции суда по этому вопросу зависит признание того или иного акта нормативным правовым.

Так, определением Костромского районного суда от 14.08.2019 г. ошибочно принятое к производству Костромского районного суда административное дело по иску З. к администрации Костромского муниципального района о признании не действующим решения собрания депутатов этого муниципального органа было передано по подсудности в Костромской областной суд, поскольку оспаривается нормативный правовой акт [5].

При подаче административного искового заявления о признании нормативного правового акта не действующим (полностью или в части) должны соблюдаться требования о его форме, содержании и документах, к нему прилагаемых, предусмотренные ст. 124–126 КАС РФ. Если эти условия не были соблюдены, то это является основанием для отказа в принятии такового (ст. 128 КС РФ).

Действующим законодательством предусмотрено, что при рассмотрении административных дел об оспаривании нормативных правовых ак-

тов граждане, участвующие в деле и не имеющие высшего юридического образования, ведут дела через представителей, имеющих высшее юридическое образование (часть 9 статьи 208 КАС РФ). Это нововведение вызвало оживленную дискуссию в юридическом сообществе. Одни ученые одобрили эту новеллу [8, с. 103]. Другие считают данный институт нарушением прав граждан на доступ к правосудию [10, с. 22]. По нашему мнению введение данного института является существенным нарушением гарантий прав и свобод человека и гражданина, в том числе право на судебную защиту и равенства перед законом и судом.

Законодатель предусмотрел возможность оставления административного искового заявления без рассмотрения в случае, если производство по такому делу возбуждено с нарушением требований, предусмотренных статьями 125 и 126 КАС РФ и эти нарушения не были устранены в установленный судом срок.

Мы предлагаем дополнить часть 1 ст. 196 КАС РФ пунктом 6 следующего содержания: «суд оставляет административное исковое заявление в случае, если административным истцом подано заявление об оставлении административного искового заявления без рассмотрения».

Положительным является расширение на законодательном уровне субъектов, имеющих право на обращение в суд с подобными административными исковыми заявлениями. Такое право предоставлено общественному объединению в интересах членов данного общественного объединения для защиты их прав, свобод и законных интересов. Однако законодатель здесь акцентирует внимание на то обстоятельство, что если это право предусмотрено федеральным законом.

Вместе с тем право обжалования нормативных правовых актов иными лицами в судебной практике могут вызвать определенные трудности.

В случае, если оспариваемый нормативный правовой акт отменен или пересмотрен и перестал затрагивать права, свободы и законные интересы административного истца, суд прекращает производство по административному делу.

Так, по этим основаниям определением Костромского областного суд от 13 мая 2016 г. прекращено производство по административному делу по административному исковому заявлению П. к Думе города Кострома об оспаривании нормативного правового акта, так как решением Думы города Кострома от 28 апреля 2016 года № 96 были внесены изменения оспариваемый акт. Тем самым, было устранено нарушение прав административного истца, на которое он ссылался в административном иске.

Однородные административные требования разных истцов подлежат объединению в одно производство.

Примером может служить объединение административных дел № 305/2019, № 306/2019, №307/2019 по аналогичным административным исковым заявлениям К. З. и А. к администрации Костромского муници-

пального района о признании не действующим решения собрания депутатов, поскольку каждый истец просил суд о признании незаконным и отмене решения собрания депутатов Костромского муниципального района Костромской области от 30 мая 2019 года № 28 «Об утверждении изменений в генеральный план Бакшеевского сельского поселения» в части исключения земель сельскохозяйственного назначения из границ населенного пункта Заречье [5].

Примером нарушения прав граждан и незаконности принятого муниципальным органом нормативного правового акта может служить дело № 3а-121/2019 [6].

Решением Костромского областного суда от 24 апреля 2019 г. частично удовлетворен иск Ж. к Думе города Костромы об оспаривании Генерального плана города Костромы. Суд установил превышение полномочий органа местного самоуправления и что оспариваемым правовым актом нарушены права истца, поскольку она этим актом была фактически лишена возможности строительства жилого дома на принадлежащем ей земельном участке. При этом оспариваемый акт признан недействующими со дня вступления решения суда в законную силу [7].

Актуальным является и вопрос о том, с какого же времени следует признавать нормативный правовой акт недействительным. По нашему мнению такой нормативный правовой акт следует признавать недействующим со дня его принятия, а не с иного указанного судом времени, как этого придерживается судебная практика. Например, со дня вступления решения суда в законную силу, как об этом указано в приведенном выше примере решения Костромского областного суда от 24 апреля 2019 г. Предлагается внести изменения в пункт 1 части 4 статьи 215 КАС РФ с указанием, что в случае удовлетворения административного иска нормативный правовой акт признается недействующим со дня его принятия. Тем более, если указанный акт уже применялся.

Подводя итог актуальности затронутых проблем, отметим, что сложившаяся практика рассмотрения административных дел об обжаловании нормативных правовых актов органов местного самоуправления в целом соответствует основополагающим конституционным принципам защиты прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем, в отдельных случаях следует критически взглянуть на некоторые выявленные недостатки и путем совершенствования законодательства устранить возникающие проблемы.

Учитывая большое количество отмененных судом нормативных правовых актов, нами представляется необходимым при Костромском государственном университете организовать курсы повышения квалификации муниципальных служащих с привлечением судей Костромского областного суда.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. №95-ФЗ (ред. от 26.07.2019 № 197-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 20.11.2019).
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. №21-ФЗ (ред. от 26.07.2019 № 197-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147 (дата обращения: 20.11.2019).
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571 (дата обращения: 20.11.2019).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» от 25 декабря 2018 года № 50 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314764/ (дата обращения: 20.11.2019).
5. Дело № 3а-306/2019 // Костромской областной суд. Архив за 2019 г. http://oblsud.kst.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=12&arc_list=2019 (дата обращения: 25.11.2019).
6. Дело № 3а-121/2019. Костромской областной суд // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://www.sudact.ru>. Решение № 3А-121/2019 3А-121/2019~М-39/2019 М-39/2019 от 24 апреля 2019 г. по делу № 3А-121/2019 (дата обращения: 25.11.2019).
7. Бек О. А. Производство по делам об оспаривании нормативных правовых актов : автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
8. Вайнерман Ф. В. К вопросу о понятии адвокатской монополии и о праве на ее существование в российском законодательстве // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 1. С. 99–105.
9. Воробьева О. В. Проблемы квалификации оспариваемых правовых актов через призму судебной практики (на примере некоторых актов органов местного самоуправления) // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2017. № 3. С. 130–137.
10. Казиханова С. С. Опасные новеллы института представительства по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 21–25.

УДК 349.2:36(493) +340.5

Смирнова Анастасия Александровна,

кандидат исторических наук,

Волго-Вятский институт (филиал) университета им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

asyanastya29@gmail.com

Гребнева Анна Владимировна,

Волго-Вятский институт (филиал) университета им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

grebneva66em@gmail.com

Особенности социального обеспечения различных категорий населения в Бельгии

Статья посвящена анализу особенностей предоставления социального обеспечения различным группам населения Бельгии. Рассмотрены различные виды и формы обеспечения для отдельных нуждающихся групп населения страны, среди которых выделены инвалиды, семьи с детьми, иностранные граждане. Отражены виды пособий, которые предоставляются при наступлении различных жизненных ситуаций, угрожающих социальному благополучию человека. Указаны особенности предоставления отдельных видов выплат по системе социального обеспечения для наемных работников и для самозанятого населения Бельгии, а также дополнительные виды обеспечения, предоставляемые при определенных условиях.

***Ключевые слова:** Бельгия, социальное обеспечение, выплаты, инвалиды.*

Smirnova Anastasia Aleksandrovna,

candidate of historical sciences,

Volga-Vyatka Institute (branch) O.E. Kutafin University,

Kirov, Russian Federation

Grebneva Anna Vladimirovna,

Volga-Vyatka Institute (branch) O. E. Kutafin University,

Kirov, Russian Federation

Features of social security of different categories of the population in Belgium

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of providing social security to different groups of the population of Belgium. Various types and forms of provision for certain needy groups of the population of the country are considered, among which disabled people, families with children, foreign citizens are singled out. The types of benefits that are provided at the onset of various life situations that threaten the social well-being of a person are reflected. The features of the provision of certain types of social security payments for employees and for the self-employed population of Belgium, as well as additional types of security provided under certain conditions, are indicated.

Keywords: *Belgium, social security, payments, disabled people.*

Система социального обеспечения в Бельгии довольно обширна, основана на выплате социальных взносов и включает в себя предоставление различных видов обеспечения. Социальное обеспечение предоставляется при наступлении старости, инвалидности, в случае рождения детей, в случае смерти и т. д. Ж. В. Чебунина выделила несколько направлений социального обеспечения: «1. Пенсионное обеспечение по старости и оказание помощи пережившему супругу; 2. Помощь, предоставляемая в случае безработицы; 3. Страхование против несчастных случаев на производстве; 4. Социальное страхование от профессиональных заболеваний; 5. Семейные выплаты; 6. Страхование от нетрудоспособности и инвалидности; 6. Выплаты связанные с ежегодным отпуском» [1, с. 75]. Страховые взносы за работника перечисляет работодатель в Фонд социального страхования, кроме того сам работник перечисляет взносы за себя на социальное обеспечение. Денежные средства направляются на оплату расходов в различных видах социального страхования: пособия по болезни, безработице, в связи с нетрудоспособностью по болезни или инвалидности, надбавка на случай несчастных случаев на производстве, и на случай производственного заболевания, семейное пособие, пенсии. Самозанятые граждане также имеют право на социальное обеспечение как и наемные работники. Для этого им необходимо платить взнос, который составляет меньший процент, чем совместный взнос работодателей и работников, но дает меньше прав. Однако самозанятые лица могут вносить дополнительные добровольные взносы, которые в некоторых случаях дают им дополнительные права. Для государственных служащих существует ряд правил, которые отличаются от тех, что действуют для наемных работников и самозанятых. Работающие по контракту в Государственном департаменте, могут претендовать на социальное обеспечение для своих служащих.

Иностранные граждане, наряду с гражданами Бельгии имеют право на отдельные виды социального обеспечения, причем вид и объем предоставляемых выплат и услуг зависит от цели пребывания в Бельгии, от наличия или отсутствия соглашения между странами и других: «Если гражданин другого государства планирует жить, работать или учиться в Бельгии,

то его социальные пособия (такие как семейное пособие, пенсии, возмещение медицинских расходов и пособие по нетрудоспособности) зависят от соглашений, если таковые имеются, подписанных между Бельгией и соответствующей страной, гражданство, которого имеется у данного лица, а также от европейского законодательства. Права также зависят от личного положения и варьируются в зависимости от гражданства и статуса занятости (наемный работник, самозанятый, прикомандированный, пенсионер и т. д.)» [2].

Существуют также дополнительные системы поддержки. Эти дополнительные вспомогательные системы не выплачиваются на основе внесенных взносов, а финансируются за счет государственных ресурсов.

Чтобы получить эти формы поддержки, работники должны соответствовать строгим юридическим условиям. Как правило, эти формы поддержки зависят от имеющегося дохода. Дополнительными системами поддержки являются: поддержка доходов, гарантия дохода для пожилых людей, гарантированное семейное пособие, выплаты для людей с ограниченными возможностями здоровья, выплаты за помощь пожилым людям.

В Бельгии социальное обеспечение инвалидов имеет ряд особенностей. Существует целый ряд законодательных положений, определяющих инвалидность. Инвалид может пользоваться различными видами помощи при условии, что он соответствует ряду конкретных критериев, обычно определяемых медицинским обследованием. Помимо этих пособий, выплачиваемых по линии социального обеспечения, в других областях осуществляются и другие меры в интересах инвалидов, такие как: трудоустройство, обучение, мобильность. Выделяют несколько видов пособия для инвалидов.

Пособие на замещение дохода может быть предоставлено инвалиду, если его инвалидность ограничивает его или ее способность работать и, следовательно, его или ее способность зарабатывать доход, работая. Однако эта помощь связана с рядом условий, такими критериями выступают: национальность, возраст, место жительства, доход. Для оценки уровня состояния здоровья, лица, желающие воспользоваться этим пособием, должны сначала пройти медицинское освидетельствование. Размер пособия устанавливается в соответствии с семейным положением инвалида: проживающего в одиночку, в домашнем хозяйстве, совместно проживающего, находящегося на иждивении детей, в учреждении и т. д.

Пособие на интеграцию направлено на улучшение жизни инвалида и включает в себя дорогостоящие мероприятия: предоставление моторизованной инвалидной коляски, эргономичной кухонной утвари, специального оборудования для ванной комнаты и т. д. Оплата дополнительных расходов включает в себя соблюдение некоторых условий, касающихся национальности, возраста, места жительства, состояния здоровья [3, с. 322]. Состояние

здоровья подтверждается медицинским заключением, на его основании рассчитывается сумма, на которую может претендовать инвалид.

Пособие на иждивенцев супруга и удержание помощника супруга подразумевает передачу части профессионального дохода одного из супругов другому, если доход другого супруга не превышает 30 % от общего профессионального дохода супругов.

Распространенным видом социального обеспечения в Бельгии являются семейные пособия [4, с. 194]. Они направлены на защиту семьи, материнства в случае возникновения ситуации, угрожающей социальному благополучию семьи. Размер конкретного вида семейного пособия зависит от профессиональной деятельности родителей, количества детей в семье, очередности рождения ребенка. В случае развода выплата пособий предоставляется в первую очередь матери [1, с. 80]. Выплата семейных пособий и поддержка семьи являются основными направлениями социальной политики Бельгии.

Таким образом, система социального обеспечения Бельгии предполагает предоставление различных видов обеспечения при наступлении различных неблагоприятных ситуаций и позволяет защитить человека от возможных последствий различного рода жизненных обстоятельств, связанных с их социальным благополучием.

Библиографический список

1. Чебунина Ж. В. Социальное обеспечение в Бельгии: вопросы сравнительного права // Сибирский юридический вестник. 2011. № 1. С. 75–80.
2. Belgium.be : официальный информационный портал. URL: <https://www.belgium.be/en/family> (дата обращения: 31.10.2019).
3. Баклунова О. Б. Система социальной безопасности в России и Бельгии: сравнительный анализ // АНИ: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1. С. 320–324.
4. Хижный Э. К. Государственная система социальной защиты граждан в странах Западной Европы : монография. М., 2005. 272 с.

УДК 349.6

Егорова Ольга Николаевна,
магистр, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
advokat.egorova@mail.ru

**Способы повышения эффективности
взыскания и исполнения алиментных обязательств**

Алиментные обязательства выполняют роль дополнительного средства защиты нуждающихся граждан и требуют детальной регламентации в связи с постоянным прогрессом общественных отношений.

Российское государство выражает заинтересованность в решении данного вопроса. Законодателем вводятся новые средства воздействия на лиц, уклоняющихся от уплаты алиментных обязательств, однако у последних все еще остаются возможности уклонения от их исполнения, что обуславливает необходимость совершенствования действующих норм.

Статья посвящена выявлению недостатков в действующих нормах российского законодательства, регулирующих вопросы взыскания алиментов, и поиску способов повышения эффективности алиментных обязательств. Автором выявлены недостатки и предложено их решение по средствам введения в российское семейное законодательство в качестве обязательного условия, при расторжении брака, соглашения об уплате алиментов, а также введение нового понятия - совместная опека, что повысит эффективность алиментных обязательств.

Ключевые слова: алиментные обязательства, алиментополучатель, алиментобязанное лицо, соглашение о содержании, совместная опека, неуплата алиментов, ответственность.

Yegorova Olga Nikolaevna,
undergraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Ways to improve the efficiency of collecting and performing alimony obligations

Alimony obligations serve as an additional means of protecting citizens in need and require detailed regulation in connection with the constant progress of social relations.

The Russian state expresses its interest in resolving this issue. The legislator introduces new means of influence on persons who evade payment of alimony obligations, but the latter still have opportunities to evade their performance, which makes it necessary to improve the existing rules.

The article is devoted to the identification of shortcomings in the current norms of Russian legislation governing the collection of alimony, and the search for ways to improve the effectiveness of alimony obligations. The author identified shortcomings and proposed their solution by means of introducing into the Russian family law as a mandatory condition for divorce, an agreement on the payment of alimony, as well as the introduction of a new concept - joint custody, which will increase the effectiveness of alimony obligations.

Keywords: alimony obligations, alimony recipient, alimony beneficiary, maintenance agreement, joint custody, non-payment of alimony, responsibility.

Правовую природу алиментного обязательства можно отнести к обязательствам особого рода, возникающих из императивно определенного сложного фактического состава и характеризующихся существенным элементом публичности.

Алиментные обязательства – правоотношения, возникающие на основании предусмотренных законом юридических фактов: решения суда, судебного приказа или соглашения сторон, в силу которого одни члены семьи обязаны предоставлять содержание другим ее членам, а последние вправе его требовать [1].

Несмотря на то, что действующее российское законодательство, как и предшествующее, не содержит легальной дефиниции понятия «алименты», традиционно оно подразумевает содержание, которое в силу закона одно лицо (алиментобязанное) должно предоставлять другому лицу (алиментополучателю), находящемуся с ним в семейных отношениях, при условии его несовершеннолетия или нетрудоспособности и нуждаемости. При этом содержание, предоставляемое не в силу юридической обязанности, а из соображений морали не считалось алиментами в специальном значении этого термина. Соглашение о содержании, заключенное между иными лицами, не признается алиментным, а значит и предоставляемое в соответствии с таким соглашением содержание, не считается алиментами.

В настоящее время законом предусматриваются алиментные обязательства родителей и детей, супругов и бывших супругов, а также алиментные обязательства других членов семьи (братьев, сестер, бабушек, дедушек, внуков, пасынков и падчериц), а также предусматривается право этих лиц на заключение соглашения об уплате алиментов либо на обращение за судебной защитой.

Несмотря на детальную регламентацию вопрос назначения алиментов и их взыскание на стадии исполнения не утратил своей актуальности. Определение размера алиментов в судебном порядке в силу наличия некоторых особенностей не лишено проблематики. Обычно размер алиментов рассчитывается на основании требований ст. 81 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), однако если алиментобязанное лицо, имеет нерегулярный, меняющийся заработок, если взыскание алиментов в долевом отношении к заработку родителя невозможно или затруднительно, суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме [4]. На практике, при рассмотрении подобных требований, имеет место занижение алиментобязанным лицом своего дохода, что влечет, в силу определенных пробелов в законодательстве, занижение назначаемого размера алиментов и как следствие нарушение прав алиментополучателя.

Наличие довольно широкого перечня имущественных иммунитетов, а также довольно распространенная в России практика серых зарплат, доходов позволяет недобросовестному должнику успешно уклоняться от ис-

полнения алиментных обязательств. В 2018 году органами дознания Федеральной службы судебных приставов было возбуждено 52 313 тысяч уголовных дел в отношении лиц, злостно уклоняющихся от уплаты алиментов [3]. Поэтому законодатель предусмотрел еще и «нематериальные» меры воздействия на должников: запрет на выезд должника за пределы Российской Федерации и ограничение специального права приостановление действия водительского удостоверения [5].

Наличие средств воздействия на должника по алиментам не приносит существенного улучшения ситуации. Российское законодательство все еще позволяет должнику уходить от исполнения алиментных обязательств и требует совершенствования, в том числе и внедрения новых мер принуждения, связанных с ограничением отдельных прав должника. Однако при этом алиментное законодательство должно учитывать определенный баланс интересов взыскателя и должника, а также членов семьи последнего.

Повышения эффективности алиментных обязательств можно добиться в результате введения при расторжении брака в судебном порядке в качестве обязательного следующего условия: представление сторонами соглашения о содержании несовершеннолетних, нетрудоспособных детей, как, например, в США, где указанное соглашение является обязательным условием развода [6, с. 5–10].

Сейчас СК РФ, в частности пунктом 1 ст. 24, предусмотрена возможность супругов представить такое соглашение суду в качестве права, а не обязательного условия. Пункт 2 данной статьи предусматривает возможность суда по собственной инициативе, при отсутствии алиментного соглашения, определять, с кем из родителей после развода будут проживать несовершеннолетние дети, с кого из них и в каких размерах взыскивать алименты на детей, однако, на практике при отсутствии волеизъявления алиментополучателя на назначение алиментов, судом алименты не назначаются.

Положительное влияние на эффективность уплаты алиментов может оказать введение в СК РФ нового понятия – совместная опека, которое предусматривается в США и является более предпочтительным вариантом для ребенка, чем единоличная опека, поскольку понижает уровень конфликтности между родителями, способствует устранению юридических разногласий, оказывая положительное влияние на взаимодействие между родителями в интересах своих детей [6, с. 5–10].

Верховный Суд Российской Федерации признает, что проблема, связанная с выплатой алиментов на несовершеннолетних детей родителем, проживающим отдельно от детей, является актуальной и на сей день и выражает свою озабоченность данным вопросом, указывая, что родители, проживающие отдельно от своих детей, зачастую предоставляют содержание своим детям нерегулярно или не в достаточном размере либо вовсе отказываются от предоставления содержания в добровольном порядке [2].

Совместная опека родителей над детьми после развода положительно влияет на выплату алиментов, поскольку родитель, обязанный выплачивать алименты, видит реальные расходы на ребенка. Введение указанного института в семейное право России позволит разрешить множество психологических и социальных проблем, возникающих как между родителями, так и между родителями и детьми, положительно повлияет на динамику выплаты алиментов в стране.

В целом нормы права, регулирующие алиментные обязательства России и США, основаны на принципах морали, исходят из необходимости укрепления семьи, защиты материнства и детства, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, и возможности судебной защиты этих прав.

Библиографический список

1. Каймакова Е. В. Проблемы соотношения гражданско-правовых и семейно-правовых способов защиты семейных прав // Научная электр. библиотека eLIBRARY.ru. URL: [https:// elibrary.ru/](https://elibrary.ru/) (дата обращения: 23.06.2019).

2. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015) // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Судебная практика». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.06.2019).

3. Письмо ФССП России от 27.02.2019 № 00043/19/64433-ВВ «Обзор деятельности территориальных органов ФССП России по применению мер уголовно-правового воздействия и организации дознания в 2018 году» // ФССП России. URL: <http://fssprus.ru/2612238> (дата обращения: 12.05.2019).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 15.05.2019).

5. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» (от 02.10.2007 № 229-ФЗ: по состоянию на 06.03.2019) ей» // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 10.05.2019).

6. Худякова О. Ю. Осуществление родительских прав после развода родителей по законодательству // Семейное и жилищное право. 2008. № 6. С. 5–10.

УДК 347.921

Стефанишина Светлана Владимировна,
адвокат,
адвокатский кабинет Адвокатской Палаты Костромской области,
г. Кострома, Российская Федерация
stefanishina_sve@bk.ru

**Становление института «третьих лиц»
в гражданском и конкурсном праве (исторический аспект)**

Статья посвящена обзору основных тенденций становления института «третьих лиц» как в гражданском, так и конкурсном праве. Исследованы основные исторические этапы развития указанного института. Проведен анализ правовых норм, регулирующих права третьих лиц в правоотношениях, на каждом из основных этапов становления права с древнейших времен по настоящее время. Особое внимание уделено вопросам формирования и развития правового регулирования понятия «третьи лица» при несостоятельности (банкротстве) на примерах в истории права.

Ключевые слова: гражданское право, конкурсное право, третьи лица, участие третьих лиц, институт несостоятельности.

Stefanishina Svetlana Vladimirovna,
lawyer,
law office of the Kostroma region chamber of lawyers,
Kostroma, Russian Federation

**Formation of the institute of «Third parties» in civil
and bankruptcy law (historical aspect)**

The article is devoted to a review of the main trends in the formation of the institution of «third parties» in both civil and competition law. The main historical stages of the development of this institution are investigated. The analysis of legal norms governing the rights of third parties in legal relations at each of the main stages of the formation of law from ancient times to the present. Particular attention is paid to the formation and development of legal regulation of the concept of «third parties» in the event of insolvency (bankruptcy) using examples in the history of law.

Keywords: civil law, bankruptcy law, historical aspect, third parties, participation of third parties, insolvency institution.

Актуальность вопросов, связанных с исследованием института «третьих лиц», в настоящее время возросла ввиду активного реформирования гражданского законодательства Российской Федерации. Целью настоящего исследования является попытка выявления специфических особенностей категории третьих лиц, участвующих в отношениях по поводу несостоятельности (банкротства) на каждом из этапов становления института «третьих лиц». При характеристике правовых норм, регулирующих отношения в сфере банкротства на самом начальном этапе их становления, в первую очередь обращает на себя внимание так называемый брахманический период Индии. В этот период закрепление норм законодательства зафиксировано в древнеиндийском сборнике предписаний – Манавадхармашастре, более известном под названием Законы Ману. Формирование Законов происходило длительный период времени: со II века до н. э. по II век н. э. При оценке правовой составляющей Законов Ману необходимо учитывать, что до нашего времени дошли предписания, содержащие 2650 двустиший (шлок), разбитых на 12 глав. Большое внимание в исследуемых Законах Ману уделено регламентации обязательственных отношений, вытекающих в основном из договоров займа. В контексте нашего исследования это обстоятельство имеет особое значение, поскольку при возникновении долговых обязательств возникали права кредитора и обязанности должника, характерные для банкротного права. И действительно, анализ норм Законов Ману позволяет обнаружить основные признаки конкурсного права уже в тот древний период истории права. Так, Законы устанавливали нерушимость и преемственность долговых обязательств. Если должник не мог уплатить долг в срок, он обязан был его отработать. При этом кредитор, принадлежавший к низшей касте, не мог заставить отработать должника высшей касты. Лицо более высокого происхождения, нежели должник, отдавало долг постепенно. Допускалось получение долга с помощью силы, хитрости, принуждения. После уплаты долга с процентами должник становился свободным. Законы предусматривали 18 поводов (пада) судебного разбирательства. Одним из оснований для рассмотрения иска судом являлась неуплата долга. Особый интерес в данном случае вызывает появление в указанных Законах Ману регулирования поведения третьего лица в долговых обязательствах, например, при переходе долга от умершего должника к своему наследнику. Так, в случае смерти должника долг мог перейти на сына и других родственников умершего. Наследники могли избежать ответственности за те долги, которые можно было объявить «порочными», «грязными». К «грязным» долгам относили долги, возникшие в результате содержания любовницы, покупки алкогольных напитков и другие. Такие долги кредитор не мог взыскать с наследников должника [4]. Однако следует признать, что это были лишь зачатки становления института «третьих лиц», как и конкурсного права в целом. Это связано, в первую очередь, с неразвитостью кредитных обязательств. «По-

этому в праве древних народов мы тщетно искали бы следы того сложного института, каким представляется в настоящее время институт несостоятельности. К тому же в неразвитом быту древних народов обеспечением долга служило не имущество должника, а он сам. Это явление представляется общим, как суровому законодательству Ману, так и сравнительно весьма мягкому праву Моисея. Мы видим его у египтян и греков. Оно же характеризовало римское право на первоначальных ступенях его развития» [10, с. 1–2].

Именно поэтому, говоря об историческом аспекте формирования общих положений о так называемых «третьих лицах» в гражданских правоотношениях в целом, и в отношениях должник – кредитор, следует согласиться с доктринальным суждением о том, что основы правового регулирования отношений в области несостоятельности (банкротства), также как и основы для развития в целом гражданского права как в России, так и в других странах, в том числе, в странах Европы, предопределило римское частное право [3]. В этом смысле известное изречение Иеринга: «durch das romische Recht, aber über dasselbe hinaus» – «через римское право, но вперед, дальше его» [7, с. 1], – абсолютно характеризует особенность влияния частного римского права как обусловившего современные мировые тенденции в правовом регулировании вопросов, связанных с несостоятельностью (банкротством), в том числе, с позиции участия в этих правоотношениях так называемых «третьих лиц». Из анализа норм частного римского права следует, что главная цель, которую преследовали стороны, вступающие в обязательственные правоотношения – это исполнение обязательства (*solution* – разрыв, освобождение, прекращение). «Обязательство прекращается главным образом исполнением (платежом) того, что причитается» – писал Гай [5, с. 343]. Вместе с тем, если проанализировать некоторые принципы и аксиомы частного римского права, например: *Aliena negotia exacto officio geruntur* – дело, выполненное вместо другого лица, должно выполняться с особой тщательностью (Цицерон) [6, с. 249]; *Is fecit cui prodest* – сделал тот, кому выгодно (Цицерон) [6, с. 249], – то становится очевидным, что уже тогда, в эпоху Римской государственности, предполагалось исполнение обязательства не только должником, но и любым иным (то есть, третьим) лицом в пользу должника. Интересным с точки зрения частного римского права является включение в правоотношения кредитор – должник раба как третьего лица. В данном случае речь идет об освобождении раба, которое осуществлялось посредством процесса, именуемого *manumissio*. При этом процедура *manumissio* не могла быть совершена во вред неоплатным кредиторам [1, с. 91]. Римскому праву известны и другие примеры включения в правоотношения третьих лиц. Анализ преторского эдикта (Дигесты 4.4.1) позволяет утверждать, что сделка, совершенная малолетним (и вообще лицом до 25 лет) без одобрения опекуна или попечителя (*curator*), выступающего в качестве третьего лица,

могла быть «обращена», и ситуация восстановлена в исходное положение (*restitutio in integrum*) [1, с. 91]. Третьи лица фигурируют также в правоотношениях, связанных с наследственными отношениями по завещанию. Римское право регламентировало так называемый *legatum* (отказ по завещанию) – это дарение по завещанию, распоряжение о передаче отдельных вещей именно третьим лицам. Третьи лица могли вступить в процесс погашения долга в процессе *manus injectio* – «наложения руки». Кредитор мог увести должника и держать его в цепях в течение 60 дней, периодически выводя в базарные дни на площадь и предлагая всем желающим (третьим лицам) оплатить долг должника в полном объеме. При отсутствии желающих это сделать должник терял свою правоспособность, становясь рабом, которого можно было, например, продать, убить. Как справедливо отмечает М. В. Телюкина, с некоторой долей условности в указанных случаях можно провести аналогию между *manus injectio* и современным конкурсным институтом исполнения обязательств должника третьими лицами [8, с. 480]. Предметом настоящего исследования не является установление всех возможных фактов участия третьих лиц в различных правоотношениях, регулируемых Римским правом. Однако важно отметить тенденцию, при которой договорные и обязательственные отношения достаточно часто уже в ту историческую эпоху переставали ограничиваться исключительно рамками должник – кредитор, поскольку в некоторых случаях появлялась необходимость участия третьих лиц в динамике возникающего обязательства.

Если говорить о становлении и развитии конкурсного права в истории России, то доктрина в развитии российского института несостоятельности выделяет три основных этапа. Первый – дореволюционное конкурсное право; второй – конкурсное право советского периода (существовавшее только в период НЭПа); третий – современное конкурсное право (развивающееся с 1992 года по настоящее время).

Старейшим источником российского права, регулирующим начальные стадии становления несостоятельности (банкротства), является «Русская правда» (XI–XII вв.). Документ закрепил так называемую «несчастную несостоятельность», возникшую не по вине должника, также регулировал вопросы, связанные со злонамеренной несостоятельностью, включив нормы о суровой каре за такую злонамеренную несостоятельность, когда должник скрывался от уплаты долгов «бегством в чужую землю». Однако в таких правоотношениях кроме кредиторов и должников места каким-либо третьим лицам не было вовсе.

Положения «Русской правды» по поводу начального регулирования вопросов несостоятельности (банкротства) в основе своей повторяются также в Соборном уложении московского царя Алексея Михайловича 1649 года, 370-летие со времени принятия которого отмечается в этом году. Эти положения по поводу долговых обязательств были помещены

в главу «О нарушении постановлений о кредите» Соборного уложения 1649 года (в редакциях 1866 и 1885 годов) [9, с. 67]. Вместе с тем и в этом уложении мы не найдем норм, регулирующих вступление в правоотношения третьих лиц.

А. Х. Гольмстен, анализируя Купеческий Устав 1727 года, выработанный остермановской комиссией о коммерции, указывает, что в нем несостоятельность делилась на два вида: по вине должника и несчастную, то есть, невиновную [2, с. 17–18]. При этом описывается процедура виновной несостоятельности, при которой должник сначала должен отсидеть 6 недель под караулом. За это время необходимо было найти так называемого «оплатчика», то есть лицо, которое «берет должника в заработки, обязуясь за него платить долг «погодно» [2, с. 18]. Рассуждая о том, кто же такой «оплатчик», автор приходит к мысли, что это может быть как один из кредиторов, так и стороннее, то есть, так называемое «третье лицо». Если не находился оплатчик, то должника отдавали в солдаты или ссылали в Сибирь. Если же находился человек, за которого должник мог пойти служить, тогда этот человек должен был платить долги за должника, но в сумме не свыше 100 рублей [2, с. 19]. Сведения о включении с процесс банкротства третьих лиц, которые могли выплатить долги за должника, по мнению А. Х. Гольмстена, содержатся также в Указе 1736 года. Там речь идет о так называемых «партикулярных людях», в услужение которых поступал должник, в ответ эти третьи лица гасили долг должника перед кредиторами по 24 рубля ежегодно [2, с. 19]. Такие процессы, когда за должника платило третье лицо, А. Х. Гольмстен называет «суррогатом».

Конкурсное законодательство советского периода представляло собой аномалию конкурсных отношений, поскольку защищало не законные интересы кредиторов и должника, а общий хозяйственный результат, что совершенно несвойственно нормальному развитию конкурсного права. Только 19 ноября 1992 года был принят закон РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Таким образом, вся история развития российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) вплоть до закона от 19.11.1992 года, фактически не содержит возможности провести научный обзор норм, регулирующих включение в правоотношения кредитор – должник третьих лиц ввиду отсутствия такого правового регулирования.

Подводя итог, следует признать, что в Законах Ману и в Римском частном праве нашли свое отражение нормы правового регулирования в целом формирующегося института банкротства, обозначились тенденции встраивания в отношения основных субъектов конкурсного права (должника и кредитора) так называемых «третьих лиц». Указанные тенденции продолжили свое развитие в системе права России только на современном этапе его развития, начиная с 1992 года.

Библиографический список

1. Афонасин Е. В. Казусы римского права : учеб. пособие / Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск. РИНЦ НГУ, 2014.
2. Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888. 300 с.
3. Ершов И. И. Обязательство в римском праве // Право: история, теория, практика : материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2011). СПб. : Реноме, 2011. С. 96–99 [URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/39/880/> (дата обращения: 21.10.2019)].
4. Законы Ману. Избранные фрагменты в переводе Г. Ф. Ильина // Бхаратия.ру. URL: <http://www.bharatiya.ru/india/zakonmanu.html> (дата обращения: 08.11.2019).
5. Иванов А.А. Римское право : учеб. пособие / под ред. Н. В. Михайловой. М., 2008. 414 с.
6. Иванов А. А. Римское право : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция». М., 2012. 415 с.
7. Покровский И. А. История римского права. СПб. : Летний сад, 1999. 560 с.
8. Телюкина М. В. Основы конкурсного права. М. : Волтерс Клувер. 2004. 506 с.
9. Тихомиров М. К., Елифанов П. П. Соборное уложение 1649 г. М., 1961. 444 с.; Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии / рук. авт. коллектива А. Г. Маньков. Л., 1987. 448 с.
10. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. Казань : Типография Императорского Университета, 1898. 498 с.

УДК 347.191.6

Тресцова Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Российская Федерация
trestsova64@mail.ru

К вопросу о защите прав добросовестного приобретателя недвижимого имущества

Автором исследуется проблема защиты прав добросовестного приобретателя недвижимого имущества. Определяется понятие его правового статуса и условия, при наличии которых он имеет право на судебную защиту. Устанавливается право на компенсацию за утраченное жи-

лое помещение за счет казны. Делается вывод о создании механизма защиты прав добросовестного приобретателя недвижимости по аналогии с утраченным правом на жилое помещение из казны Российской Федерации.

Ключевые слова: приобретатель, недвижимое имущество, добросовестность, защита, жилое помещение, компенсация, казна.

Trestsova Elena Vladimirovna,
candidate of law, associate professor,
Ivanovo state University,
Ivanovo, Russian Federation

On the issue of protection of the rights of a bona fide purchaser of real estate

The author investigates the problem of protection of the rights of a bona fide purchaser of real estate. The concept of his legal status and the conditions under which he has the right to judicial protection are defined. The right to compensation for the lost premises at the expense of Treasury is established. The conclusion is made about the creation of a mechanism for the protection of the rights of a bona fide purchaser of real estate by analogy with the lost right to housing from the Treasury of the Russian Federation.

Keywords: purchaser, real estate, honesty, protection, dwelling space, compensation, Treasury.

Проблема защиты прав добросовестного приобретателя недвижимого имущества достаточно часто возникает в правоприменительной практике и требует своей оценки с позиции соблюдения баланса частных и публичных интересов. Вопрос о добросовестности приобретателя недвижимости неоднократно рассматривался законодателем в гражданском законодательстве и подвергался реформированиям в связи с правоприменительной практикой Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека и Верховного Суда РФ [2, с. 36].

Как отмечается в постановлении Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца», «добросовестным приобретателем применительно к недвижимому имуществу в контексте пункта 1 статьи 302 ГК Российской Федерации в его конституционно-правовом смысле в правовой системе Российской Федерации является приобретатель недвижимого имущества, право на которое подлежит государственной регистрации в порядке, установленном законом, если только из установленных судом обстоятельств дела с очевидностью не следует, что это лицо знало об отсутствии у отчуждателя права распоряжаться данным имуществом или,

исходя из конкретных обстоятельств дела, не проявило должной разумной осторожности и осмотрительности, при которых могло узнать об отсутствии у отчуждателя такого права» В связи с позицией суда условиями наличия статуса добросовестного приобретателя являются не только указание о том, что оно не знало об отсутствии у отчуждателя недвижимого имущества права на его передачу, но и предположение, в силу которого оно могло иметь возможность узнать об отсутствии у него такого права, если бы проявило должную меру разумной осторожности и осмотрительности [3, с. 51].

«Разумная осторожность» и «осмотрительность» как оценочные категории поведения приобретателя недвижимости означают совокупность проверочных действий с его стороны по отношению к отчуждаемому объекту недвижимости, выражающиеся в установлении из публичных источников информации открытых и достоверных данных о правах предполагаемого собственника на недвижимое имущество. Публичным источником информации является Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН), из которого можно запросить выписку о правах субъекта на отчуждаемый им объект недвижимости. Реестр ведется на основе принципов законности основания государственной регистрации прав, достоверности вносимых в него сведений об объекте права, их ограничений (обременений) и его субъекте, публичности данных из реестра для лиц, которые обратились за получением информации в пределах сведений, установленных законом о государственной регистрации прав.

Таким образом, можно заключить, что для стабильности имущественного оборота перед оформлением юридически значимого действия на объект недвижимости любое заинтересованное лицо должно запросить информацию о собственнике или ином правообладателе недвижимой вещи. Однако должная мера разумности и осмотрительности участника гражданского оборота предполагается, пока не оспорена в суде третьим лицом. Ее нельзя гарантировать в случаях преступных действий субъектов в отношении отчуждаемого объекта недвижимости. Следовательно, необходим обеспечительный механизм защиты (восстановления) права на недвижимость в случае ее утраты по причинам, не зависящим от добросовестного приобретателя прав, за счет публичных органов.

С 1 января 2020 года в Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимость» вводится новое правило о компенсации за утраченное право на жилое помещение за счет казны Российской Федерации [1, с. 91]. Оно станет возможным при наличии определенных в законе условий: субъект должен иметь статус добросовестного приобретателя жилого помещения; право на компенсацию подтверждается решением суда, вступившим в законную силу; у добросовестного приобретателя имеются убытки, возникшие в связи с истребованием от него жилого помещения, а взыскание по исполнительному документу произведено частично

или не производилось в течение шести месяцев со дня предъявления этого документа к исполнению.

Право на компенсацию за утраченное жилое помещение носит характер однократной единовременной выплаты на основании судебного акта за счет казны. Размер компенсации определяется по критерию судебного усмотрения исходя из суммы, составляющей размер реального ущерба. Он исчисляется по кадастровой стоимости жилого помещения на дату вынесения судебного решения. Из его стоимости исключаются выплаты полученных убытков в связи с истребованием у добросовестного приобретателя третьими лицами жилого помещения. Речь может идти о возмещении убытков за неправомерные действия государственного регистратора прав, самого регистрирующего органа, а также лиц, чьими неправомерными действиями были причинены убытки (нотариус, кадастровый инженер и другие). При осуществлении выплаты компенсации за утраченное право добросовестного приобретателя на жилое помещение государство приобретает регрессное право требования к виновному лицу, которое ответственно за причинение убытков при истребовании от добросовестного приобретателя жилого помещения.

Важно отметить, что нормы о праве на компенсацию имеют характер обратного действия закона и распространяются на отношения, возникшие в пределах трех лет с момента вступления указанного правила в силу. Новелла заменяет собой установление о компенсации за утрату права, зарегистрированного в ЕГРН, смысл которого заключался в следующем. Физическое лицо – собственник единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения, который по не зависящим от него причинам не вправе его истребовать от добросовестного приобретателя, а также физическое лицо – добросовестный приобретатель, от которого было истребовано единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение, имеет право на выплату за счет казны Российской Федерации однократной компенсации за утрату права собственности на такое жилое помещение. Отличие старого правила состоит в том, что право имел не только добросовестный приобретатель единственного жилого помещения, но и его собственник, если они утратили право на него по независящим от них причинам. Теперь же во внимание принимаются только интересы добросовестного приобретателя жилого помещения независимо от того, являлось ли оно единственным. Кроме того, в прежней редакции правило гарантировало компенсацию в размере не более одного миллиона рублей, что естественно не покрывало всего реального ущерба по приобретению утраченного жилого помещения [4, с. 24].

В связи с введением изменений в закон возникла уместная дискуссия о том, станет ли норма применяться судами или приобретет свойство «мертворожденного правила». Аргументами сторонников последней позиции являются доводы о том, что исполнительная система не допустит ре-

лизации таких судебных актов ввиду отсутствия в казне достаточных средств. Сама судебная система не будет заточена на рассмотрение спора, а скорее откажет в его удовлетворении и сошлется на наличие в законе иных мер решить проблему с помощью требований о возмещении убытков к их непосредственным причинителям [5, с. 88].

Другой проблемой в вопросе утраты права на недвижимое имущество добросовестному приобретателю служит ситуация, когда ущерб причиняется в результате правомерных действий государственных и муниципальных органов. Показательным примером является постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2019 N 26-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 4 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и части 10 статьи 85 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации городского округа Верхняя Пышма», в котором предметом разбирательства стал вопрос о правовой неопределенности о распределении между уровнями (органами) публичной власти обязанностей по возмещению гражданам – при условии должной добросовестности, разумности и осмотрительности с их стороны – ущерба в случае сноса построек, возведенных в нарушение установленных требований на земельном участке, предоставленном местными органами государственной власти РСФСР для ведения садоводства и расположенном в охранной зоне опасного производственного объекта. Было указано на отсутствие федерального законодательства, которое должно урегулировать пробел об источнике финансирования выплаты компенсации за утраченное право на недвижимое имущество добросовестному приобретателю. Однако суд согласился с формой восстановления нарушенного права, а именно: наличием реального ущерба в связи с неправомерными действиями уполномоченного органа.

Вместе с тем в Особом мнении судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева правомерно указывается на то, что способ защиты права связан с правомерным причинением вреда собственникам органом, принявшим решение о сносе строений, расположенных в зоне с особыми условиями использования. По его разумению, ответ кроется в том, что основной причиной нарушений установленных в строительных нормах и правилах ограничений являлось отсутствие сведений о границах соответствующих зон отчуждений в ЕГРН, из-за чего собственники строений, а также уполномоченные на выдачу разрешительной документации на строительство органы государственной власти не имели необходимых сведений. Отсутствие норм о регистрации зон отчуждения, а также иных законоположений привело к появлению судебной практики, возлагающей все риски, связанные со строительством в зонах отчуждения, на собственников, что нельзя признать справедливым. Указанное, на наш взгляд, по-

зволяет констатировать появление системы возмещения вреда, основанной на началах не вины, а риска. Решить проблему поможет новое правило о компенсации ущерба за правомерные действия публичных органов. Изменение ограничений при установлении зоны с особыми условиями использования носит правомерный характер.

Физический износ и длительная эксплуатация газопроводов без их модернизации повышают риск техногенных аварий. Они способствуют причинению вреда имуществу и жизни собственников земельных участков и расположенных на них строений. Распределение рисков, возникающих в имущественной сфере, добросовестных собственников строений, находящихся в охранной зоне газопроводов, должна осуществляться не по правилам деликтной ответственности, а посредством выплаты компенсации за правомерные действия органов публичной власти, связанные с рисками в имущественном обороте.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что правило о компенсации утраченного права добросовестного приобретателя на жилое помещение необходимо распространить по аналогии закона и на случаи утраты вещных прав на иное недвижимое имущество исходя из баланса частных и публичных интересов с учетом возможных рисков. К этому есть все предпосылки, тем более что судьи Конституционного Суда РФ не всегда солидарны в оценке спорной ситуации и указывают на разно векторные варианты ее разрешения. Кроме того, полезной будет идея о создании компенсационного фонда по устранению рисковому причинению ущерба недвижимости. Правила о компенсационных фондах присутствуют в законодательстве зарубежных стран, а также в российском законодательстве о нотариальной деятельности. Полагаем, что высказанные предложения помогут обеспечить права добросовестного приобретателя недвижимости и реализовать его законные интересы в имущественном обороте.

Библиографический список

1. Алистархов В. Компенсация за потерю жилья. Как это будет? // Жилищное право. 2019. № 10. С. 91–101.
2. Ахметьянова З. А., Опыхтина Е. Г. Защита добросовестного приобретателя жилого помещения // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 35–38.
3. Опыхтина Е. Г. Позиции Конституционного Суда России по проблемам защиты прав добросовестного приобретателя жилой недвижимости на современном этапе // Администратор суда. 2019. № 2. С. 50–53.
4. Пластинина Н. Купили квартиру у мошенника? Получите компенсацию! // Жилищное право. 2019. № 9. С. 23–36.
5. Яковлева С. П. Влияние правовых позиций Европейского суда по правам человека на механизм защиты интересов добросовестного приобретателя жилого помещения в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 88–95.

Шлыкова Елена Андреевна,
старший преподаватель,
Луганский национальный университет им. В. Даля
г. Луганск, Луганская Народная Республика
elen_shlykova@mail.ru

К вопросу о необходимости функционирования комиссий по трудовым спорам

В статье автор поднимает актуальный и неоднозначный вопрос о необходимости функционирования комиссий по трудовым спорам как компетентного органа, уполномоченного разрешать индивидуальные трудовые споры. Анализируется правовой статус комиссий по трудовым спорам. Автор акцентирует внимание на отсутствие четкой законодательно определенной процедуры разрешения индивидуальных трудовых споров в комиссиях по трудовым спорам. Дается характеристика противоположным мнениям ученых-правоведов в отношении необходимости или нецелесообразности функционирования комиссий по трудовым спорам как органа, уполномоченного разрешать индивидуальные трудовые споры на данном этапе развития социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: комиссия по трудовым спорам, уполномоченный орган, индивидуальные трудовые споры, досудебный порядок разрешения индивидуального трудового спора.

Shlykova Elena Andreevna,
senior lecturer, V. dal Luhansk national University
Luhansk, Luhansk people's Republic

On the question of the necessity of functioning of labor dispute commissions

In the article, the author raises an urgent and ambiguous question about the need for the functioning of labor dispute commissions as a competent body authorized to resolve individual labor disputes. The legal status of labor dispute commissions is analyzed. The author focuses on the lack of a clear legally defined procedure for resolving individual labor disputes in the labor dispute commissions. The author characterizes the opposing opinions of legal scholars regarding the necessity or inexpediency of functioning of labor dispute commissions as a body authorized to resolve individual labor disputes at this stage of development of social and labor relations.

Keywords: *commission on labor disputes, authorized body, individual labor disputes, pre-trial procedure for resolving individual labor disputes.*

Личность как субъект социальной действительности реализует свои потребности, интересы, стремления, мечты именно через профессиональную деятельность. Благодаря труду человек обеспечивает себе и своей семье достойную жизнь. Труд выступает своеобразным «двигателем» экономики государства. Уровень жизни населения напрямую зависит от экономического развития государства.

Трудовые отношения между наемным работником и работодателем или уполномоченным им органом по своей природе конфликты, так как каждый стремится к экономической выгоде особенно в условиях перехода к рыночной экономике, и столкновение интересов в этом случае становится неизбежным, и как следствие возникают конфликтные ситуации, требующие немедленного разрешения. Изучение проблем досудебного разрешения индивидуальных трудовых споров (в комиссиях по трудовым спорам) является актуальным направлением в науке отечественного трудового права, особенно, в современных условиях развития общества и государства. С развитием социально-трудовых отношений действующее российское законодательство в полной мере не соответствует сегодняшним реалиям. Социально-экономические и культурные изменения, которые происходят в России, порождают необходимость пересмотра содержания разрешения индивидуальных трудовых споров в комиссиях по трудовым спорам.

В связи с этим, цель данного исследования заключается в изучении положительных и негативных аспектов разрешения индивидуальных трудовых споров комиссиями по трудовым спорам и выработке конкретных предложений и рекомендаций, направленных на усовершенствование действующего трудового законодательства по данному вопросу.

Проблемами нормативно-правового регулирования разрешения индивидуальных трудовых споров (досудебным и судебным) занимались многие ученые, а именно: Р. М. Агапов, Ю. П. Белов, А. А. Бережной, В. Я. Бурак, С. А. Голощапов, М. И. Иншин, В. О. Кабанец, И. Я. Киселев, Е. И. Киселева, И. А. Костян, Л. И. Лазор, В. В. Лазор, О. В. Лавриненко, С. В. Лозовой, А. А. Любчик, М. В. Лушникова, П. Е. Морозов, И. А. Прасолов, В. И. Прокопенко, В. И. Смолярчук и др.

Статья 382 Трудового кодекса РФ (далее по тексту – ТК РФ) устанавливает, что индивидуальные трудовые споры рассматриваются комиссиями по трудовым спорам (далее по тексту – КТС) и судами [9].

КТС является досудебным юрисдикционным органом, компетентным разрешать индивидуальные трудовые споры.

КТС создается как общественный орган в соответствии со ст. 384 ТК РФ по инициативе работников (представительного органа работников) и (или) работодателя. Однако, в то же время закон наделяет КТС государственно-властными полномочиями, поскольку решения, принятые КТС по

индивидуальному трудовому спору, являются обязательными для исполнения сторонами, а в случае неисполнения принятого ею решения в установленный законом срок КТС выдает работнику удостоверение, которое является исполнительным документом. На основании удостоверения не позднее трех месяцев со дня его получения судебный пристав приводит решение КТС в исполнение в принудительном порядке (ст. 389 ТК РФ).

Важной особенностью (новеллой) Трудового кодекса РФ является то, что комиссия по трудовым спорам более не рассматривается как обязательный первичный орган по рассмотрению отдельных индивидуальных трудовых споров. Из формулировки статьи 391 ТК РФ прослеживается, что КТС выступает как альтернативный орган трудовой юстиции. Согласно п. 1 ст. 391 ТК РФ работник вправе обратиться за защитой своих прав как в КТС, так и непосредственно в суд, минуя КТС, что не является нарушением и не препятствует рассмотрению дела в суде.

Законом не установлена четкая последовательная процедура разрешения индивидуального трудового спора комиссией по трудовым спорам, так, законодательством не урегулированы вопросы о заявлении отвода одному или нескольким членам КТС, о порядке заслушивания участников трудового спора, о правилах участия свидетелей и специалистов, приглашенных комиссией, в рассмотрении спора, срок полномочий комиссии и др. Это дает основание полагать, что КТС вправе самостоятельно установить процедуру разбирательства спора в той части, в которой она не определена Трудовым Кодексом.

Необходимо отметить, что у ученых нет однозначного мнения по поводу целесообразности функционирования комиссий по трудовым спорам. Одни авторы говорят (Р. М. Агапов, А. А. Бережнов, А. Г. Мостовщиков и др.) о необходимости создания и функционирования комиссий по трудовым спорам на всех предприятиях/организациях как примирительного органа, который должен уяснить причину (причины) и условия возникновения разногласий, сущность требований сторон, их интересы в споре, продумать пути урегулирования разногласий, предложить решить вопрос мирно путем достижения сторонами компромисса (взаимоприемлемого решения) [1, 2, 5]. Так, Е. И. Киселева считает, что КТС не должны осуществлять правосудие, а лишь устанавливать правоту субъектов трудового спора для того, чтобы не дать развиваться трудовому конфликту в трудовой спор, который будет решаться в суде [4, с. 10].

По мнению С. П. Маврина и Е. Б. Хохлова досудебный порядок разрешения в КТС индивидуальных трудовых споров является достаточно эффективным и позволяет разгрузить суды [8].

Среди преимуществ рассмотрения индивидуального трудового спора КТС выделяют следующие:

- спор рассматривается на предприятии/организации, где работника знают (знают его профессиональные качества, как он относился к своим

трудовым обязанностям), знают причины возникновения спора;

- относительно быстрого разрешения индивидуального трудового спора КТС (КТС обязана рассмотреть индивидуальный трудовой спор в течение десяти дней, в противном случае, работник имеет право перенести его рассмотрение в суд).

Другие ученые (Е. Ю. Сафарова, Б. Р. Карабельников и др.) считают, что КТС как орган, наделенный определенными полномочиями разрешить трудовой спор, в современных условиях развития рыночной экономики уже малоэффективен, результаты работы КТС редко бывает полезными и оправданными, так как большинство решений КТС обжалуется несогласной стороной в суде, что нивелирует идею о «разгрузке» судов по разрешению трудовых споров [7, 3]. Работники, в основном, обращаются в суд за защитой своих нарушенных трудовых прав.

Тот факт, что комиссия по трудовым спорам как юрисдикционный орган со временем утратит свое значение, свидетельствует формулировка положений Трудового Кодекса РФ о необязательности обращения работника в КТС. Работник может сразу в течение трех месяцев, когда узнал или должен был узнать о нарушении своего права, обратиться в суд.

Проект Трудового кодекса Украины № 1658 от 27.12.2014г. [6] комиссии по трудовым спорам отводит малозначительную роль, устанавливая общее правило, что индивидуальные трудовые споры разрешаются судами, решения которых являются обязательными, в КТС с целью защиты своих трудовых прав работник может обратиться по желанию (ст. 381 Проекта ТК Украины). Именно Проект ТК Украины определяет, что КТС является примирительным органом, который создается на паритетных началах с целью поиска взаимовыгодных решений (ст. ст. 382, 383 Проекта ТК Украины).

На данном этапе социально-экономического развития общества и государства альтернативой КТС как досудебного органа разрешающего индивидуальные трудовые споры должен выступать институт посредничества (медиации), тем более что Федеральный Закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ был принят 27.07.2010г. [10].

По нашему мнению, в современных условиях развития рыночной экономики комиссия по трудовым спорам как юрисдикционный орган, наделенный полномочиями по разрешению индивидуального трудового спора, утратила свое прежнее значение в сравнении с советским периодом. На данном этапе развития отечественной российской науки трудового права комиссия по трудовым спорам выступает как альтернативный орган трудовой юстиции, в который работник может обратиться по желанию.

Комиссия по трудовым спорам не может быть в априори независимым органом, так как образуется из представителей работника и представителей работодателя, которые могут находиться в непосредственном под-

чинении у работодателя, объективно беспристрастным и не поддерживающим ничью сторону спора никто из них быть не может, а посредничество или медиация заключается именно в том, что стороной урегулирования спора выступает независимое третье лицо, которое обладает определенными навыками разрешения спора без обращения в суд. Решение комиссии по трудовым спорам несогласная сторона всегда может обжаловать в суде, что увеличивает сроки разрешения индивидуального трудового спора.

Библиографический список

1. Агапов Р. М. Порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2007. 168 с.
2. Бережнов А. А. Досудебный порядок разрешения индивидуальных трудовых споров : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2012. 231 с.
3. Карабельников Б. Р. Трудовые отношения в акционерных обществах. М. : Статут, 2001. 143 с.
4. Кисельова О. І. Правове регулювання вирішення індивідуальних трудових спорів : автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.05 / СНУ ім. В. Даля. Луганськ, 2011. 19 с.
5. Мостовщиков А. Г. Порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Томский государственный университет. Томск, 2004. 193 с.
6. Проект Трудового Кодекса Украины № 1658 от 27.12.2014 г. // Проекты законов Украины : сайт «Профи Винс». URL: <https://www.profiwins.com.ua/ru/legislation/project/746.html> (дата обращения: 12.11.2019).
7. Сафарова Е. Ю. Трудовые споры: индивидуальные и коллективные // Трудовое право. 2010. № 11. С. 91–102.
8. Трудовое право России : учебник / под ред. С. П. Маврина, Е. Б. Хохлова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма; ИНФРА -М, 2012. 608 с.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 12.11.2019).
10. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 12.11.2019).

СЕКЦИЯ 4

ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

УДК 343.359.2

Александрова Ирина Александровна,
доктор юридических наук, доцент,
Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
Iren-nno@mail.ru

Алаев Руслан Сулейманович,
заместитель начальника отдела УЭБиПК МВД
по Чеченской Республике,
г. Грозный, Российская Федерация
corleone_095@mail.ru

Освобождение от уголовной ответственности за совершение налогового преступления

В статье рассматривается созданный по воле руководства страны отдельный правовой институт освобождения от уголовной ответственности за совершения налоговых преступлений, который воплотил в себе новую идеологию противодействия преступности в сфере экономической деятельности. В его основе лежат нормы статей 76.1 УК РФ и 28.1 УПК РФ. Оценивается возможность распространения в отечественном судопроизводстве используемой в данной правовой конструкции согласительной технологии не только для налогоплательщиков за преступное уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов, но и в отношении вполне благополучных лиц, совершивших любое преступление.

Ключевые слова: уголовная политика, освобождение от уголовной ответственности, налоговые преступления, правовой институт.

Aleksandrova Irina Alexandrovna,
doctor of law, associate professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Alaev Ruslan Suleymanovich,

Deputy head of the Uebipk Department of the Ministry of internal Affairs
for the Chechen Republic,
Grozny, Russian Federation

Exemption from criminal liability for committing a tax crime

The article considers a separate legal institution created by the will of the country's leadership for exemption from criminal liability for tax crimes, which embodied a new ideology of combating crime in the sphere of economic activity. It is based on the norms of articles 76.1 of the criminal code and 28.1 of the code of criminal procedure. Possibility of distribution in domestic legal proceedings of the conciliation technology used in this legal construction is estimated not only for taxpayers for criminal evasion from payment of taxes, fees, insurance premiums, but also concerning quite safe persons who have committed any crime.

Keywords: *criminal policy, exemption from criminal liability, tax crimes, legal institution.*

Мониторинг изменений в правовом механизме противодействия налоговой преступности выявил, что в период с 2009 по 2019 годы [1–3] законодателем существенно либерализованы основания и порядок освобождения от уголовной ответственности за совершение налогового преступления.

За последние десять лет последовательно формировался специальный механизм разрешения уголовно-правового спора между государством и налогоплательщиком, ядром которого явились нормы статьи 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» УК РФ и статьи 28.1 «Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба» УПК РФ, определяющие порядок прекращения уголовного дела и освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. В связи с появлением данных норм можно констатировать, что в отечественном уголовном и уголовно-процессуальном праве сформировался отдельный межотраслевой правовой институт.

Этот правовой институт весьма динамичен. Это видно даже по изменению названий статьи 76.1 УК РФ: в действующей редакции указанной статьи оно в наибольшей степени соответствует решаемой стратегической задаче: увеличению доли возмещенного ущерба от фактически причиненного налоговым преступлением ущерба [4] в результате совершения налогового преступления. В процесс формирования нового правового института весомый вклад внесли Конституционный Суд России своими решениями, затрагивающими этот вопрос, Пленум Верховного суда РФ разъяснениями и требованием прекращать уголовное преследование предпринима-

телей во всех случаях, когда имеются основания, описанные в статьях 75–76.2 УК РФ [5].

Принятием норм (ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ), предусматривающих возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, продемонстрирована не только смена курса уголовной политики по противодействию налоговой преступности, но и произведен частичный демонтаж некоторых элементов уголовной политики противодействия преступности в сфере экономической деятельности в целом. В современных условиях рыночной экономики государство, руководствуясь своими фискальными интересами, пошло на неэквивалентный обмен с нарушителем уголовного закона (теория Пашуканиса) [6]: заглаживание налогоплательщиком вреда снимает уголовное правопритязание к лицу. Таким образом, реализована новая идеология стремления к компромиссу, целесообразности для охраны от преступных посягательств экономических отношений средствами уголовного и уголовно-процессуального законодательства, выразившаяся в уголовной политике сдерживания преступности в сфере экономической деятельности.

Идея компромисса реализуется в согласительной технологии относительно определенных обстоятельств в виде возмещения ущерба, с которыми связано прекращение уголовного преследования и освобождение от уголовной ответственности за совершение налогового преступления. Целесообразность как принцип уголовной политики противодействия налоговой преступности в качестве обеспечения возможности прекратить уголовное преследование в связи с возмещением ущерба, и тем самым освободить лицо, совершившее в данном случае налоговое преступление от уголовной ответственности. При этом приоритетными являются идеи прагматизма перед требованием неотвратимости уголовной ответственности.

Представляется, что для достижения поставленной в Программе по повышению качества и результативности противодействия преступности [4] цели утилитарный подход к разрешению уголовно-правовых споров в сфере налогового администрирования вполне уместен. Поэтому задачами анализируемого нами правового механизма можно считать: 1) принятие правомерного процессуального решения о прекращении уголовного дела, которым вместо наказания за доказанный факт совершения налогового преступления применяется альтернативная мера уголовно-правового воздействия; 2) достижение быстрого и полного возмещения установленного ущерба от налогового преступления; 3) устранение социальной опасности изобличенного в совершении налогового преступления обвиняемого; 4) экономия сил и средств правоохранительной системы по выявлению и раскрытию налоговых преступлений за счет упрощения расследования или судебного рассмотрения уголовного дела.

Поскольку возмещение ущерба является одним из главных вопросов, от положительного решения которого зависит прекращение уголовного

дела, постольку нам представляется возможным максимально стимулировать его к принятию подобного позитивного решения. В виду необычайной важности определенности позиции сторон относительно условия прекращения уголовного дела в виду согласия сторон прекратить спор через возмещение причиненного налоговым преступлением ущерба, предлагается фиксировать его в письменном виде, т.е. заключать досудебное соглашение о прекращении уголовного дела при возмещении ущерба в полном объеме.

Для реализации некоторых новых юридико-технических решений в области совершенствования анализируемого правового механизма потребуется пересмотреть ряд концептуальных положений уголовно-правовой и уголовно-процессуальной доктрины [7]. В частности, нам представляется, что определение основания уголовной ответственности должно быть таким: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, установленное в суде на достаточной совокупности, не вызывающих разумных сомнений доказательств».

Еще более значительные нововведения в учение об уголовной ответственности, на наш взгляд, должны состоять в следующем: 1) механизм реализации уголовной ответственности (привлечения к уголовной ответственности, освобождения от нее) должен быть судебным; 2) привлечение к уголовной ответственности происходит в результате вступления в законную силу обвинительным приговором суда или иного судебного решения (постановления, приказа), которым обвиняемый признается виновным в совершении преступления (уголовного проступка); 3) основание уголовной ответственности формируются в суде на доказательствах обвинения – нашедших подтверждение в суде обвинительных доказательств [7].

В заключение выскажем предположение о том, что сформированный за десятилетие отдельный правовой институт освобождения от уголовной ответственности за совершения налоговых преступлений, послужит матрицей для будущей реорганизации всего института прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ (ред. от 07.02.2011) «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 4.
2. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

3. Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018, № 53 (часть I). Ст. 8459.

4. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 345 (ред. от 28.03.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2019).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.10.2017 № 33 «О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

6. Пашуканис Е. Б. Экономика и правовое регулирование // Революция права. 1929. № 4, № 5.

7. Александров А. С., Александрова И. А., Власова С. В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75–86.

УДК 343.779

Бубнова Татьяна Георгиевна,
аспирант, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
Urist.tatyana17@gmail.com

**Экономические признаки древесины
как предмета преступления,
предусмотренного ст. 191.1 Уголовного кодекса РФ**

Объектом исследования выступает предмет преступления, предусмотренного ст. 191.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделяется рассмотрению ГОСТов, содержащих основополагающие национальные стандарты и свойства изучаемых предметов, Постановлений Правительства РФ, научных трудов и иных источников права, в которых имеются различные трактовки понятия древесины и ее основные характеристики. Основным вкладом автора в исследование темы

состоит в проведении детального анализа понятия предмета преступления ст. 191.1 УК РФ, а также иных понятий, содержащих признаки древесины и предложено закрепить на законодательном уровне отличительные особенности древесины, как элемента экономического оборота.

Ключевые слова: *древесина, лесные насаждения, лесоматериалы, предмет преступления, экономические отношения, оборот древесины, сравнительный анализ.*

Bubnova Tatyana Georgievna,

post-graduate student, national research Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Economic signs of wood, as a subject of the crime provided by Art. 191.1 of the Criminal code of the Russian Federation

The object of the study is the subject of a crime under article 191.1 of the Criminal code of the Russian Federation (hereinafter-the criminal code). Special attention is paid to the consideration of state Standards containing the fundamental national standards and properties of the studied subjects, Resolutions Of the government of the Russian Federation, scientific works and other sources of law, in which there are different interpretations of the concept of wood and its main characteristics. The main contribution of the author to the study of the topic is to conduct a detailed analysis of the concept of the subject of crime art 191.1 of the Criminal code of the Russian Federation, and also other concepts containing signs of wood and it is offered to fix at the legislative level distinctive features of wood as an element of economic turnover.

Keywords: *wood, forest plantations, timber, crime object, economic relations, wood turnover, comparative analysis.*

Обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 191.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] является его предмет, как основной элемент объекта преступления, определяющим конструкцию состава и его признаки – незаконно заготовленная древесина.

Согласимся с мнением Д. Б. Чураков, что до сих пор остаются противоположными научные толкования признаков преступлений в лесной сфере и, как следствие, неоднозначным их понимание, в частности предмета преступления [2].

На сегодняшний день отсутствует в лесном законодательстве и ином нормативном правовом акте общее определение древесины и его основные характеристики, являющиеся определяющим фактором для признания предметом преступления, предусмотренного ст. 191.1 УК РФ. В связи с чем, считаем необходимым, разобраться в данном понятии, отграничив от иных схожих определений, встречающихся в теории права.

В Приказе ФТС России от 14.01.2019 № 28 [3] содержится следующее трактование: «Грубо окантованный лесоматериал товарной позиции ... – это лесоматериал, ... полученный из бревна, обработанного в продольном направлении...», «строганным лесоматериалом не является распиленная вдоль древесины с учетом особенностей породы и вида древесины и возможностей технологии обработки». В соответствии с ГОСТ 23431–79 «Древесина. Строение и физико-механические свойства. Термины и определения» (введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 25 января 1979 г. № 222, ред. от 29.11.1990 г.) [4] под древесиной понимают «совокупность вторичных тканей (проводящих, механических и запасящих), расположенных в стволах и корнях древесных растений между корой и сердцевиной». То есть к древесине следует относить стволы деревьев, стебли кустарников и лиан, отделенные от корня. Исходя из содержания понятий древесины в различных источниках, следует отметить, что древесина рассматривается исключительно с экологической точки зрения. Однако на сегодняшний день она выступает одним из самых востребованных объектов на мировом рынке. Именно поэтому считаем необходимым исключить какие-либо спорные моменты, в том числе основные характеристики подлежат закрепить на законодательном уровне.

Понятие древесины встречается в п. 2 Правил реализации древесины, которая получена при использовании лесов, расположенных на землях лесного фонда, в соответствии со статьями 43–46 Лесного кодекса РФ, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 23.07.2009 № 604, под которым понимаются необработанные круглые лесоматериалы [5].

В некоторых судебных актах используют различные понятия, такие как лесоматериалы, лесопродукция и пиломатериалы. К примеру, формулировка лесоматериалы встречается в Приговоре Баргузинского районного суда Республики Бурятия № 1-27/2019 от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-196/2018 [6]. В Определении от 1 июля 2019 г. по делу № А73-6794/2018 Верховного суда Российской Федерации [7] имеется такое разъяснение: «Как установлено судами и следует из материалов дела, Общество обратилось в Департамент с заявлением ... на экспорт лесопродукции, в том числе: разрешения на вывоз лесоматериалов ясеня маньчжурского необработанныго ..., разрешения на вывоз пиломатериалов из ясеня маньчжурского». В Постановлении Слободского районного суда Кировской области [8] «при перевозке лесопродукции его остановили, проверили документы, не оказалось сопроводительного документа на транспортируемую древесину».

На наш взгляд, данный факт свидетельствует о том, что на практике также имеются различные формулировки, под которыми подразумевают древесину, выступающую в качестве предмета преступления по ст. 191.1 Уголовного кодекса РФ.

Лесоматериалы в Большой советской энциклопедии понимаются, как лесные сортименты, материалы из древесины, сохранившие ее природную физическую структуру и химический состав [9].

Пиломатериалы, в свою очередь, представляют собой обрезные, не-обрезные материалы, доски, бруски и брусья, которые изготавливаются из древесины пород сосны, ели, пихты, лиственницы и кедра [10].

Следовательно, можно отметить, что пиломатериалы прошли определенную стадию обработки и заготовки. В некоторых словарях, древесиной называют покрытую корой твердую часть дерева или кустарника, а также плотную часть растения, проводящую воду и питательные вещества от корней по всем другим органам.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25.

2. Чураков Д.Б. Противодействие преступным посягательствам на сохранность лесных и иных насаждений (уголовно-правовые и криминологические меры) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2018. 201 с.

3. Приказ ФТС России от 14.01.2019 № 28 «О классификации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза отдельных товаров» (вместе с «Разъяснениями о классификации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза отдельных товаров») (Зарегистрировано в Минюсте России 16.04.2019 № 54388) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.08.2019).

4. ГОСТ 23431–79* (СТ СЭВ 6830-89). Древесина. Строение и физико-механические свойства. Термины и определения (введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 25.01.1979 № 222) (ред. от 29.11.1990). М. : Изд-во стандартов, 1985.

5. Постановление Правительства РФ от 23.07.2009 № 604 (ред. от 22.10.2014) «О реализации древесины, которая получена при использовании лесов, расположенных на землях лесного фонда, в соответствии со статьями 43–46 Лесного кодекса Российской Федерации» (вместе с «Правилами реализации древесины, которая получена при использовании лесов, расположенных на землях лесного фонда, в соответствии со статьями 43–46 Лесного кодекса Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ, 27.07.2009, № 30, ст. 3840.

6. Приговор № 1-27/2019 от 27 февраля 2019 г. по делу № 1–196/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.08.2019).

7. Определение от 1 июля 2019 г. по делу № А73-6794/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.08.2019).

8. Постановление № 5-3/1/2019 от 7 февраля 2019 г. по делу № 5-3/1/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.08.2019).

9. Лапиров-Скобло С. Я., Лесное товароведение, 3 изд., М., 1968; Лесоматериалы круглые. Сборник стандартов. М., 1969.

10. ГОСТ 8486–86. Пиломатериалы хвойных пород. Технические условия (утв. Постановлением Госстандарта СССР от 30.09.1986 № 2933) (ред. от 01.02.1990) // Электр. фонд правовой и НТД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200004108> (дата обращения: 27.08.2019).

11. Зайнутдинов Р. С. Уголовно-правовые аспекты преступления в виде приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины // Вестник КемГУ. 2015. № 1-4(61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-aspekty-prestupleniya-v-vide-priobreteniya-hraneniya-perevozki-pererabotki-v-tselyah-sbyta-ili-sbyta-zavedomo> (дата обращения: 27.08.2019).

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238–239.

13. Румянцев Ф. П. О «правовой судьбе» древесины, заготовленной при использовании лесов в целях строительства линий электропередачи // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 7. С. 64–68.

УДК 343

Вишневский Ярослав Альбертович,
старший преподаватель, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
ya.vishnevskiy@donnu.ru

Моисеева Кристина Николаевна,
студент, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
moiseevakristina64@gmail.com

Проблемы привлечения к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными

В настоящей статье рассматриваются некоторые проблемы привлечения к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными, а также отдельные вопросы при квалификации деяний лиц по статье 245 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Авторами про-

анализированы отдельные квалифицирующие признаки состава преступления. Приводится обзор судебных решений, вынесенных судами Российской Федерации по указанной статье Уголовного Законодательства. На основе исследования судебной практики и положительного опыта зарубежных стран, обоснована необходимость совершенствования данной нормы. Так, авторами предлагается внесение изменений в статью 245 Уголовного Кодекса Российской Федерации с целью определения термина увечья, а также ужесточения наказания за совершение указанного противоправного деяния.

Ключевые слова: *животное, жестокое обращение, увечье, ответственность, правоприменительная практика.*

Vishnevskiy Yaroslav Albertovich,
senior lecturer, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Moiseeva Kristina Nikolaevna,
student, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Problems of criminal prosecution for animal cruelty

This article discusses some problems of criminal liability for cruelty to animals, as well as some issues in the qualification of acts of persons under article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors analyzed some qualifying features of the crime. The review of the judgments rendered by courts of the Russian Federation under the specified article of the Criminal Legislation is resulted. On the basis of research of judicial practice and positive experience of foreign countries, the necessity of improvement of this norm is proved. Thus, the authors propose amendments to article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to define the term injury, as well as to toughen the punishment for the Commission of this illegal act.

Keywords: *animal, abuse, mutilation, liability, law enforcement.*

Беспомощное положение большинства представителей фауны перед групповым насилием со стороны человека, обуславливает потребность в уголовно-правовой охране общественных отношений в сфере обращения с животными, а участвовавшие случаи распространения и пропаганды практики издевательства над животными, посредством СМИ и социальных сетей, выбранной теме – особую остроту.

В целях предотвращения преступных посягательств на животных в Уголовный Кодекс РФ была введена статья 245, предусматривающая ответственность за жестокое обращение с ними. Вместе с тем, в настоящее

время, правоохранительные органы сталкиваются с определенными трудностями квалификации деяний по данной статье. Так, состав преступления, предусмотренный ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными», сконструирован таким образом, что для привлечения виновного к уголовной ответственности необходимо установить прямой умысел и один из альтернативных признаков в виде хулиганских или корыстных побуждений, применения садистских методов издевательства над животными либо совершение данных деяний в присутствии малолетних лиц.

Для точного определения анализа проблем возникающих в правоприменительной практике, обуславливается необходимость обращения к судебной практике вынесения приговоров по статье 245 УК РФ.

Так, рассматривая обзор практики Челябинского областного суда, следует обратиться к делу гражданина И., который был осужден за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель, совершенное из корыстных побуждений (ч. 1 ст. 245 УК РФ), а также тайное хищение имущества потерпевшей Г. (ч. 1 ст. 158 УК РФ) и неправомерное завладение автомобилем без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ) [1].

Как указано выше, по смыслу ч. 1 ст. 245 УК РФ состав преступления будет иметь место только в том случае, если гибель или увечье животного сопровождались соответствующей мотивацией виновного (хулиганские или корыстные побуждения) или имели место при наличии определенных условий (совершены с применением садистских методов или в присутствии малолетних).

При этом хулиганские побуждения означают желание противопоставить себя обществу, высказать пренебрежение установленными правилами поведения, нормами морали и нравственности. В данном случае в поведении виновного должны иметь место демонстративное проявление жестокости, отсутствие реагирования на возмущение, замечания посторонних лиц, попытки пресечь его деяние. Под корыстными побуждениями следует понимать стремление виновного извлечь материальную выгоду для себя или других лиц, избавиться от имеющихся у него затрат.

Как следует из приговора, гражданин И. намеревался тайно похитить магнитолу из автомобиля, который принадлежал потерпевшему и стоял во дворе дома. Однако совершить указанные действия помешали две собаки, находившиеся в том же дворе, в связи с чем он нанес животным повреждения, повлекшие их гибель.

Таким образом, действия по жестокому обращению с животными были совершены осужденным с целью устранения препятствий для совершения другого преступления, самостоятельным умыслом не охватывались, а потому суд первой инстанции посчитал, что их квалификация по ч. 1 ст. 245 УК РФ является излишней. В свою очередь, суд кассационной инстанции изменил приговор, исключив из него осуждение по ч. 1 ст. 245 УК РФ и снизив наказание по совокупности преступлений. Исходя из изло-

женного, если гражданин негуманно отнесся к животным, но при этом это было совершено с целью устранения препятствий либо иных обстоятельств, то лицу удастся избежать ответственности.

Выходит, что привлечение виновного лица к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными исключается в случаях, когда умысел был направлен на совершение другого деяния либо действия лица совершены по неосторожности. Например, невозможно будет привлечь к ответственности лицо, легкомысленно закрывшее животное в автомобиле, стоящем на солнцепеке, в результате чего животное гибнет от теплового удара.

Однако, когда преступление является очевидным, привлечь виновного к уголовной ответственности также удастся далеко не всегда. Так, согласно Постановлению Президиума Сахалинского областного суда от 9 сентября 2011 г. по делу № 44у-93/11, лицо было признано виновным в том, что в гараже, расположенном недалеко от дома, незаконно изготовил из охотничьего двуствольного ружья Иж-58 16-го калибра огнестрельное оружие, которое незаконно носил и хранил у себя дома, до момента, пока оно не было обнаружено и изъято сотрудниками милиции [3]. Действия обвиняемого были квалифицированы по ч. 1 ст. 223 УК РФ – незаконное изготовление огнестрельного оружия и ч. 1 ст. 222 УК РФ – незаконное хранение и ношение огнестрельного оружия. Он же, имея умысел на жестокое обращение с животными, а именно с бродячей собакой, умышленно, из корыстных побуждений, с целью последующего употребления собаки в пищу из указанного выше обреза произвел выстрел в область грудины спящей собаки, что повлекло гибель животного, после чего разделал собаку и употребил ее в пищу. Данные действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 245 УК РФ как жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель, совершенное из корыстных побуждений. В надзорном представлении прокурор посчитал, что в действиях гражданина С. отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 245 УК РФ, поскольку умыслом осужденного не охватывалось жестокое обращение с животным и его действия не носили характер истязания. Из материалов дела следует, что осужденный убил собаку, чтобы употребить ее мясо в пищу. Проверив материалы дела, обсудив доводы надзорного представления, президиум посчитал приговор подлежащим изменению по следующим основаниям. По смыслу закона, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, заключается в действиях, состоящих в жестоком обращении с животными, таких как мучение животных или издевательство над ними, например, их систематическое избивание, содержание в невыносимых условиях, препятствующих нормальному функционированию организма, длительное оставление без пищи и воды, т. е. причинение страданий животным на протяжении определенного времени, что приводит к их гибели или увечью. При этом не может рассматриваться как жестокое обращение

с животными: охота на них и убивание их без излишних мучений для получения мяса и шкур; деятельность, связанная с предотвращением размножения животных; их эвтаназия при оказании ветеринарных услуг; уничтожение животных по санитарно-эпидемиологическим соображениям. Из материалов дела следует, что обвиняемый убил собаку одним выстрелом, в тот момент, когда та спала, и гибель животного наступила непосредственно после выстрела.

Таким образом, суд пришел к выводу, что в уголовном деле отсутствуют доказательства того, что обвиняемый умерщвлял собаку мучительным способом и его действия носили характер истязания.

Как установлено собранными по делу доказательствами и отражено в приговоре, он не преследовал своей целью причинить страдание животному, а убил собаку только для удовлетворения своих физиологических потребностей – утоления голода путем употребления мяса собаки в пищу. При таких обстоятельствах суд посчитал необоснованным осуждение лица по ч. 1 ст. 245 УК РФ и пришел к выводу о необходимости отмены приговора суда первой инстанции в той части, ввиду отсутствия в действиях состава преступления. На основании изложенного и руководствуясь ст. 407, 408 УПК РФ, президиум постановил: надзорное представление прокурора удовлетворить.

Приведенный анализ судебной практики свидетельствует об определенных проблемах связанных с квалификацией действий лиц по статье 245 УК РФ, что предоставляет виновному лицу возможность избежать уголовную ответственность за жестокое обращение с животными. Представляется, что действующая конструкция статьи 245 УК РФ требует уточнения. В первую очередь, целесообразным является дополнение текста указанной статьи примечанием, содержащим понятия «увечья». С.И. Ожегов определяет увечье как нанесение ран, калечение [2, с. 750]. Определяется понятие «увечье» и как вид «тяжкого телесного повреждения» [4, с. 958]. Исходя из приведенных определений к увечью следует отнести телесные повреждения, раны, утрату органом его функций. Поэтому действия, повлекшие только расстройство здоровья без наличия указанных признаков, на наш взгляд, не образуют рассматриваемого состава преступления.

Кроме того, особого внимания заслуживает вопрос соразмерного и справедливого наказания за издевательство над животными. Так, при решении данного вопроса целесообразно обратить внимание на мировую практики в сфере защиты животных от жестокого отношения. Так, в 2008 году в Швейцарии был принят закон о правах животных (Animal Welfare Act), который ужесточил и без того строгие меры ответственности по защите животных от жестокого обращения. Швейцария по заслугам получила статус правового рая для животных. Культура отношения граждан этого государства к животным не претерпела кардинальных изменений за последние почти сорок лет, с момента принятия Federal Act on Animal Protection 1978 г., Animal

Protection Ordinance 1981 г. Индия, Китай, Саудовская Аравия, Италия, Австрия, Соединенные Штаты Америки, Германия, Канада – это только некоторые страны, опыт которых в борьбе с жестокостью в отношении животных заслуживает должного внимания. Так, 43 штатах США жестокое обращение с братьями меньшими является тяжким преступлением и влечет до десяти лет лишения свободы. В свою очередь, в Австрии запрещено держать львов и тигров в цирке, а также удерживать домашних питомцев на привязи и в душных витринах магазинов.

Таким образом, анализируя отечественное законодательство и законодательство зарубежных стран, следует указать, что наличие в уголовном законе нормы о жестоком обращении с животными является правильным и необходимым, однако редакция данной нормы вызывает некоторые трудности в правоприменительной практике. Исходя из изложенного, считаем необходимым рассмотрение вопроса о внесении изменений в ст. 245 УК РФ с целью определения термина «увечья», а также ужесточения наказания за совершение данного преступления, следуя положительному опыту зарубежных стран.

Библиографический список

1. Кассационное определение Челябинского обл. суда от 12 апр. 2010 г. // Судебные решения РФ. URL: <http://search.ru> (дата обращения: 04.12.2019).

2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1960. С. 809.

3. Постановление Президиума Сахалинского областного суда от 9 сен. 2011 г. // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fNNoDMX8wzx0> (дата обращения: (дата обращения: 04.12.2019).

4. Советский энциклопедический словарь. М., 1990. С. 1387.

УДК 343.533

Глазков Виктор Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент,

ректор Луганской академии внутренних дел им. Э. А. Дидоренко,

г. Луганск, Луганская Народная Республика

naukalavd@mail.ru

Компьютерные преступления: проблемы и перспективы

В статье была предпринята попытка исследования компьютерных преступлений, не только в уголовно-правовом, но в социально-экономическом и политическом аспектах. Обращено внимание, что в период инфор-

мационных войн (внутригосударственного и международного характера), информация является ценным ресурсом и товаром, который стараются заполучить физические, юридические лица, государство.

Подчеркнуто, что информационные войны такого рода систематически и планомерно ведутся против Луганской и Донецкой Народных Республик, что негативно сказывается на их правовом государственном становлении, подрывает их авторитет на международной арене.

Особое внимание обращено на появление кибертерроризма, как наиболее опасного вида компьютерной преступности в наше время и необходимость консолидации усилия всех стран для борьбы с этой глобальной угрозой человечеству.

Ключевые слова: компьютерные преступления, информационные войны, кибертерроризм, преступления, криминализация, опасное производство.

Glazkov Victor Anatolyevich

candidate of law, associate professor, rector
of the Luhansk Academy of internal Affairs named after E. A. Didorenko,
Luhansk, Luhansk People's Republic

Computer crimes: challenges and prospects

The article made an attempt to study computer crimes, not only in criminal law, but in socio-economic and political aspects. Attention is drawn to the fact that during the period of information wars (domestic and international), information is a valuable resource and product that individuals, legal entities and the state are trying to get.

It is emphasized that such information wars are systematically and systematically waged against the Lugansk and Donetsk People's Republics, which negatively affects their state-building, and undermines their credibility in the international arena.

Particular attention is paid to the emergence of cyber terrorism, as the most dangerous form of computer crime in our time and the need to consolidate the efforts of all countries to combat this global threat to humanity.

Keywords: computer crimes, information wars, cyber terrorism, crimes, criminalization, dangerous production.

Криминализация незаконных действий в сфере использования компьютерной техники в целом, а также создания, распространения или сбыт вредного программного и технического обеспечения в частности, есть, в первую очередь, отображением определенного уровня общественной опасности данных посягательств. Как раз общественная опасность, а точ-

нее ее определенный уровень, есть основным условием, определяющим криминализацию данного деяния.

Для этого сначала следует рассмотреть признаки общественной опасности анализированного деяния для того, чтобы в полной мере исследовать логику законодателя относительно дополнения уголовного кодекса Украины статьей 361-1 (ст. 333-1 УК Луганской Народной Республики), предусматривающей ответственность за создание, с целью распространения или сбыта и распространения вредных программных или технических средств.

В этом плане можно считать обоснованным мнение ряда отечественных и зарубежных ученых относительно определения основных признаков общественной опасности компьютерных преступлений. В их работах делается акцент на то, что общественная опасность этих преступлений обусловлена, прежде всего, социальной значимостью информационных отношений в современном обществе: их нормальное функционирование есть необходимым условием любой человеческой деятельности. Уничтожение или искажение информации приводит к нарушению деятельности государственных институтов, гражданских структур общества, для осуществления которых она необходима. Поэтому причинение вреда информационным отношениям всегда автоматически приводит к нарушению многих других общественных отношений, разбалансировки всего государственного механизма.

Повышенная общественная опасность компьютерных преступлений на современном этапе развития мирового сообщества, непосредственно связана с громадными изменениями информационных отношениях, вызванных бурным ростом компьютерных технологий.

Как известно, механизм влияния технологий на общественные отношения заключается в том, что с развитием социума и постоянным включением научно-технических достижений в систему жизнедеятельности человека, он все более и более совершенствуется. Сегодня уже мир не представляется без существования системы Интернет и других активных средств коммуникаций.

В свою очередь, компьютерные технологии, в основе которых лежат зримые изменения количественных изменений информационных процессов (резкое увеличение объемов, используемой информации передаваемой и сохраняемой) закономерно повлияли на качественные изменения информационных общественных отношений. Эти изменения произошли, в первую очередь, потому, что информационные связи и информация в целом стали рассматриваться в новой системе координат, как политико-экономические категории. Информация становится сегодня очень ценным продуктом и основным товаром. Информационный ресурс, то есть вся совокупность полученных сведений, накопленных в процессе развития науки и практической деятельности людей для их многоцелевого использования в общественном производстве и управлении, относится, несомненно,

к наиболее важным видам ресурсов, определяющих экономическое, политическое и военное могущество их обладателя [3, с. 16]. По сути, определяющим степень международного авторитета конкретного государства.

Так, возрастание значимости информации процессов, связанных с выработкой, закреплением и использованием информации, вызвало определенные изменения в структуре общественного производства, обмена, распределения и потребления человеком материальных и духовных благ.

В этой связи целесообразно вспомнить, что еще в конце 30-х годов прошлого столетия рядом экономистов было предложено рассматривать общественное производство, как совокупность трех основных секторов: первичного (добывающие отрасли и сельское хозяйство), вторичного (обрабатывающая промышленность) и третьего по значимости – сферы услуг [1, р. 76].

Сегодня индустрия коммуникаций и информации все чаще приобретает во многих странах, в том числе и ведущих мировых державах, такой экономической и политической вес, что прямо влияет на жизнедеятельность всего мирового сообщества. Уместно в этой связи вспомнить Джулиана Ассанжа, который «взорвал» информационную бомбу, в результате чего потрясен был весь мир, многие национальные элиты и лидеры отдельных, в том числе и самых могущественных, государств.

В таких условиях с полным основанием можно говорить, что человечество вступило в полосу информационных войн, которые ведутся, как на внутригосударственном, так и международном уровнях.

В период избирательных компаний компромат на своего оппонента считается ценным продуктом и без всякого зазрения совести выбрасывается в мировое информационное поле. Также постоянно и с все возрастающей активностью ведутся информационные войны между государствами, которые таким образом пытаются усилить свои политические и экономические позиции за счет уничтожения или ослабления информационными средствами своего противника.

Уже более пяти лет ведется в полном смысле слова информационная война против Луганской и Донецкой Народных Республик со стороны киевского политического режима. Украинская пропагандистская машина до сих пор всячески скрывает от мирового сообщества правдивую информацию о событиях, происходящих в Донбассе, о терроре и геноциде, осуществляемом государством против жителей наших территорий. Европа до недавнего времени верила в то, что в данном вооруженном конфликте (гражданской войне) потерпевшей стороной является Украина. Сейчас все становится на свои места. Мировая общественность убедилась в том, что жертвой в данной ситуации являются жители Луганской и Донецкой Народных Республик. Тем не менее, и сегодня некоторые страны бывшего социалистического лагеря (Польша, Латвия, Эстония, Литва и др.) прилагают все усилия, направленные на сокрытие военных преступлений, со-

вершаемых украинскими вооруженными силами и карательными добровольческими батальонами на территории Донбасса.

Ярким примером информационной войны являются события, разворачивающиеся сегодня в США. Демократы и часть республиканцев обвиняют Россию во вмешательстве в избирательный процесс, в результате чего, как они считают, Президентом США стал Дональд Трамп и требуют его импичмента. Подобных эпизодов информационных войн можно привести множество в разных странах и различных регионах мира.

Таким образом, ярким примером возрастания общественной опасности преступлений, совершаемых в сфере компьютерных технологий есть постоянно растущая экономическая и политическая ценность предмета этих преступлений – компьютерной информации. Например, ежегодные убытки от этих преступлений только в США оцениваются более чем 150 млрд долларов [5, с. 30–32]. Также не для кого не является секретом, что сегодня эти преступления приобретают международный характер и реально угрожают экономическим основам государств и мировой экономической системы в целом [2, с. 7].

Все эти негативны явления, безусловно, требуют создания эффективной системы противодействия этим преступлениям на внутригосударственном, региональном и универсальном уровнях. Примером создания, в свое время, региональной системы противодействия компьютерным преступлениям можно считать решение стран СНГ о принятии «Концепции информационной безопасности стран-участников СНГ в военной сфере» [4]. По известным для всех причинам сегодня эта система практически не работает также, как и само Содружество Независимых Государств.

Эффективная борьба с преступлениями в этой сфере допускает оптимальное использование государством репрессивных и профилактических мер. Наиболее серьезным эффективным средством можно считать уголовно-правовые репрессии со стороны государства в ответ на такого рода социально-негативного явления.

Особо следует подчеркнуть, что опасность преступлений такого рода многократно увеличивается, когда преступник получает допуск к автоматизированным системам, которые используются в сфере национальной обороны, в руководстве воздушного или наземного транспорта, в контроле над опасным производством и других сферах человеческой деятельности, которые представляют повышенную опасность. В таких случаях незаконное вмешательство может привести не только к значительным материальным потерям, но и жертвам.

В этой связи проблемы терроризма в контексте компьютерной преступности сегодня приобрели особую актуальность, что и заставляет специалистов в указанных сферах объединить усилия для борьбы с компьютерным терроризмом. Следует отметить также, что проблема эта неоднократно привлекала внимание разных исследователей. Однако анализ их работ дает основание утверждать, что она осталась до сих пор неразрешенной.

Кибертерроризм представляет собой глобальную угрозу для человечества и международного сообщества, при этом следует отметить, что это явление не имеет государственных границ. Ввиду вышесказанного и особенностей проявления кибертерроризма возникает целый комплекс юридических и технических проблем, связанных с тем, что сегодня отсутствуют законодательные акты, которые регулировали бы уголовно-процессуальные действия по привлечению к ответственности террористов указанного вида.

Таким образом, устойчивая тенденция возрастания общественной опасности компьютерных преступлений обусловлена многократным и масштабным ускорением развития науки и техники в сфере компьютерных технологий, а также постоянным и все более стремительным расширением сфер использования информационных технологий и, в частности компьютерной техники экономической, политической, военной областях и др.

Библиографический список

1. Clark C. Conditions of Economic Progress. L., 1940. 241 p.
2. Антонов С. Компьютерные преступления в банковской сфере // Юридическая практика. 1997. № 8. С. 5–12.
3. Воройский Ф. С. Систематизированный толковый словарь по информатике. М. : Киберия, 1998. 768 с.
4. Решение о Концепции информационной безопасности государственных участников Содружество Независимых Государств в военной сфере (Минск, 4 июня 1999 года) // Офиц. портал Верховной рады Украины. URL: <http://www.rada.gov.ua> (дата обращения: 12.11.2019).
5. Черных А. Преступления компьютерного века // Советская юстиция. 1987. № 11. С. 30–32.

УДК 334.241.8

Дворянсков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Москва, Российская Федерация
diw@yandex.ru

Бубенцов Владимир Иванович,
Управление охраны и конвоирования
Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Москва, Российская Федерация
bubentsov-v@yandex.ru

История конвойной службы в дореволюционной России

Статья посвящена ретроспективному анализу развития конвойной службы. Ее создание стало закономерным продолжением правительственной политики по укреплению обороноспособности страны, внутренней безопасности России. Рассмотрены основные этапы формирования таких подразделений с XVII по начало XX века.

Ключевые слова: конвойные подразделения, этапирование, перемещение осужденных, ссылка и каторга.

Ivan Vladimirovich Dvoryankov,
doctor of law, professor, Research Institute
of the Federal penitentiary service,
Moscow, Russian Federation

Vladimir Ivanovich Bubentsov,
Department of security and escort of the Federal penitentiary service,
Moscow, Russian Federation

The history of escort service in pre-revolutionary Russia

The article is devoted to the retrospective analysis of convoy service development. Its creation was a natural continuation of the government policy to strengthen the country's defense capability and internal security of Russia. The main stages of the formation of such units from the XVII to the beginning of the XX century are considered.

Keywords: the guards division, the transportation, the moving of prisoners, exile and hard labor.

Вооруженные формирования, созданные для обеспечения внутренней безопасности и поддержания порядка – необходимая часть государственного аппарата. Охрана политического строя, социально-экономических отношений – одна из важнейших задач власти, выполняемая как управленческими структурами, так и специальными вооруженными формированиями. В России на разных этапах ее истории в их число входили также формирования и подразделения, выполнявшие пенитенциарные и, в частности, конвойные функции: конвойные команды, этапные команды, конвойные войска, внутренняя стража и т. д. Для конвоирования арестантов и особенно военнопленных также нередко привлекались регулярные армейские части.

Предыстория конвойных подразделений восходит к созданию регулярной армии в России в конце XVII – начале XVIII вв. Именно тогда возникают постоянные гарнизоны городов, крепостей, портов. Эти гарнизоны

входили в состав единой структуры постоянных вооруженных формирований, именовавшихся гарнизонными войсками.

Организация службы сопровождения арестантов, охрана и надзор за ними издавна были одной из важнейших внутригосударственных проблем. Потребность в вооруженном конвое для лиц, заключенных под стражу, возникла в связи с возрастанием их количества к концу XVII столетия. Этапирование арестантов, организация их размещения, труда и содержания, особенно в Сибири, приобрели особое значение при Петре I, когда в 1699 г. были сосланы более 250 участников стрелецкого бунта.

К царствованию Петра I относится и введение такой карательной меры, как ссылка на каторгу (1699). Во 2-й четверти XVIII в. в Сибирь было сослано до 20 тыс. чел. В середине XVIII в. количество ссыльных составило 80 тыс. чел. В 1807–1823 гг. оно достигло 45476 чел. К середине XIX в. в Сибирь сослано 309852 чел.; в пореформенную эпоху (до конца столетия) – 509 495 чел.

Большое значение при Петре I придавалось «государевой пользе» в проведении политики по распределению ссыльных и уголовно-исполнительной политики в целом. В указе от 1732 г. говорится: *«велено осужденных... для умножения людей ссылатъ на житье в Охотск, по силе которого Вашего Величества указа, и отослано туда по ныне разных чинов 153 чел.; а понеже неизвестно есть, какая из тех людей будет там Государева польза, и не могут ли они при том месте напрасно пропасть...»* [3, с. 28–29]. При возведении Оренбурга также преследовалась двойная цель заселения местности и ускорения строительных работ: *«Для новости города Оренбурга, как купецких, так и мастеровых и ремесленных людей, подлежащих по указам за вины их в ссылку на житье в Сибирь и на заводы, отныне таких людей ссылатъ на житье ... в Оренбург, дабы таким образом в том новом месте промышленных и мастеровых и ремесленных людей умножено быть могло»* [3, с. 29]. Исходя из экономических интересов государства правительство начинает четко разграничивать осужденных к ссылке по степени их пригодности к работе, предпочитая, чтобы не присылались «престарелые такие, кои ни в какую службу и пользу употреблены быть не могут, и расход на них казенными деньгами и провианту бывает туне» [3, с. 29].

Места ссылки традиционно определялись в соответствии с экономическими потребностями. В 1701 г. это – Нерчинск, в 1732 г. приговоренных к ссылке в Охотск «для государевой пользы» пересылают «на Сибирские заводы» и на «Астраханские Красноярского ведомства Артиллерийского селитерные заводы». С 1739 до конца 1740-х гг. ссылаются преимущественно в Оренбург. По указу от 1754 г. ссылаются в Сибирь, Оренбург, на каторгу в Рогервик. В 1755 г. – в Сибирь. В 1760 г. «для лучшего приумножения в Сибири при Нерчинских серебряных заводах работ и поселений» издается указ *«Об отправлении впредь в Сибирь для работы и посе-*

ления при Нерчинских заводах колодников обоего пола осужденных к ссылке в Рогервик и в другие места». В 1762 г. издается указ «О прекращении ссылки на Колыванские заводы колодников, и о селении их ... на дистанциях от Тобольска к Иркутску, а от Иркутска до Нерчинска» [1].

Ссылка и каторга регламентируются в петровский период большим количеством указов. Кроме того, различные вопросы ее организации отражаются в переписке Петра I с различными должностными лицами. При этом основное внимание уделяется труду каторжников, использование которого в решении государственных хозяйственных задач еще более расширяется, оставляя на заднем плане все другие цели наказания. В письме к князю Ромадановскому в 1703 году Петр I пишет: «Ныне же зело нужда есть, дабы несколько тысяч воров (а именно есть ли возможно 2000 человек) приготовить к будущему лету, которых по всем приказам, ратушам и городам собрать по первому пути и которые посланы в Сибирь, а ныне еще в Вологде» [7]. А еще раньше, в 1700 году, Петр I предписывает: «завести в Тобольску кирпичные великие заводы и в тех ссыльными и иными людьми делать кирпич, чтоб повсюду наделать самое многое число» [6]. В 1707 году, узнав о приостановлении работ на сооружении больверка Трубецкого (Петропавловская крепость), пишет Кикину: «Того ради донеси господину генералу (Ф. М. Апраскину), чтоб на сию работу каторжных невольников употребить, понеже ныне лето своими тишинами миновалось, а галерам большие дела нет; к тому и холопей государевых прибавилось» [7].

В некоторых документах регулировались отдельные вопросы порядка отбывания ссылки на каторгу. Так, в Указе 1720 г. речь идет о свиданиях осужденных с родственниками и о «свободе» жен осужденных на вечную ссылку: «к каторжным невольниками, которые посланы на урочные годы, женам и детям ходить не возбранно, а которые сосланы в вечную каторжную работу, тех женам, которые похотят идти замуж, или постричься, и в своих приданных деревнях жить, и в том дать им свободу, понеже мужья отлучены вечно, подобно якобы умре» [7].

В 1711 г. организовано 43 пехотных гарнизонных полка, к которым позднее добавились драгунские. К 1720 г. гарнизонные войска, общей численностью 71831 чел., состояли из 49 пехотных полков, 1 пехотного батальона, 4 драгунских полков [2]. Именовались эти формирования «внутренними гарнизонами».

16 и 17 января и 27 марта 1811 г. были изданы указы, явившиеся законодательной основой создания внутренней стражи.

Ее создание стало закономерным продолжением правительственной политики по укреплению обороноспособности страны, внутренней безопасности России. Выполнявшиеся корпусом внутренней стражи функции, в том числе и пенитенциарные, характеризуют его как «правоохранительную структуру, имевшую войсковую организацию». В широкие правоох-

ранительные полномочия подразделений корпуса внутренней стражи входили как конвоирование арестантов и ссыльных, так и их охрана в местах лишения свободы [8].

Введение с 1817 г. этапной системы сопровождения арестантов, а также принятие 22 июля 1822 г. Устава о ссыльных и Устава об этапах в сибирских губерниях способствовали упорядочению конвойной службы. В Уставе об этапах подробно изложены правила отправления и сопровождения арестантов, их передвижения, сроки нахождения в пути и время отдыха, и т. п.

6 августа 1864 г. Отдельный корпус внутренней стражи упраздняется. «Положением об управлении местными войсками округа» от 6 августа 1864 г. о создании в военных округах местных войск его обязанности возложены на сформированные для несения внутренней службы местные и резервные войска.

С наступлением эпохи «великих» реформ служба конвоирования претерпела существенные преобразования наравне со всеми вооруженными силами. Результатом проведенной в 1874 г. военной реформы были существенные изменения в военном деле, принципе комплектования, системе управления, подготовке военных кадров, вооружении, боевой подготовке, организации караульно-конвойной службы.

Несение конвойной службы при арестантах всех ведомств возлагалось на конвойную стражу, функции которой, порядок организации и несения службы регламентировались Уставом конвойной службы, утвержденным в июне 1878 года. В организационном плане конвойная стража состояла из конвойных команд [5, с. 10.].

Организация и общее руководство пересыльной частью арестантов возлагались на начальника Главного тюремного управления.

В «Правилах конвойной службы для нижних чинов местных войск», изданных в 1878 г., детально оговаривались все детали несения этой службы, обязанности и поведение конвоиров.

В 1880–1890-х гг. возрастает количество арестантов и ссыльных, что повысило роль образованного в 1879 г. Главного тюремного управления Министерства внутренних дел, и прежде всего подчинявшихся ему 63 конвойных команд, состоявших из 86 офицеров и 3347 нижних чинов.

В конце XIX в. в среднем препровождалось до 350 тыс. арестантов ежегодно, и возросший объем службы, как и происшедшее в 1881 г. значительное сокращение местных войск, заставили в максимально короткие сроки преобразовать внутреннюю стражу. 18 августа 1881 г. для выработки предложений по преобразованию внутренней службы учреждена специальная комиссия, которая предложила освободить армию от охранно-конвойных обязанностей, заменив местные войска конвойной стражей.

Указом Императора Александра III от 20 января 1886 г. «Об учреждении конвойной стражи для сопровождения арестантских парий» было

повелено сформировать конвойную стражу в течение 1886 года, образовав 567 конвойных команд и освободив местные войска от обязанности сопровождать арестантов. Издание данного Указа можно считать началом становления конвойной службы в России.

Конвойная стража находилась в двойном подчинении. Даже справочные издания тех времен отмечали, что, будучи воинскими командами, конвойные команды, тем не менее, содержались по смете Министерства внутренних дел [4, с. 918.]. Военное министерство через этапно-пересыльную часть Главного штаба проводило организационные мероприятия и руководило конвойными командами по строевой и хозяйственной части, а Министерство внутренних дел (с 1895 г. – Министерство юстиции) осуществляло руководство по службе и несло расходы по содержанию команд через Главное тюремное управление. Оба ведомства совместно распределяли офицерские кадры, определяли места дислокации конвойных команд, издавали правила о порядке несения службы.

Несмотря на наличие немалого количества инструкций и пособий, касавшихся деятельности конвойной службы, ее правовое регулирование начинается только в 1907 г. с издания специального Устава конвойной службы, утвержденного 10 июня 1907 г. (2-е издание вышло в 1915). Он состоял из 13 глав, включавших 484 статьи.

Устав конвойной службы был первой попыткой кодификации многочисленных инструкций и наставлений по конвойной службе, содержал подробную регламентацию данного вида службы, определял состав конвойной стражи, подчиненность конвойных команд, права и обязанности команд и конвоиров и т.п.

С вступлением России в первую мировую войну перед конвойной стражей в большом объеме встал ряд новых разнообразных задач, непосредственно связанных с нуждами военного времени. За период войны (1914–1916 гг.) конвойными командами перевезено 268439 солдат; отконвоировано 216240 военнопленных; препровождено до ст. Торнео иностранных подданных, высланных из России в связи с войной – 234180 чел.

Февральская революция, сломавшая традиционный порядок управления страной, принесла серьезные перемены и в жизнь тюремного ведомства. 1 марта 1917 г. пришедшее к власти Временное правительство объявило амнистию заключенных, освободив 88097 чел. (из которых политические заключенные составили лишь 5 737 чел.), что привело к резкому уменьшению численности арестантов и закрытию многих пенитенциарных учреждений, сокращению персонала, в том числе и конвойных подразделений.

Библиографический список

1. Аладьина Л. С., Ковалев О. Г., Шабанов Г. Х. Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования. М., 2007.

2. Внутренние войска: Исторический очерк / В. П. Баранов, В. Л. Минёр, С. М. Штутман, В. М. Елагин, С. П. Петраков // Министерство внутренних дел Российской Федерации. М., 2007. С. 10.
3. Дворянсков И. В. Исполнение наказаний и иных уголовно-правовых мер без изоляции осужденных от общества в истории России : монография. СПб. : Юридический центр, 2017. С. 28–29.
4. Конвойные команды (конвойная стража) // Энциклопедический словарь. Т. XVа. СПб. : Изд. Брокгауз – Ефрон, 1895. С. 918.
5. Организация охраны объектов уголовно-исполнительной системы, конвоирования осужденных и розыска бежавших // Ю. А. Балахонов, М. Г. Детков, В. М. Жуков, Н. М. Скрипников / под ред. П. Т. Бондарева. М., 1996. С. 10.
6. Памятники сибирской истории. Т. 1. СПб., 1882.
7. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891. 465 с.
8. Фомин О. Е. Корпус внутренней стражи в правоохранительной системе Российской империи (1811–1864 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 13.

УДК 343(430)

Заливалова Людмила Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
zalivalova@yandex.ru

Агеев Владимир Александрович,
студент, Костромского государственного университета,
г. Кострома, Российская Федерация
ageev-vladimir@inbox.ru

Преступления коррупционного характера в уголовном праве Федеративной Республики Германия и Российской Федерации

Статья посвящена изучению и анализу норм уголовного законодательства ФРГ и РФ в сфере преступлений коррупционного характера. На основании результатов сравнительного анализа сделаны выводы о том, что помимо существенных различий, законодательству в обеих странах присущи схожие черты, наличие которых, вероятно, обусловлено воздействием международного права в сфере борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, взятка, преступление, уголовное право.

Zalivalova Lyudmila Nikolaevna,
candidate of historical sciences, associate professor,
Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Ageev Vladimir Alexandrovich,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Crimes of a criminal nature in the criminal law of the Federal Republic of Germany and the Russian Federation

This article involves the study and analysis of the laws of the Federal Republic of Germany and the Russian Federation in the field of corruption crimes. Based on the results of a comparative analysis of the anti-corruption legislation of these countries, it was concluded that, in addition to significant differences, they share similar features, the presence of which, highly likely, is due to the impact of international law in the fight against corruption.

Keywords: *corruption, bribe, crime, criminal law.*

Коррупция, как явление в общественной жизни, является в настоящее время одной из наиболее обсуждаемых проблем в средствах массовой информации. Современная юриспруденция и российская уголовно-правовая цивилистика также уделяют особое внимание преступлениям коррупционного характера. Крупный бизнес, например, прибегает к подкупу должностных лиц, используя коррупцию как средство борьбы с конкурентами. Транснациональные корпорации даже способны осуществлять подкуп большого числа депутатов политической партии, с тем чтобы лоббировать принятие выгодных для них нормативных актов. Имеют место и другие виды действий частных и юридических лиц, которые затруднительно квалифицировать как прямой подкуп или прямое воздействие на должностное лицо в целях получения блага для заинтересованного лица.

В российской юридической науке не много исследований по изучению современного антикоррупционного законодательства, в том числе и в Федеративной Республике Германия. Цель данной работы – изучение германского уголовного законодательства по борьбе с преступлениями коррупционного характера и сравнительно-правовой анализ его и статей законодательства Российской Федерации по аналогичным составам коррупционных преступлений.

В уголовном праве Российской Федерации термин коррупция определяется по ФЗ-№273 «О противодействии коррупции»: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использова-

ние физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [1].

Федеральное уголовное законодательство Германии и право отдельных земель не содержат юридического определения понятия коррупции. Однако критерии понятия коррупция были выработаны на основе практики правоохранительных органов, и они явились основой для определения составов коррупционных преступлений, внесенных в федеральный Уголовный кодекс ФРГ (далее – УК ФРГ). И также правовые нормы по предупреждению коррупции были приняты в отдельных германских землях, являясь подзаконными актами по отношению к федеральным законам. По УК ФРГ выделены следующие составы: 1) деликты взяточничества; деликты подкупности и продажности в сфере бизнеса; 3) деликты подкупности в сфере публичных выборов; 4) деликты подкупности в сфере законодательных и представительных органов и также выделены категории преступлений, сопутствующих коррупции (например, мошенничество, отмывание денег и др.) [3]. Коррупция в немецком уголовном праве проявляется в виде присвоения и растраты, вымогательства, мошенничества, злоупотребления специальными полномочиями, принуждения и других уголовно-правовых составах [3].

Ответственность за «продажность» (получение взятки) в УК ФРГ закреплена в параграфе 332 [3]. Аналогичной ей является статья 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Получение взятки» [2].

Сходство правовых норм прослеживается в диспозиции. Законодатели обеих стран предусмотрели дифференциацию преступлений: 1) совершенные должностными лицами и 2) государственными служащими. Также прослеживается сходство в санкции – санкция в виде лишения свободы (при отсутствии отягчающих обстоятельств) назначается на срок до трех лет. В санкциях уголовных кодексов обеих стран тяжесть наказания дифференцируется в зависимости от того, насколько высокую должность занимает правонарушитель.

Однако в диспозиции, помимо сходства, имеются различия. В диспозиции статьи кодекса ФРГ отмечается нарушение служебных обязанностей в целом. Российское же законодательство более конкретизировано. Оно выделяет (помимо действий в пользу взяткодателя) такие признаки данного правонарушения, как общее покровительство и попустительство. Санкции за данное правонарушение, помимо сходства, также имеют и различия. В первую очередь, в российском уголовном кодексе, помимо лишения свободы, предусматриваются и другие наказания, германское законодатель-

ство по аналогичной статье предусматривает лишь санкции в виде лишения свободы и денежного штрафа. Важной особенностью УК РФ является наказуемость покушения на взятку как начала уголовного деяния и ответственности за него, закрепленная в общей части [2, ст. 66]. В УК ФРГ наказуемость за покушение устанавливается в зависимости от стадии (конкретного момента) совершения данного преступления, и фактически до начала самих действий [3, ч. 3 параграф 332, ч. 3 параграф 334].

Преступному составу, именуемому «подкуп» и закрепленному в параграфе 334 УК ФРГ [3], соответствует статья 291 УК РФ [2] «Дача взятки». В диспозициях данных статей закреплен схожий круг лиц, за дачу взятки которым предусмотрена уголовная ответственность (должностные лица; лица, уполномоченные для публичной службы).

Согласно ч. 3 параграфа 331 и части 3 параграфа 333 УК ФРГ [3] законодательство фактически закрепляет признаки, характеризующие взятку как правонарушение (лицо, совершающее взятку, принимало затребованную выгоду, получив предварительное согласие компетентной власти; либо немедленно известило власть о получении обещания взятки). И, соответственно, следует наказание. В том случае, если имело место реально совершенное преступление – получение или дача взятки, предусмотрено строгое наказание, в том числе лишение свободы без указания верхнего предела [3, ч. 1 параграф 335].

В диспозиции аналогичной статьи из УК РФ отмечается лишь сама дача взятки, как основание для наступления уголовной ответственности (цель и обстоятельства ее передачи отмечены в пунктах данной статьи и способствуют наложению более строгих санкций). Также в диспозиции УК РФ важным замечанием является то, что дача взятки через посредника является основанием для возникновения уголовной ответственности. УК ФРГ, в свою очередь, упускает данный момент. «Фальшивое официальное засвидетельствование» [3, параграф 348]) соответствует «служебному подлогу» [2, ст. 292]. Сходство этих положений законодательств в том, что их диспозиция отмечает корректировку официальной документации с внесением ложных сведений – как основной признак правонарушения.

Различия прослеживаются в том, что диспозиция статьи УК РФ отмечает важное условие – данные действия должны быть совершены из корыстной или личной заинтересованности. Для возникновения уголовной ответственности за данное правонарушение в соответствии с УК ФРГ достаточно факта внесения ложных сведений. Санкции различаются тем, что УК ФРГ устанавливает более строгое наказание за данное правонарушение – до пяти лет лишения свободы по УК РФ – до двух лет. Однако по УК РФ предусмотрено ужесточение наказания (в соответствии с пунктом 2 указанной статьи), если правонарушение влечет существенное нарушение прав и законных интересов граждан. Как видим, в этом случае законодатель допус-

кает субъективное усмотрение следствия (при определении «существенности» нарушения прав и интересов граждан).

Содержанию понятия «Получение выгоды», [3, параграф 331], соответствует – «злоупотребление должностными полномочиями» [2, ст. 285]. Уголовным законодательством обеих стран предусматривается ответственность за нарушение прав и законных интересов граждан путем использования должностными лицами своего служебного положения в целях получения собственной выгоды (в корыстных целях). Отягченное преступление по обоим уголовным кодексам может наказываться лишением свободы на срок до десяти лет.

Различие прослеживается в том, что в УК ФРГ отдельно выделена санкция за неправомерные действия по службе совершаемые судьей. Он может подвергнуться наказанию в виде лишения свободы на срок от одного года до десяти лет (в менее тяжких случаях – от шести месяцев до пяти лет). Эта санкция более строгая в сравнении с наказанием для прочих должностных лиц. Соответственно, в УК РФ отдельно выделена санкция за данное правонарушение для государственных служащих в целом. Она является более строгой в сравнении с наказанием для прочих должностных лиц.

В результате исследования и анализа антикоррупционного законодательства Германии и Российской Федерации можно констатировать, что нормы об ответственности за коррупционные деяния имеют общие черты. Уголовное законодательство обеих стран нацелено на упорядочение норм уголовного права (и, естественно, мер дисциплинарного и административного характера) с целью пресечения коррупционных преступлений. В то же время правоохранительная система Германии, как и правоохранительная система России, имеют свои национальные особенности, обусловленные правовыми традициями и конкретным опытом.

Мы считаем, вследствие осуществленного сравнительного анализа, что диспозиции статей, устанавливающих ответственность за коррупционные преступления, в УК РФ более конкретизированы, точны, чем в УК ФРГ, в них закрепляется широкий круг возможных объектов правонарушений, действий, способствующих коррупции. В известной степени это можно объяснить тем, что российский кодекс разрабатывался позже германского, на рубеже XX–XXI веков, когда мировая юридическая наука уже накопила определенный опыт знаний о коррупции, способах ее правового регулирования. УК РФ четко структурирован по разделам и главам с соответствующими наименованиями. В УК ФРГ коррупционные действия и уголовная ответственность за преступления коррупционного характера описана в разделе тридцатом. У него отсутствует наименование, кроме того, помимо коррупционных преступлений данный раздел включает в себя преступления против правосудия, преступления против государственного строя. Полагаем, что логичнее группировать коррупционные преступления по тому же принципу как в УК РФ. Квалифицирующие призна-

ки по коррупционным преступлениям в УК ФРГ отмечены в отдельных параграфах. Более правильным, на наш взгляд, было бы указывать их в подпунктах – так, как это сделано в УК РФ.

В Российской Федерации в соответствии со статьей 5 Федерального закона «О противодействии коррупции» [1] четко определен перечень субъектов, противодействующих коррупции. В него входят все федеральные и местные органы власти, начиная с Президента и заканчивая органами местного самоуправления. Антикоррупционное законодательство ФРГ не имеет подобных решений в федеральных нормативно – правовых актах. Вместе с тем, по административным нормативным актам некоторых земель (например, Баварии, Тюрингии) установлен определенный порядок информирования властей и затем организации проверки первичных подозрений органами полиции и прокуратуры. Германское законодательство включает норму по изъятию имущества, материальной выгоды, приобретенной путем преступления [3, параграф 73]. Полагаем, что в части совершенствования российского административного законодательства и расследования коррупционных проявлений отечественное законодательство может опираться на опыт Германии.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 26.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.11.2019).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.11.2019).
3. Уголовный кодекс ФРГ // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/> (дата обращения 11.11.2019).

УДК 343.7

Заливалова Людмила Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
zalivalova@yandex.ru

Жижина Анастасия Романовна,
студент, Костромского государственного университета,
г. Кострома, Российская Федерация
anastasiyazhizhina@ya.ru

К вопросу о государственных преступлениях в уголовном праве Российской Федерации и Франции

Статья посвящена изучению особенностей государственных преступлений в уголовном праве Российской Федерации и Франции. В статье приведены основные составы преступлений против государства в уголовных кодексах обеих стран. В процессе изучения государственных преступлений были выделены статьи, которые устанавливают ответственность за совершение преступлений, выявлены черты сходства и различия в системе данных преступлений. Сравнительный анализ позволил систематизировать особенности, которые были выделены в ходе данной работы.

Ключевые слова: *государственное преступление, государственная измена, шпионаж, государственная тайна, посягательство, восстание.*

Zalivalova Liudmila Nikolaevna,
candidate of historical sciences, associate professor,
Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Zhizhina Anastasia Romanovna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

On the issue of state crimes in the criminal law of the Russian Federation and France

The article is devoted to the study of features of state crimes in the criminal law of the Russian Federation and France. The article presents the main elements of crimes against the state in the criminal codes of both countries. In the process of studying state crimes, articles that establish responsibility for committing crimes were identified, and similarities and differences in the system of these crimes were identified. The comparative analysis made it possible to systematize the features that were highlighted in the course of this work.

Keywords: *state crime, state treason, espionage, state secret, encroachment, insurrection.*

Государственные преступления были и остаются частью законодательства каждого государства. В юриспруденции понятие «государственные преступления» включает преступные деяния, которые направлены против существующего общественного и политического строя, а также безопасности государства. В настоящее время эта категория преступлений требует все большего внимания цивилистов, поскольку новые технологии невидимо преодолевают государственную границу, а многоуровневые свя-

зи в сфере мировой уголовной преступности способствуют организации антигосударственных акций на любой территории. Сравнительно-правовое изучение законодательства Российской Федерации и Французской республики в части регулирования государственных преступлений важно для понимания зарубежного опыта и полезно для совершенствования российского права.

В российском праве и, соответственно уголовном законодательстве закреплено понятие преступления против государства. Уголовный Кодекс РФ 1996 года (далее – УК РФ) определяет преступление как «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [1, ст. 14]. Уголовный Кодекс Франции 1992 года (далее – УК Франции) не содержит четкой формулировки «преступление». Для французской уголовно-правовой науки и практики традиционно важен объект преступления и содержание категории преступления [2, раздел 1, кн. IV]. Если исходить из совокупности содержания французского права в целом, то понятие «государственное преступление» подразумевает деяние, совершенное по строго политическим мотивам, за которое назначается строгое наказание. Согласно УК Франции ответственность за подобное преступление – не менее 10 лет в виде уголовного заключения [2, ст. 131-1]. В то же время закон учитывает возможность совершения деяний с частично доказуемыми политическими мотивами (например, публичная демонстрация лозунгов против власти), и соответственно определены другие уровни наказаний. И, к особым преступлениям, французское право относит деяния против человечества и терроризм [2, раздел 1, Кн. II; Раздел II, Кн. IV]. Они не включены в перечень политических преступлений против государства и нации.

Виды государственных преступлений по Уголовному кодексу РФ приведены в Главе 29: государственная измена; шпионаж; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; вооруженный мятеж; экстремистская деятельность; диверсия; возбуждение ненависти или вражды; распространение, передача или утрата государственной тайны; деятельность запрещенной организации. Под государственной изменой или шпионажем понимается совершенная выдача иностранному государству государственной тайны или оказание помощи в деятельности, направленной против безопасности России [1, ст. 275–276]. Различие между данными составами преступлений проводится по субъекту преступления.

В УК Франции политические преступления и проступки против государственной власти помещены в Книге IV «Преступления и проступки против нации, государства и общественного спокойствия». Определены объекты преступлений и выделены виды государственных преступлений: измена, шпионаж, посягательство, заговор, восстание, причинение вреда безопасности вооруженных сил Франции, нарушение тайны национальной обороны.

В первой статье – 410-1 УК Франции – раскрывается ключевое понятие «основополагающие интересы нации», которое включает «независимость, неприкосновенность ее территории», безопасность и форму правления, средства обороны, защиту населения и окружающей среды, а также «важнейшие элементы научного и культурного потенциала, культурное достояние». Различные формы покушения на основополагающие интересы нации составляют составы преступлений, образующих государственную измену или шпионаж [2, гл. 1., раздел I. Кн. IV]. В уголовном праве Франции проводится четкая грань между изменой и шпионажем, что на практике облегчает квалификацию конкретного деяния как измены или как шпионажа. В основе различия между составами преступлений, как и в УК РФ – определение субъекта преступления.

Следующим по степени опасности для государства и народа Франции политическим преступлением УК признает посягательство – как «совершение одного или нескольких насильственных действий, которые способны поставить в опасность институты Французской республики или причинить вред неприкосновенности национальной территории» [2, гл. II, раздел I, кн. IV]. В УК Российской Федерации также имеется схожий состав правовых норм [1, ст. 277].

Одним из наиболее тяжких государственных преступлений французское законодательство считает восстание – «...совершение одного или нескольких насильственных действий, могущих подвергнуть опасности» институты Французской республики или неприкосновенность национальной территории [2, ст. 412-1, гл. II, раздел I, кн. IV].

Аналогичная по содержанию норма включена в российское право. Статья 279 УК РФ устанавливает ответственность за вооруженный мятеж, которая наступает, как за организацию, так и за активное участие, в целях насильственного изменения конституционного строя или нарушения территориальной целостности РФ.

В УК Франции большое внимание уделяется государственным преступлениям, связанным с тайной национальной обороны [2, ст. с 413-9 по 413-12]. К посягательствам на тайну национальной обороны относятся следующие деяния: уничтожение, похищение сведений лицом, которое в силу своего положения или полномочий владеет сведениями, относящимися к тайне национальной обороны; завладение, уничтожение, изъятие, распространение информации, относящейся к тайне национальной обороны лицом, который не имеет особого положения или полномочий, разрешающих доступ к тайне национальной обороны; покушение на совершение вышеперечисленных деяний.

Уголовный кодекс России, так же как и французский свод права, достаточно подробно определяет преступные деяния, которые относятся к посягательству на государственную тайну: разглашение сведений, составляющих государственную тайну; незаконное получение сведений, со-

ставляющих государственную тайну; утрата документов, содержащих государственную тайну, совершенное путем нарушения правил обращения с документами, содержащими государственную тайну [1, ст. 283–284].

При структурной разработке уголовных норм свое влияние, на наш взгляд, оказали особенности юридической традиции России и Франции. В УК Франции преступные деяния (преступления, проступки, простые нарушения) распределены по отдельным группам (посягательства на основополагающие интересы нации, деяния против государственной власти и государственного управления, саботаж и т. д.). Различие между данными деяниями основано на степени общественной опасности и назначаемом наказании. В УК РФ законодатель объединяет государственные преступления, исходя из классификации их по объекту посягательства.

В УК РФ, как и в УК Франции, перечень государственных преступлений начинается с норм «об измене и шпионаже» (УК Франции) и «государственной измене» (УК РФ). Это преступление в обоих государствах считается тяжким государственным преступлением. Далее идут правовые нормы о шпионаже (второе место по опасности для государства), затем посягательство, способное причинить вред институтам государственной власти или территории Французской республики. Завершают перечень государственных преступлений – посягательство на тайну национальной обороны. В УК России и УК Франции имеет место близость, а частично и сходство в отношении правовых норм относительно преступлений по части сбора, похищения, передачи, разглашения сведений, которые относятся к информации охраняемой государством.

Необходимо отметить такую особенность, как выбор применяемой при построении уголовных норм терминологии. В УК РФ принят термин «государственная измена», в то время как в УК Франции аналогичное деяние называется «измена». Мы полагаем, что термин УК РФ подчеркивает важность и опасность совершенного деяния, в то время как термин французского права предоставляет возможным судебным органам как неоправданно широко, так и неоправданно узко толковать преступное деяние.

Также можно выделить некоторые особенности в составе преступления. Исходя из анализа уголовных кодексов Франции и РФ, очевидно, что в обоих кодексах существует разделение субъекта преступления на простого и специального. Специальный субъект преступления должен обладать определенными значимыми качествами. Применительно к государственным преступлениям субъект может обладать публичной властью, иметь доступ к тайне национальной обороны или государственной тайне и т.п.

Важной особенностью УК Франции, отличающей его от УК РФ, является то, что по УК Франции к ответственности за государственные преступления могут быть привлечены юридические лица. К юридическим лицам могут быть применены различные наказания от штрафа, запрета заниматься определенной деятельностью до ликвидации данного юридического лица [2, ст. 121-2].

В судебной практике Российской Федерации по уголовным делам последнее время наблюдается увеличение количества дел о преступлениях экстремистской направленности. Полагаем, что частично это обусловлено тем, что Россия многонациональное и многоконфессиональное государство в отличие от Франции. Не только гражданская война, но раскол территории по этим признакам – прямая угроза государственному и общественному порядку, системе власти и безопасности. И правовое регулирование проявлений экстремизма требует усилий российских цивилистов.

Очевидно, что законодательство Российской Федерации в части регулирования категории государственных преступлений отличается от французского, поскольку имеются различия восходящие к глубинным национальным правовым традициям, к особенностям исторического пути государственности. Такие различия вряд ли искоренимы. Современное уголовное право трансформируется во всем мире в контексте приоритета концепций прав человека и правового государства. Также и уголовно-правовая реформа в России нацелена на совершенствование национального законодательства. И в этой связи мы полагаем, что необходима широкая дискуссия о специфике правового регулирования государственных преступлений в российском законодательстве. Опыт Франции, по нашему мнению, можно использовать в части акцентирования подхода к государственному преступлению как преступному деянию по строго политическим мотивам, представляющему особую опасность для общества и государства, и далее обоснования дифференциации других видов посягательств, частично или опосредованно связанных с политическими мотивами. И, естественно, потребуется совершенствовать шкалу наказаний.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. № 25 от 17 июня 1996 года. Ст. 2954.
2. Уголовный кодекс Франции // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/> (дата обращения 11.11.2019).

УДК 343.61

Журтов Астемир Билялович,

преподаватель,

Северо-Кавказский институт повышения квалификации

(филиал) Краснодарского университета МВД России,

г. Нальчик, Российская Федерация

astemir535/mai@mail.ru

Субъективные признаки пытки: проблемы квалификации

Статья посвящена анализу субъективных признаков такого преступления как пытка, в ходе которого раскрываются такие признаки как вина, мотив, цель. Особое внимание в статье уделено квалификации пытки по таким признакам как осознание общественной опасности и предвидение общественно опасных последствий, цели и пр. Автор приходит к выводу, что при квалификации пытки должны обязательно устанавливаться не только вина, но и специальная цель.

Ключевые слова: пытка, квалификация, субъективные признаки, умышленная форма вины, мотив, цель, прямой умысел.

Zhurtov Astemir Bilalovic,

lecturer, North Caucasus Institute of advanced training (branch)
Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia,
Nalchik, Russian Federation

Subjective signs of torture: problems of qualification

The article is devoted to the analysis of subjective signs of such crime as torture, during which such signs as guilt, motive, purpose are revealed. Particular attention is paid to the qualification of torture on such grounds as awareness of public danger and anticipation of socially dangerous consequences, goals, etc. the Author concludes that the qualification of torture must necessarily be established not only guilt, but also a special purpose.

Keywords: torture, qualification, subjective signs, intentional form of guilt, motive, purpose, direct intent.

Существенное значение при квалификации пытки имеет субъективное отношение лица к совершённомu им деянию в виде пытки и его последствиям, а также цели и мотивы таких действий.

В теории уголовного права вина, как обязательный признак субъективной стороны преступления, рассматривается как психическое отношение лица к совершённомu деянию и его последствиям. По мнению некоторых авторов, «она служит составной частью объективной истины, требующей установления и доказывания по каждому конкретному уголовному делу» [7, с. 230]. При этом, как свидетельствуют результаты исследования судебно-следственной практики, при квалификации преступлений, зачастую, возникают проблемы ее установления в конкретных деяниях.

В соответствии со ст. 5 УК РФ, в российском уголовном праве действует принцип субъективного вменения: лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

При этом, в соответствии с ч. 1 ст. 24 УК РФ, все преступления в теории уголовного права подразделяются в зависимости от формы на умышленные и неосторожные.

Не вызывает сомнений тот факт, что пытка может быть совершена только умышленно, причем только с прямым умыслом, поскольку предложенное нами определение пытки, как и определение, содержащееся в примечании к ст. 117 УК РФ, указывает на обязательный признак пытки – цель.

В ч. 2 ст. 25 УК РФ закреплено положение, согласно которого деяние считается совершённым с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Субъект, применяющий пытку, осознает общественную опасность своих действий – особо жестокого физического или психического насилия, предвидит неизбежность или реальную возможность причинения потерпевшему особых физических или психических страданий и желает их причинения.

Вместе с тем результаты проведенных ранее исследований свидетельствуют о том, что «более половины респондентов из числа лиц, совершивших преступления, не осознавали в момент совершения деяния его общественной опасности» [1, с. 100–101]. Но возникает вопрос, насколько факт осознания общественной опасности в момент совершения пытки, исследуется правоприменителем. Ведь порой, этот вопрос, в ходе следствия, исследуется поверхностно.

Под предвидением общественно опасных последствий следует рассматривать «отражение в сознании тех событий, которые произойдут, должны или могут произойти в будущем» [5, с. 29]. Применяя пытку, виновный сознательно совершает эти действия и представляет тот результат, который может наступить от его действий, а именно физические или психические страдания, которые, по представлению виновного, возможно или неизбежно будут им причинены. Желание наступления общественно опасных последствий охватывается его предвидением [7, с. 234] в виде физических или психических страданий.

Желаемый результат действий традиционно понимается как цель преступления. Однако в данном аспекте речь ведется о цели промежуточной [4, с. 22], о конечной цели пытки речь пойдет далее.

Таким образом, пытка может быть применена только с прямым умыслом. Данное утверждение в равной степени распространяется на пытку, выступающую квалифицирующим признаком истязания, принуждения к даче показаний, так и на пытку, квалифицируемую как превышение должностных полномочий, совершённое с применением насилия.

Российское уголовное законодательство дает определение только двум видам умысла – прямому и косвенному. В доктрине отечественного уголовного права выделяются еще и такие виды умысла, как аффектиро-

ванный, неопределенный, заранее обдуманый, внезапно возникший и др. Однако в контексте изучения субъективных признаков пытки вряд ли перечисленные виды умысла будут иметь существенное значение. Например, сложно представить, чтобы виновный применял пытку с аффектированным умыслом, поскольку возникнуть он может только как результат тяжкого оскорбления, насилия, иных противоправных или аморальных действий со стороны потерпевшего. То же самое касается и других выделяемых в теории видов умысла.

Такие субъективные признаки как мотив и цель выступают, по нашему мнению, неотъемлемыми уголовно-правовыми характеристиками пытки. Под мотивом в теории уголовного права понимается «внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить определенное действие и руководят им при его осуществлении» [3, с. 15]. В свою очередь, «цель преступления – это представление о желаемом результате, к достижению которого стремится виновный, совершая общественно опасное деяние» [7, с. 246].

Мотив пытки законодателем не указывается ни в одной из уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за применение пытки. В этой связи мотив может быть различным: личная неприязнь, ненависть, зависть, корысть, ложно понятые интересы службы, стремление скрыть собственную некомпетентность и т. п.

Целями пытки, исходя из текста примечания к ст. 117 УК РФ, выступают «понуждения к даче показаний или к иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях» [8].

Под целью понуждения к даче показаний или к иным действиям, противоречащим воле человека, следует понимать стремление виновного добиться от потерпевшего или третьих лиц совершения действий (бездействия) или отказа от их совершения вопреки воле указанных лиц. Такими действиями (бездействием) могут быть дача показаний, объяснений, отказ от дачи показаний, передача каких-либо сведений (например, государственной, коммерческой, банковской тайны), передача авторского или смежного права, осуществление каких-либо работ и т. п.

Цель наказания состоит в желании виновного лишить или ограничить потерпевшего в его правах и свободах за совершение последним каких-либо конкретных действий, отомстить ему, покарать потерпевшего. «Иные цели» – это понятие оценочное, которое, следуя буквальному толкованию закона, может включать в себя неограниченный круг целей. Как представляется, к иным целям в данном случае можно отнести, например, стремление виновного соблюсти какие-либо религиозные обряды (жертвоприношение) и т. п.

Следует отметить, что специальные цели с успехом «вписываются» в истязания, совершённые с применением пытки, (п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ), принуждения к даче показаний, соединенные с применением пытки,

(ч. 2 ст. 302 УК РФ). При этом специальная цель в преступлении, предусмотренном п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ, служит одним из обязательных признаков квалифицированного состава преступления, так как в диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ указание на цель отсутствует. Что же касается принуждения к даче показаний, соединенного с применением пытки, (ч. 2 ст. 302 УК РФ) цель пытки ограничивается, как это определено законом (ч. 1 ст. 302 УК РФ), только стремлением виновного добиться от потерпевшего определенных показаний или заключения [6, с. 43; 2, с. 109].

Таким образом, при квалификации преступления должны обязательно устанавливаться не только вина, но и мотив и цель пытки. Целью в данном случае является стремление виновного добиться от потерпевшего или третьих лиц совершения действий (бездействия) или отказа от их совершения вопреки воли указанных лиц. Мотивы пытки могут быть различными и конститутивными признаками они не являются.

Библиографический список

1. Векленко С. В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве : монография / под ред. А. И. Марцева. Омск, 2002. С. 100–101.
2. Гладких Г. Ю. Уголовная ответственность за пытки в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 109.
3. Петелин Б. Я. Установление мотива и цели преступления. М., ВНИИ МВД СССР, 1978. С. 12.
4. Пинкевич Т. В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью : монография. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2003. С. 22.
5. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 29.
6. Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия : учеб. пособие / отв. ред. Б. В. Здравомыслов, ред. В. И. Лебедева. М., 1978. С. 43.
7. Уголовное право России. Общая часть. Курс лекций / под ред. докт. юрид. наук, профессора А. П. Кузнецова, канд. юрид. наук Е. Е. Черных. М., 2018. С. 234.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019) //СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.04.2019).

УДК 343.9

Карпенко Людмила Константиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
orion09052019@mail.ru

Затейщикова Елизавета Леонидовна,
студент, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
zateyshchikova.liza@mail.ru

Киберпреступность как новая угроза информационному обществу

Данная статья посвящена исследованию киберпреступности как активно развивающемуся явлению, представляющему угрозу современному обществу, где большинство операций с личными данными, банковскими платежами происходят в открытой сети Интернет. По итогам проведенного анализа формулируются выводы, направленные на совершенствование конкретных мер противодействия данному явлению. Предлагается создание Центра по борьбе с киберпреступностью, который будет действовать на уровне Содружества Независимых Государств и заниматься обеспечением эффективного взаимодействия между странами в целях оперативного и результативного противодействия киберпреступности.

Ключевые слова: киберпреступность, ботнет, компьютерная преступность, кибератаки.

Karpenko Lyudmila Konstantinovna,
candidate of law, associate professor,
Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Zateyschikova Elizaveta Leonidovna,
student, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Cyber crime as a new threat to the information society

This article is devoted to the study of cybercrime as an actively developing phenomenon that poses a threat to modern society, where most

transactions with personal data and Bank payments take place on the open Internet. Based on the results of the analysis, conclusions are formulated aimed at improving specific measures to counter this phenomenon. It is proposed to create a center for combating cybercrime, which will operate at the level of the Commonwealth of Independent States and ensure effective interaction between countries in order to quickly and effectively counter cyber crime.

Keywords: *cybercrime, botnet, computer crime, cyber attacks.*

В последние десятилетие в мире набирает обороты такая негативная тенденция, как активный рост числа киберпреступлений. Каждый из нас начинает заботиться о безопасности наших учетных записей, личных данных, которые находятся в сети Интернет.

Подтверждением актуальности исследования киберпреступности в уголовном законодательстве, криминологии, определения способов и средств противодействия ей, является проведение в 2018 году международной компанией Group-IB, которая специализируется на предотвращении кибератак, глобальной международной конференции CyberCrimeCon 2018. Результаты работы конференции представлены новой концепцией информационной безопасности, которая содержится в отчете. В последнем обращено внимание не только на тенденцию к количественному росту киберпреступности, но и на то, что на данный момент только зафиксированными являются 40 активных преступных групп [1].

Рассматривая дефиницию «киберпреступления», исследователи чаще всего относят к данному понятию преступные деяния, совершенные в информационно-телекоммуникационной сфере, либо с ее помощью, либо против нее [2, с. 200].

Необходимо отметить, что данный термин часто употребляется как синоним с термином «компьютерные преступления». В частности, в Российской Федерации предпочтение отдается понятию «компьютерные преступления». Это обусловлено тем, что в Уголовном кодексе Российской Федерации единственной главой, которая предусматривает ответственность за подобные преступления, является Глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» [7].

В 2001 году было заключено Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации [4]. В ст. 1 Соглашения указывается, что преступления в сфере компьютерной информации – уголовно наказуемые деяния, предметом посягательства которых является компьютерная информация. Отметим, что объектом киберпреступлений выступают отношения информационной безопасности, то есть отношения связанные с созданием, использованием и распространением компьютерной информации.

Из вышеизложенного следует, что рассматриваемые нами термины «киберпреступления» и «компьютерные преступления» действительно очень близки, но все-таки не синонимичны и не тождественны. На наш взгляд, понятие «киберпреступления» является понятием более широким, нежели «компьютерные преступления», поскольку понятие «киберпреступления» более точно отражает природу такого явления, то есть определяется как преступность в информационном пространстве.

В упомянутой 28 Главе Уголовного кодекса Российской Федерации угроза для компьютерной информации рассматривается с точки зрения не совокупности свойств информации, которые нарушаются, а самих действий или бездействий. Следовательно, можно сделать вывод о том, что исследуемая глава не содержит исчерпывающего перечня действий, направленных на посягательство на правоотношения в сфере компьютерной информации. В свою очередь, это также обусловлено непрерывным развитием компьютерных технологий. Таким образом, даже этот факт уже усложняет расследование преступлений данной категории.

В Модельном Уголовном кодексе государств-участников СНГ также содержится глава о преступлениях в сфере компьютерной информации. Его нормы демонстрируют более широкий подход, предусмотрев ответственность за ряд общественно опасных деяний в Разделе XII «Преступления против информационной безопасности», а именно:

1. Несанкционированный доступ к компьютерной информации;
2. Модификация компьютерной информации;
3. Компьютерный саботаж;
4. Неправомерное завладение компьютерной информацией;
5. Изготовление и сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети;
6. Разработка, использование и распространение вредоносных программ;
7. Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети [3].

Вышеперечисленные позиции Модельного Уголовного кодекса позволяют более тонко дифференцировать уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации.

При совершении современных киберпреступлений, как правило, используются модифицированные технологичные средства двух типов: социальную инженерию и вирусную программу.

Первый тип характеризуется телефонной или компьютерной атакой на человека, целью которой является получение личной информации. Пользуясь особенностями психологии личности, киберпреступники могут выдавать себя за другое лицо, вводя человека в заблуждение. Данный метод представляет собой обезличенный контакт с жертвой в сети Интернет и дает большую свободу кибермошенникам.

Второй тип характеризуется тем, что позволяет киберпреступникам удаленно управлять компьютерами без ведома их пользователей с помощью применения «продвинутого» современного программного обеспечения. В этом случае мошенников называют ботами, а сеть – ботнетами.

Ботнет представляется собой совокупность компьютеров, на которых запущено программное обеспечение, позволяющее осуществлять общение между этими компьютерами, а также централизованное или децентрализованное общение с другими компьютерами, предоставляющими команды. Вся эта совокупность компьютеров является зараженной вредоносными программными средствами, и чаще всего, пользователи данных компьютеров не осознают, что они загрузили или были заражены таким программным обеспечением.

Ботнет может использоваться для хищения учетной информации и данных, мошенничества, анонимной массовой рассылки нежелательных сообщений и распространения дополнительных вредоносных программных средств и т. д.

Однозначной трактовки понятия субъектов киберпреступлений в уголовно-правовой науке пока не существуют. Некоторые исследователи считают, что, так как преступления связаны с использованием сложной вычислительной техники, киберпреступления совершаются специальными субъектами. Другие полагают, что имеет место общий субъект, поскольку в современном обществе повышается уровень его компьютеризации [5].

Рассматривая цели совершения киберпреступлений как представления о желаемом результате, необходимо отметить, что здесь наблюдается их разнообразие. Например, экономические цели могут проявляться в виде завладения денежных средств и конфиденциальной информации. Также имеют место быть политические цели, то есть целью совершения преступления является причинение ущерба основным государственным и политическим институтам, подрывающее систему властных отношений и доверия к власти. Существуют и социально-психологические цели – оказание морального, психологического воздействия на граждан. Самой прогрессирующей целью является идеологическая, то есть вербовка интернет-пользователей в ряды различных противозаконных группировок террористического или экстремистского характера.

Пострадавшими от киберпреступлений могут быть и физические, и юридические лица. Таким образом, киберпреступления могут осуществляться в отношении общественных организаций, государственных институтов, иных юридических лиц, а также граждан, то есть их личной информации, свобод или персональной кибербезопасности [6].

По итогам проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. За последнее десятилетие наблюдается количественный рост совершения киберпреступлений, а также расширение числа преступных группировок, которые используют передовые технологии.

2. Пострадавшими от киберпреступлений являются, как и частные лица, так и организации различного уровня.

3. В условиях всеобщей глобализации нельзя рассчитывать на успех в противоборстве киберпреступности, если это будет в рамках одной страны, то есть необходимо создать устойчивую и эффективную систему межгосударственного сотрудничества.

4. Именно развитие информационных технологий могут дать правоохранительным органам больше возможностей для того, чтобы эффективно координировать совместную деятельность в национальном и международном масштабе.

С учетом вышеизложенного полагаем целесообразным дальнейшее развитие и доработку Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации в целях совершенствования системы и концепции эффективной работы национальных правоохранительных структур, межгосударственной координации и взаимодействия.

Также считаем необходимым создание Центра по борьбе с киберпреступностью, который будет действовать на уровне Содружества Независимых Государств. Данный центр в своей деятельности должен руководствоваться международным законодательством, принципом экстерриториальности и подчиняться напрямую Совету министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств.

Библиографический список

1. Group-IB представила отчет о киберпреступности и призвала рынок к хантингу : офиц. сайт. URL: <https://www.group-ib.ru/media/hi-tech-crime-trends-2018/> (дата обращения: 01.12.2019).

2. Словарь международного права / Т. Г. Авдеева, В. В. Алешин, Б. М. Ашавский и др. ; отв. ред. С. А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. 495 с.

3. Модельный Уголовный кодекс (принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (постановление №7-5 от 17 февраля 1996) (с изм. на 16 ноября 2006) // Электр. фонд правовой и НТД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 01.12.2019).

4. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (ратифицировано Федеральным законом РФ от 1 октября 2008 года № 164-ФЗ) // Электр. фонд правовой и НТД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902140948> (дата обращения: 01.12.2019).

5. Субъекты преступлений в сфере компьютерной информации // Офиц. сайт группы «Игры разума». URL: <http://www.iqpravo.ru/postulati/>

kompeternoie-prestuplenij/news_detail.php?ID=1857 (дата обращения: 01.12.2019).

6. Терентьева И. А., Ледяева П. Киберпреступность как современная криминальная угроза // RUSNAUKA. URL: http://www.rusnauka.com/39_FPN_2016/Pravo/5_217686.doc.htm (дата обращения: 01.12.2019).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 343.8

Конардов Сергей Борисович,

старший преподаватель, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
skonardov@ya.ru

Лисенко Наталия Александровна,

магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
nata.lisenko.97@list.ru

**Генезис законодательного регулирования
организации исполнения уголовных наказаний, не связанных
с лишением свободы, в отношении несовершеннолетних**

Статья посвящена изучению и анализу истории досоветского, советского и постсоветского законодательного регулирования назначения и реализации уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении несовершеннолетних в России. Прослеживается история законодательного закрепления возраста привлечения к уголовной ответственности, а так же зарождение применения к несовершеннолетним осужденным мер воспитательного воздействия.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступность несовершеннолетних, досоветский период, советский период, постсоветский период, уголовные наказания, не связанные с лишением свободы.

Konardov Sergey Borisovich,

senior lecturer, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Lisenko Nataliya Aleksandrovna,

postgraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

The genesis of legislative regulation of the organization of the execution of criminal sentences not related to deprivation of liberty in relation to minors

The article is devoted to the study and analysis of the history of pre-Soviet, Soviet and post-Soviet legislative regulation of the appointment and implementation of non-custodial criminal punishments for minors in Russia. The history of legislative fixing of the age of criminal prosecution, as well as the emergence of the application of educational measures to juvenile convicts is traced.

Keywords: *juvenile, juvenile delinquency, pre-Soviet period, Soviet period, post-Soviet period, non-custodial criminal penalties.*

Проблемы преступности несовершеннолетних, применение к ним уголовных наказаний и механизма их исполнения были актуальны на протяжении всей истории России. При введении уголовно – правового запрета в отношении деяний, совершенных несовершеннолетними законодатель всегда учитывал тот факт, что субъект преступления по своим психолого-педагогическим характеристикам не до конца сформировавшаяся личность, легко поддающаяся влиянию со стороны лиц, склонных к девиантному поведению и применение к нему наказания в виде лишения свободы крайне негативно повлияет на его дальнейшую жизнь. Поэтому при назначении уголовного наказания несовершеннолетним правонарушителям законодатель исходит из парадигмы приоритета тех наказаний, которые не связаны с лишением свободы.

В науке пенитенциарного права историю законодательного регулирования организации исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы в отношении несовершеннолетних принято подразделять на три этапа (периода): досоветский (царский) период (до 1917 года), советский период (1917–1991 гг.), постсоветский период (1991 год – настоящее время).

Испокон веков на Руси родители подростка выступали главным субъектом в вопросе воспитания детей, которые в свою очередь беспрекословно должны были подчиняться их власти. Именно эта особенность получила свое законодательное закрепление в первых нормативных актах, регулирующих вопросы привлечения несовершеннолетних правонарушителей к уголовному преследованию и наказанию. Так, статья 6 главы 22 Соборного Уложения 1649 года провозглашала, что в случае, когда «сын или дочь учнет бити челом о суде на отца или мать, да их же за такое челобитие бити кнутом и отдать их отцу и матери» [5, ст. 6].

Уголовная политика в отношении несовершеннолетних преступников в период правления Петра I (1682–1725 гг.) и Екатерины II (1762–1796 гг.) характеризовалась применением к подросткам за совершение ими

преступлений телесных наказаний. Как указывает П. Гуляев период в России после царствования Петра I отличился конкретизацией в вопросе уголовной ответственности малолетних, так, в императорских указах 1742, 1765, 1766 годах малолетние преступники вместо смертной казни и кнута наказывались плетью, отсылались в монастыри под караул и на покаяние, а при наличии малой вины били их розгами в зависимости от виновности и возраста [2, с. 32]. В случае, если лицо, не достигшее 10 лет, совершит какое-либо преступление, оно не подлежало уголовной ответственности, но его передавали родителям для перевоспитания.

Анализируя ранние источники уголовного права можно заметить проявление гуманности законодателя в вопросе применения наказаний к несовершеннолетним, совершившим преступление. Так, допускалась возможность применения к несовершеннолетним уголовно-правовых средств, именуемых в уголовном законодательстве настоящего времени как меры принудительного воспитания. Так, статья 129 Воинского артикула от 25 января 1715 года гласит: «Наказание воровства обыкновенно уменьшается, или весьма отставляется, ежели вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть» [1, ст. 29].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года [11] отличалось от предыдущих нормативных правовых актов гуманной направленностью нормы. Так, малолетство признавалось одним из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность. Кроме того, суд при назначении наказания обязан устанавливать, «с разумением» или «без разумения» действовал несовершеннолетний, поскольку это влияло на назначение наказания. Вместе с тем Уложение устанавливало такой вид наказания, как «домашнее исправительное наказание», применяемое к несовершеннолетним по распоряжению родителей или опекунов в возрасте от 14 до 21 года при совершении ими преступлений по неосторожности [11]. По мнению Н.С. Таганцева, меры домашнего исправления являлись мерами не карательного, а воспитательного свойства и не являлись наказанием [6, с. 23].

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 20 ноября 1864 года, законодательно закрепил возможность за мировыми судьями назначать несовершеннолетним наказание в виде денежного взыскания.

Советский период истории организации исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы в отношении несовершеннолетних начинается с законодательной отмены судов и тюремного заключения для несовершеннолетних и учреждения комиссий для несовершеннолетних.

Революция в России 1917 года внесла коррективы в уголовно-исполнительную политику государства, основное направление которой заключалось в исправлении осужденных без применения уголовных наказаний. Прежде всего, речь шла о применении наказаний, связанных с трудо-

вым воспитанием, а именно принудительных работ, организация которых возлагалась на «бюро принудительных работ», создаваемых при губернских и областных отделах юстиции [3].

Назначение и организация исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних в 20-х годах XX века заключалось в установлении «в разумении», то есть, умышленно ли, совершенно несовершеннолетним преступление или нет, поскольку от этого зависело назначение наказания. Однако конкретной статьи, устанавливающей перечень уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним уголовное законодательство того времени не содержало [8].

Ужесточение уголовной ответственности несовершеннолетних происходит в начале 30-х годов прошлого столетия: снижен возраст привлечения к уголовной ответственности до 12 лет, ликвидированы комиссии по делам несовершеннолетних, к несовершеннолетним применялись все виды уголовных наказаний, вплоть до исключительной меры – расстрел, введен запрет на применении к несовершеннолетним мер медико-педагогического характера.

В период Великой Отечественной войны для профилактики преступлений несовершеннолетних были созданы комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, действующие при исполнительных комитетах местной власти, уполномоченные при невозможности исправления преступного поведения несовершеннолетнего правонарушителя, ходатайствовать о направлении таких детей сразу в трудовые воспитательные колонии. Однако в послевоенное время в уголовно-правовой политике в отношении несовершеннолетних вновь определилась тенденция к применению воспитательного подхода при привлечении к уголовной ответственности.

Существенные изменения в истории развития советского уголовного законодательства были внесены Основами уголовного законодательства СССР и союзных республик, принятые Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 года. Так, по общим правилам возраст привлечения к уголовной ответственности составлял 16 лет, однако за ряд преступлений уголовная ответственность наступала с 14 лет. Устанавливался запрет на применение смертной казни, ссылки и высылки [4, ст. 22, 24]. К видам уголовных наказаний, не связанным с изоляцией от общества, применяемых к несовершеннолетним, относились: исправительные работы, без лишения свободы, лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, штраф и общественное порицание [4, ст. 25–28]. Однако, если совершенное преступление не представляет общественной опасности, к несовершеннолетним применялись меры воспитательного характера [4, ст. 10]. В организации исполнения наказаний по исправлению и перевоспитанию несовершеннолетних основной акцент ставился на привлечение и активное участие гражданского общества [9, ст. 63]. Проявление гуманизма прослеживается в возможности применять в отношении не-

совершеннолетнего осужденного отсрочку исполнения приговора и передача функций контроля за поведением таких несовершеннолетних осужденных комиссиями по делам несовершеннолетних при исполнительных комитетах [9, ст. 46.1].

На современном этапе развития уголовного законодательства основным нормативным актом, регулирующим вопрос уголовного наказания без изоляции от общества в отношении несовершеннолетних преступников, является Уголовный кодекс РФ, V раздел которого содержит положения, касающиеся уголовной ответственности несовершеннолетних. Статья 88 УК РФ содержит закрытый перечень уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним, в том числе и не связанные с изоляцией от общества, к которым относятся: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение права заниматься определенной деятельностью [10].

Уголовно-исполнительный кодекс РФ [7], определяет организационный механизм, структуру, порядок, сроки реализации назначенного уголовного наказания, а также возможную замену назначенного наказания при его неисполнении несовершеннолетним осужденным.

Библиографический список

1. Артикул воинский от 26 апреля 1715 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.02.2019).
2. Гуляев П. Н. Российское уголовное право, составленное из российских государственных указаний Петром Гуляевым. М. : тип. П. Кузнецова, 1826. С. 34.
3. Декрет СНК РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.02.2019).
4. Основы уголовного законодательства Союза Советских Социалистических Республик и союзных республик, принятые Верховным Советом СССР от 25 декабря 1958 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.02.2019).
5. Соборное Уложение от 29 января 1649 года // Сайт Исторического факультета МГУ. URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 20.02.2019).
6. Таганцев Н. С. Исследование об ответственности малолетних преступников по русскому праву. СПб. : тип. А. М. Катомина, 1871. С. 23.
7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 28.12.2019).
8. Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.02.2019).

9. Уголовный Кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.02.2019).

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (по состоянию на 04.04.2019 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2019).

11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.02.2019).

УДК 343.2

Кони́на Дарья Валерьевна,

аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
d.gift@mail.ru

**Проблема оценочных понятий
в статье 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации
«Занятие высшего положения в преступной иерархии»
в рамках борьбы государства с организованной преступностью**

В статье рассмотрены оценочные понятия, используемые в статье 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Указано на необходимость применения правил юридической техники в уголовном праве при формулировании дефиниций. Приведены примеры разъяснения оценочных понятий в науке. Предложено использовать перечневой подход при даче определения понятию. Указано на ошибки законодателя при формулировании понятий в указанной статье УК РФ, которые снижают эффективность борьбы с организованной преступностью, в том числе из-за отсутствия нормативно-правового акта составления правовых норм в Российской Федерации.

Ключевые слова: оценочное понятие, дефиниция, юридическая техника, уголовное законодательство, борьба с организованной преступностью.

Konina Daria Valeryevna,

post-graduate student, national research Lobachevsky state University
of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

**The problem of evaluation concepts
in the article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation
«Occupation of the highest position in the criminal hierarchy»
as part of the state's fight against the organized crime**

The article deals with the evaluation concepts in the article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter - the Criminal Code of the Russian Federation). The author points to the need to apply the rules of legal technique in the criminal law in the formulation of the definitions. The examples are given of the explanation of evaluation concepts in science. The author suggests using the list approach in the formulation of the definitions. The author specified the errors in the formulation of the definitions in the article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. These mistakes reduce the effectiveness of the fight against the organized crime because of there is no the law in the Russian Federation.

Keywords: *evaluation concept, definition, legal technique, criminal legislation, fight against organized crime.*

Любой нормативный правовой акт должен быть основан на правилах юридической техники, еще Екатерина II в наказе к Комиссии по подготовке и оформлению проекта нового Соборного Уложения указывала на то, что: «Всякий закон должен написан быть словами, вразумительными для всех», «Законы делаются для всех людей, все люди должны по оным поступать – соответственно, надобно, чтобы все люди оные и разуметь могли» [2, с. 133–134].

В последнее время в связи с возрастающим объемом законодательного массива все большее количество юридических понятий нуждается в дефинировании, что также обусловлено потребностями общества и государства. Дефиниции должны «адекватно раскрывать содержание того или иного понятия, определять его родовые и (или) видовые признаки, включающие нормативные характеристики в концентрированной и обобщающей форме» [1, с.73].

В юридической технике считается недопустимым использовать в нормативном правовом акте категории оценочного характера либо термины, которые сами нуждаются в разъяснении. Это затрудняет применение такого нормативного правового акта на практике.

В рамках борьбы с организованной преступностью Федеральным законом от 01 апреля 2019 г. № 46-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнен статьей 210.1, которая предусматривает ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Однако в УК РФ законодателем не раскрываются сами категории «высшее положение в преступной иерархии», «преступная иерархия».

Эти понятия не являются правовыми, кроме того, они оценочные, что затрудняет их толкование и применение в правоприменительной деятельности. Попытка раскрыть данные понятия была допущена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)».

В указанном Постановлении Пленума ВС РФ разъяснено значение категории «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», а именно для того, чтобы лицо было признано занимающим высшее положение в преступной иерархии, оно должно совершить целый ряд действий, в частности: создать преступное сообщество (преступную организацию) или руководить им (ею) либо координировать преступные действия; создать устойчивые связи между различными самостоятельно действующими организованными группами; осуществить раздел сфер преступного влияния и преступных доходов; обладать авторитетом и быть лидером в преступном сообществе (преступной организации). Об авторитете такого лица могут свидетельствовать его связь с экстремистскими и (или) террористическими организациями, а также наличие коррупционных связей.

На наш взгляд, законодатель намеренно не раскрыл категории «высшее положение в преступной иерархии» и «преступная иерархия», посчитав, что правоприменительная практика даст определения данным понятиям.

Такой подход законодателя к правилам юридической техники в уголовном праве является недопустимым, поскольку при таком подходе возрастает уровень коррупциогенности самого нормативного правового акта.

По мнению М.И. Ковалева, «...излишне оценочная норма не менее вредна, чем излишне формализованная, так как она практически очерчивает лишь контур преступного деяния, оставляя на совести судьи определение его действительного содержания... Оценочность, если она понимается однобоко, может привести к преобладанию изменчивости, к свободе случая и игре обстоятельств над личностью» [3, с. 62–63].

В связи с этим отметим, что судебная практика по указанной уголовно-правовой норме в Российской Федерации в настоящее время отсутствует, а научное сообщество пока немногословно в вопросе дать определения указанным понятиям.

Шалагин А. Е. под преступной иерархией понимает систему подчиненности и взаимоотношений между лицами, входящими в криминальную среду, придерживающимися соответствующих правил и традиций (воровской субкультуры) [4, с. 48]. Отмечено, что преступная иерархия (стратификация) осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, и представителей преступного мира, находящихся на свободе, существенно различается [5, с. 36].

Как правило, оценочные понятия, использованные в нормах УК РФ, характеризуют качественное состояние определенного уголовно-правового явления или обстоятельства, поэтому целесообразно использовать перечневой подход при даче определения.

Такой подход будет способствовать адекватному пониманию смысла уголовно-правовой нормы, что позволит ее законно и обоснованно применить в конкретном случае.

Проблема оценочных понятий в УК РФ неразрывно связана с проблемой языка, который используется в процессе составления нормативно-правовых актов.

В Российской Федерации отсутствует нормативно-правовой акт, регулирующий данную проблему. Министерством Юстиции Российской Федерации был подготовлен проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», который в настоящее время не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

Следует также отметить, что в Республике Беларусь имеется аналогичный закон от 10.01.2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах», который широко применяется в законотворческой деятельности данного государства.

Принятие в Российской Федерации указанного закона повысит качество подготавливаемых проектов нормативно-правовых актов, чей рост под влиянием развития правовой системы в целом наблюдается в последнее время.

Применительно к уголовно-правовым нормам этот закон будет способствовать более эффективной борьбе государства с преступностью, в частности, организованной.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что принятую законодателем статью 210.1 УК РФ пока нельзя назвать удачной, в ней избыточны оценочные понятия криминологического характера, что затрудняет ее применение на практике, делает ее «мертвой» на пути борьбы государства с организованной преступностью, в том числе из-за отсутствия нормативно-правового акта составления правовых норм в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Апт Л. Ф. Дефиниции в законодательстве Российской Федерации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2007. С. 73.
2. Императрица Екатерина II. О величии России. М., 2003. С. 133–134.

3. Ковалев М. И. Советское уголовное право : курс лекций. Свердловск, 1974. Вып. 2. С. 62–63.

4. Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20). С. 48.

5. Шалагин А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4(26). С. 36.

УДК 343

Корж Павел Анатольевич,

старший преподаватель

Западно-Уральский институт экономики и права,

г. Пермь, Российская Федерация

Korzh2006@gmail.com

Некоторые проблемы судебно-экспертной деятельности

В статье рассматриваются проблемы, существующие при назначении, проведении и оценке результатов судебных экспертиз. Основное внимание уделено проблемам, возникающим в экспертной деятельности. Также ставится под сомнение научная основа и сама возможность проведения экспертиз по ряду вопросов, а также некоторые правоприменительные проблемы, связанные с оценкой экспертных заключений. В выводах предлагаются варианты решения названных проблем с точки зрения повышения исполнительской дисциплины и профессиональной этики, контроля за порядком назначения экспертиз, возможностями нормативного урегулирования ряда вопросов и повышения качества научного подхода.

***Ключевые слова:** судебные экспертизы; судебно-экспертная деятельность; вопросы, имеющие юридическое значение.*

Korzh Pavel Anatolyevich,

senior lecturer at the West Ural Institute of Economics and law,

Perm, Russian Federation

Some problems of judicial experience

The article discusses the problems existing in the appointment, conduct and evaluation of the results of forensic expertises. The main attention is paid to the problems arising in the expert activity. The scientific basis and the possibility of conducting expert examinations on a number of issues, as well as law en-

forcement problems associated with the assessment of expert opinions, are also being questioned. The conclusions suggest options for solving these problems from the point of view of improving executive discipline and professional ethics, monitoring the order of appointment of expertises, the possibilities of normative settlement of a number of issues and improving the quality of the scientific approach.

Keywords: *forensic expertises; forensic activities; issues of legal importance.*

Экспертиза является той частью правоохранительной деятельности и правосудия, где как нигде становится первичным принцип научности. Это, в первую очередь, научно-техническое сопровождение расследования и научная проверка следственных версий. Между тем, в последнее время оформилась тенденция принижения роли экспертиз и размывание научных методов исследования еще не вполне сложившимися методиками.

Для этих процессов характерны несколько причин. Не в последнюю очередь и коррупционная составляющая. Когда эксперт предлагает не проведение исследования, а необходимый результат. Еще хуже, когда эксперт заранее согласовывает результаты со следствием и судом. Возникает профанация экспертной деятельности.

Также можно отметить появление многих новых направлений экспертного исследования, в отношении которых есть сомнения в научной обоснованности методик. Более того, это в ряде случаев накладывается на спорность самой возможности назначения экспертизы, что имеет место, например по делам, связанным ст. 282 УК РФ. Закон не позволяет назначать экспертизу для решения вопросов, имеющих правовое значение. Между тем, понятие экстремизма и его составляющие закреплены в ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2] и сама суть правоприменения сводится к сравнению объективной стороны деяния с текстом закона. А назначение неких психолингвистических экспертиз с постановкой вопроса о действительности разжигания ненависти и вражды в тексте кажется недопустимым. На этот вопрос должен отвечать сам правоприменитель, руководствуясь законом и внутренним убеждением. Хотя, как мы полагаем, суд, зачастую, прикрывает себя подобным экспертным заключением.

Также можно отметить появление большого количества независимых экспертов, квалификация которых не всегда достаточна, с той же коррупционной составляющей и с не очень явной научной базой. В этом плане бывает интересно, когда суд выбирает одно из экспертных заключений из нескольких по одному вопросу, но с кардинально различными выводами.

Также не разрешается вопрос, связанный с формальной независимостью экспертов. Сейчас все органы следствия имеют в своей структуре

собственные экспертно-криминалистические подразделения, недавно также появились и в Следственном комитете России.

Также можно отметить и проблему в вопросе ответственности эксперта. Состав ст. 307 УК РФ [1] предусматривает ответственность за заведомо ложное заключение эксперта, но применительно к эксперту она практически не работает. Причина заключается в том, что доказать на практике заведомую ложность бывает практически невозможно, поскольку сложно отделить злонамеренное искажение результатов экспертного исследования от экспертной ошибки (в конце концов – *Errare humanum est*). В крайнем случае, речь может идти о ч. 1 ст. 293 УК РФ («Халатность»). И то, если в данном случае у нас будет в наличии должностное лицо, предусмотренное прим. 1 ст. 285 УК РФ [1]. Но решение этого вопроса уже зависит от законодателя.

Таковы, на наш взгляд, наиболее серьезные, стратегические проблемы развития судебных экспертиз в нашей стране в настоящее время. Вместе с тем, можно выделить и типовые проблемы, встречающиеся при анализе экспертных заключений и влияющие на результаты рассмотрения конкретных дел.

Так, в ряде случаев встречается неправильный выбор методики. Иногда, например, по фотопортретным экспертизам, эксперт, получив результат по одной методике, не проверяет его по другим. В результате может допускаться ошибка, особенно при исследовании фотоизображений лиц неевропейской группы.

Также наблюдается невыполнение требований методики, когда полное исследование заменяется на сокращенную программу, по которой получается необходимый результат. Что часто наблюдается при проведении почерковедческих исследований.

В самом крайнем случае может наблюдаться вообще отсутствие указания на конкретную методику и даже практическое отсутствие исследовательской части заключения.

Достаточно распространенной ошибкой является произвольный или неправильный подбор и изъятие образцов для исследования. Что, в частности, явилось причиной выявления состояния алкогольного опьянения у малолетних пострадавших в ДТП, причем в нескольких регионах России. В ряде случаев, особенно при проведении почерковедческих экспертиз, эксперт не может объяснить причину выбора только некоторых образцов, неучет образцов по давности их исполнения.

Все эти нарушения могут приводить к отходу от соблюдения стадий экспертного исследования, когда эксперт, находясь под впечатлением совпадением ряда признаков и появившегося убеждения, начинает «подводить» признаки под необходимый результат. Что практически всегда ведет к ошибочному выводу.

В судебной и следственной практике часто наблюдается неправильное реагирование на экспертное заключение. Так, если заключение не соответствует сложившейся следственной версии, у правоприменителя есть два пути. Во-первых, необходимо критически отнестись к заключению и при наличии оснований к сомнениям правильности выводов назначить повторную экспертизу. Если сомнений в обоснованности выводов эксперта не наблюдается, значит необходимо подвергать сомнению саму версию. Вместо этого, часто наблюдается ситуация, когда следователь или суд назначают еще одну экспертизу, или же дополнительную, поручают другому эксперту (или экспертному учреждению) и ставят перед экспертом тот же набор вопросов. При получении различных по выводам заключений ориентируются на то, которое подтверждает сложившуюся версию. То есть, наблюдается некритическое отношение к проверяемой версии. Что, к сожалению, вполне характерно для правоприменителей.

Говоря о методах решения вышеуказанных проблем, в первую очередь, необходимо говорить о повышении исполнительской дисциплины и профессиональной этики во всех звеньях, связанных с экспертными правоотношениями (заказчики экспертиз, само экспертное сообщество, правоохранительные органы, суд). Уже само это позволит резко снизить количество злоупотреблений и повысить качество экспертиз в частности и правоприменения в целом.

Также необходимо обратить внимание всех звеньев правоприменителей на необходимость строгого соблюдения законодательства о судебно-экспертной деятельности в части порядка назначения повторных и дополнительных экспертиз, необходимости назначения в сложных и спорных случаях комиссионных экспертиз. Нарушения в этой части должны строго пресекаться на уровнях руководителей органов следствия и дознания, надзора за следствием и судебными инстанциями.

На нормативном уровне можно поддержать давно ведущуюся дискуссию о необходимости разработки нового закона о судебно-экспертной деятельности, в котором необходимо тщательно рассмотреть вопрос о независимых экспертах, критериях допуска к экспертной деятельности, гарантиях экспертов. Возможно говорить и о разработке единой классификации судебных экспертиз.

С точки зрения научного сообщества необходимо говорить о тщательном научном анализе новых методов исследования с точки зрения их соответствия принципу научности, возможности создания на их основе новых методик или даже видов судебных экспертиз. Также необходимо определиться с понятием «вопросов, имеющих юридическое значение», и самой возможности проведения судебно-экспертных исследований при решении ряда проблем правоприменительской практики.

Все эти меры позволят повысить качество и уровень судебно-экспертной деятельности и принимаемых правоприменителем решений.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25.
2. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 12.11.2019).

УДК 343.0

Лившиц Юзеф Максович,

доктор юридических наук, профессор,
Таллиннский технический университет
г. Таллин, Эстонская Республика
maksipoe@mai

Влияние уголовного закона на преступление

В Эстонии с 2002 года действует кодекс, называемый Karistusseadustik (сокращенно KarS). Концептуально и в нормативной своей ипостаси он заметно отличается от УК РФ. Сравнивая эти два закона, можно заметить, что для рассматриваемой темы играет существенную роль различие в понимании такого важного института уголовного права, как вина. Тем не менее, позитивистский взгляд на уголовное право РФ снимает это различие двух национальных систем.

Вопрос об превентивном влиянии закона на преступление можно рассматривать в трех аспектах: обычного права, правовых новаций и знаний, основанных на профессиональной культуре.

То обстоятельство, что незнание закона не освобождает от ответственности, не может рассматриваться как фактор, исключающий интерес к вопросу о непосредственном влиянии уголовного закона на преступление. Первое важно на момент, когда лицо привлекают к ответственности. Второе может играть свою предупредительную роль, повлияв на решение лица не совершать преступления из-за боязни санкций, предусмотренных законом.

Ключевые слова: *уголовный закон, Уголовный кодекс Эстонской республики, Уголовный кодекс Российской федерации, преступление, состав преступления, вина, превентивное влияние.*

Livshits Jozef Maksovich,

doctor of law, professor, Tallinn technical University
Tallinn, Republic of Estonia

Influence of the criminal law on the crime

In Estonia, a code called Karistusseadustik (abbreviated as KarS) has been in force since 2002. Conceptually and in its normative aspect, it differs markedly from the criminal code of the Russian Federation. Comparing these two laws, we can see that the difference in understanding of such an important institution of criminal law as guilt plays a significant role for the topic under consideration. Nevertheless, the positivist view of the criminal law of the Russian Federation removes this distinction between the two national systems.

The question of the preventive impact of the law on crime can be considered in three aspects: customary law, legal innovations and knowledge based on professional culture.

The fact that ignorance of the law does not exempt from liability cannot be considered as a factor that excludes interest in the question of the direct impact of the criminal law on the crime. The first is important at the moment when a person is brought to justice. The second can play a preventative role by influencing a person's decision not to commit a crime for fear of being sanctioned by law.

Keywords: *criminal law, Criminal code of the Republic of Estonia, Criminal code of the Russian Federation, crime, offence, fault, preventive effect.*

Уголовное право – фундамент уголовной юстиции¹. Образуя основание для других частей комплекса (включая уголовно-исполнительное право, уголовно-процессуальное право, право оперативно – розыскной деятельности, криминология, криминалистика и др.) этот юридический феномен ограничен в возможностях непосредственного воздействия на объекты правовой защиты и запретов. Ожидания, адресованные уголовному праву, в первую очередь связаны с обозначением того, ради чего должна существовать вся уголовная юстиция. При этом исключать полностью способность уголовного права самостоятельно и непосредственно влиять на положение дел, связанных с преступностью, было бы тоже ошибочно. Для исполнения своей автономной роли уголовное право должно иметь возможность передавать объекту воздействия информацию о своих запретах и правовых последствиях за их нарушения, т. е. сообщать, что запрещено, как понимать запрет и что может быть, если запрет будет проигнорирован.

Реагировать на потребность противодействия преступлениям уголовное право, понимаемое как совокупность норм о преступлении и наказании, установленных законодателем, способно через реализацию принципа позитивности, т. е. признание того, что источником уголовного права является закон (по крайней мере, для семьи континентального права²).

¹ В публикации используется Уголовный кодекс Эстонской республики (Karistusseadustik, сокращенно – KarS), Эстония – место моего проживания. В то же время проводится сравнение норм, содержащихся в статьях данного кодекса с нормами, которые находятся в статьях УК РФ.

² Сравнимые кодексы двух государств имеют разную концептуальную основу. Об особенностях теоретической модели KarS см. [1–3].

Массовое, так сказать, естественно правовое сознание, содержит важную поддержку правового реагирования, оно способно существенно противостоять преступлениям, указывая на них, признавая их актами постыдными, этически осуждаемыми, но не может заменить собой законодательные решения. В силу своей размытости, фрагментарности, вариативности, а порою и беспринципности.

Далеко не все, что преступно с позиции законодателя, является таковым для понимания и мироощущения определенных локальных социумов, которые могут не только сомневаться в правильности установленного законом запрета, но и противодействовать ему. Чего стоит, например, распространение среди подростков уголовной субкультуры: с ее жаргоном, татуировками, песнями, а то и образом «героического» поведения, пронизанного культом грубой силы, с одной стороны, и взаимной поддержки «своих» (скажем, через «общаг»), – с другой? Не буду уже называть саму криминальную среду как факт самоочевидный. Во многих источниках отражено желание бизнес – сообщества декриминализовать ряд деяний, чтобы открыть более широкую дорогу для активизации бизнеса и в целом – большей либерализации экономики.

Уголовный закон содержит запреты и дозволения, выражающие государственное усмотрение. В силу такого своего свойства он должен навязывать общую волю, формулируемую законодателем, части общества, а тем более индивидуумам, занимающим другую позицию. Нормы закона должны адекватно отражать существующие запросы и высшие для всего общества интересы, учитывать а priori возможный вред от запрещаемых деяний. Эти нормы, чтобы воздействовать на адресатов в лице потенциальных или действительных преступников, должны быть подвластны воле и сознанию законодателя, его способности к правильному отражению вызовов социальной среды, быть справедливыми с точки зрения массового этического сознания, но в тоже время результативными, сформулированы грамотно, предметно и ясно.

С рассматриваемым вопросом связан принцип вины, у которого есть свои внешние и внутренние по отношению к сознанию и поведению субъекта ответственности [4].

Содержание этого принципа, охватывает факт наличия закрепленных в законе норм, знание о которых предположительно имеется у лица, совершившего деяние. Вина возникает тогда, когда субъективная реакция лица на известный (или предполагаемый) запрет выражается не в следовании его предписаниям, а в его игнорировании, за что и должна наступать ответственность.

Процесс применения правовой нормы изначально сталкивается с проблемой, может ли незнание закона быть обстоятельством, исключаящим вину. Бенедикт Спиноза еще в XVII веке сформулировал постулат, который признан и в современном праве: незнание закона не освобождает от ответственности (*Ignorantia non est argumentum*).

Было бы абсурдным признавать презумпцию незнания закона нарушителем и тем самым возложить на правоприменительный орган обязанность доказывать, что это лицо знало закон и, тем не менее, осуществило посягательство на охраняемые законом ценности. Формальная логика при таком подходе вступает в противоречие с реальной действительностью, показывающей, что задача в принципе не может быть простой и понятной. Знание правонарушителем закона нельзя проверить экзаменом по уголовному праву, хотя бы, кроме всего прочего, потому, что экзаменуемым будет двигать лишь интерес завалить такой экзамен.

Следовательно, ответ на вопрос, известен ли нарушителю закон, заменяется другим вопросом: почему это лицо не знает и не понимает запретного характера своего поступка?

Ответ на этот вопрос сводится к двум предположениям. Одно из них делает акцент на субъективной неспособности лица понимать происходящее. Другой – к характеристике положений уголовного закона.

Нельзя сказать, что закон совсем не учитывает возможность исключения вины из-за отсутствия у нарушителя знания запрета. Однако тут имеются ввиду не внешние по отношению к лицу препятствия, а субъективность лица, не позволяющая ему понять даже самую простую запретительную норму.

Речь может идти о редко встречающемся варианте, когда нарушитель оказался в положении несведущего лица по субъективным обстоятельствам, от него в данной ситуации не зависящим. Конечно, надо реагировать на возможность случаев столь существенного незнания и непонимания запретов, когда привлечение лица к ответственности за совершение им деяния должно быть исключено. § 39, ч. 1 KarS предусматривает этот случай, указывая, что вина лица отсутствует, если оно не осознает запрещенности своих деяний и это заблуждение является для него неизбежным. Кроме того, допускается и реакция на такое стечение обстоятельств, при котором заблуждение имеет место, но не является для лица неизбежным. Не исключая вины, закон разрешает последний вариант рассматривать как смягчающее обстоятельство при назначении наказания. Можно допустить, что под выше приведенную норму закона подпадают те, кто оказались во власти синдрома «Маугли» (при достижении возраста уголовной ответственности), а также лица с низким уровнем интеллекта без признаков психического расстройства (что позволяло бы признать их невменяемыми), но не физиологическое опьянение.

Не достаточно, чтобы запрет относился к субъективности нарушителя. Когда говорят, что человек виновен, имеют ввиду нечто большее, чем его субъективное отношение к содеянному. Если бы дело обстояло не так, тогда под запрет была бы поставлена возможность думать и переживать. Упор на субъективность здесь важен для исключения объективного вменения. Но вина – это симбиоз субъективного и поведенческого. Поведение –

один из достоверных способов узнавания о мыслях и переживаниях нарушителя. Поступок же всегда субъективен. Но при таком понимании вина не становится синонимом преступления (в отличие от вины как синонима субъективных признаков состава), поскольку охватывает и ряд обстоятельств, влияющих на назначение наказания. Кроме того, даже, если бы такое совпадение и существовало, то надо было бы учитывать акцент не на отношение к объекту посягательства, а на запрет, содержащийся в норме закона. В конце концов, если бы не этот запрет, умышленное лишение жизни другого человека на дуэли, содержащее все признаки состава, не было бы преступлением, а законодатель тем самым провозгласил бы, что ценность чести и достоинства он считает выше ценности человеческой жизни.

В российском уголовном праве давно и цепко закрепились позиция, признающая вину тождественной субъективным признакам состава преступления: умыслу или неосторожности (ч. 1 ст. 24 УК РФ). Тем не менее, делать из этого обстоятельство заключение, что российский закон в отличие от эстонского не придает значение осознанию лицом запрета, установленного нормой статьи кодекса, было бы ошибочно. Согласно ст 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом. Следовательно, для признания лица виновным необходимо учитывать не только его отношение к своему поведению, направленному на объект посягательства, но и тому, что соответствующими статьями закона этот объект охраняется, т.е. подобное деяние запрещено.

Не приходится удивляться тому, что уголовные законы двух государств, хотя и на основе разных концепций, признают существенную субъективную ущербность лица, совершившего деяние, обстоятельством, исключающим вину (ч. 1 ст. 28 УК РФ)

Подобно тому, как изображение черепа с перекрещенными костями на трансформаторной будке, не предполагает знание, почему проникновение вовнутрь этой будки может быть чревато летальным исходом, понятие «знание закона» включает в себя лишь сигнал об угрозе для нарушителя в виде грозящей ему санкции.

Не следует воспринимать требование знания закона как знания всех его деталей и нюансов. Они важны для характеристики состава преступления и квалификации деяния, применения наказания, а не для признания виновности лица. Вина не тождественна признакам состава преступления. Субъективные признаки охватывают отношение лица к совершенному им деянию и к его последствиям (в случаях и пределах, предусмотренных законом). Причем детали понимания сложившейся конкретной ситуации и отношения к ней играют существенную роль для применения закона. При установлении виновности лица важно несколько иное. Учет способности лица принять или не принять запрет, установленный законом, и то, что оно совершило свой поступок вопреки фиксации его запретного характера.

В последнем случае вполне достаточно общего представления о существующих запретах.

§ 17, ч. 3 KarS предусматривает, что незнание закона не исключает умысла и неосторожности. Вопросы, связанные с привлечением лица к ответственности, образуют систему, значительно более объемную, чем только вопросы состава преступления. В том числе туда входит и вопрос об известности лицу закона. Этот вопрос подлежит анализу в другой связи и эта связь не менее существенна, чем та, которая соотносима с признаками состава деяния. Не случайно § 56 ч. 1 KarS устанавливает такой высокий статус вины, как статус основания наказания. Но выше приведенное утверждение можно и перефразировать в обратном направлении. Наличие вины предполагает, что осуждаемый поступок должен содержать признаки состава преступления, а также, добавим еще один элемент: и противоправности.

Выстраивая схему любого человеческого поступка, мы неизбежно столкнемся с необходимостью включить в нее такие элементы, как отношение лица к поступку и его последствиям. Признаки состава деяния, если в этом возникнет нужда, можно использовать для анализа любого поведенческого акта, преступный он или нет, но этот акт признается преступным в силу признания совершившего его лица виновным на основании законодательного указания.

Нередко оценить реальное поведение как преступное пытаются и без учета уголовного права. Это может быть гневная реакция на какой-либо возмутительное поведение. Встречается такое и в качестве риторической фигуры речи для придания ей более экспрессивного звучания. Это понятие может использоваться для усиления эффекта воспитательного педагогического воздействия. В быту понятие преступления стало лаконичным синонимом плохого, даже очень плохого, поступка.

Приходится наблюдать и противоположную ситуацию. Шарль Морис де Талейран-Перигор в свое время заметил: то, что для обычной жизни считается преступлением, в отношении политика может расцениваться как ошибка [5]. Более, чем полтора века, прошедшие после появления этого язвительного высказывания, оказались наполненными многими событиями, которые сделали мнение князя Талейрана неувядаемым. Востребованность уголовного права как раз и состоит в том, что заявляет о себе нужда в научно обоснованном, законодательно санкционированном или выработанном понимании, которое исключало бы его расплывчатую метафоричность.

Преступление как объект распознавания нас интересует в двух аспектах. Оно есть реальное виновное поведение, которое вынуждает применять к нарушителю запретов меры государственного противодействия. В то же время оно представляет собой юридическую конструкцию, обозначающую признаки названного поведения.

В законе важно иметь указания на то, что:

- поведение лица должно считаться таким отклонением от признанных в обществе норм, которое позволяет признать его поведение причиной государственного противостояния с использованием уголовного права;
- поведение содержит признаки состава преступления, закрепленные в статье закона, по которой должна быть произведена квалификация деяния и уточняющих положений Общей части УК;
- учету подлежат не только признаки состава, но и те, которые могут повлиять на смягчение или усиление наказания;
- обстоятельства, исключающие противоправность деяния и вину, не позволяют считать деяние преступлением, хотя формально в нем содержатся признаки состава;
- исследуемое поведение относится не к категории административного деликта или иного правонарушения, а считается преступлением.

Рассматривая способность уголовного права противостоять преступлениям путем информирования лиц, их совершивших или собирающихся пойти по преступному пути, приходится различать несколько ситуаций.

Уголовное правосознание напрямую коррелирует с обычным правом и его этической, а также религиозной основой. Для того, чтобы знать о запретах убивать, калечить, насиловать, красть, разбойничать, давать и получать взятки, нет необходимости знакомиться с уголовным законом. Оно и так понятно, даже в тех исключительных случаях, когда локальные обычаи допускают запрещаемый законом поступок, скажем – вендетту.

В одной из тематических телевизионных программ по российскому каналу РТР «Планета», посвященной цыганам, артист театра «Ромэн» рассказал, как от кого-то из своих соплеменников получил вопрос, случалось ли ему воровать? Когда же артист ответил отрицательно, то в ответ услышал, что цыган должен воровать, иначе он не цыган. Если такому суждению поверить, то все равно в решении интересующего нас вопроса ничего не изменится. Ведь украсть – это, как понятно, не то же самое, что получить вещь в подарок, что всегда известно вору, который сам себя считает таковым. Такие нормы обычного права сложились и присутствуют в массовом сознании, а то, что их ряд закреплен в уголовном законе, является фактором вторичным.

Несколько иная реальность для узнаваемости правовых запретов создается тогда, когда они отражают актуальные вызовы со стороны объекта правового воздействия. Какое-то негативное явление, ранее не объявленное запретным, получает распространение и становится очевидным наносимый им вред. Возникает законодательная инициатива, следствием которой становится добавление в уголовный закон новой нормы. Чаще всего это событие не проходит мимо внимания СМИ и, благодаря им, нововведение приобретает широкую известность. В такой ситуации приходится ограничиться предположением, что человек имел возможность получить

информацию о новой норме разными путями, в том числе не только из СМИ, но и из общения с другими людьми.

Кроме того, должно быть известно, что все изменения и нововведения в Уголовный кодекс без каких-либо исключений публикуются в государственном вестнике, после чего они, как правило, по истечении определенного срока вступают в законную силу. Никакой уровень секретности не должен быть позволителен, так что любой интересующийся данным вопросом может получить полную информацию на электронном или бумажном носителе.

Третий вариант оказывается самым проблемным. Целый ряд норм Уголовного кодекса, находящихся, как в его Общей части, так и Особенной, настолько специфичен, что для узнавания нуждается в особом интересе к нему.

Тут могут возникнуть проблемы, как самого общего, так и особенного характера.

Скажем, не осведомленность о том или ином запрете закона из-за незнания языка, на котором опубликован его официальный текст. Для Эстонии такая проблема особо актуальна из-за того, что для трети населения родным является иной язык, чем тот, что считается государственным, а законы издаются только на последнем. Решение проблемы теоретически возможно путем публикации нормативных актов как на эстонском, так и на русском языке, которым владеет, учитывая прошлое четвертьвековой давности, значительная часть людей, о которых идет речь. Практически же решение вопроса законодателем не происходит из-за соображений политического и финансового порядка.

Девиационное, т.е. отклоняющееся от признанных большинством норм, поведение, способно иметь разный градус отклонения. Чтобы считаться преступлением, оно должно обладать характеристиками, названными в законе. К числу вопросов общего порядка, вызывающих особые трудности в узнавании закона, относится и такой, как разграничение преступления и проступка. Виновный не всегда способен провести четкую грань этих различий, поскольку сам законодатель меняет свою позицию (как это имело место при изменении взгляда на то, считать ли мелкую кражу преступлением или проступком). Что касается действующего закона, то в нем есть то, над чем приходится думать. Без этого узнавание запрета на низком уровне восприятия становится проблематичным.

В § 3, ч. 3 и 4 KarS приводятся такие формулировки понятий преступления и проступка:

– Преступлением является виновное деяние, предусмотренное настоящим Кодексом, за совершение которого в качестве основного наказания для физического лица предусмотрено денежное взыскание или тюремное заключение, а для юридического лица – денежное взыскание.

– Проступком является виновное деяние, предусмотренное настоящим Кодексом или иным законом, за совершение которого в качестве основного наказания предусмотрены штраф, арест или лишение права управления транспортными средствами.

Как видно из приведенных определений, критерием для отличия преступления от проступка считаются санкции параграфов Особенной части кодекса. Однако, оказывается этот способ разграничения не абсолютен. Допускается и такой вариант, когда в параграфе Особенной части нет указания на санкцию, относящуюся к проступку, а диспозиция для преступления и проступка является идентичной. § 3, ч. 5 KarS предлагает, если лицо совершит деяние, соответствующее составам проступка и преступления, то лицо наказывается только за совершение преступления. Если наказание за преступление не назначается, то лицо может быть наказано за совершение проступка. Иначе говоря, допускается решение вопроса о разграничении не законодателем, а судом. Кроме того, считаясь не с санкцией, а диспозицией параграфа. Законодатель тем самым не столько расписывается в своем бессилии отделить преступление от проступка, применяя ранее сформулированный «санкционный» критерий, сколько признает, что из правила возможны исключения, а палитра красок жизни разнообразнее того, что может предложить закон. Но вопрос о том, какой посыл законодатель в этом случае направляет объекту воздействия, остается без ответа.

Рассматриваемый сейчас вариант в его более конкретных проявлениях поворачивает тему в сторону вопроса о соотношении особых усилий и субъективных ресурсах, наличествующих у лица, признаваемого виновным в совершении преступления. Уголовный кодекс содержит не малое число соответствующих данной ситуации норм.

Возьмем для примера §195 KarS: Склонение к использованию допинга.

Он предусматривает ответственность за прописывание лекарственного средства для использования в качестве допинга при занятии спортом, а также склонение к использованию лекарственных средств в качестве допинга либо его передача для введения в организм в качестве допинга

Понятно, что сложности узнавания этой нормы связаны не с перечисленными в ней действиями, а с самим предметом допинга. Перечень препаратов, относящихся к допингу, постоянно меняется и даже опытным медикам, тренерам и спортсменам не всегда удается уследить за нововведениями, о чем говорит нашумевшая история о неожиданном признании WADA препарата meldonium допингом с 1 января 2016 года.

То обстоятельство, что незнание закона не освобождает от ответственности, не может рассматриваться как фактор, исключающий интерес к вопросу о непосредственном влиянии уголовного закона на преступление. Первое важно на момент, когда лицо привлекают к ответственности. Второе

может играть свою предупредительную роль, повлияв на решение лица не совершать преступления из-за боязни санкций, предусмотренных законом.

Библиографический список

1. Sootak J. Karistusõiguse-alused. Tallinn. Juura, 2003.
2. Ulfrid Neumann. Der Aufbau der Straftat. Anmerkungen aus Anlass des neuen estnischen Strafgesetzbuchs // 2Nullum jus 177sine scientia. Juura, 2008. S. 177–191.
3. Лившиц Ю. Реформа уголовного права Эстонии: виновное деяние и его состав // Юристъ. Правоведъ. 2005. № 3. С. 30–40.
4. Лившиц Ю. Преступление как виновное деяние: состав, противоправность, вина. Курс лекций / Социально-гуманитарный институт. Таллинн, 2004. С. 213–217.
5. Талейран-Перигор Ш. М. де // Цитаты известных личностей. URL: ru.zitaty.net/autory/sharl-moris-de-taleiran-perigor.

УДК 343.988

Майоров Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация
ab_majorov@mail.ru

Виктимологическое обеспечение национальной безопасности

В статье рассмотрено понятие безопасности, используемое в научном обороте и законодательной технике. Проанализированы существующие точки зрения относительно конструкции понятия «безопасность», а также представлено новое направление в обеспечении национальной безопасности – виктимологическое. Обозначены позиции ведущих ученых относительно виктимологического обеспечения безопасности. Определены объекты такого вида безопасности и высказано авторское определение относительно виктимной безопасности личности.

Ключевые слова: безопасность, виктимность, национальная безопасность, виктимологическое обеспечение безопасности, сферы безопасности.

Majorov Andrey Vladimirovich,
candidate of law, associate professor, Chelyabinsk state University,
Chelyabinsk, Russian Federation
Victimological provision of national security

The article considers the concept of safety used in scientific circulation and legislative technique. The existing points of view regarding the construction of the concept of "security" are analyzed, and a new direction in ensuring national security – victimological-is presented. The positions of leading scientists regarding victimological security are indicated. Objects of this type of security are defined and the author's definition concerning victim safety of the person is stated.

Keywords: *security, victimization, national security, victimological security, security spheres.*

Вопросы борьбы с преступностью и обеспечения должного уровня правопорядка не возможно раскрыть без их виктимологической составляющей. В современном мире вопросам виктимологического потенциала в борьбе с преступностью уделено не мало, однако в нашей стране виктимологии определена второстепенная задача. Максимум где может быть использованы виктимологические наработки, так это только в сфере профилактики. Вместе с тем, существует достаточно теоретических разработок виктимологического воздействия на преступность, использование которых в правоприменительной практике не нашло до сих пор применения. В рамках настоящего доклада (статьи) хотелось остановиться на одном из таких перспективных направлений борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка – виктимологическое обеспечение национальной безопасности.

Как следует из определений различных авторов, *безопасность* – это состояние защищенности личности, общества, государства, их потребностей и интересов; устойчивое, стабильное состояние системы по отношению к неблагоприятным воздействиям.

На законодательном уровне понятие «безопасность» было определено в ныне утратившим силу Законе РФ от 5 марта 1992 года № 2446-1 «О безопасности» [6]. Данным законом были сформулированы определения понятий самой безопасности, ее объектов, субъектов обеспечения и угроз безопасности. Однако указанный Закон утратил силу с принятием нового Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» [7], в котором законодательное определение понятия «безопасность» отсутствует.

Есть еще одно обстоятельство, которое требует внимания. Так, например, А. И. Стахов предложил следующее определение безопасности как правовой дефиниции: «Безопасность – урегулированное правом состояние защищенности конституционных и законных интересов личности, общества, государства и нации, при котором отсутствуют условия и факторы, причиняющие вред данным интересам» [8, с. 85]. В данном определении определяются субъекты безопасности, объекты безопасности и угрозы безопасности. Таким образом, к законодательно закрепленным объек-

там безопасности добавляется еще один – нация. Сегодня утвердилось такое понимание проблем, связанных с безопасностью общества и государства, при котором весь комплекс проблем, связанных с данными процессами, концентрируется в понятии «национальная безопасность».

Полагаем, что безопасность личности в полной мере относится и к объектам виктимологического исследования, так как в результате виктимизации и повышения уровня виктимности снижается уровень защищенности личности от криминальных угроз [3–5].

В своих трудах К. В. Вишневецкий отмечает, что «одним из перспективных направлений развития криминологической науки в современной России является криминологическое обеспечение национальной безопасности страны. В силу относительной самостоятельности виктимологического учения в рамках виктимологической теории необходимо выделить в качестве одной из центральных проблем виктимологическое обеспечение безопасности личности и общества в целом и виктимологическое обеспечение национальной безопасности России в частности» [2]. Виктимологическое обеспечение национальной безопасности России К. В. Вишневецкий определяет, как «научную разработку мер по изучению, оценке и предупреждению виктимологических угроз, виктимизации и ее последствий, а также их внедрение в практику виктимологического предупреждения преступности». Само же «виктимологическое обеспечение безопасности», по его мнению, это «основанная на принципах комплексного планирования и программирования деятельность государства и общества в лице их органов и институтов, имеющая целью достижение оптимального на данном историческом этапе уровня защищенности интересов личности и общества от воздействия виктимогенных детерминантов» [2]. Достижение уровня защищенности – это и есть та самая безопасность.

Говоря об объекте защиты, следует отметить, что ими можно признать не только конкретных лиц, которые нуждаются в обеспечении такого вида безопасности, но и общество в целом, народ – нацию.

Безопасность общества включает защиту его материальных и духовных ценностей, закона и порядка, упрочение демократии, достижение и поддержание на основе принципа социальной справедливости общественного согласия. Поведение конкретной личности позволяет ей только реализовать (или не реализовать) достигнутый обществом уровень безопасности. Рост уровней безопасности личности и сообщества стал результатом преобразовательной жизнедеятельности. Безопасность человека, обеспечиваемая его жизнедеятельностью, может быть измерена уровнем безопасности. Как известно уровень безопасности индивида определяется продолжительностью жизни, а уровень безопасности общества – численностью его населения. Показатели этих уровней зависят не только от личного поведения, но и от уровня безопасности, достигнутого в обществе.

Человек не только предвидя опасности, старается избежать их, но и может разумно защищаться в уже сложившейся ситуации, при этом установив причины опасностей (угрозы), преобразует окружающую (внешнюю) среду с целью устранения этих причин (предотвращение угроз).

При этом основными принципами обеспечения безопасности личности, общества и государства являются: законность; соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства; взаимная ответственность личности, общества и государства по обеспечению должного уровня безопасности; интеграция с международной системой безопасности.

Таким образом, разделяя мнение ученых-виктимологов о том, что «одним из путей решения задачи по снижению социальных последствий преступности и удержания ее на приемлемом уровне является виктимологическое предупреждение преступности как одно из направлений обеспечения виктимологической безопасности» [1, с. 173], мы соглашаемся с необходимостью выделения в самостоятельный вид безопасности (с учетом конкретного объекта охраны) виктимной безопасности и предлагаем ввести в научный оборот соответствующий термин, а также использовать его в законодательной технике. При этом мы предлагаем собственное его толкование. Под *виктимной безопасностью* мы понимаем такое состояние защищенности личности и общества от создающих опасность угроз, при котором соответствующий уровень виктимности не оказывает существенного влияния на их жизненно важные интересы [3, с. 46].

Полагаем, что одним из путей решения задачи по обеспечению правопорядка и будет являться виктимологическое обеспечение национальной безопасности. Отсюда закономерно следует, что обеспечение национальной безопасности имеет право на существование в нормативной правовой базе нашей страны, а именно в законе «О безопасности». Предлагаемая же категория «виктимная безопасность личности», может стать критерием определения состояния защищенности жертвы преступления, что представляет собой конечную цель в системе реализации мер по противодействию преступности.

Библиографический список

1. Варчук Т. В. Виктимология : учеб. пособие / под ред. С. Я. Лебедева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 263 с.
2. Вишневецкий К. В. Виктимологическое обеспечение национальной безопасности России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. URL: <http://teoria-practica.ru/-3-2012/law/vishnevetskiy.pdf> (дата обращения: 16.04.2014).
3. Воронин Ю. А., Майоров А. В. Виктимная безопасность: терминологическая интерпретация // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 43–48.

4. Майоров А. В. К вопросу о виктимологическом обеспечении безопасности // Право и безопасность. 2012. № 3-4. С. 125–128.

5. Майоров А. В. Защита прав человека: виктимологический аспект // Виктимология. Челябинск. 2014. № 2(2). С. 12–15.

6. О безопасности : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Российская газета. 2010. № 5374. 29 декабря.

7. О безопасности : федер. закон от 5 марта 1992 года № 2446-1 – утратил силу.

8. Стахов А. И. Юридическая природа, структура и классификация безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2005. № 1.

УДК 343.122

Мартыненко Наталия Эдуардовна,
доктор юридических наук, профессор,
Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация
kafedra_up_au@mail.ru

Уголовно-правовая охрана потерпевшего

В статье анализируются уголовно-правовые гарантии конституционного права потерпевшего на охрану и защиту своих прав, делается вывод о том, что уголовно-правовые средства возмещения вреда (ущерба), причиненного потерпевшему, не в полной мере способны возместить этот вред (ущерб) и вносятся предложения по повышению эффективности уголовно-правовых средств, направленных на возмещение вреда (ущерба) потерпевшему. В частности, предлагается включить в задачи УК РФ (ст. 2) новую задачу – охрану прав и законных интересов потерпевших; только полное возмещение ущерба признавать смягчающим наказание обстоятельством; полное возмещение ущерба использовать не только как обстоятельство, позволяющее освободить лицо, совершившее преступление, от наказания, но и назначать некоторые виды наказаний, не связанных с лишением свободы, только в случае полного возмещения ущерба

Ключевые слова: потерпевший, возмещение вреда (ущерба), уголовно-правовые гарантии, уголовно-правовые средства, охрана потерпевшего.

Martynenko Natalia Eduardovna,
doctor of law, professor,
Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation

Criminal legal protection of the victim

The article analyzes the criminal law guarantees of the constitutional right of the victim to protect and protect their rights, concludes that the criminal legal means of compensation for harm (damage) caused to the victim are not fully able to compensate for this harm (damage) and suggestions are made to increase the effectiveness of criminal legal means aimed at redressing harm (damage) to the victim. In particular, it is proposed to include in the tasks of the Criminal Code of the Russian Federation (Article 2) a new task – the protection of the rights and legitimate interests of victims; recognize full mitigation as mitigating punishment; use full compensation not only as a circumstance that allows the person who committed the crime to be released from punishment, but also prescribe certain types of punishments not related to deprivation of liberty, only in case of full compensation for damage

Keywords: *victim, compensation for harm (damage), criminal law guarantees, criminal legal means, protection of the victim.*

Актуальность проблемы уголовно-правовой охраны потерпевшего обусловлена: во-первых, необходимостью выполнения государством обязанности по охране лиц, потерпевших от преступлений, закрепленной в ст. 52 Конституции РФ, во-вторых, широким масштабом проблемы, так как большое количество лиц, которые признаются потерпевшими, нуждаются в уголовно-правовой охране. Так; по данным ГИАЦ МВД России [3], ежегодно совершается около 2 млн преступлений и, соответственно, около 1,5 млн физических и юридических лиц оказываются потерпевшими. Так, в 2015 г. было зарегистрировано 1 981 973 потерпевших (1 699 020 физических и 282 953 юридических лиц), в 2016 г. – 1 787 911 (1 544 238 физических и 243 573 юридических лиц), в 2017 г. – 1 651 033 (1 417 374 физических и 233 659 юридических лиц); в 2018 г. – 1 573 096 (1 335 166 физических и 237 930 юридических лиц); в 2019 г. – 1 617 177 (1 369 812 физических и 247 365 юридических лиц). На протяжении последних пяти лет количество потерпевших снижается, что напрямую связано со снижением количества зарегистрированных преступлений. Обратная ситуация наблюдается в 2019 г. Рост количества зарегистрированных преступлений на 1,6 %, (2 024 337) привел к росту на 2,7 % количества зарегистрированных потерпевших.

В третьих, необходимостью возмещения вреда (ущерба), причиненного потерпевшему, и, наконец, в-четвертых, необходимостью обеспечения эффективности производства предварительного расследования.

Уголовное право является одной из отраслей права, призванной гарантировать, в том числе, и уголовно-правовую охрану потерпевших от преступлений. Термин потерпевший неоднократно используется в УК РФ (например, п. «к» ст. 61, п. «и» ст. 63, ст. 75), однако само понятия «потер-

певший» в УК РФ отсутствует, как отсутствует и задача (ст. 2 УК РФ [1]) охраны прав и законных интересов потерпевшего.

УК РФ подходит к охране потерпевших дифференцировано. Предусматривая уголовную ответственность за конкретное преступление, законодатель учитывает социально-демографические признаки потерпевшего, к числу которых относится возраст потерпевшего (например, п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ), его гендерные признаки (например, женщина (п. «г» ч. 2 ст. 105); гражданство (ст. 360 УК РФ). При установлении уголовной ответственности также учитываются родственные отношения между потерпевшим и виновным (ч. 2 ст. 157 УК РФ; ч. 2 ст. 150; ч. 2 ст. 151 ст. 156 УК РФ [1]).

В особую группу уголовный закон выделяет потерпевших в зависимости от их профессии: журналист (ст. 144 УК РФ), судья (ст. 295, 296, 305, 317–320 УК РФ); сотрудник правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ); прокурор (ч. 2 ст. 294, ст. 295, ч. 2 ст. 296, ч. 2 ст. 298-1 УК РФ) и т. д.

Кроме того, учитывается при конструировании статей УК РФ: процессуальный статус потерпевшего - лицо, осуществляющее правосудие (ст. 295, 296 УК РФ); судья (ст. 305, 317–320 УК РФ); участник судебного разбирательства (ст. 297, 298 УК РФ); отношение к выполнению служебной деятельности или общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, ст. 117, 320, 321 УК РФ); состояние потерпевшего (беспомощное (например, п. «в» ч. 2 ст. 105), болезненное (ст. 125 УК РФ), психическое расстройство (ст. 111 УК РФ), старость (ст. 125 УК РФ), недееспособность (ч. 2 ст. 202 УК РФ).

Вместе с тем, несмотря на то, что в уголовном законе содержится большое количество норм, направленных на охрану потерпевших, он считается фигурой уголовно-процессуальной не только потому, что его понятие дается в ст. 42 УПК РФ, но и в связи с тем, что уголовно-процессуальный закон гарантирует защиту его прав (ст. 6 УПК РФ [2]). Представляется, что такое положение надо менять. Потерпевший должен стать полноправным участником уголовно-правовых отношений. Для этого, прежде всего, необходимо включить охрану потерпевшего в задачи Уголовного кодекса Российской Федерации и распространить ее не только на физических, но и на юридических лиц.

Однако наиболее остро в настоящее время стоит проблема возмещения вреда (ущерба) потерпевшему, о чем свидетельствуют статистические данные ГИАЦ МВД. Так, в среднем, уголовно-правовые средства позволяют возместить не более 26 % от суммы причиненного вреда (ущерба) [3].

В УК РФ существует как минимум одиннадцать статей (п. «к» ст. 61, ст. 74, 75, 76, 76¹, 76², 79, 80, 86, 90, 104³ УК РФ), которые содержат положения о возмещении вреда (ущерба) потерпевшему. Все они находятся в Общей части УК РФ в шести главах – 10 «Назначение наказания», 11 «Освобождение от уголовной ответственности», 12 «Освобождение от

наказания»; 13 «Амнистия. Помилование. Судимость»; 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» и 15¹ «Конфискация имущества». Все статьи, содержащие положения о возмещении вреда (ущерба) направлены на побуждение лица, совершившего преступление, к деятельному раскаянию и позволяют (при соблюдении дополнительных условий) освободить такое лицо от уголовной ответственности или от наказания, либо смягчить наказание, либо уменьшить срок уголовно-правовых последствий совершенного деяния. Суммы возмещенного ущерба за последние пять лет представлены в табл.

Т а б л и ц а

Суммы ущерба и возмещения ущерба по уголовным делам, возбужденным за период с 2015 по 2019 гг.

Годы	2015	2016	2017	2018	2019
Ущерб, в причинении которого предъявлено обвинение (по обвинительному заключению или обвинительному акту, постановлению), на сумму (в тыс. руб.)	73 905 212	157 094 858	259 502 64	236 311 445	163 537 137
Возмещен ущерб по направленным в суд делам, всего (как до возбуждения дела, так и в процессе предварительного расследования), на сумму (в тыс. руб.)	57 037 880	31 042 666	32 453 027	45 224 324	39 291 529

Наличие в УК РФ достаточно большого количества статей, которые можно применить только в случае возмещения вреда (ущерба) потерпевшему и недостаточная эффективность их применения позволяет в качестве *de lege ferenda* предложить в УК РФ отказаться от частичного возмещения вреда (ущерба), оставив только полное возмещение вреда (ущерба); сделать обязательным освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, если лицо полностью возместило причиненный вред.

Представляется, что данные предложения могут способствовать повышению эффективности уголовно-правового возмещения вреда (ущерба), причиненного в результате совершения преступления.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.11.2019).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.11.2019).

3. Форма 1Е (120) раздел 18 ГИАЦ МВД России за 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг.

УДК 343.272.

Мартыненко Эдуард Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент,

Международный юридический институт (Одинцовский филиал)

г. Одинцово, Российская Федерация

edusmart@mail.ru

Конфискация имущества

как иная мера уголовно-правового характера:

современное состояние, перспективы развития

В статье анализируется современное состояние законодательного регулирования конфискации имущества и делается вывод о том, что, несмотря на многочисленные изменения и дополнения, вносимые в институт конфискации как иной меры уголовно-правового характера в течение последних четырнадцати лет, применение конфискации остается недостаточно эффективным, что связано, в первую очередь, с недостатками законодательной конструкции норм о конфискации как иной меры уголовно-правового характера.

Ключевые слова: конфискация имущества, иная мера уголовно-правового характера, законодательное регулирование, судебное толкование, виды конфискации.

Martynenko Eduard Vladimirovich,

candidate of law, associate Professor,

International law Institute (Odintsovo branch)

Odintsovo, Russian Federation

Confiscation of property as another measure of a criminal legal nature: current status of development prospects

The article analyzes the current state of legislative regulation of property confiscation and concludes that, despite numerous changes and additions made to the institution of confiscation as a criminal law measure over the past four-

teen years, the application of confiscation remains insufficiently effective, which is primarily due to the shortcomings of the legislative structure of the rules on confiscation as a criminal law measure.

Keywords: *confiscation of property, other measure of criminal law, legislative regulation, judicial interpretation, types of confiscation.*

Со времени возвращения в Уголовный кодекс Российской Федерации федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера прошло четырнадцать лет. Однако, несмотря на такой солидный срок действия ст. 104.1 УК РФ, статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в части назначения конфискации имущества, позволяют сделать вывод о том, что эффективность ее применения достаточно низкая. Так, в 2013 г. конфискация была применена по 677 приговорам, в 2014 г. – 1372, в 2015 г. – 2175, в 2016 г. – 2499, в 2017 – 2320, в 2018 – 2459, в 2019 – 1275 (за 6 мес.) соответственно [5]. Статьи о конфискации имущества, содержащиеся в УК РФ, не раз подвергались изменениям и дополнениям.

За четырнадцать лет существования главы 15 «Конфискация имущества» в нее восемнадцать раз были внесены изменения и дополнения. Основные изменения касаются расширения перечня преступлений, при совершении которых возможно применить конфискацию. Если в 2006 г. перечень содержал 45 преступлений, то по состоянию на март 2020 г. их уже 84 преступлений. И эта цифра не является конечной. Законодателю каждый раз при включении в УК РФ новой статьи приходится решать проблему, связанную с необходимостью дополнения перечня, содержащегося в ст. 104 УК РФ, новой статьей.

Перечень преступлений, содержащийся в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ не раз подвергался критике специалистов уголовного права [1] из-за отсутствия единых критериев отнесения преступлений к числу конфискационных. В него включены преступления, посягающие на разные объекты уголовно-правовой охраны, относящиеся к различным категориям преступлений и, как следствие, обладающие разной степенью общественной опасности.

В одной статье законодатель объединил разные по своей правовой природе виды конфискации. Конфискация представляет собой: иную меру уголовно-правового характера (п. «а», «б» ч. 1 ст. 104-1 УК РФ), вид наказания (п. «в» ч. 1 ст. 104 УК РФ) и, наконец, уголовно-процессуальную конфискацию вещественных доказательств (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ),

Анализ положений о конфискации, закрепленных в уголовном законе, позволяет сделать вывод о том, что их редакция не в полной мере соответствует принципу законности, так как в перечне преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, отсутствует ряд специальных составов преступлений, предусмотренных ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ, хотя

упомянута общая норма ч. 2 ст. 105 УК РФ. Из закона не ясен вопрос о том, является ли решение о конфискации имущества правом или обязанностью суда. Из текста ст. 104.1 УК РФ не совсем понятны основания применения конфискации.

Проблемы, возникающие при применении института конфискации имущества, привели к необходимости подключения к их решению высшей судебной инстанции. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил судам свою правовую позицию по конфискации в постановлении Пленума Верховного Суда № 17 от 14 июня 2018 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» (далее Пленум) [2].

Прежде всего, Пленум подтвердил неоднородность конфискации имущества. Наименьшее внимание Пленум обратил на первый вид конфискации, указав лишь, что деньги, ценности и иное имущество подлежит конфискации, как у лица, совершившего эти преступления, так и у лица, которому имущество было передано, при условии, что это лицо знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий (ч. 3 ст. 104.1 УК РФ).

Правовая позиция Верховного Суда РФ по поводу конфискации орудий, оборудования или иных средств совершения преступления основывается на положениях Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года (п. «с» ст. 1) [3]. Верховный Суд РФ дал подробное толкование того, что относится к орудиям, оборудованию или иным средствам совершения преступления.

Пленум также рассмотрел возможность применения конфискации при прекращении уголовного дела. В соответствии с п. 13 Пленума, решение о конфискации может быть принято как при постановлении обвинительного приговора, так и в случае прекращения судом уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям. Такое толкование дает возможность применить конфискацию при освобождении лица от уголовной ответственности по ст. 75–76², ст. 78 УК РФ. Правовая позиция Верховного Суда РФ противоречит положению ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, так как уголовный закон установил, что конфискация возможна только на основании обвинительного приговора.

Несмотря на четырнадцатилетний срок действия положений о конфискации, наличие разъяснений Пленума, остаются неразрешенными вопросы о:

- применении конфискации когда у осужденного отсутствуют деньги, ценности, иное имущество. Данный вопрос был решен Верховным Судом СССР, но только в отношении конфискации как вида наказания. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 29 сентября 1953 г. № 7 «О судебной практике по применению конфискации имущества» ука-

зал, что «обсуждая вопрос о назначении виновному конфискации имущества, судам надлежит иметь в виду, что необнаружение имущества к моменту постановления приговора само по себе не является препятствием для назначения этого дополнительного наказания, поскольку имущество, подлежащее конфискации, может быть выявлено при исполнении приговора» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 августа 1980 г. № 7) [4]. Представляется, что такое же решение можно было бы применить по отношению к конфискации как иной мере уголовно-правового характера.

- Возможности применения конфискации при условном осуждении (ст. 73 УК РФ). Поскольку запрета на применение конфискации как иной меры уголовно-правового характера нет, предполагается, что она может быть применена при условном осуждении. Однако считаем необходимым предусмотреть в ст. 73 УК РФ положение о том, что конфискации имущества как иная мера уголовно-правового характера может быть применена при условном осуждении.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что редакция ст. 104¹ УК РФ в будущем не останется неизменной. В нее будут продолжаться вноситься изменения и дополнения. Для повышения эффективности ее применения потребуются дальнейшие разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по тем проблемным вопросам, которые не нашли своего решения в вышеназванном постановлении.

Библиографический список

1. Келина С. Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 54.

2. О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Российская газета. 2018. 22 июня.

3. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года (ратифицирована Федеральным законом от 26.07.2017 № 183-ФЗ с заявлениями, вступила в силу для Российской Федерации 1 января 2018 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2019).

4. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР и РСФСР (РФ). – М., 1997. – С. 8.

5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 годы // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 20.11.2019).

УДК 343.211

Петрова Галина Олеговна,

доктор юридических наук, профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
petrovago@rambler.ru.

Петров Андрей Александрович,

научный сотрудник, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
kobraerde@rambler.ru.

Необходимая оборона или реализация права на защиту

В статье рассматриваются вопросы защиты прав граждан, их регламентация в международных правовых актах, в частности, во Всеобщей декларации прав человека, в статьях действующей Конституции Российской Федерации, в статьях Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, авторы вносят предложения по совершенствованию некоторых статей Конституции Российской Федерации и действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. Авторы изучили зарубежное законодательство по предложенной теме статьи и предлагают использовать опыт законодательства зарубежных государств, в частности, Республики Болгарии, а также Соборного уложения 1649 года.

Ключевые слова: *Всеобщая декларация прав человека, Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, право на защиту, необходимая оборона, уголовное законодательство Республики Болгарии, Соборное уложение 1649 года.*

Petrova Galina Olegovna,

doctor of law, professor,
Lobachevsky national research Nizhny Novgorod state University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Petrov Andrey Alexandrovich,

research associate, national research Lobachevsky state University
of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Necessary defense or the right to protection

The article discusses the protection of citizens' rights, their regulation in international legal acts, in particular, in the Universal Declaration of Human Rights, in the articles of the current Constitution of the Russian Federation, in the articles of the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation, the authors make suggestions for improving some Articles of the Constitution of the Russian Federation and the current Criminal Code of the Russian Federation. The authors studied foreign legislation on the proposed topic of the article and suggest using the experience of law-making in foreign countries, in particular, the Republic of Bulgaria, as well as the Council Code of 1649.

Keywords: *Universal Declaration of Human Rights, Constitution of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, right to defense, necessary defense, criminal law of the Republic of Bulgaria, Cathedral Code of 1649.*

Становление любого государства сопровождается законодательной регламентацией его структур, а также защитой его граждан от внешних и от внутренних «врагов». Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года в ст. 12 провозглашает: «Никто не может подвергнуться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» [1].

Приведенное положение обращено ко всем народам и государствам. Оно нашло отражение и в действующей Конституции Российской Федерации. Если до Конституции Российской Федерации 1993 года было привычным звучание «личная», а не «частная» жизнь, то согласно ст. 23 Конституции РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, ст. 22 Конституции РФ – каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Необходимо напомнить и следующие положения Конституции РФ: ч. 2 ст. 48 – каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения; ст. 52 – права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом.

Однако известно, что без защитных механизмов эти положения Конституции РФ так и останутся декларативными. Поэтому важно разработать механизм реализации конституционных положений, с одной стороны, и механизм защиты – с другой. Эти вопросы тем более важны в Российской Федерации сегодня, так как XX век развития российского общества свидетельствует о многочисленных нарушениях прав человека, в частности, связанных и с его частной (личной) жизнью.

Защита конституционных прав осуществляется с помощью гражданско-правовых и уголовно-правовых средств, в административном и уголовном процессах. Это значит, что существует несколько степеней защиты прав, провозглашенных в действующей Конституции РФ. Если обратимся к УК РФ, то защиту частной (личной) жизни осуществляет несколько статей, расположенных не только в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Видимо, название этой и других глав, предусматривающих защиту конституционных прав, требует уточнения.

Наряду со статьями Особенной части УК РФ законодатель и в главе 8 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» Общей части УК РФ также предусматривает возможность защиты прав. Так, в ст. 37 «Необходима оборона» УК РФ законодатель в четырех частях указывает на возможность защиты путем причинения вреда посягающему. Одновременно законодатель и ограничивает право на защиту, указывая на превышение пределов необходимой обороны. За превышение пределов необходимой обороны в Особенной части УК РФ предусмотрено наказание в ст. 108 «Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление», в ст. 114 «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление».

В ч.2 ст. 37 УК РФ законодатель разъясняет, что превышение необходимой обороны это «умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства». При этом не раскрываются понятия «характер» и «опасность» посягательства, что открывает дорогу произвольному толкованию. Поэтому, на наш взгляд, желательно отказаться от ограничений необходимой обороны, если имеет место реальная угроза или нападение. Законодательство же закрепляет такие возможности обороняющихся, если насилие или его угроза опасны только для жизни обороняющегося лица.

В Соборном уложении 1649 года, в главе X О суде указывается: «199. А будет они над тем, к кому они приедут, смертнаго убийства не учинят, только его чем обесчестят, или и убытки какия учинят, и на них тому, кого они обесчестят, и убытки учинят, велеть бесчестье и убытки доправити вдвое, да им же за тот их воровской приезд учинити жестокое наказание, бити кнутом. А будет кто ис тех воровских приезжих людей в те поры кого ранит, а сыщется про то допряма, и того, которой ранит, у одного отсечь рука, а товарищей его, которые с ним приезжали, бити кнутом и дати на поруки, что им впредь так не воровать. А за бесчестье и за увечье взяти на них на всех по тому же вдвое.

200. А будет тот, к кому они таким умышлением приедут, бороняся от себя, и дом свой обороняя, кого из них убьет до смерти и привезет тех

побитых к судьям, и сыщется про то допряма, что он то убийство учинил поневоле, от себя бороняся, и ему того в вину не ставить. А кого он убьет, и ему то убийство учинится от себя, не приежжай на чужей дом насильством» [2, с. 139].

Интересен законодательный опыт зарубежных государств. Например, в ст. 12 УК Республики Болгарии в (3) отмечается, что независимо от характера и опасности защиты нет превышения пределов необходимой обороны, если 3. Нападение совершено путем проникновения в жилище с использованием насилия или взлома; (4) лицо не подлежит наказанию, если совершит деяние с превышением пределов необходимой обороны, находясь в состоянии испуга или сильного душевного волнения [3, с. 32-33].

Приведенные законоположения регулируют отношения, возникающие при совершении общественно опасного посягательства. А можно ли обороняться от действий представителей власти, в частности, полицейских, например, при незаконном задержании? Ведь законодатель установил уголовную ответственность только за заведомо незаконное задержание! Не приведет ли такая оборона к применению соответствующих статей УК РФ? Например, ст. 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа», ст. 318 «Применение насилия в отношении представителя власти», ст. 319 «Оскорбление представителя власти». А вот применения к виновным таких статей УК РФ, как ст. 299 «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела», ст. 301 «Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей», ст. 302 «Принуждение к даче показаний», ст. 303 «Фальсификация доказательств в результате оперативно-розыскной деятельности», можно не дожидаться. Кто же не будет защищать «честь мундира»?

А вот в Соборном уложении 1649 года предусмотрено: «191. А будет кто служилые люди в таких поклажах учнут к кому приставливати поклепав напрасно, а сыщется про то допряма, и тем служилым людям, кто учнет клепати напрасно, по сыску чинити жестокое наказание, бити кнутом не щадно» [2, с. 138].

В действительности имеются не единичные примеры нарушения прав человека, которые нашли подтверждение не только в вынесенных приговорах судами РФ, но и в решениях Европейского Суда по правам человека. На наш взгляд, изменить правоприменительную практику, добиться реальной защиты прав поможет совершенствование прежде всего действующей Конституции РФ. Предлагаем усовершенствовать текст ч. 2 ст. 48 Конституции РФ. Статью 48 ч.2 Конституции РФ желательно изложить в новой редакции: «Право на защиту имеет любое лицо, вступившее в отношения с правоохранительными органами, судом. Лицо имеет право на защиту от административного и уголовного преследования. Это право оно может реализовать в любой момент». Очень важно, чтобы участие адвока-

та (защитника) было обеспечено с момента начала любого процессуального действия правоохранителей. Ведь человек может не иметь юридических знаний и не сумеет себя защитить.

На наш взгляд, участие защитника необходимо и при проведении различных экспертиз. Усиление борьбы с теми или иными негативными явлениями в государстве может сопровождаться злоупотреблениями властью и привести к невинным жертвам. Законодатель в ст. 303 УК РФ уже предусмотрел наказание за фальсификацию доказательств по гражданскому и административным делам, а в ст. 307 УК РФ – за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод.

Выражаем надежду на то, что законодательство будет совершенствоваться в направлении защиты прав и реально применяться к виновным.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.11.2019).

2. Соборное уложение 1649 года : учеб. пособие для высш. школы / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.

3. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. канд. юрид. наук, проф. А. И. Лукашова ; перевод с болгарского Д. В. Милушева, А. И. Лукашева ; вступ. статья Й. И. Айдарова. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2001.

УДК 343

Петров Эдуард Иванович,

кандидат юридических наук, профессор,

Юридический институт Российского нового университета,

г. Москва, Российская Федерация

retroved@yandex.ru

Предупреждение преступлений:

идентификация с нормами Общей части УК РФ

В статье рассматриваются проблемы предупреждения и профилактики преступлений. Анализируется содержание предупредительных мер. Приводятся авторские определения: профилактики преступлений и предотвращения преступлений; анализируются их отличия.

Ключевые слова: профилактика преступлений, предотвращение преступлений, оперативно-розыскные мероприятия.

Petrov Eduard Ivanovich,
candidate of legal Sciences, Professor,
Law Institute of the Russian new University,
Moscow, Russian Federation

**Crime prevention: identification with the norms
of the General part of the criminal code of the Russian Federation**

The article deals with the problems of crime prevention and prevention. The content of preventive measures is analyzed. The author's definitions of crime prevention and crime prevention are given; their differences are analyzed.

Keywords: *crime prevention, crime prevention, operational search activities.*

Предупреждение преступлений с уверенностью можно назвать одним из важнейших элементов защиты прав и свобод человека и гражданина. Свидетельством заботы государства о его активной реализации и совершенствовании является принятый в июне 2016 года Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [2]. Закон, как констатирует его вторая статья, «устанавливает правовую и организационные основы системы профилактики правонарушений, общие правила ее функционирования, основные принципы, направления, виды профилактики правонарушений и формы профилактического воздействия, полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений». Можно с уверенностью утверждать, что изданием данного акта сделан крупный шаг вперед в развитии правового обеспечения превентивных мер по защите прав человека и гражданина, охраны интересов общества и государства.

В современной криминологической литературе предупреждение преступлений рассматривается в основном с двух позиций: в первом случае, в работах большинства авторов, оно полностью отождествляется с профилактикой и предотвращением (соответственно термины «предупреждение», «профилактика», «предотвращение» употребляются как синонимы); во втором, на взгляд немногих ученых, – служит обобщающим понятием, в которое включаются профилактика, предотвращение и пресечение как самостоятельные и достаточно специфичные виды деятельности (профилактика – как выявление и устранение причин и условий преступлений, а также воздействие на лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений; предотвращение – как меры, исключающие возможность совершения преступлений на стадии их замысла или приготовления; пресечение – как соответствующие действия, реализуемые при обнаружении покушения на преступление) [1].

Хотя вторая точка зрения выглядит более убедительной, она, на наш взгляд, требует определенной коррекции. В связи с тем, что уголовный закон *покушение* на преступление любой категории (ч. 3 ст. 30 УК РФ) и приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлениям (ч. 2 ст. 30 УК РФ) признает совершенным деянием, о предупреждении, т.е. о недопущении преступления, здесь говорить не приходится, поскольку оно уже совершено. (Хотя и с меньшей, по сравнению с оконченным преступлением, степенью ответственности, но – **совершенно!**). При покушении на преступление любой категории или при приготовлении к тяжкому или особо тяжкому преступлениям реализуются меры не предупредительного, а уголовно-правового воздействия. Поэтому в предупреждение следует включать только профилактику (преступлений) и *предотвращение* (замышляемых преступлений, а также приготовляемых преступлений небольшой или средней тяжести).

Основные отличия рассматриваемых видов предупредительной деятельности – в их временной дистанции от преступлений и в степени интенсивности, динамичности.

Профилактика реализуется в период, достаточно отдаленный от преступлений (т. е. значительно раньше, чем потребуются «вмешательство» в виде предотвращения). Объектами профилактического воздействия могут быть не только конкретные лица, явления и процессы, но и социальные общности, а также широкий круг детерминантов преступности (т. е. причин, условий, обстоятельств – всего того, что порождает преступность и ей способствует). Объектами же другого вида деятельности – предотвращения – обычно являются только конкретные лица, определенные события, факты. Меры по профилактике должны быть систематическими, планомерными, непрерывными, тогда как предотвращение реализуется в жесткой зависимости от ситуаций и, как правило, кратковременны и динамичны.

Имеются также отличия по целям и задачам. Целями профилактики являются, во-первых, сокращение всех видов преступности, позитивные изменения их показателей и, во-вторых, законопослушное поведение лиц, на которых оказывается профилактическое воздействие. Вытекающие из этого задачи профилактики состоят в максимально возможном устранении детерминантов преступности и ее видов, а также в оказании эффективного воздействия на лиц, нуждающихся в таком воздействии. В свою очередь целью *предотвращения* является невозможность для соответствующих лиц довести до конца замышляемое или приготовляемое преступление. Задача в данных случаях – создание действенных непреодолимых преград для развития соответствующих стадий (перерастания замысла в приготовление, а приготовления – в начало совершения преступления).

Что касается содержания предупредительных мер, то они также имеют существенные особенности. Профилактика – это в основном совокупность аналитической, прогностической, пропагандистской, воспита-

тельной видов деятельности. Предотвращение же – это, прежде всего, оперативно-розыскная деятельность.

Если формулировать дефиницию (определение понятия) профилактики преступлений, то ее можно представить как *совокупность мер по выявлению и устранению детерминантов преступности и ее видов, формированию адекватного социальным ценностям правосознания населения и его отдельных категорий* (это общая профилактика), *а также по установлению лиц, которые, по объективным данным, могут совершить преступление, и оказанию на них позитивного корректирующего воздействия* (это индивидуальная профилактика).

Как показано, здесь выделяются *два вида профилактики – а) общая и б) индивидуальная*. Уровневый подход позволяет о первом из них говорить, как о деятельности и мерах, реализуемых на уровнях *общего и особенного* (в отношении населения в целом, либо социальных групп), а во втором – на уровне *только единичного* (т. е. в отношении конкретных лиц).

Предотвращение же можно рассматривать как совокупность мер, осуществляемых в целях недопущения замышляемого или приготавливаемого преступления *только на единичном уровне*. Эта работа характерна главным образом для государственных правоохранительных органов, в основном – их оперативно-розыскных служб и подразделений. Она выражается прежде всего в склонении лиц, замышляющих либо приготавливающих преступления, к добровольному отказу от их окончательного совершения. Если такого отказа добиться не удалось, принимаются все иные не противоречащие закону меры по созданию условий, исключающих как предметное воплощение криминального замысла, так и «перерастание» приготовления в начало преступления.

Предотвращение преступлений можно рассматривать с двух позиций, где заметны два разных объекта. Во-первых, это замышляемые преступления. Как известно, замысел преступления любой тяжести (если не имели места реальные деяния по его выполнению) уголовной ответственности не влечет. Во-вторых, – приготавливаемые преступления небольшой или средней тяжести (как указывалось выше, приготовление тяжкого или особо тяжкого преступления уже является уголовно наказуемым деянием, т.е. говорить здесь следует не о предупреждении, а о применении уголовно-правовых средств).

Таким образом, предотвращение преступлений можно определить, как *совокупность осуществляемых соответствующими службами (подразделениями) правоохранительных органов специальных мер по выявлению лиц, замышляющих преступления, и созданию условий, исключающих возможность реализации этих замыслов, а также по установлению лиц, приготавливающих преступления небольшой или средней тяжести, и созданию условий, исключающих завершение приготовительных действий*.

Предотвращение замышляемого преступления и предотвращение приготавливаемого преступления являются хотя и сходными друг с другом, но и имеющими определенные различия видами предупредительной деятельности. В основе этих различий лежит, прежде всего, степень реализации преступных намерений соответствующих лиц.

Как известно, в *уголовно-правовом* смысле возникновение и вынашивание *замысла* о совершении преступления, без его реального воплощения, – уголовной ответственности не влечет. Понятно, что мысли (или даже высказывания) о желании совершить преступление, если они не воплощены в конкретных общественно опасных деяниях, не могут рассматриваться как уголовно наказуемые. Однако с *криминологической* точки зрения (прежде всего для предупредительной деятельности правоохранительных органов) эта стадия имеет существенное значение.

Что касается *приготовления*, то это настолько опасная стадия, что в ряде случаев (когда речь идет о приготовлении к тяжкому или особо тяжкому деянию) уже является собственно преступлением.

Уголовным законом данная стадия определена как «приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, стговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления» (ч. 1 ст. 30 УК РФ).

Лица, замышляющие или приготавливающие преступления, могут быть установлены достаточно своевременно соответствующими подразделениями МВД, ФСБ, других органов, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Эти лица выявляются на основе анализа имеющейся в названных подразделениях информации, которая может сохраняться в:

- картотеках оперативно-розыскных, криминалистических, справочных учетов;
- сообщениях, письмах, заявлениях граждан и должностных лиц;
- сведениях из органов государственной власти и местного самоуправления;
- сообщениях предприятий (организаций) всех форм собственности;
- книгах учета сообщений о происшествиях, журналах учета задержанных за совершение преступлений, административных правонарушений и доставленных в дежурную часть либо помещенных в изолятор временного содержания;
- материалах уголовных дел;
- материалах об отказе в возбуждении уголовного дела;
- материалах об административных правонарушениях;
- материалах, поступающих из негосударственных организаций, учреждений правоохранительной направленности.

В соответствии с ведомственными нормативными актами картотеки предназначены для концентрации информации о лицах, событиях, предметах в целях ее использования при решении задач предупреждения и раскрытия преступлений, розыска скрывшихся преступников и лиц, без вести пропавших.

Карточки лиц, представляющих оперативный интерес, используются для получения как ранее собранной, так и текущей информации, поиска среди поставленных на учет лиц, возможно причастных к подготовке или совершению преступлений, для получения сведений на разыскиваемых, а также при осуществлении оперативно-профилактических мероприятий.

С точки зрения предотвращения наиболее распространенных преступлений особое значение имеет информация картотек органов МВД городов, районов, где ведутся, в частности, карточки:

- лиц, представляющих оперативный интерес для этих органов;
- нераскрытых преступлений;
- похищенных, утраченных, бесхозных, изъятых предметов;
- учета огнестрельного оружия (включая охотничье), находящегося на законных основаниях в собственности граждан.

При получении данных о том, что лицо *замышляет* или *приготавливает* преступление, соответствующее подразделение обязано принять меры к предотвращению: а) перерастания замысла в приготовление и (или) б) перерастания приготовления в начало совершения преступления.

В этих целях немедленно выявляются условия, могущие способствовать совершению данного преступления, и принимаются меры к их устранению (нейтрализации), обеспечивается безопасность лиц, на жизнь, здоровье или собственность которых возможно посягательство, усиливается охрана соответствующих объектов, принимаются иные необходимые меры.

Для решения задач предотвращения преступлений правоохранительные органы в установленном порядке проводят проверку информации. Руководители соответствующих подразделений осуществляют контроль за ходом процессов предотвращения преступлений, дают указания по тактике, методике, интенсивности применения необходимых сил и средств.

При этом устанавливается:

- не совершило ли лицо какое-либо другое преступление;
- не является ли замышляемое или приготавливаемое преступление очередным эпизодом преступной деятельности лица;
- не образует ли деяние состава преступления;
- какие незамедлительные меры в рамках законодательства необходимо принять.

В целях предотвращения преступлений, при наличии объективной информации о приготавливаемых преступлениях возможна реализация мер, предусмотренных Федеральным законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», (опрос граждан, наведение справок, сбор образцов

для сравнительного исследования, наблюдение, контроль почтовых отправок, обследовании помещений и т. д.). Ряд таких мер, как известно, может быть применен только по решению суда.

В ходе работы по предотвращению преступлений должна быть обеспечена безопасность потенциальных потерпевших, свидетелей и других лиц.

В процессе предотвращения преступления на стадиях замысла или приготовления сотрудники соответствующих подразделений используют все возможности: а) для создания условий, препятствующих воплощению криминального замысла или приготовления, б) для склонения лица к добровольному отказу от совершения преступления.

Важно довести до сознания лица сущность и значение добровольного отказа от совершения деяния, который (при отсутствии в выполненных действиях самостоятельного состава преступления) является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность. Существенную роль играет тот факт, что мотивы добровольного отказа не имеют значения, на чем необходимо делать специальный акцент в процессе разъяснительной работы.

Предотвращение замышляемого или приготавливаемого преступления должно быть подтверждено совокупностью фактических данных, свидетельствующих либо о создании условий, исключающих перерастание замысла в приготовление, а приготовление – в начало преступления, либо о реальном отказе лиц от задуманного (приготавливаемого) преступления.

С учетом того, что формы и методы предотвращения замышляемых и приготавливаемых преступлений имеют характер главным образом оперативно-розыскных мероприятий, их детальная регламентация может быть реализована путем внесения соответствующих изменений и дополнений в действующий Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Здесь, думается, целесообразно введение такого дополнительного *основания* проведения оперативно-розыскных мероприятий, как обнаружение *замысла* совершения преступления.

Предотвращение является серьезным, важным и все же не главным видом предупредительной деятельности. С аксиологической (ценностной) точки зрения более значимой для личности и общества является *профилактика* преступлений.

Именно профилактика может дать наиболее ценные результаты, поскольку, во-первых, реализуется не только в отношении конкретных лиц, но и социальных общностей и, во-вторых, предохраняет людей от самой серьезной степени нравственной деградации, при которой они способны преступить уголовно-правовые запреты. С этой точки зрения представляется целесообразным внести в отдельные положения Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профи-

лактики правонарушений в Российской Федерации» соответствующие коррективы.

Библиографический список

1. Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М. : Норма, 2012. 496 с.
2. Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 01.12.2019).

УДУ 349.6

Тимошенко Нина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
n.timowenko@gmail.com

Федосеева Яна Олеговна,
Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
fedoseeva2408@mail.ru

Меры предупреждения совершения должностных преступлений

В статье рассматриваются характерные черты привлечения должностного лица к уголовной ответственности в результате совершения им преступления. Вместе с тем, раскрываются особенности совершения таких преступлений и возможные пути их предупреждения. Предпринята попытка разработки и применения деонтологических основ, которые применялись бы при реализации полномочий на государственной службе. Государственная служба является важнейшим механизмом государственного управления, а профессиональная деятельность каждого должностного лица обеспечивает выполнение задач и функций органов государственной власти. Предложенные меры предупреждения совершения должностных преступлений ориентированы на обеспечение законности и правопорядка в обществе.

Ключевые слова: должностные преступления, государственная служба, должностное лицо, предупреждение, деонтология.

Timoshenko Nina Alexandrovna,
candidate of law, associate professor, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Fedoseeva Yana Olegovna,
Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Measures to prevent the Commission of official crimes

The article deals with the characteristic features of bringing an official to criminal responsibility as a result of committing a crime. At the same time, features of Commission of such crimes and possible ways of their prevention are revealed. An attempt is made to develop and apply the deontological foundations that would be applied in the exercise of powers in the public service. The public service is the most important mechanism of public administration, and the professional activity of each official ensures the fulfillment of the tasks and functions of public authorities. The proposed measures to prevent the Commission of malfeasance are aimed at ensuring the rule of law and order in society.

Keywords: *official crimes, public service, official, warning, deontology.*

Совершение должностных преступлений вызывает резонанс в обществе. Такое положение обусловлено, прежде всего тем, что институт государственной службы занимает значимое положение в правовом государстве и гражданском обществе. Обращаясь к многовековой истории построения и становления государства можно утверждать, что ни одно цивилизованное государство не может эффективно функционировать без профессионального аппарата государственной службы. Вышеуказанное в совокупности определило выбор темы и актуальность данного исследования.

Традиционно, должностное лицо за совершение того или иного противоправного деяния можно привлечь к дисциплинарной, административной, гражданско-правовой, материальной и уголовной ответственности. Представляется целесообразным рассмотреть особенности привлечения государственного служащего именно к уголовной ответственности, поскольку она представляет наиболее суровую меру наказания.

Определение должностных преступлений имеет легальное закрепление, то есть отражено в действующем законодательстве Донецкой Народной Республики (далее – ДНР). В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда ДНР № 16 от 17.11.2017 года под должностными следует считать преступления, возможность совершения которых обусловлена наличием у лица прав и возможностей, которыми это лицо наделено в связи со своим служебным положением, а именно – в связи с его пребыванием на определенной должности, связанной с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций [2].

Необходимо согласиться с мнением А. В. Бриллиантова, который утверждает, что особенностью должностных преступлений является то, что их совершение становится возможным лишь благодаря занимаемой должности. Иным способом возможно их совершение путем использования лицом предоставленных ему служебных полномочий [1, с. 803].

В свою очередь, преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления определены в статьях 334–348 Уголовного кодекса ДНР [4].

На сегодняшний день ДНР находится на этапе формирования законодательства и соблюдения законности, прав и свобод человека и гражданина, а значит, соответствующие интересы государства возлагаются на всех без исключения должностных лиц.

Выполнение надлежащим образом своих профессиональных обязанностей лицами, занимающими государственные должности в ДНР, выступает важнейшим инструментом, при помощи которого обеспечиваются направления деятельности в реализации законности и правопорядка в гражданском обществе [1, с. 802].

Общественная опасность преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления заключается в том, что такого рода преступления совершаются именно лицами, на которых в первую очередь лежит обязанность соблюдения закона. Представляется целесообразным разработать некоторые меры предупреждения совершения должностных преступлений.

В первую очередь, для повышения эффективности мер предупреждения совершения должностными лицами преступлений целесообразно совершенствование правового обеспечения деятельности соответствующих лиц. В таком случае, лица, которые в своей профессиональной деятельности осуществляют функции представителя власти или занимают государственные должности – выполняют предписания законодательных актов [3, с. 11].

Как результат, достижение наибольшей эффективности всевозможных правовых средств, которые направлены на систематическую борьбу с совершаемыми должностными преступлениями, достигается совершенствованием самих общественных отношений, регулируемых правовыми нормами.

Следующей мерой предупреждения совершения должностных преступлений будет выступать развитие превенции, направленной на предотвращение злоупотребления своими полномочиями должностными лицами. В силу сложившейся ситуации параллельно будет придание гласности подобного рода деятельности, принятие мер по усилению и ужесточению контроля и надзора за профессиональной деятельностью должностных лиц, а также применение в отношении таких лиц меры дисциплинарной ответственности.

В рамках анализа мер по поводу предупреждения совершения должностных преступлений представляется целесообразным в правовой систе-

ме ДНР разработать деонтологический кодекс основ государственной службы.

Деонтологический кодекс основ государственной службы будет содержать нормы этико-деонтологической направленности, а также отражать особенности культуры профессиональной деятельности государственных служащих. Принятие соответствующего нормативного правового акта и его применение на практике будет способствовать систематическому формированию строгих норм поведения государственных служащих [5, с. 38].

Таким образом, определив меры предупреждения совершения должностных преступлений необходимо отметить, что их совокупность будет способствовать сведению к минимуму противоправных деяний. Тем самым, наличие факта совершения должностного преступления в правовом государстве представляет реальную угрозу его социального и экономического развития. Кроме того, угроза распространяется на политическую стабильность, от которой зависит безопасность всего гражданского общества.

Совершенствование действующего законодательства, развитие превенциальных мер, а также принятие деонтологического кодекса основ государственной службы в совокупности направлено на реформирование состояния государственной службы.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Я. Е. Иванова и др.; отв. ред. А. В. Бриллиантов. 2-е изд, перераб. и доп. М. : Проспект, 2010. 1227 с.

2. О практике применения судами Донецкой Народной Республики норм главы 33 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики о должностных и некоторых иных преступлениях против военной службы: Постановление Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики № 16 от 17.11.2017 г. // Офиц. сайт Верховного Суда Донецкой Народной Республики. URL: <https://supcourt-dpr.ru/pplenium/o-praktike-primeneniya-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-norm-glavy-33-ugolovnogo-kodeksa/> (дата обращения: 29.11.2019).

3. Оздоев М. Т. Должностные преступления: уголовно-правовой анализ и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2015. 35 с.

4. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики: утвержден Народным Советом Донецкой Народной Республики 19.08.2014 г. // Офиц. сайт Народного Совета Донецкой народной Республики. URL: <https://dnrsovet.ru/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki> (дата обращения: 29.11.2019).

5. Яблонская Л. М. Этико-деонтологический кодекс модель полиции XXI в. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 6. С. 38–40.

УДК 343.6

Фонина Анастасия Олеговна

аспирант, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
fonina.anastasia@mail.ru

Определение понятия больного при квалификации преступления по статье 124 УК РФ

Статья посвящена проблемным вопросам определения понятия потерпевшего в преступлении, предусмотренном статьей 124 УК РФ. Проведено отграничение больного лица и лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии (ст. 125 УК РФ). Выделены признаки больного лица.

Ключевые слова: *больное лицо, больной, неказание помощи, неоказание помощи больному.*

Fonina Anastasia Olegovna,

post-graduate student, National research Lobachevsky state University
of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

The definition of the concept of a patient in the qualification of a crime under Article 124 of the Criminal Code

The article is devoted to the problematic issues of determining the concept of a victim in a crime under Art. 124 of the Criminal Code. A distinction was made between a sick person and a person in a condition that is in danger to life or health (Article 125 of the Criminal Code of the Russian Federation). Signs of a sick face are highlighted.

Keywords: *sick person, patient, failure to assist sick person, failure to assist.*

В правоприменительной практике все чаще возникает вопрос, связанный с проблемой квалификации деяний по ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному». Такая тенденция складывается в результате отсутствия теоретической разработанности данного вопроса, а именно понятийного аппарата, что приводит к проблемам осуществления правозащитной деятельности. Ключевым признаком данного состава преступления является потерпевший – больной. В науке возникла дискуссия о том, кого понимать под таковым.

Так, Глухова Д.Д. потерпевшим признает лицо, страдающее тем или иным заболеванием [3, с. 50]. Согласно ФЗ «Об охране здоровья граждан в РФ» под заболеванием понимается возникающее в связи с воздействием патогенных факторов нарушение деятельности организма, работоспособности, способности адаптироваться к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды при одновременном изменении защитно-компенсаторных и защитно-приспособительных реакций и механизмов организма.

Помимо наличия заболевания, некоторые ученые полагают, что потерпевший также должен нуждаться в оказании помощи. Так, А. И. Коробеев указывает, что заболевшее болезнью лицо нуждается в медико-санитарной или фармацевтической помощи [6, с. 35]; А. Н. Камшилов – медикаментозной, терапевтической или хирургической помощи [5, с. 50]; Ф. Р. Сундугов и М. В. Талан – медицинской (при этом, вид заболевания и стадия его течения не имеют значения [9, с. 67]). Особо следует отметить ту группу ученых, которая отмечает, что состояние здоровья больного требует неотложного медицинского вмешательства или иной неотложной помощи. Так, Н. И. Пикуров указывает на такое обстоятельство, поскольку полагает, что именно в таком случае существует опасность скоротечного неблагоприятного развития болезни. И именно поэтому потерпевшим в данном случае является не всякий больной, а лишь тот, которому требуется неотложная помощь [8, с. 214]. Данное положение представляется частично верным, поскольку для данного состава преступления характерно оказание медицинской помощи различных видов: неотложная, экстренная и плановая.

А. И. Кулькин указывает, что понятие «больной» можно толковать расширительно и включать лиц, которые объективно нуждались в оказании медицинской помощи и специально обратились за ее оказанием; проходили плановое обследование; которым такая помощь оказывалась без их согласия; оказались в ситуации, требующей срочного медицинского вмешательства [7, с. 84]. И поэтому с точки зрения медицины, потерпевший может и не быть собственно больным [7, с. 84]. В данном случае, автор имеет в виду, что больной человек не обязательно нуждается в экстренной или неотложной помощи. В подтверждение своего вывода он приводит в качестве примера беременных женщин и рожениц. Они в силу физиологических особенностей хотя и не являются больными в прямом смысле этого слова, но объективно нуждаются в оказании медицинской помощи в силу естественных процессов, происходящих в организме.

Больной человек может характеризоваться как лицо, находящееся в опасном для жизни или здоровья состоянии. В связи с этим возникает проблема разграничения больного в ст. 124 УК РФ и лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности ст. 125 УК РФ.

Проанализировав положения ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», можно сделать вывод, что не всякий больной находится в опасном для жизни или здоровья состоянии или не имеет возможности принять меры к самосохранению. Больной априори нуждается в медицинской помощи, но в зависимости от своего состояния ему необходимы различные формы оказания такой помощи.

Так, при оказании экстренной помощи, которая предполагает угрозу жизни, больной находится в опасном для жизни или здоровья состоянии и не имеет возможности принять меры по самосохранению. При необходимости оказания неотложной помощи явных признаков угрозы жизни больного нет, поэтому больной находится в опасном для здоровья состоянии, а вот возможность принятия мер по самосохранению зависит от конкретного состояния больного. При плановой помощи угрозы для жизни или здоровья нет, а соответственно больной может и не находиться в опасном состоянии и, как правило, имеет возможность принять меры по самосохранению. Таким образом, не всякий больной может являться потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, хотя в большинстве случаев это и так. Также необходимо отметить, что потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, может также являться лицо, которое находится в беспомощном состоянии (например, малолетние, старики, иные беспомощные), в ст. 124 УК РФ о такой категории лиц речи не идет. Не может считаться потерпевшим и лицо, которое обратилось за медицинской услугой нелечебного характера (например, с просьбой провести косметическую операцию), а отказ в ее проведении – преступлением [6, с. 35].

А. Г. Блинов полагает, что потерпевший от данного преступления наделен статусом пациента, поскольку вступил в здравоохранительные отношения [2, с. 61]. Такой вывод делается из п. 9 ч. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья», где под пациентом понимается физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния. А. В. Грошев и Е. В. Епифанова также указывают, что пациенты, не страдающие каким-либо заболеванием, не являются потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ [4, с. 10]. Данное утверждение представляется противоречащим закону, поскольку для того, чтобы лицо выступало в качестве пациента и наделялось определенными правами и обязанностями, оно должно вступать в отношения с медицинскими организациями, врачами-предпринимателями или другими медработниками [1, с. 66]. Следовательно, лицо, не обратившееся за помощью к указанным субъектам, не является пациентом. Исходя из указанных положений можно сделать вывод, что не всякий больной человек может попадать под категорию пациент.

Резюмировав вышеизложенное можно сделать вывод о том, что потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, является больной человек, т.е. любое лицо, заболевшее болезнью, или находящееся в опасном для жизни или здоровья состоянии, вызванном несчастным случаем, поведением людей, естественными процессами, происходящими в организме, или форс-мажорными обстоятельствами.

Библиографический список

1. Бабаджанов Б. Понятие пациента в теории и законодательстве // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2014. № 5(61). С. 63–67.
2. Блинов А. Г. Права и свободы пациента как объект уголовно-правовой охраны // Журнал российского. № 8. С. 57–68.
3. Глухова Д. Д. Неоказание помощи больному (статья 124 УК РФ) // Отечественная юриспруденция. 2018. № 5(30). С. 50–53.
4. Грошев А. В., Елифанова Е. В. Ответственность за неоказание помощи больному // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2(36). С. 9–12.
5. Камшилов А. Н. Проблемы ответственности за неоказание помощи // Марийский юридический вестник. 2017. № 2(21). С. 49–51.
6. Коробеев А. И. Неоказание помощи больному // Всероссийский криминологический журнал. 2007. № 1-2. С. 35–39.
7. Кулькин А. И. К вопросу об уголовной ответственности за неоказание помощи больному // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 82–86.
8. Пикуров Н. И. Неоказание помощи больному: квалификация и отграничение от смежных составов // Вестник Волгоградского института Бизнеса. 2011. №1. С. 214–218.
9. Сундуоров Ф. Р., Талан М. В. Уголовное право России. Особенная часть. М., 2012. 943 с.

УДК 343

Шаймуллин Рустам Камильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Консалтинговая группа «Шарт»,
г. Оренбург, Российская Федерация
ShaimullinR@gmail.com

**Преступления против интересов службы:
проблемы противодействия коррупции**

В статье дан краткий анализ состояния уголовного законодательства о борьбе с коррупцией в РФ в комплексе антикоррупционной политики Российской Федерации. Рассмотрен опыт применения уголовно-правовых норм в рамках современного антикоррупционного законодательства РФ. Отмечается, что системная ошибка в УК РФ, которая свидетельствует о диссонансе норм о служебных преступлениях, продолжает оставаться. На основе проведенного исследования даются определенные пути выхода из создавшейся ситуации на законодательном уровне для более эффективного противодействия коррупции.

Ключевые слова: антикоррупционные нормы, коррупция, преступления против интересов службы, преступления в сфере управления, служебные лица.

Shaimullin Rustam Kamilievich,
candidate of legal Sciences,
associate Professor, the Consulting group «Shart»,
Orenburg, Russian Federation

**Crimes against the interests of the service:
problems of anti-corruption**

The article provides a brief analysis of the state of criminal legislation on the fight against corruption in the Russian Federation in the complex of anti-corruption policy of the Russian Federation. The article considers the experience of applying criminal law norms in the framework of modern anti-corruption legislation of the Russian Federation. It is noted that the system error in the criminal code of the Russian Federation, which indicates the dissonance of the norms on official crimes, continues to remain. Based on the conducted research, certain ways out of the current situation at the legislative level are given for a more effective approach to combating corruption.

Keywords: anti-corruption norms, corruption, crimes against the interests of the service, crimes in the field of management, officials.

Профессор Н. Ф. Кузнецова одной из первых говорила о нарушении принципа равенства в уголовном законе применительно к преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Она отмечала о существовавших тогда недопустимых уголовно-процессуальных положениях о привлечении к уголовной ответственности лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, о снижении эффективности общей превенции уголовного закона и угрозы наказания: «Трудно представить себе такого частного предпринимателя, который бы захотел подобно злополучной унтер-офицерской вдове сам себя высечь. Данное Примечание противоречит принципу равенства всех

перед законом, предусмотренному Конституцией и Уголовным Кодексом, понятию преступления, которое, если оно действительно преступление, всегда общественно опасно, постановлению пленума Верховного Суда РФ о том, что дела такого рода не являются делами частного обвинения» [1, с.19]. Несмотря на продолжительную (более 15 лет) и упорную борьбу и, в результате, удаление из уголовного закона РФ процессуальных норм о привлечении к уголовной ответственности лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях (примечания 2 и 3 к ст. 201 УК РФ), многоголовая гидра законодательно-дихотомических норм об уголовной ответственности за преступления против интересов службы (гл. 23 и 30 УК РФ) до сих пор остается жизнедеятельной и плодит все новые «головы» законодательных пробелов и дублирований. И если раньше вопрос о разделении глав о преступлениях против интересов службы в разные Разделы УК РФ носил характер приведения их в единое соответствие в рамках основных (коренных) составов преступлений – злоупотребление полномочиями, превышение полномочий, халатность, взяточничество (подкуп) и других, то, в настоящее время, законодатель, не стесняясь, копирует аналогичные составы преступлений против интересов службы в эти главы одновременным внесением их в уголовно-правовую материю. Сначала эта ситуация была с посредничествами в коммерческом подкупе и взятке (ст. 204-1, 291-1 УК РФ), мелкими коммерческим подкупом и взяточничеством (ст. 204-2, 291-2 УК РФ), а в настоящее время процесс «клонирования» уголовно-правовых норм происходит путем внесения одинаковых норм с одинаковыми по размерам санкциями в эти главы о преступлениях против интересов службы. Так, например, был принят Федеральный закон от 29.12.2017г. №469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [2, ст. 53], которым были внесены дополнения статьями – близнецами (ст. 201-1, 285-4 УК РФ) о злоупотреблениях полномочиями, должностными полномочиями при выполнении оборонного заказа. Этот закон явно продемонстрировал очередную волю законодателя о его благих намерениях – наказать «особо отличившихся» субъектов служебной деятельности при выполнении оборонного заказа. Оборона, являющаяся основой национальной безопасности Российской Федерации, и оборонный заказ, бесспорно, особая область общественных отношений, требующие тщательной защиты со стороны явных и потенциальных врагов государства. И особое место ей при этом отводится в уголовно-правовой охране в рамках так называемых государственных преступлений (государственная измена, шпионаж и др.). Проблема заключается в том, что актуализировав одну какую-либо сторону общественных отношений в рамках защиты от преступных посягательств по службе, общество, по сути, оказывается снова в ситуации отсутствия паритета в защите своих интересов в универсальном выражении воли всего со-

циума в конституционном измерении. Одинаковые санкции в данных статьях УК РФ лишний раз доказывают единую природу преступных нарушений интересов службы как на уровне частной службы (гл. 23 УК РФ), так и на уровне публичной (гл. 30 УК РФ). Следует еще раз отметить, что данные «оригинальные новинки» в уголовном законе существенно влияют и на ситуацию борьбы с коррупцией, снижая ее эффективность, внося разлад в основную законодательную базу по борьбе с ней. При повышении ответственности в одной сфере общественных отношений, другие отношения автоматически оказываются по отношению к ним в привилегированном положении. Подобного рода закон был принят под влиянием обоснования авторами насущной проблемы данного законопроекта. Однако, такими, не менее проблемными местами в вопросах безопасности социальной и экономической сфер жизнедеятельности российского общества от потенциальных угроз со стороны разнообразных злоупотребленцев по службе можно назвать, к примеру, космическую отрасль и медицину. Список таких «оригинальных» законодательных предложений можно продолжить, вооружившись справочником потенциальных угроз, но та исторически традиционная системообразующая роль российского уголовного права, отличавшаяся высоким уровнем юридической техники и толкования будет постепенно утрачиваться, низводя уголовное законодательство до уровня криминального чтива. Роль доктрины уголовного права при этом не должна состоять лишь в реакции на зачастую происходящий произвол законодателя и правоприменителей, а должна заключаться в позитивном восприятии окружающей действительности с целью выработки оптимальных путей ее регулирования правовыми методами. Приведенные выше примеры введения законодательных новелл в главы 23 и 30 УК РФ о преступлениях против интересов службы показывают необходимость тщательной подготовки при их внесении в уголовный закон со стороны законодателя и при учете создания новой редакции УК РФ в области уголовно-правовой охраны служебных отношений и борьбы с коррупцией.

Библиографический список

1. Кузнецова Н. Ф. Профилактическая функция уголовного закона // Уголовное право. 1998. № 1. С. 11–20.
2. Собрание законодательства РФ. 01.01.2018. № 1 (Часть I).

УДК 343

Шевчук Олеся Леонидовна,
заместитель прокурора,
Осташковская межрайонная прокуратура Тверской области,
г. Осташков, Российская Федерация
alex8039@yandex.ru

**Разграничение составов преступления п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ
и административного правонарушения по ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ**

Автор рассказывает о разграничении составов уголовного преступления и административного правонарушения за незаконную добычу копытных животных и медведей и фактической декриминализации данного уголовного деяния в административный проступок.

Ключевые слова: уголовное право, административное право, разграничение, охота, копытные животные, медведи, ответственность.

Shevchuk Olesia Leonidovna,
deputy prosecutor,
Ostashkovsky interdistrict prosecutor's office of the Tver region,
Ostashkov, Russian Federation

**Distinction between criminal and administrative offenses in Russia
(item " a " part 1 of article 258 of the criminal code
and part 2 of article 7.11 of the administrative Code)**

The author describes the distinction between the criminal offense and administrative offense for illegal extraction of ungulates and bears and the actual decriminalization of this criminal act as an administrative offense.

Keywords: criminal law, administrative law, differentiation, hunting, hoofed animals, bears, responsibility.

Вопросы разграничения состава административного правонарушения по ст. 8.37 КоАП РФ [4] и уголовного преступления по ст. 258 УК РФ [10] постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [5] подробно разъяснены.

В то же время в связи с изменениями в законодательстве вопросы разграничения ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ и п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ до настоящего времени остаются неразъясненными.

Федеральным законом от 23.07.2013 № 201-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [12] статья 7.11 КоАП РФ дополнена второй частью, предусматривающей административную ответственность за добычу копытных животных и медведей, относящихся к охотничьим ресурсам, без разрешения, если разрешение обязательно, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением.

По п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ преследуется незаконная охота с причинением крупного ущерба.

По ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ квалифицируется правонарушение, состоящее в добыче копытных животных и медведей, относящихся к охотничьим ресурсам, без разрешения, если разрешение обязательно, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением.

Согласно пункту 5 статьи 1 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11] под охотой понимается поиск, выслеживание, преследование охотничьих ресурсов, их добыча, первичная переработка и транспортировка.

Незаконной является охота с нарушением требований законодательства об охоте, в том числе охота без соответствующего разрешения на добычу охотничьих ресурсов, вне отведенных мест, вне сроков осуществления охоты и др.

Таким образом, первоначально разграничение двух деяний (в административном и уголовном праве) можно провести по производимым действиям.

Для квалификации деяния по п. «а» ч. 1 статье 258 УК РФ возможно наличие всех форм охоты: преследование охотничьих ресурсов, их добыча, первичная переработка и транспортировка; тогда как для ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ характерна лишь одна форма – добыча.

Также обе рассматриваемые нормы включают факт нарушения специального разрешения, так как согласно требованиям федерального законодательства для производства охоты оно является обязательным.

В силу положений ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» право на добычу охотничьих ресурсов возникает с момента выдачи разрешения на их добычу.

При этом если в п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ данное условие является частью деяния «незаконная охота», то в ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ наличие данного условия является обязательным и может выражаться в полном отсутствии данного разрешения, так и в нарушении его условий.

Далее разграничение можно провести по предмету уголовного преступления и административного правонарушения.

В первом случае это все животные, относящиеся к охотничьим ресурсам, во втором – только копытные животные и медведи, относящиеся к охотничьим ресурсам.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 11 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» к охотничьим ресурсам на территории Российской Федерации относятся медведи и следующие виды копытных животных – кабан, кабарга, дикий северный олень, косули, лось, благородный олень, пятнистый олень, лань, овцебык, муфлон, сайгак, серна, сибирский горный козел, туры, снежный баран, гибриды зубра с бизоном, домашним скотом.

Вопросы квалификации действий по добыче без специального разрешения, либо с нарушением условий данного разрешения копытных животных и медведей с учетом положений федерального законодательства и создающейся судебной практики являются актуальными и требуют особого внимания.

Для квалификации деяния по п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ необходимо наличие крупного ущерба. Для квалификации деяния по ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ сумма ущерба значения не имеет.

Согласно пункту 9 постановления Пленума Верховного суда РФ для квалификации деяния по п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ необходимо установление крупного ущерба, который определяется исходя не только из количества и стоимости добытых, поврежденных и уничтоженных животных, но и с учетом иных обстоятельств содеянного, в частности экологической ценности, значимости для конкретного места обитания, численности популяции этих животных.

При этом ранняя редакция постановления Пленума Верховного суда РФ содержала положения о примерах крупного ущерба.

Так, в качестве примера крупного ущерба Пленум Верховного суда РФ называл ущерб, причинный отстрелом лося, благородного оленя (марала, изюбря), овцебыка, бурого и белогрудого (гималайского) медведя.

Данные параметры определения крупности ущерба подтверждаются приказами Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

Согласно приведенных Минприроды России официальных примеров расчетов размеров вреда, причиненного охотничьим ресурсам, ущерб от добычи одной особи лося исчисляется от 80 тыс. руб., кабарги пятнистого и благородного оленя – от 60 тыс. руб. В предыдущей редакции такса составляла за лося 40 тыс. руб., пятнистый олень – 30 тыс. руб., благородный олень – 35 тыс. руб. и кабарга – 15 тыс. руб. При этом необходимо учитывать пересчетный коэффициент и количество особей [9].

Таким образом, можно говорить о том, что критерий «крупный ущерб» является оценочным и подлежит выяснению судом при решении вопроса о наличии факта административного правонарушения либо уголовного преступления.

Однако в настоящее время до конца не ясны критерии разграничения административного проступка, ответственность за который предусмотрена ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ и уголовного преступления, установленного п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ в случае добычи копытного животного или медведя.

Анализ судебной практики [2] по привлечению лиц к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ показывает, что судами (судьями) вопросы наличия либо отсутствия в действиях привлекаемого лица признаков уголовного преступления не исследуются, равно как вопросы стоимости добытых, поврежденных и уничтоженных животных, иные обстоятельства содеянного, в частности экологическая ценность добытых животных, значимость их для конкретного места обитания, численности популяции этих животных. В нарушение требований ст. 29.10 КоАП РФ в постановлении данные сведения отражаются.

Например, постановлением Мирового судьи судебного участка № 58 судебного района «район имени Лазо Хабаровского края», о привлечении к административной ответственности Медерова по факту совершения последним правонарушения, предусмотренного ч. 1.2 ст. 8.37, ч. 2 ст. 7.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях, установлено, что Медеров, не имея разрешения на добычу копытных животных и путевку, осуществлял охоту, в ходе которой добыл одну особь кабарги (самка), применив петельные самоловы, изготовленные из стального троса, то есть недопустимыми для использования в охоте на пушных животных орудиями охоты, чем нарушил п. 52.2 Правил охоты, утвержденных приказом Минприроды России.

Далее судьей указано только лишь то, что при назначении административного наказания, мировой судья учитывает характер и общественную опасность данного административного правонарушения, личность привлекаемого, его отношение к содеянному, а также наличие смягчающих и отсутствие отягчающих административную ответственность обстоятельств.

Согласно приведенной выше методике исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам, утвержденных Минприроды России размер вреда от добычи одной особи кабарги оценивается от 100 тыс. руб. однако в рассматриваемом постановлении судьей данному факту оценка не дается.

При этом кабарга по данным Международного союза охраны природы (МСОП – <http://www.iucn.org/> Организация имеет статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН) находится в уязвимом положении (относится к уязвимым видам) (англ. *Vulnerable species, VU*) – охранный статус, присваиваемый биологическим видам, которые находятся под риском

стать вымирающими. Они нуждаются в мониторинге численности и темпа размножения, а также в мерах, способствующих сохранению их среды обитания. В Красную книгу Российской Федерации (2001) внесен сахалинский подвид обыкновенной кабарги (*Moschus moschiferus sachalinensis*). Дальневосточный ее подвид (*M. m. turovi*) занесен в Приложение 3 Красной книги Российской Федерации, в котором указаны виды, требующие повышенного внимания, и в Приложение II СИТЭС, что позволяет контролировать торговлю ее дериватами с зарубежными странами. Как самостоятельный вид *M. m. turovi* внесена в Красный список МСОП-96. [1, с. 120].

Отсутствие мотивированного вывода ставит под сомнение законность принятого судьей решения о наличии в действиях именно административного правонарушения, а не уголовного преступления.

Так, например, при аналогичных условиях в Ярославской области лицо за добычу 2 лосей привлечено к административному наказанию по ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ (Постановление № 5-89/2017 мирового судьи судебного участка № 1 Тутаевского судебного района Ярославской области 31 марта 2017 [6]) и в Костромской области (Приговор Островского районного суда Костромской области № 1-31/2017 от 4 июля 2017 по делу № 1-31/2017[8]) за добычу одной особи лося лицо привлечено к уголовной ответственности по п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ.

При таких обстоятельствах вопросы квалификации осуществляются по принципу самостоятельного немотивированного усмотрения правоприменителя, что не отвечает принципам законности и равенства, гарантированных ст. 19, 47, 49 Конституцией Российской Федерации[3], Уголовным кодексом Российской Федерации и Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации.

Кроме того, остается неясным причины включения данной нормы (добыча копытных животных и медведей, относящихся к охотничьим ресурсам, без разрешения, если разрешение обязательно, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением) в главу Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ), регулиующую отношения в области охраны собственности, а не в области охраны окружающей среды (главу 8).

Возможно, законодатель преследовал цель усилить ответственность за пользование без разрешения либо с нарушением условий разрешения копытных животных и медведей, находящихся в неволе, тем самым указав исключение из ч. 1 ст. 7.11 КоАП РФ в виде самостоятельного состава административного проступка.

Часть 1 ст. 7.11 КоАП РФ предусматривает ответственность за пользование объектами животного мира без разрешения, если разрешение обязательно, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением, а равно самовольная уступка права пользования объектами животного мира или права на добычу, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 настоящей статьи.

Формулировка данной нормы полностью соответствует терминологии законодательства о животном мире и об охоте, регламентирующим отношения, не связанные с охотой, а находящие в смежной плоскости, как разведение и содержание в полувольных условиях и искусственно созданной среде (ст. 49 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», акклиматизация, переселение, гибридизация охотничьих ресурсов (ст. 50 Федерального закона «Об охоте...»), на осуществление которых необходимо получение специального разрешения.

Вместе с тем формулировка ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ выпадает из контекста ч. 1 ст. 7.11 КоАП РФ, хотя логически должна являться ее составным элементом.

Так, деятельность, связанная с добычей охотничьих ресурсов, в силу положений п. 5 ст. 1 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является охотой.

Однако исходя из анализа ст. 49, 50 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в полувольных условиях и искусственно созданной среде возможно содержание и разведение охотничьих ресурсов. «Добывание», то есть охота, находящихся в неволе диких животных законодателем не предусмотрено.

В таком случае неверно применен термин «добыча». В целях единообразного понимания более целесообразным представляется употребление понятия «использование», как и в первой части ст. 7.11 КоАП РФ [13, с. 56–57].

Таким образом, в отсутствие законодательно закрепленных критериев крупного ущерба по своей сути данная норма декриминализует уголовное деяние незаконная охота копытных животных и медведей, относящихся к охотничьим ресурсам, с причинением крупного ущерба из разряда уголовного переводя его в статут административного правонарушения.

Кроме того, ввиду установленных сроков давности привлечения к административной ответственности и сложностей выявления, правильной квалификации не исключены случаи прекращения и производства по административному правонарушению в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности (например, Постановление от 14 июня 2017 г. по делу № 5-1187/2017, Судебный участок №7 Калининского судебного района г. Тюмени (Тюменская область) [7].

Библиографический список

1. Зайцев В. А. Кабарга: экология, динамика численности, перспективы сохранения. М. : Изд-во Центра охраны дикой природы, 2006. 120 с.
2. Интернет-портал РосПравосудие. URL: <https://sudact.ru>. (дата обращения: 12.11.2019).

3. Конституция РФ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2019).

4. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2019).

5. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». // СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2019).

6. Постановление №5-89/2017 мирового судьи судебного участка № 1 Тутаевского судебного района Ярославской области 31 марта 2017 // Интернет-портал РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/section-acts> ru (дата обращения: 12.11.2019).

7. Постановление от 14 июня 2017 г. по делу № 5-1187 2017, Судебный участок №7 Калининского судебного района г. Тюмени (Тюменская область // Интернет-портал РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/section-acts> (дата обращения: 12.11.2019).

8. Приговор Островского районного суда Костромской области № 1-31/2017 от 4 июля 2017 по делу № 1-31/2017 // Интернет-портал РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/section-acts> (дата обращения: 12.11.2019).

9. Приказ Минприроды России от 08.12.2011 № 948 (ред. от 22.07.2013) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам». Приложение 3 к Методике исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам. «Российская газета», № 20, 01.02.2012 // СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2019).

10. Уголовный кодекс Российской Федерации. // СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2019).

11. Федеральный закон от 24.07.2009 N 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2019).

12. Федеральный закон от 23.07.2013 № 201-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Российская газета, № 161, 25.07.2013. // СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2019).

13. Шевчук О. Л. Разграничение уголовной и административной ответственности за добычу копытных животных и медведей // Законность. 2015. № 1. С. 56–57.

УДК 343.5

Ярошенко Ольга Николаевна,

судья Нижегородского областного суда,

кандидат юридических наук, доцент,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный

университет им. Н.И. Лобачевского,

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

olga.yaroshenko.74@bk.ru

Защита нравственности в современном обществе и ее уголовно-правовая характеристика

В современных условиях Европейский суд по правам человека признал защиту нравственности в демократическом обществе приоритетной и актуальной задачей. В статье рассматриваются вопросы необходимости защиты нравственности и благополучия детей, нуждающихся в особой охране в связи с недостатком зрелости или состоянием зависимости, а также создания комплекса административных и организационных мер, направленных на обеспечение безопасности детей в сети Интернет.

Ключевые слова: нравственность; права человека; насилие; информационная безопасность детей; информация, причиняющая вред здоровью и (или) развитию детей; персональные данные; информационно-телекоммуникационная сеть Интернет.

Yaroshenko Olga Nikolaevna,

judge of the Nizhny Novgorod regional court,

candidate of law, associate Professor,

National research Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod,

Nizhny Novgorod, Russian Federation

Protection of morality in modern society and its criminal-legal characteristics

In modern conditions, the European court of human rights has recognized the protection of morality in a democratic society as a priority and urgent task. The article considers questions of necessity of protection of moral and well-being of children in need of special protection in connection with a lack of maturity or state of dependence, as well as the creation of a complex of administrative and organizational measures to ensure the safety of children in the network Internet.

Keywords: morality; human rights; violence; information security of children; information harmful to the health and (or) development of children; personal data; information and telecommunication network Internet.

Европейский суд по правам человека неоднократно подчеркивал, что любое толкование гарантированных прав и свобод должно быть совместимо с общим духом Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [7] и являться инструментом, направленным на поддержание и развитие идеалов и ценностей демократического общества [4].

На основании положений статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод основополагающим принципом выступает право на уважение личной и семейной жизни человека, его жилища и корреспонденции. Защита права достигается обеспечением неприкосновенности вышеназванных аспектов самостоятельности личности. Право на уважение частной жизни распространяется настолько, насколько это необходимо для обеспечения пространства, в котором личность может свободно развиваться и проявлять себя.

Международную практику обеспечения информационной безопасности детей составляют положения статей 13, 17, 34 Конвенции о правах ребенка [8]. Генеральной Ассамблеи ООН, на основании которых государства-участники должны разрабатывать надлежащие принципы защиты ребенка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию, а также устанавливать необходимые ограничения прав самого ребенка, включая свободу искать, получать, передавать информацию и идеи любого рода [8].

Статья 19 Конвенции о правах ребенка закрепляет за государствами-участниками обязанность принимать «все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке» [16].

Статья 20 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года предусматривает, что «всякая пропаганда войны <...> всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом» [11].

Пункт 5 статьи 9 Палермского Протокола от 15 ноября 2000 года предусматривает введение запрета на производство и оборот материалов, пропагандирующих преступления, связанные с торговлей людьми, включая пропаганду порнографии, эксплуатации проституции и иных коммерческих сексуальных услуг [9].

В соответствии со статьей 15 Модельного закона об основных гарантиях прав ребенка в государстве, принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 16 октября 1999 года № 14-9, установлены основные гарантии защиты ребенка от информации,

пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию [6].

В положениях статей 1, 5 Модельного закона об основных гарантиях прав ребенка в государстве определены такие понятия, как: «ребенок – лицо, не достигшее возраста 18 лет (совершеннолетия); «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации»; «дети, оставшиеся без попечения родителей»; «дети-инвалиды»; «дети с ограниченными возможностями здоровья»; «дети – жертвы вооруженных и межнациональных конфликтов, экологических и техногенных катастроф, стихийных бедствий»; «дети из семей беженцев и вынужденных переселенцев»; «дети, оказавшиеся в экстремальных условиях»; «дети – жертвы насилия»; «дети, отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях»; «дети, находящиеся в специальных учебно-воспитательных учреждениях»; «дети, проживающие в малоимущих семьях»; «дети с отклонениями в поведении»; «дети, жизнедеятельность которых объективно нарушена в результате сложившихся обстоятельств и которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи».

Установлено, что социальная адаптация ребенка – это процесс активного приспособления ребенка, находящегося в трудной жизненной ситуации, к принятым в обществе правилам и нормам поведения, а также процесс преодоления последствий психологической или моральной травмы.

Социальная реабилитация ребенка – мероприятия по восстановлению утраченных ребенком социальных связей и функций, восполнению среды жизнеобеспечения, усилению заботы о нем.

Социальные службы для детей – это организации независимо от форм собственности и организационно-правовых форм, осуществляющие мероприятия по социальному обслуживанию детей (социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, медико-социальных, социально-педагогических, психолого-педагогических, правовых услуг и материальной помощи, социальной реабилитации детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, обеспечению занятости таких детей по достижении ими трудоспособного возраста), а также граждане, осуществляющие без образования юридического лица предпринимательскую деятельность по социальному обслуживанию населения, в том числе детей.

Целями государственной политики в интересах детей являются: осуществление прав детей, предусмотренных конституцией государства, нормами международного права, недопущение их дискриминации, укрепление основных гарантий прав и законных интересов детей, а также восстановление их прав в случаях нарушений; формирование правовых основ гарантий прав ребенка, создание соответствующих органов по защите прав и законных интересов ребенка; содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей, воспитанию в них патриотизма и гражданственности, а также реализации лично-

сти ребенка в интересах общества и в соответствии с не противоречащими конституции государства и законодательству традициями народов государства, достижениями народной и мировой культуры.

При этом государственная политика в интересах детей является приоритетной областью деятельности органов государственной власти и основана на следующих принципах: законодательное обеспечение прав ребенка; государственная поддержка семьи в целях обеспечения полноценного воспитания детей, защиты их прав, подготовки их к полноценной жизни в обществе; установление и соблюдение государственных минимальных социальных стандартов основных показателей качества жизни детей с учетом региональных различий данных показателей; ответственность должностных лиц, граждан за нарушение прав и законных интересов ребенка, причинение ему вреда; государственная поддержка органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций, осуществляющих деятельность по защите прав и законных интересов ребенка.

К правовым основам информационной безопасности детей на территории Российской Федерации относятся:

Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [18], регулирующий отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от такой информации, содержащейся в информационной продукции;

Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», устанавливающий обязанность органов государственной власти Российской Федерации принимать меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от национальной, классовой, социальной нетерпимости, от рекламы алкогольной продукции и табачных изделий, от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства, от информации порнографического характера, от информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения, а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопроизведений, пропагандирующей насилие и жестокость, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение [15];

приказ Минкомсвязи России от 16 июня 2014 года № 161 «Об утверждении требований к административным и организационным мерам, техническим и программно-аппаратным средствам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» [14], утверждающий требования к административным и организационным мерам, техническим и программно-аппаратным средствам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.

К данным мерам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, относятся следующие:

– издание нормативных локальных актов, направленных на обеспечение защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, и ознакомление с ними ответственных работников;

– осуществление внутреннего контроля за обновлением и соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, за соответствием применяемых административных и организационных мер защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, принципам и нормам информационной безопасности детей, включая критерии определения информационной продукции (информации), распространение которой на территории Российской Федерации запрещено или ограничено;

– обеспечение оперативного рассмотрения претензий, жалоб или запросов органов власти, организаций и граждан Российской Федерации о нарушениях законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию;

– способствование выявлению правонарушений и преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних с использованием сети Интернет, путем организации необходимых действий, указанных в запросах правоохранительных органов и органов прокуратуры;

– обеспечение работы служб поддержки и исключения возможности трудоустройства в данные службы кандидатов, которые могут не подходить для работы, связанной с контактами с детьми: лишенные права заниматься педагогической деятельностью в соответствии со вступившим в законную силу приговором суда; имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, а также против общественной безопасности; имеющие неснятую или непогашенную судимость за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления; признанные недееспособными в установленном федеральным законодательством порядке;

– обеспечивать регулярный аудит систем мониторинга и фильтрации запрещенной для детей информации;

– оперативно удалять персональные данные детей, опубликованные на сайте либо сервисе с целью причинения вреда здоровью и (или) развитию ребенку или группе детей, чьи персональные данные были опубликованы, и направлять информацию о лицах, разместивших данную информацию для вышеуказанных целей, и лицах, участвующих в реализации выше-

указанных целей, в правоохранительные органы с целью привлечения данных лиц к ответственности.

Одним из направлений в целях реализации административных мер защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, является:

– повышение информационной компетентности в сфере кибербезопасности детей и их родителей (законных представителей). Это создание и размещение на регулярной основе социальной рекламы, просветительские меры, направленные на пропаганду информационной безопасности среди несовершеннолетних пользователей и их родителей (законных представителей);

– размещение информации о контактах, включая интернет-ссылки и телефоны, соответствующих некоммерческих организаций и органов власти, осуществляющих деятельность в сфере обеспечения информационной безопасности детства;

– осуществление сотрудничества с органами власти, образовательными организациями и некоммерческими организациями в целях повышения информационной культуры несовершеннолетних пользователей и их родителей (законных представителей) путем осуществления совместных просветительских проектов, создания образовательных ресурсов, разработки рекомендаций и материалов для обучения безопасной работы с сайтами или сервисами и в иных целях.

При обмене информацией между пользователями интернет-ресурсов следует обеспечить внедрение функций приватности, оставив в результатах поиска внутри ресурса либо сервиса и (или) внешних поисковых систем следующую информацию из профилей зарегистрированных несовершеннолетних пользователей: фамилия и имя, фотография (аватар) и дата рождения; исключить из публичного доступа неограниченному кругу лиц персональных данных детей, включить в форму регистрации вопроса о возрасте пользователя и, в случае отметки пользователем о недостижении им совершеннолетия, предоставление возможности подключения родителей (законных представителей) для совместного управления аккаунтом; обеспечить внедрение функции, позволяющей ограничить взаимодействие детей с запрещенным для детей информационным контентом и включение данной функции по умолчанию; разработать механизм родительского контроля, предоставляющий возможность родителям отслеживать список друзей ребенка, его местонахождение и активности; ограничить допуск детей в возрасте до 12 лет до каналов и сообществ, содержащих нежелательный контент для детей, и разработать механизмы предупреждения о нежелательном контенте для остальных возрастных групп до 18 лет в соответствии с возрастной классификацией информации, предусмотренной Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и разви-

тию»; исключить для несовершеннолетних пользователей рекламу, ориентированную на вовлечение детей в противоправные действия и в политическую деятельность, и рекламу нежелательного контента для детей; разработать функционал, позволяющий авторам при публикации и распространении контента для более двух лиц разместить возрастную маркировку «запрещено для детей», и обеспечить невозможность просмотра данного материала несовершеннолетними пользователями.

На информационных сайтах разместить знак информационной продукции и (или) текстовое предупреждение об ограничении ее распространения среди детей, соответствующие одной из категорий информационной продукции, установленных частью 3 статьи 6 Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». До просмотра мультимедиа материалов (видео, фотографии, комментарии и другого контента), в котором может содержаться запрещенная для детей информация, разместить текстовый или графический знак информационной продукции для предупреждения о недопустимости просмотра данного контента детьми; При наличии функций, позволяющих пользователям обсуждать и комментировать контент, рядом с каждым сообщением должна быть предусмотрена функция жалобы в администрацию ресурса о нарушении законодательства в сфере информационной защиты детей.

Интернет-сервисы включают интернет-ресурсы и технические программные решения, направленные на предоставление своим пользователям различных товаров и (или) услуг, например, интернет-магазины, приложения, игры и другие. К мерам защиты в данном случае относятся следующие: при продаже товаров и услуг, которые включают информационный контент, запрещенный для детей и отдельных возрастных категорий, администрация интернет-сервиса обязана запросить дополнительную информацию о покупателе (Ф.И.О.; возраст; телефон) и, в случае недостижения пользователем возраста продажи либо непредоставления данной информации, отказать в продаже товара или оказании услуг; при предоставлении товаров и услуг, ориентированных на взрослых, подробная информация о них должна быть недоступна. Краткая информация должна содержать возрастную маркировку, текстовое предупреждение о недопустимости просмотра данного товара или услуги до момента согласия пользователя об ответственности за последствия просмотра подробной информации; разработать методы родительского контроля, позволяющие родителям ознакомиться с историей оказанных их ребенку услуг или приобретенных им товаров и ограничить возможности ребенка по получению им возмездных или безвозмездных товаров или услуг.

Поисковые системы составляют Интернет-ресурсы и технические программные решения, направленные на организацию поиска по запросу пользователя информации в сети Интернет. В целях реализации защиты

детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, следует разработать механизм предупреждения пользователей о нежелательном для детей контенте, выдающемся в результатах поиска; установить механизм безопасного поиска, предназначенного для родителей (законных представителей) и позволяющего при включении ограничить допуск несовершеннолетних пользователей к нежелательному контенту. Данные меры установлены в соответствии с Методическими рекомендациями по реализации мер, направленных на обеспечение безопасности детей в сети Интернет [12].

Соответствующие требования предусмотрены и в указах Президента РФ от 22 мая 2015 года № 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации» [19] и от 17 марта 2008 года № 351 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена» [17].

Система норм уголовного права должна обеспечивать наказание за любые формы насилия в отношении личности, а в частности несовершеннолетних.

Нравственность может подразумевать либо этические стандарты общества в целом, либо конкретные уязвимые социальные категории, такие как несовершеннолетние.

Понятие «общественная нравственность» выступает как отношения по охране здоровья, телесной неприкосновенности, нормального нравственного и физического воспитания лица.

По своему содержанию общественная нравственность состоит из ценностей, которые в силу внутренних установок принимает большинство членов общества, и является господствующей в обществе.

Общественная нравственность представляет собой вид общественных отношений, включающих совокупность обычаев, взглядов и правил поведения, существование которых обусловлено культурными и духовными традициями данного общества, и отражает господствующие в сознании большинства его членов представления о добре и зле, справедливости, чести, совести, которые общество исполняет без угрозы принуждения, по собственной воле.

Нравственность можно сформулировать как правило для воли, совести человека – это особая форма общественного сознания и вид общественных отношений, духовные и душевные качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести, вероисповедания и еще огромного комплекса понятий, которые проявляются в отношении к другим людям и природе [3, с. 345; 1, с. 755; 2, с. 659].

Кроме того, нравственность – это сфера свободного внутреннего выбора человека, основанного не на страхе моральных санкций со стороны среды, а на индивидуальной совести, критическом самоанализе и самооценке, область ответственности перед самим собой.

Нравственность зависит от условий человеческого бытия, сущностных потребностей человека, но определяется уровнем общественного и индивидуального сознания. Наряду с другими формами регулирования поведения людей в обществе нравственность служит согласованию деятельности множества индивидов, превращению ее в совокупную массовую деятельность, подчиненную определенным социальным законам.

Именно нравственность наиболее полно отражает уровень развития конкретной нации, народности, общества и государства, поскольку ее нормы складываются на протяжении многих веков под воздействием исторических, культурных, национальных, религиозных и иных условий. Выступая в качестве базового критерия правомерного поведения, указанные правила выполняют регулятивную, воспитательную и контролирующие функции.

Положения о защите нравственности закреплены во многих нормативных правовых актах, где соответствующие задачи сформулированы кратко, но подобное конструктивное изложение не означает их второстепенность и необязательность к исполнению.

В актах любой юридической силы невозможно изложить все ситуации, возникающие в практической деятельности, однако каждый человек, опираясь на собственные нравственные воззрения, обязан руководствоваться общественными интересами и потребностями; учитывать многонациональность Российского государства, исторически сложившиеся традиции, обычаи и представления о нравственности; культурные, религиозные и иные аспекты.

Нравственность как объект правовой защиты необходимо анализировать с разных сторон с учетом прямого и косвенного воздействия соответствующих норм на все стороны современной социальной жизни.

В сфере нравственных отношений защита нравственности и благополучия особенно детей, нуждающихся в особой охране, в связи с недостатком зрелости или состоянием зависимости является главной задачей государства и правоохранительных органов.

В силу части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации [10], положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе, преследовать социально значимую, законную цель (обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц), являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели). Несоблюдение одного из этих критериев представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

Следует отметить, что деятельность интернет-СМИ в информационном пространстве характеризуется, прежде всего, безграничными возможностями и силой воздействия на аудиторию, что предопределяет сложно-

сти правового регулирования данного института. Актуальным является не только проблема четкого правового урегулирования каждого из институтов информационного общества, но и проблема соблюдения прав и свобод человека и гражданина в контексте их развития.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2006 года Президент РФ В. В. Путин подчеркнул, что «ни одну из актуальных задач, стоящих перед нашей страной, мы не сможем решить без обеспечения прав и свобод граждан, без эффективной организации самого государства, без развития демократии и гражданского общества» [13].

Следует согласиться, что жизнь человека в информационном обществе неизбежно делает его более прозрачным для государства и общества, поэтому желание сохранить информационную приватность становится все более ощутимым. Новые технологии, с одной стороны, существенно упростили сбор, обработку, хранение, передачу данных, а с другой – создали очевидные угрозы их незаконного оборота, что приводит к нарушениям прав личности [5, с. 11].

Считается, что человек чувствует себя наиболее защищенным тогда, когда соблюдаются три условия: первое – Конституция должна содержать исчерпывающий перечень личных прав и свобод; второе – должны быть установлены и действовать ограничения и запреты, оберегающие сферу личной свободы от противоправных и произвольных попыток ее ущемления со стороны государства; третье – человек располагает эффективными способами самозащиты от вмешательства в сферу его личной свободы, что также является ограничением свободы действий государства.

Нравственность в силу положений Конституции РФ является ценностью, ради защиты которой допускается ограничение прав и свобод человека и гражданина (ч. 3 ст. 55), как и ради защиты законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [10].

Защищая нравственность, которая является конституционной ценностью, уголовный закон устанавливает ответственность за ряд посягательств на общественную нравственность (гл. 25 УК РФ).

При этом задачи уголовного законодательства неразрывно связаны с задачами уголовной политики в стране и определяются ими. Нравственные же ценности в России определены Президентом РФ как важный фактор развития страны.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
2. Большой энциклопедический словарь. М. ; СПб., 2000.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб., 1997.

4. Дело «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (Svinarenko and Slyadnev v. Russia) жалобы № 32541/08 и 43441/08: постановление ЕСПЧ от 17 июля 2014 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11(11).
5. Дятленко В. В., Волчинская Е. К. Законодательство о защите персональных данных: проблемы и решения // Информационное право. 2006. № 1. С. 11–16.
6. Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. 2000. № 23. С. 134–154.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950) [с изм. от 13.05.2004] // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
8. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
9. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (г. Палермо, 13 декабря 2000) (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000) // Международное правосудие. 2015. № 3. С. 44–51.
10. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
11. Международная защита прав и свобод человека : сб. документов. М., 1990. С. 32–53.
12. О методических рекомендациях: письмо Минпросвещения России от 29 марта 2019 года № 03-393. Документ опубликован не был.
13. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. // Российская газета. 2006. 11 мая.
14. Российская газета. 2014. 20 августа.
15. Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.
16. Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
17. Собрание законодательства РФ. 2008. № 12. Ст. 1110.
18. Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
19. Собрание законодательства РФ. 2015. № 21. Ст. 3092.

СЕКЦИЯ 5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.2

Агеев Александр Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, Приволжский филиал
Российского государственного университета правосудия,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ageev.a.n@yandex.ru

Развитие закономерностей в уголовном преследовании

В статье автор анализирует разные позиции ученых-процессуалистов о развитии понятия – уголовное преследование на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальном законодательстве РФ, и высказывает мнение, что функция уголовного преследования стороны обвинения в лице органов предварительного расследования и прокуратуры, распространяется на всю стадию возбуждения уголовного дела с момента получения ими сообщения о преступлении.

Ключевые слова: органы предварительного расследования, уголовное преследование, процессуальная деятельность, сторона обвинения, лицо, совершившее преступление, сообщение о преступлении, УПК РФ.

Ageev Alexander Nikolaevich,
candidate of law, associate Professor,
Volga branch of the Russian state University of justice,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Development of patterns in criminal prosecution

In the article, the author analyses the different positions of procedural scientists on the development of the concept – criminal prosecution at the pre-trial stages of criminal proceedings in the criminal procedure legislation of the Russian Federation, and expresses the opinion that the function of criminal prosecution of the prosecution, represented by the preliminary investigation bodies and the prosecutor's office, extends to the whole stage of criminal proceedings from the moment they receive a report of a crime.

Keywords: bodies of preliminary investigation, criminal prosecution, procedural activity, the prosecution, person who committed a crime, reporting of a crime, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Достаточно давно ведется научная дискуссия юристов, как теоретиков, так и практиков о функции стороны обвинения, касающейся вопроса начала уголовного преследования в рамках применения советского и российского уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК).

Определим позиции ученых по вопросу, что считать моментом начала осуществления уголовного преследования, на основании закономерностей разночтения указанного определения, в том числе в ныне действующем уголовно-процессуальном законе.

Одни авторы, разделяющие точку зрения, в соответствии с которой момент начала уголовного преследования связывается с появлением обвиняемого [8, с. 60], считая уголовное преследование деятельностью органов предварительного расследования и прокуратуры, заключающееся в собирании доказательств, уличающих обвиняемого и устанавливающих его вину в преступлении, в применении принудительных мер, обеспечивающих изоляцию обвиняемого, утверждении обвинительных актов, обосновании суду предъявленное обвинение, убеждении суда в виновности обвиняемого и необходимости применить к нему заслуженное наказание [8, с. 65].

Другие считают, что уголовное преследование – это деятельность следователя, лица, производящего дознание (органа дознания), прокурора, состоящую в собирании фактических данных совершения преступления подозреваемым, обвиняемым, устанавливающую отягчающие и смягчающие вину обстоятельства, а также применение мер процессуального принуждения к подозреваемому и обвиняемому и поддержание обвинения в суде, «приближают» начало уголовного преследования, вводя в его сущность собирание доказательств, подтверждающих совершение преступления обвиняемым и подозреваемым [7, с. 5].

Третьи связывают начало уголовного преследования с возбуждением уголовного дела, если органы предварительного расследования, имеющие право на возбуждение уголовного преследования, располагают данными о совершившемся (или подготавливаемом) преступлении [9, с. 28].

Последние совпадают с выраженной позицией Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) в которых употреблен термин «уголовное преследование». В соответствии с п. 5 и 6 данного постановления «публичное уголовное преследование в связи с совершенным преступным деянием начинается актом возбуждения уголовного дела; возбуждение уголовного дела является проявлением функции уголовного преследования; возбуждение уголовного дела, в сущности, представляет собой возбуждение уголовного преследования» [3, ст. 611].

Следующая точка зрения ученых, исходит из того, что понятием «уголовное преследование» также охватывается процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела [6, с. 24].

Указанное мнение подтверждается позицией КС РФ, что факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретно-

го лица обвинительная деятельность могут подтверждаться, в частности, актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведение в отношении его следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него, назвав фактически новый субъект уголовно-процессуального досудебного производства – «подозреваемый в совершении преступления» [4, ст. 2882].

Утвердив уголовное преследование в пределах стадии возбуждения уголовного дела законодатель, тем не менее, уклонился от определений момента начала функции уголовного преследования с проведением конкретного процессуального действия (решения) стороны обвинения и процессуального статуса неопределенного круга субъектов, в отношении которых проводятся проверочные действия стороной обвинения по поводу поступившего сообщения о признаках преступления.

К сожалению, законодатель в ст. 5 УПК РФ не раскрывает значение такого понятия, как «уголовное дело». Вместе, с тем п. 5 ст. 10 Модельного УПК для государств-участников СНГ под «уголовным делом» понимается «обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования и судом по поводу одного или нескольких предположительно совершенных деяний, запрещенных уголовным законом» [2, с. 6].

Согласно ст. 146, 147 УПК РФ уголовное дело возбуждается вынесением процессуального документа при наличии повода и основания, т. е. сообщение о совершенном или готовящемся преступлении в определенной форме и наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Вместе с тем, момент начала уголовного преследования, связанное с вынесением определенного процессуального решения или действия, законодателем в УПК РФ неопределенно.

В пункте 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование трактуется как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления.

Приведенное определение устанавливает следующие признаки, характеризующие уголовное преследование как один из видов деятельности:

а) данная деятельность является процессуальной, т. е. происходит в рамках уголовно-процессуального законодательства;

б) она осуществляется стороной обвинения, т.е. прокурором, а также следователем, начальником следственного отдела, дознавателем, частным обвинителем, потерпевшим, его законным представителем, гражданским истцом и его представителем;

в) имеет целью изобличение подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления.

Процессуальная деятельность стороны обвинения устанавливает начало процедуры уголовного преследования с целью изобличение опреде-

ленного подозреваемого и обвиняемого либо неопределенного круга заподозренных лиц в совершении преступления.

КС РФ разъяснил, что на досудебной стадии уголовного судопроизводства компетентные государственные органы обязаны принять заявление пострадавшего в результате преступления и принять необходимые меры, направленные на установление личности виновного в этом преступлении и привлечение его к уголовной ответственности [5, с. 2904].

Обязанность осуществления уголовного преследования по смыслу части 2 статьи 21 УПК РФ, начинается с момента обнаружения признаков преступления [1]. Это показывает, что уголовное преследование предшествует возбуждению уголовного дела, для которого необходима достаточность данных, указывающих на признаки преступления.

Таким образом, можно выделить момент реализации уголовного преследования началом процессуальной деятельности стороны обвинения при поступлении сообщения о преступлении, независимо от его формы (заявление, рапорт об обнаружении признаков преступления и др.) и вида уголовного преследования, установленного ст. 20 УПК РФ [1].

Предлагаю изложить пункт 55 статьи 5 УПК РФ в следующей редакции: «уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения лица, совершившего преступление, с момента поступления сообщения о преступлении до принятия окончательного процессуального решения в отношении данного лица, предусмотренных настоящим кодексом».

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс». www.consultant.ru (дата обращения: 30.11.2019).

2. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт (принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 Постановлением 7-6 на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) (с изм. от 29.11.2013). Текст Кодекса опубликован в Приложении к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, 1996, № 10 // СПС «КонсультантПлюс». www.consultant.ru (дата обращения: 30.11.2019).

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 года № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Сборник законодательства Российской Федерации. 2000. № 5. Ст. 611.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой В. И. Маслова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

5. Постановление от 27 июня 2005 года № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 28. Ст. 2904.

6. Королев Г. Начальный момент уголовного преследования // Законность. 2005. № 5. С. 21–28.

7. Лобанов А. П. Функции уголовного преследования и защиты в российском судопроизводстве : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1996. 26 с.

8. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951. 119 с.

9. Чельцов М. А. Возбуждение уголовного преследования и процессуальное положение следователя // Социалистическая законность. 1937. № 3. С. 24–32.

УДК 343.3/7

Бабичев Дмитрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
babichev-lavd@inbox.ru

Мотивы злоупотреблений сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел

В статье рассматриваются основные мотивы злоупотреблений, совершаемых оперативными сотрудниками органов внутренних дел. Приводится дифференциация таких мотивов на две самостоятельные группы: «псевдослужебные» и «корыстные». Сравняются и анализируются основные способы реализации этих групп мотивов.

Ключевые слова: злоупотребление, оперативно-розыскная деятельность, оперативный сотрудник, органы внутренних дел.

Babichev Dmitry Aleksandrovich,
candidate of law, associate professor, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Motives for abuse of employees of operational divisions of departments of internal Affairs

The article deals with the main motives of abuse committed by operational employees of internal Affairs bodies. Such motives are divided into two separate groups: “pseudo-service” and “self-serving”. The main ways of implementing these groups of motives are compared and analyzed.

Keywords: *abuse, operational search activity, operative officer, departments of internal affairs.*

Согласно официальным сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, уполномоченными прокурорами ежегодно выявляется свыше пятисот тысяч нарушений законодательства об ОРД. Из них абсолютное большинство касается системы ОВД (2016 г. – 481 101 из 516 145; 2017 г. – 508 395 из 520 884; 2018 г. – 497 559 из 507 934; за январь-июнь 2019 г. – 275 537 из 281 763). Не менее тревожными видятся данные о выявленных незаконных оперативно-розыскных решениях. По линии ОВД таких нарушений зафиксировано: в 2016 г. – 14 619; в 2017 г. – 24 416; в 2018 г. – 7 684; за январь – июнь 2019 г. – 4 039.

Приведенная статистика, а также анализ юридической литературы дают основание полагать, что сложившаяся проблема в большей мере обусловлена низким уровнем ведомственного контроля в сфере ОРД ОВД. Как справедливо отмечает А. Ф. Козусев, ведомственный контроль в силу его закрытости, заинтересованности в определенных показателях выявленных, предупрежденных, пресеченных, раскрытых с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов преступлений не способствует выявлению нарушений требований закона в оперативно-розыскной деятельности, их пресечению и предупреждению [1, с. 6].

Ненадлежащий уровень контроля со стороны руководителей оперативных подразделений фиксируют также А. В. Богданов и Е. Н. Хазов. К нарушениям оперативно-розыскного законодательства они относят: поспешный и формальный подход к проведению ОРМ, в том числе и в оформлении оперативно-служебных документов; представление результатов ОРД следователю, прокурору или суду при отсутствии необходимых документов (без постановления о предоставлении таких материалов, постановления о рассекречивании, отсутствие подписей руководителей); незаконное проведение ОРМ, нарушающих или ограничивающих конституционные права граждан (отсутствие разрешения суда или постановления на проведение ОРД) [2, с. 62].

Каковы же мотивы злоупотреблений оперативных работников ОВД? Проведенное нами исследование позволяет заключить, что совокупность вышеуказанных мотивов условно можно разделить на две самостоятельные группы.

Первую группу в кругах практиков называют «псевдослужебные». В их основе лежит превратное восприятие интересов службы. Речь идет о тех ситуациях, когда оперативный сотрудник в целях карьерного роста и повышения профессиональной репутации прибегает к фальсификации первичных и текущих оперативных материалов (агентурных записок, рапортов и др.). Обеспечивая «галочку либо показатель в работе», происходит, по сути, имитация подбора поводов и оснований для заведения оперативно-розыскных дел, проведения отдельных ОРМ с применением специальных технических средств, а также закрытия оперативно-розыскных дел. Иными словами, абсолютно бесперспективный (мнимый) оперативно-розыскной процесс выдается за его деятельную и активную форму. При этом все оперативно-розыскные материалы оформляются процессуально правильно и в соответствии с требованиями действующего оперативно-розыскного законодательства.

Вторую группу мотивов злоупотреблений можно смело называть «корыстными», поскольку они ориентированы на незаконное получение материальных и нематериальных благ. К таким мотивам относятся: жажда наживы и личного обогащения, заказное привлечение к уголовной ответственности конкурента или врага, выполнение взятых на себя обязательств по прикрытию чьей-то преступной деятельности либо напротив – выполнение заказа по разрушению чужого бизнеса, желание приобрести необходимые для службы связи и др. Сами же злоупотребления оперативных сотрудников в этой части могут проявляться в незаконном давлении на лицо, безосновательном изъятии документов и направлении разнообразных запросов, которые фактически блокируют либо существенно усложняют хозяйственную деятельность нежелательного лица или предприятия.

В ракурсе исследуемого вопроса нестандартной, изобретательной и одновременно мотивированной схемой злоупотребления делится украинский исследователь А. Осташевский. Он пишет, что одним из проявлений прикрытия оперативным работником незаконной деятельности может быть сознательное заведение в отношении заказчика оперативно-розыскного дела и постановка его на оперативный учет. При таких обстоятельствах оперативный сотрудник длительный период времени от проведения каких-либо активных розыскных мероприятий воздерживается, а в дальнейшем и вовсе закрывает дело в связи с неподтверждением сведений о преступной деятельности. Однако реальная цель таких действий лежит в том, что согласно положениям ч. 3 ст. 9 закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» на лицо ведется только одно оперативно-розыскное дело. Соответственно, в период ведения такого дела нечистым на руку оперативным со-

трудником другие оперативные подразделения завести оперативно-розыскное дело в отношении преступника не могут [3, с. 33–34].

Основными способами реализации обеих групп мотивов, как видно из сравнительного их анализа, а также приведенного примера, являются либо умышленная бездеятельность, либо сознательная и целенаправленная фальсификация материалов ОРД в самых разных ее проявлениях. Общий фактаж имеющих место злоупотреблений и нарушений, допускаемых в ОРД, а также перекосов в ведомственном контроле за организацией этой деятельности, собственно и обуславливает нахождение в орбите оперативно-розыскных правоотношений института прокурорского надзора, выступающего в ряду с ведомственным контролем дополнительной государственной гарантией соблюдения законности принимаемых и реализуемых оперативно-розыскных решений.

Библиографический список

1. Козусев А. Ф. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: современные проблемы теории и практики : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / 12.00.11. М., 2001. 45 с.

2. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Роль и значение обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 60–62.

3. Осташевський Андрій. Оперативно-розшукова діяльність: темний бік медалі // Вісник прокуратури. 2013. № 1. С. 31–36.

УДК 343.4

Бриль Геннадий Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
g_bril@ksu.edu.ru

Лебедева Алёна Анатольевна,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
alyona-angel1988@mail.ru

**Судебная защита чести, достоинства и деловой репутации
субъектов предпринимательской деятельности
в России, Германии и Италии**

В большинстве государств экономической основой является предпринимательский класс этой страны. Для того чтобы предпринимательство продуктивно развивалось, государство должно вырабатывать эффективные рычаги их защиты от субъектов желающих нанести им какой-либо вред. В частности вред, относящийся к недобросовестной конкуренции, которая может отразиться на чести, достоинстве и деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности. В связи с этим проводится анализ законодательной защищенности физических и юридических лиц в России, Германии и Италии, по средствам судебной защиты их нематериальных благ, используемых в процессе осуществления предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, деловая репутация, честь, достоинство.

Bril Gennady Gennadevich,

doctor of law, Professor, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Lebedeva Alena Anatolyevna,

undergraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Judicial protection of honor, dignity and business reputation of business entities in Russia, Germany and Italy

In most states, the economic basis is the entrepreneurial class of this country. In order for business to develop productively, the state must develop effective levers to protect them from entities wishing to cause them any harm. In particular, harm related to unfair competition, which may affect the honor, dignity and business reputation of business entities. In this regard, the analysis of the legal protection of individuals and legal entities in Russia, Germany and Italy, by means of judicial protection of their intangible benefits used in the process of entrepreneurial activity.

Keywords: unfair competition, business reputation, honor, dignity.

В настоящий период экономика в Российской Федерации не располагает достаточным базисом для продуктивного развития предпринимательства в нашей стране. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, постоянно сталкиваются с различными рисками в процессе своей работы, в том числе с рисками, которые содержат в себе факты о недобросовестной конкуренции. Когда идет речь о недобросовестной конкуренции, то возможным становится посягательство одним субъектом рыночных отношений на честь, достоинство и деловую репутацию другого субъекта предпринимательской деятельности.

Судебная защита чести достоинства и деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности является одним из основных институтов системы права многих стран с рыночной экономикой, которые заинтересованы в здоровом развитии предпринимательства своей страны. Именно поэтому очень важным является сравнительно-правовое исследование российского законодательства, в области судебной защиты исследуемых общественных отношений, с законодательством других стран.

В России, Германии и Италии положения о судебной защите, субъектами предпринимательской деятельности, чести, достоинства и деловой репутации содержатся в нормах гражданского и уголовного законодательства. Основными нормативно-правовыми актами в регулировании данных споров в каждом из государств являются: Конституция Российской Федерации, статья 29 [4], Основной закон Федеративной Республики Германии [6], Конституция Республики Италии [10], Гражданский кодекс Российской Федерации, статья 152 [2], Гражданское уложение Германии [3], Гражданский кодекс Италии [8], Гражданский процессуальный кодекс Италии [9], Гражданский процессуальный кодекс Германии [11], Арбитражный кодекс Российской Федерации, статья 27 [1], а в России и Германии к их числу добавляются законы о защите конкуренции [5; 7]. Но только в Германии закон о защите конкуренции относится к нормам уголовного характера, что говорит о том, что германское законодательство данную категорию правоотношений возводит в ранг наиболее общественно опасных деяний.

Положения о судебной защите чести, достоинства и деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности в России и Германии имеют много общего, но только в России судебная защита чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц прописана в отдельной статье защищаемых государством интересов, по ним определена исключительная подсудность данных дел, что говорит о выделении данной категории дел в разряд наиболее значимых интересов для российского государства.

В Германии данные споры рассматриваются в общем порядке. Это связано с тем, что уровень осознанности у предпринимателей в Германии о порядочности их деятельности по отношению к потребителю намного выше, чем у российских участников рыночных отношений. Поэтому в Российской Федерации необходимо повышать уровень самосознательности у субъектов предпринимательской деятельности, в частности, в вопросах касающихся их отношения и поведения не только к потребителям, но и к своим конкурентам.

Положительным моментом в России является то, что в Российской Федерации под ущербом понимается реальный ущерб и упущенная выгода, а в Германии субъекты предпринимательской деятельности могут рассчитывать только на возмещение упущенной выгоды. Данный факт указывает на то, что российский законодатель создал более удобное положение

для субъекта рыночных отношений, в вопросах компенсации за нарушенное право, на честь, достоинство и деловую репутацию.

Отрицательным в обоих государствах является тот факт, что за столь продолжительное время существования данных спорных отношений ни одно из государств не пришло к выводу о том, что необходимо пересмотреть вопрос, касающийся компенсации нематериального вреда юридическим лицам, выражающемся в нанесении противоправными действиями морального вреда сотрудникам юридических лиц.

В этом направлении положительную судебную практику имеет Италия, в которой наряду с возмещением нематериального вреда физическому лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность, возможно присуждение компенсации морального вреда сотрудникам юридического лица, чьи честь, достоинство и деловая репутация пострадали от противоправных действий.

Помимо этого в Италии, в отличие от России, на компенсацию нематериального вреда могут претендовать не только коммерческие и некоммерческие юридические лица, а так же и публичные образования, то есть муниципалитеты, провинции и государство.

Поэтому необходимо предпринять попытку пересмотра законодательной позиции в отношении отказа юридическому лицу в компенсации нематериального вреда, в сторону возможности присуждения компенсации морального вреда сотрудникам юридического лица, так как они могут испытывать нравственные страдания в момент вынесения на всеобщее обозрение сведений порочащих честь, достоинство и деловую репутацию субъекта предпринимательских отношений, в котором они работают.

Так же необходимо, на примере законодательства Италии, предпринять попытку в разработке правовых норм касающихся запрета на распространение не только ложных, порочащих сведений о индивидуальном предпринимателе или юридическом лице, которые не соответствуют действительности, но сведений соответствующих действительности о контрагенте, если они дискредитируют его и не являются сведениями о совершении им противоправных действий, наказуемых в соответствии с законодательством.

Но только в России, в отличие от Германии и Италии, заинтересованные лица, могут подавать иски о защите чести, достоинства и деловой репутации умерших физических лиц или прекративших свою деятельность юридических лиц. Данный институт вполне возможно мог бы быть дополнением законодательства Германии и Италии в разрешении данных ситуаций.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 12.11.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 29.11.2019).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.11.2019).
3. Гражданское уложение Германии (ГГУ) 1896 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2019).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (по состоянию на 21.04.2014) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Федеральный закон «О защите конкуренции» (от 26.07.2006 № 135-ФЗ: по состоянию на 09.10.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.11.2019).
6. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 (BGBl. S. 1), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 15. November 2019 (BGBl. I S. 1546) // Deutscher Bundestag. – URL: <https://www.bundestag.de/gg> (дата обращения: 12.11.2019).
7. Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen (GWB) Ausfertigungsdatum: 26.08.1998 (zuletzt geändert durch Art. 2 Abs. 8 G v. 25.6.2020) // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gwb/GWB.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).
8. Codice civile Repubblica Italiana 1942 (Ultimo aggiornamento: gennaio 2018). – URL: <https://www.normattiva.it> (дата обращения: 12.11.2019).
9. Codice di procedura civile 1940 (Ultimo aggiornamento: dicembre 2011). – URL: <https://www.normattiva.it> (дата обращения: 12.11.2019).
10. Costituzione della Repubblica Italiana 1947 (Ultimo aggiornamento: ottobre 2007). – URL: <https://www.normattiva.it> (дата обращения: 12.11.2019).
11. Zivilprozessordnung (ZPO) Ausfertigungsdatum: 01.10.1879 (zuletzt geändert durch Art. 2 G vom 12.12. 2019) // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/ZPO.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).

УДК 343.14

Верещагина Алла Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент,

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,

г. Владивосток, Российская Федерация

vereschagina_ally@mail.ru

**Размышления по поводу злоупотребления правом
в российском уголовном судопроизводстве**

Предпосылками злоупотребления правом в российском уголовном процессе являются неопределенностью формулировок уголовно-процессуального закона и готовность участников уголовного судопроизводства, формально не нарушая закон, исказить сущность правовых норм. Злоупотребление правом присуще для всех участников уголовного судопроизводства, включая суд. Изложенные тезисы обосновываются результатами изучения судебной практики по применению норм о недопустимости доказательств, языка уголовного судопроизводства, презумпции невиновности, права на защиту, ознакомления с материалами уголовного дела и рассмотрения жалоб на установление срока ознакомления с материалами уголовного дела в случае явного затягивания этой процедуры.

Ключевые слова: *злоупотребление правом, презумпция невиновности, право на защиту, недопустимость доказательств, язык уголовного судопроизводства, предъявление обвинения, установление срока, обжалование.*

Vereshchagina Alla Vasilievna,

candidate of law, associate professor,

Vladivostok state University of economics and service,

Vladivostok, Russian Federation

Reflections on the abuse of law in Russian criminal proceedings

The prerequisites for the abuse of law in the Russian criminal process are the uncertainty of the wording of the criminal procedure law and the willingness of participants in criminal proceedings, without formally violating the law, to distort the essence of legal norms. Abuse of law is inherent in all participants in criminal proceedings, including the court. The theses presented are substantiated by the results of a study of judicial practice on the application of the rules on the inadmissibility of evidence, the language of criminal proceedings, the presumption of innocence, the right to defense, familiarization with the materials of the criminal case and consideration of complaints about the establishment of the deadline for familiarization with the materials of the criminal case in the case of an explicit delay of this procedure.

Keywords: *abuse of law, presumption of innocence, right to defense, inadmissibility of evidence, language of criminal proceedings, indictment, setting a time limit, appeal.*

Проблема злоупотребления правом достаточно активно дискутируется в литературе не только с теоретической, но и практической точки зрения [1; 3–5].

Среди многообразия в целом сходных определений для целей исследования мы воспользуемся формулировкой, предложенной К. М. Бaeвой,

в соответствии с которой злоупотребление правом есть умышленное поведение (действие/бездействие) участника уголовного судопроизводства, не выходящее за рамки его статуса, но не соответствующее целям и задачам уголовного судопроизводства [2, с. 144].

Как видим, в означенной дефиниции можно выделить объективный и субъективный аспекты. Объективный момент заключается в наличии содержащихся в законе неопределенностях, позволяющих формально не нарушая закон, искажать сущность нормативного предписания. Субъективная сторона заключается в действии или бездействии конкретного процессуального субъекта. Здесь важно отметить, что действие или бездействие может носить умышленный характер или быть следствием непонимания важности соблюдения не только «буквы, но и духа закона».

В силу ограниченности объема публикации, мы коснемся только нескольких нормативных положений, формулировки которых позволяют злоупотреблять правом не только субъектам стороны защиты, в чем традиционно их упрекают, но и должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, и суду: 1) недопустимость доказательств; 2) презумпция невиновности; 3) право на защиту; 4) язык уголовного судопроизводства; 5) ознакомление с материалами уголовного дела.

1. Недопустимость доказательств закреплена в законе апагогически - через наложение обязанности на осуществляющих уголовное преследование лиц при собирании и проверки доказательств соблюдать требования уголовно-процессуального закона. Системное толкование норм ч. 3 ст. 7 и ст. 75 УПК РФ [9] позволяет прийти к выводу об абсолютизации последствий несоблюдения закона: есть нарушение – доказательство недопустимо. Однако последовательно такой подход в законе не проведен. На это указывают, например, положения ст. 88 УПК РФ, которыми законодатель закрепляет усмотрение правоприменителя при разрешении вопроса о допустимости (или недопустимости) доказательства. Как результат, правоприменитель, прежде всего суд, взял на вооружение предписания именно ст. 88 УПК РФ. При этом усмотрение суда при разрешении вопроса о недопустимости ничем не ограничено, поскольку закон не градуирует нарушения уголовно-процессуального закона. Верховный Суд РФ, вопреки нормам ч. 3 ст. 7 и 75 УПК РФ, опирается на положения ст. 88 УПК РФ и рекомендует судам при разрешении вопроса о недопустимости доказательств устанавливать «в каждом случае ... в чем конкретно выразилось допущенное нарушение...» [10], тем самым презюмирует возможность признания полученного с нарушениями закона доказательства допустимым. Такой подход высшей судебной инстанции, во-первых, искажает сущность предписаний ст. 7 и 75 УПК РФ и, во-вторых, свидетельствует о присвоении Верховным Судом РФ права конструировать уголовно-процессуальные нормы. В результате суды порой игнорируют выявленные при рассмотрении уголовного дела нарушения уголовно-процессуального закона, допу-

щенные при собирании и проверки доказательств, и используют такого рода доказательства для обоснования выносимых приговоров [11].

2. Презумпция невиновности и право на защиту. Презумпция невиновности в российском законе экстраполирована на обвиняемый круг лиц. В соответствии с нормами ч. 1, 2 ст. 14, ч. 2 ст. 47 УПК РФ предположение о невиновности лица распространяется только на трех субъектов – подозреваемого, обвиняемого, подсудимого (в нормах ст. 49 Конституции РФ указан только обвиняемый). Такой подход до недавнего времени позволял правоприменителю игнорировать права лица (включая право на защиту), в отношении которого производится доследственная проверка. Дополнение ч. 3 ст. 49 УПК РФ пунктом 6 и ст. 144 УПК РФ частями 1.1 и 1.2 смикшировало проблему, но лишь отчасти. Во-первых, в норме п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ указано, что защитник может участвовать в процедурах доследственной проверки, если при проведении процессуальных действий «затрагиваются права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении ...», что требует дополнительных интерпретаций и не исключает усмотрение правоприменителя. Во-вторых, в перечне субъектов, имеющих в некоторых случаях (а фактически по каждому делу) право на обязательное участие защитника, лицо, в отношении которого производится доследственная проверка не указано. Иными словами исключена возможность участия защитника по назначению при проведении доследственной проверки.

3. В означенных выше случаях злоупотребление правом допускается правоприменителем (судом и должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование). По-иному ситуация складывается при реализации положений **принципа языка уголовного судопроизводства**. Непоследовательность закрепления оснований использования родного языка или языка, которым владеет лицо (в нормах ст. 18 УПК РФ указаны следующие основания: лицо не владеет или недостаточно владеет языком процесса, а в нормах, закрепляющих статус участников уголовного процесса, право пользоваться родным языком или языком, которым лицо владеет – ст. 42, 44, 46, 47 и др. УПК РФ) [7, с. 46 - 56], в совокупности с абсолютизацией основания отмены приговора в связи с нарушением права подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика (п. 5 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ) позволяет защите затягивать движение уголовного дела посредством необоснованного заявления ходатайств о предоставлении переводчика, его замене и т. п. даже в тех случаях, когда лицо владеет языком судопроизводства.

По результатам проведенного нами обобщения судебной практики 47,12 % заявивших ходатайство о предоставлении переводчика являются гражданами Российской Федерации, что абсурдно, поскольку они либо с рождения жили в России и как минимум изучали русский язык в школе, либо при получении российского гражданства обязаны были сдать экзамен по русскому языку [7, с. 46–56].

Мотивация недобросовестного процессуального поведения защиты ясна, хотя нами и неодобряема, – незначительное число выносимых оправдательных приговоров не позволяет рассчитывать на благоприятное для защиты решение (с 2014 по 2018 гг. цифра оправдательных приговоров варьируется от 0,52 до 0,29 % от числа разрешенных судами уголовных дел) [8]. Именно поэтому защита вынуждена прибегать к этому приему. Например, для того, чтобы изменили меру пресечения на менее жесткую в связи с истечением предельного срока содержания под стражей, или прекратили уголовное преследование в связи с истечением срока давности и т. п.

4. Имеющаяся в уголовно-процессуальном законе процедура **ознакомления с материалами уголовного дела не допускает** ограничения прав участников уголовного судопроизводства на ознакомление с окончанным производством (ст. 216, 217 УПК РФ). Однако из означенного правила есть одно исключение – явное затягивание времени ознакомления как основание установления срока ознакомления с окончанным производством судом по ходатайству должностного лица, осуществляющего уголовное преследование (ч. 3 ст. 217 УПК РФ).

Обобщенная нами судебная практика Приморского края свидетельствует о том, что не только сторона защиты затягивает ознакомление с окончанным производством. К подобному способу «решения процессуальных вопросов» прибегает и сторона обвинения, хотя, конечно, значительно реже: соответственно 97,95 % против 2,05 % [6, с.440].

При изучении практики установления срока ознакомления с окончанными уголовными делами нами было выявлено еще несколько моментов, связанных со злоупотреблением правом: 1) оттягивание процедуры предъявления обвинения к моменту проведения ознакомления с окончанным производством по делу; 2) формализм процедуры апелляционного обжалования решения об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела.

Что касается предъявления обвинения, то по 41,17 % изученных уголовных дел предъявление обвинения состоялось в день уведомления об окончании производства по уголовному делу [6, с. 443]. Формально это не нарушает закона, а фактически искажает сущность процедуры предъявления обвинения, поскольку уголовно-преследуемое лицо лишается возможности осуществлять полноценную защиту от выдвинутого обвинения.

Право апелляционного обжалования решения об установлении судом срока ознакомления с окончанным производством также сложно оценивать как гарантию в силу имеющейся в законе неопределенной формулировки о сроке рассмотрения жалобы (представления). В законе фиксируется только предельный срок начала рассмотрения жалобы (представления) и не указан предельно допустимый срок принятия решения по жалобе (ст. 389.10 УПК РФ). Как результат, 92 % изученных нами апелляционных решений вынесены судами Приморского края по истечению установленного срока ознакомления с материалами уголовного дела [6, с. 439]. Иными

словами даже решение, удовлетворившее жалобу (представление), никаких правовых последствий для заявителя не имеет.

Представленные нами выше примеры свидетельствуют о том, что именно неопределенность формулировок является предпосылкой для злоупотребления правом для недобросовестных участников уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Азаров В. А. Категория «злоупотребление правом» в уголовном процессе РФ: межотраслевой взгляд // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 3(21). С. 5–12.

2. Баева К. М. Понятие и признаки злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве России // Закон и право. 2015. № 10. С. 140–144).

3. Бармина О. Н. Злоупотребление правом. Киров : Радуга-Пресс, 2015. 132 с.

4. Бердова И. А., Гинзбург И. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Мир науки и образования. 2017. № 2(10) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-protsessualnymi-pravami-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve/viewer> (дата обращения: 05.12.2019).

5. Васильев С. А. Проблема злоупотребления материальными и процессуальными правами: понятие и признаки злоупотребления правом // Экономика и право. 2013. № 2(36). С. 52–57.

6. Верещагина А. В. Об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела // Правоведение. 2018. Т.62, № 3. С. 434–452.

7. Верещагина А. В. Язык уголовного судопроизводства: некоторые результаты обобщения судебной практики // Государство и право. 2018. № 8. С. 46–56.

8. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 05.12.2019).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2011 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 05.12.2019).

10. Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 « О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 01.06.2017) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47059/ (дата обращения: 05.12.2019).

11. Приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока по делу № 1-234/13 от 01.11.2013 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/VrRFwKt6Fq6a/?regular-txt=®ular-case_ (дата обращения: 05.12.2019).

УДК 343.22

Верещагина Алла Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
г. Владивосток, Российская Федерация
vereschagina_alla@mail.ru

Кононенко Сергей Максимович

студент,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
г. Владивосток, Российская Федерация
nuke_97@mail.ru

Об особенностях и перспективах развития упрощенных форм производства по уголовным делам

Анализ особенностей упрощенных форм производства по уголовным делам позволяет выявить не только основные принципы и правовые средства, которые использует законодатель для достижения задач такого сокращения, но и раскрывает возможности дальнейшего сокращения такого производства, возможности развития принципа процессуальной экономии, ставшего одной из наиболее актуальных задач в условиях поставленной общей цели сокращения бюджетных расходов на содержание государственного аппарата. Исследование правовых средств, которыми достигается такое сокращение, позволяет понять идею самого упрощенного производства и предложить ряд путей совершенствования законодательства в этом направлении – одновременно избежав введения необоснованных правовых ограничений или иных нарушений прав и правоохраняемых интересов иных участников уголовного производства, в первую очередь – прав и интересов стороны защиты. В статье рассматривается ряд проблемных ситуаций и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: производство по уголовным делам, упрощенное (сокращенное) производство по уголовным делам, упрощенные (сокращенные) формы производства по уголовным делам, дознание, дознание в сокращенной форме, упрощенные формы судопроизводства, заочное судебное разбирательство, согласие с обвинением, соглашение о сотрудничестве.

Vereshchagina Alla Vasilievna,

candidate of law, associate professor,
Vladivostok state University of economics and service,
Vladivostok, Russian Federation

Kononyenko Sergey Maximovich,
student, Vladivostok state University of Economics and service,
Vladivostok, Russian Federation

On the features and prospects of the development of simplified forms of criminal proceedings

An analysis of the features of simplified forms of proceedings in criminal cases reveals not only the basic principles and legal means that the legislator uses to achieve the objectives of such a reduction, but also reveals the possibility of further reduction of such production, the possibility of developing the principle of procedural economy, which has become one of the most urgent tasks in the conditions the overall goal of reducing budget expenditures for the maintenance of the state apparatus. A study of the legal means by which such a reduction is achieved allows us to understand the idea of the most simplified production and to suggest a number of ways to improve legislation in this direction – while avoiding the introduction of unreasonable legal restrictions or other violations of the rights and legal interests of other participants in criminal proceedings, primarily rights and interests sides of protection. The article discusses a number of problem situations and suggests ways to solve them.

Keywords: *criminal proceedings, simplified (abbreviated) criminal proceedings, simplified (abbreviated) forms of criminal proceedings, inquiry, inquiry in abbreviated form, simplified forms of legal proceedings, trial in absentia, consent to the prosecution, agreement on cooperation.*

Тема упрощенного уголовного судопроизводства в современном уголовном российском процессе является, безусловно, важной и актуальной. С одной стороны, перед современным российским государством остро стоит задача сокращения бюджетных расходов и в первую очередь – путем сокращения управленческого аппарата, составляющего ныне 2,5 млн государственных служащих (3,3 % от всех занятых), потребляющих 1,4 % ВВП [1]. В частности, только за 2019 г. предполагается увольнение более 100 (из 900) тысяч сотрудников МВД РФ [2]. В то же время, наряду с сокращением численности государственного аппарата нельзя не проводить одновременно и рационального сокращения публичных процедур, как административных, так и процессуальных, в том числе – уголовно-процессуальных. Таким образом, вопрос упрощенного производства в уголовном процессе становится частью уголовно-процессуальной политики Российской Федерации, все более сосредоточенной на экономию и сокращение бюджетных затрат на содержание государственного аппарата, по своему юридическому существу – на процессуальную экономию. С другой стороны, требования процессуальной экономии не могут не ограничиваться условием полного обеспечения уголовно-процессуальных прав и интересов всех участников уголовного процесса, т. е. условиями правозащитного характе-

ра. Удешевление судебного процесса и соответствующее сокращение процессуальных процедур не должно, очевидно, проводиться вразрез с требованиями охраны личных прав человека, в число которых входит и право на справедливый суд (статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3]).

Таким образом, всякое сокращение уголовно-процессуальных процедур ограничивается необходимостью соблюдать баланс публичных (государственных) интересов с соблюдением прав граждан. К сожалению, в настоящее время российская судебная система не может обеспечить полное соблюдение прав граждан при разрешении дел. Подтверждением этому являются многие решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Тем не менее, в одном из недавних посланий Президента РФ отмечалось, что «сегодня практически каждое второе уголовное дело, дошедшее до суда, связано с мелкими, незначительными преступлениями» [4], при этом предлагалась декриминализация ряда статей УК РФ; возможности сокращенного уголовного производства по такого рода преступлениям – не рассматривались.

Несмотря на всю актуальность рассматриваемой проблемы, нельзя сказать, что задача сокращения уголовно-процессуальных процедур нашла достаточное отражение в отечественной науке криминологического цикла. С одной стороны, данной теме посвящается определенное число публикаций, трудов ученых-юристов: А. А. Алимурзаева [5], М. В. Зотовой [6], С. А. Никанорова [7], А. Д. Пестова [8], Л. А. Ярыгиной [9] и других. Ими исследуются как отдельные виды упрощенных процедур (М. В. Зотова, Л. А. Ярыгина), так и особенности доказывания, характерные для всех в целом сокращенных процедур (А. А. Алимурзаев). С другой стороны, для этих исследований не присуща направленность на решение задачи оптимального сокращения уголовно-процессуальных процедур, как она существует в настоящее время. Неслучайно Л. А. Ярыгина отмечала отсутствие единообразного подхода к определению перспектив развития института сокращенного дознания [9, с. 3]: оно обусловлено именно отсутствием цели дальнейшей оптимизации данной формы. В то же время, эта оптимизация невозможна при игнорировании новых возможностей доказывания, которое стало причиной существенного отставания «отечественной теории доказательств от стремительно меняющейся реальности» [9, с. 3].

УПК РФ позволяет выявить две досудебных и три судебных формы упрощенного порядка рассмотрения уголовных дел. В досудебных стадиях уголовного процесса к числу форм упрощения уголовного производства можно отнести дознание и дознание в сокращенной форме, а в судебных – три, при этом два из них возбуждаются на основе ходатайства (в форме заочного судебного разбирательства и при согласии обвиняемого с обвинением), т.е. одностороннего правового акта, а одно – на основании двустороннего правового акта – соглашения о сотрудничестве. Кроме того, уп-

рощенное (точнее именуемое как суммарное) производство выделяется по делам частного обвинения при производстве у мирового судьи.

Упрощение в форме дознания проводится, прежде всего, по субъектному составу: его выполняет не следователь, а орган дознания. Следует подчеркнуть, что лицом, непосредственно производящим дознание, является не начальник органа дознания и не дознаватель, а орган дознания, в полномочия которого входит возбуждение уголовного дела, проведение ОРМ и неотложных следственных действий (ч. 2 ст. 40, ст. 146, 157, 159 УПК РФ [10]).

В перечне органов дознания обращает на себя внимание положение о начальниках органов военной полиции ВС РФ, командирах воинских частей, соединений, начальниках военных учреждений и гарнизонов (пункт 3 части первой статьи 40 УПК РФ): закон называет их «органами дознания», т. е. коллективными субъектами уголовного процесса, хотя фактически речь идет о должностных лицах, т. е. об индивидуальных субъектах. Поэтому представляется целесообразным изменить редакцию названия и частей первой и второй статьи 40 УПК РФ, добавив в текст каждой из них после слова «органы» слова «и должностные лица» (далее – по тексту). В этом случае название статьи 40 УПК РФ звучало бы «Органы и должностные лица дознания», а ч. 1 этой статьи – «К органам и должностным лицам дознания». Этот статус (должностного лица дознания) позволил бы отличать этих субъектов, олицетворяющих дознание в целом, от иных, осуществляющих отдельные полномочия органов дознания, должностных лиц.

Упрощение в форме дознания проводится также по срокам. Главами 32 и 32.1 УПК РФ законодателем регламентировано производство по уголовным делам в форме дознания и сокращенного дознания. Особенностью таких форм предварительного расследования является, прежде всего, то обстоятельство, что не все преступления, могут быть расследованы в такой форме. В форме дознания могут расследоваться только уголовные дела о преступлениях небольшой или средней тяжести. Общий срок для производства дознания составляет 30 суток, но при необходимости может быть продлен прокурором еще на 30 суток. При этом законодательство термин «необходимость», использованный в ст. 223 УПК РФ, никак не разъясняет.

Вновь термин «необходимость» законодательство использует в части 4 той же статьи, определяющей условия продления дознания до 6 месяцев. Дополнительно к термину необходимость указано на производство судебной экспертизы, при этом законодатель указывает на данное процессуальное действие сопровождает словами «в том числе». Отсюда возникает вопрос: является ли необходимость производства судебной экспертизы обязательным фактом, на основании которого может быть продлено дознание, или эти слова – лишь демонстрация тезиса о «необходимости», а продление производства на срок до 6 месяцев возможно и в случаях, когда доказывание по делу не требует этого следственного действия. Думается, что

значение ч. 4 ст. 223 УПК РФ – в большей мере ориентационное, указывающее, в каком случае продление дознания до 6 месяцев – определено возможно, но не ограничивающееся этим случаем, что позволяет распространить его на аналогичные случаи.

В части пятой этой статьи речь идет о продлении необходимости обращения к правоохранительным и судебным органам иностранного государства – в порядке международного сотрудничества. Максимальный срок предварительного расследования в форме дознания составляет в этом случае 12 месяцев, причем дознание на срок до 12 месяцев срок продлевается прокурором субъекта РФ. Однако в отличие от широкого перечня случаев, закрепленных в ч. 4 ст. 223 УПК РФ, в ч. 5 этой статьи указан лишь один случай (при этом он назван не случаем «необходимости», а «исключительным» случаем): исполнение запроса о правовой помощи иностранным государством.

Упрощенный характер производства проявляется и при применении меры пресечения в виде заключения под стражу: ч. 2 ст. 224 УПК РФ требует для таких случаев составления обвинительного акта в течение 10 суток после начала заключения. Это требование, однако, если бы оно не было соединено с общим упрощенным характером производства, вряд ли можно назвать «упрощением процедуры», но оно очевидно ставит формальные рамки всей деятельности дознания, предполагая возможность его завершения в эти сжатые сроки. Следовательно, все иные правила, регулирующие процедуры дознания, не могут не учитывать таких сроков.

Еще одно основание сокращения процедуры – получение в ходе дознания достаточных данных, позволяющих подозревать лицо в совершении преступления. В этом случае составляется письменное уведомление в совершении преступления, которое вручается подозреваемому. Как видно из текста ст. 223.1 УПК РФ, подозреваемым лицо считается с момента составления уведомления, а не с момента его вручения. Это уведомление не связано с применением мер пресечения, но позволяет подозреваемому подготовиться к допросу, который проводится в течение 3 суток с момента вручения, поскольку в нем (подпункт 4 части 2 ст. 223.1 УПК РФ) изложено содержание вменяемого деяния с указанием места и времени, иных обстоятельств его совершения, т.е. всех обстоятельств, подлежащих доказыванию на основании ст. 73 УПК РФ.

Дознание в сокращенной форме производится по уголовным делам о преступлениях, обозначенных в пункте 1 части 3 статьи 150 УПК РФ. К таким преступлениям, можно отнести умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, побои (ст. 116 УК РФ) и другие, всего же в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ указано, по подсчетам автора, 120 статей (как правило, законодатель называет не полностью статьи, а отдельные части статей, по которым возможно производство дознания в сокращенной форме).

Следует отметить и осторожность законодателя в применении данной формы: согласно ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый,

потерпевший или его представитель вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Однако сложно понять причины, по которым законодатель позволяет заявить о прекращении производства дознания в сокращенной форме потерпевшему и даже представителю потерпевшего: даже если сокращенное производство каким-либо образом касается их прав или охраняемых законом интересов, им могло бы быть предоставлено право заявить о нарушениях их прав и интересов, связанных с применением сокращенного производства, что придало бы основаниям отмены этого производства условный характер. В настоящее же время имеет место ситуация, когда дознание в сокращенной форме – проведено, потерпевший (представитель) на это возражений не высказывали, дело было передано прокурору и затем в суд, проведено судебное заседание, а за несколько минут до удаления суда для постановления приговора – эти лица вдруг требуют отмены всей процедуры дознания, лишая смысла всю предшествующую деятельность правоохранительных и судебных органов.

Представляется, что более целесообразен иной механизм согласования интересов обвиняемого и потерпевшего: у последнего необходимо запрашивать согласие с производством сокращенного дознания по заранее определенной формуле обвинения, и лишь при условии изменения этой формулы дознавателем или судом – можно ставить вопрос о согласии потерпевшего с продолжением процедуры сокращенного дознания. В противном случае, т.е. при отсутствии изменений в формуле обвинения, у потерпевшего (его представителя) права потребовать изменения процедуры дознания возникнуть не должно.

На основании изложенного, представляется целесообразным изложение пункта 3 статьи 226.3 УПК РФ в иной редакции: «Подозреваемый, обвиняемый вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Такое ходатайство подлежит удовлетворению лицом, в производстве которого находится уголовное дело в случае, если сокращенная форма дознания повлияла или могла повлиять на решение вопроса о виновности (невиновности) обвиняемого, на правильность применения уголовного закона или на определение меры наказания, на вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора».

Наибольший элемент сокращения (упрощения) производства по делу заложен в институтах доказательств и доказывания.

Как следует из ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ, доказательства в рамках данной формы собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей.

Этот объем существенно отличается от объема собирания доказательств, требуемого для производства по делу в общем порядке (ст. 73 УПК РФ). Сопоставление ст.ст. 73 и 226.5 УПК РФ приводит к выводу, что упрощение производства по делу достигается за счет отказа от собирания доказательств, доказывающих следующие обстоятельства: обстоятельства, характеризующие личность лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от ответственности (наказания).

Сложен вопрос о необходимости доказывания при производстве дознания в сокращенной форме мотива (мотивов) совершения преступления. Появление этого вопроса связано с одной из дискуссий в науке уголовного права. Как известно, процессуальное законодательство ясно различает форму вины и мотив (пункт второй части первой статьи 73 УПК РФ), однако не разрешает окончательно вопрос о том, является ли мотив элементом вины. По поводу отнесения мотива к элементам вины в уголовном праве РФ долгое время имела место дискуссия. По мнению одних ученых (Я. М. Брайнин, А. И. Рарог), вина, мотив и эмоции – разные (самостоятельные) психические явления в рамках единой субъективной стороны преступления (при этом В. Ф. Кириченко подчеркивает, что мотив преступления – не во всех случаях заслуживает порицания, а потому не охватываются понятием вины). Иначе говоря, из их позиции следует, что субъективная сторона преступления включает вину и мотив как ее отдельные и самостоятельные элементы. С другой стороны, в приморской школе криминологов со времен П. С. Дагеля прочно утвердилось мнение, что вина – понятие, совпадающее с субъективной стороной (тождественное субъективной стороне) [11, с. 41], а потому и мотив – является ее частью. Эта точка зрения, поддержанная Р. И. Михеевым, основана на недопустимости смешения формы вины и ее содержания, в которое, по мнению приморской школы криминологов, включается и мотив. В настоящее время эта дискуссия приобрела практическое – уголовно-процессуальное значение: если принять точку зрения приморских ученых (ее придерживались также Г. А. Кригер, А. А. Пионтковский, Б. С. Утевский, Т. В. Церетели, В. М. Чхиквадзе), то мотив подлежит обязательному доказыванию – как элемент вины, если же принять точку зрения А. И. Рарога, то мотив преступления при производстве дознания в сокращенной форме – в понятие вины не входит и, значит, доказывать его необязательно. По мнению автора предлагаемой статьи, в тех случаях, когда мотив не закрепляется прямо самой конструкцией состава преступления, доказывать его при производстве дознания в сокращенной форме – необязательно. Думается, что только так можно достигнуть процессуальной экономии, являющейся целью введения данной формы.

Помимо названных обстоятельств, существенно упрощается доказывание даже тех обстоятельств, которые были признаны обязательными. В частности, обязательным является доказывание вины: закон требует установления виновности лица, совершившего наказуемое деяние. Однако в подавляющем большинстве случаев, т. е. в случаях, не связанных с самооговором, практически, из числа доказательств исключается и доказывание вины – в связи с ее признанием подозреваемым или обвиняемым. Разумеется, одного лишь ее признания недостаточно для ее установления даже в рамках задач ст. 226.5 УПК РФ, однако очевидно, что сотрудничество обвиняемого с органом дознания, наряду с таким признанием, позволяет существенно сэкономить дознавателю процессуальные ресурсы и упростить ее доказывание.

Еще одно существенное отличие дознания в сокращенной форме заложено в институте доказывания. Оно состоит в обязанности дознавателя по выполнению процессуальных действий: согласно ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ, дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств.

Сокращение дознания предполагает расширенные гарантии сторон по уголовному делу, в первую очередь – для стороны защиты. Поэтому части пятая и шестая ст. 226.7 УПК РФ дает сторонам широкий перечень прав, позволяющих гарантировать их процессуальные интересы. В частности, стороны вправе ходатайствовать об исключении из числа доказательств недопустимого доказательства, о производстве дознавателем дополнительных процессуальных действий и т. п. Однако при этом сторона защиты, как представляется, должна осознавать основное условие, стимулирующее ее к сохранению сокращенной формы дознания: согласно ч. 6 ст. 226.8 УПК РФ, в случае постановления обвинительного приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, назначенное подсудимому наказание не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Следовательно, возмущения стороны защиты против обвинительного акта должны соотноситься с тем эффектом, который может быть получен даже при успешном достижении цели, которая преследовалась заявлением этого ходатайства. Таким образом, данное положение, в системной связи с иными положениями ст. 32.1 УПК РФ, как и весь институт сокращенного дознания, являет собой еще одно ограничение принципа объективной истины в пользу принципа процессуальной экономии.

Анализ формы упрощения судебного разбирательства в отношении подсудимого, отсутствующего в судебном заседании, приводит к выводу, что право на справедливое судебное разбирательство хотя и является абсолютным правом человека, закрепленным в международных актах, тем не

менее, не может быть осуществлено дважды. Коль скоро обвиняемый, имея соответствующие возможности, отказался от присутствия в судебном разбирательстве, нет никаких причин для возобновления этого разбирательства, отмены состоявшихся по делу судебных актов и нового рассмотрения дела. Обратное означает злоупотребление обвиняемым своими уголовно-процессуальными правами. Поэтому представляется, что часть седьмую статьи 247 УПК РФ следует из этой статьи исключить. Во всяком случае, ее действие следует исключить для ситуаций, когда подсудимый уклоняется от явки в судебное заседание, т.е. отсутствует в нем без уважительных причин.

Библиографический список

1. Нестеренко Т. Без сокращения госслужащих не будет и повышения зарплат // Сайт РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190923/1558915623.html> (дата обращения: 05.12.2019).

2. Лысаков В. Массовое сокращение сотрудников МВД в 2019 году: кого сократят, сколько человек попадет под массовые сокращения. URL: <https://ptoday.ru/novosti-i-sobytiya/massovoe-sokrashhenie-sotrudnikov-mvd-v-2019-godu-kogo-sokratjat-skolko-chelovek-popadet-pod-massovye-sokrashhenija/> (дата обращения: 05.12.2019).

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950) (с изменениями Протоколом №14 от 13 мая 2004) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160 (дата обращения: 05.12.2019).

4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 03.12.2015 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898/ (дата обращения: 05.12.2019).

5. Алимйрзаев А. А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 251 с.

6. Зотова М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2016. 237 с.

7. Никаноров С. А. Процессуальное положение прокурора в сокращенных процедурах уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. 181 с.

8. Пестов А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. – 222 с.

9. Ярыгина Л. А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. 252 с.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 13.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://>

www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=321551&dst=100085%2C1&date=23.06.2019 (дата обращения: 05.12.2019).

11. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление / науч. ред. Г. Ф. Горский. Воронеж : ВГУ, 1974. 243 с.

УДК 343.11

Власова Светлана Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
vlasovasvetla@yandex.ru

Количенко Артем Андреевич,
студент, Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
kolichenkoa@mail.ru

Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве России: фикция или реальность?

Статье анализируются вопросы интеграции систем искусственного интеллекта в сферу уголовного судопроизводства, акцентируя внимание на судебной стадии. Приводится во внимание пример успешной интеграции системы искусственного интеллекта в качестве вспомогательного инструмента для анализа документов в суде, в таких странах как: США, Великобритания, Франция и Китай. Автор делает акцент на определении понятия искусственного интеллекта, обозначенного в Указе Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В статье обозначены проблемные вопросы, связанные с оптимизацией действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при внедрении систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *юриспруденция, искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, следователь, дознаватель, адвокат, прокурор, судья.*

Vlasova Svetlana Vladimirovna,
candidate of law, associate professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Kolichenko Artem Andreevich,

student,

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

**Artificial intelligence in criminal proceedings in Russia:
fiction or reality?**

The article analyzes the integration of artificial intelligence systems in the field of criminal justice, focusing on the judicial stage. The example of successful integration of the artificial intelligence system as an auxiliary tool for analyzing documents in court in countries such as the USA, Great Britain, France and China is taken into account. The author focuses on the definition of the concept of artificial intelligence, as indicated in the Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 N 490 «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation». The article identifies problematic issues related to the optimization of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation when implementing artificial intelligence systems.

Keywords: *jurisprudence, artificial intelligence, criminal proceedings, criminal procedure, investigator, inquiry officer, lawyer, prosecutor, court, judge.*

Microsoft признал Россию лидером по внедрению искусственного интеллекта [5]. Цифровые технологии вытесняют людей из целого ряда сфер деятельности, включая некоторые сегменты юридической, уголовно-процессуальной деятельности, доказывания [4]. Данный факт наталкивает нас на мысль и подчеркивает, что искусственный интеллект активно разрабатывается и внедряется во многие отрасли жизнедеятельности, что не может не радовать. По нашему глубокому убеждению, само понятие искусственный интеллект понятно далеко не многим гражданам нашей страны и является неким черным пятном-пробелом, которое сложно воспринять. В данном контексте хотелось бы отметить, что из себя представляет такой феномен как искусственный интеллект. Говоря простыми словами, ссылаясь на информационные источники сети Интернет, с одной стороны мы видим, что – это способность цифрового компьютера или управляемого компьютером робота выполнять задачи, обычно связанные с разумными существами [6]. А с другой стороны, искусственный интеллект – это грубое отображение нейронов в мозге. Затрагивая вопросы определения искусственного интеллекта, многие из нас относят его к проекту развития систем, наделенных интеллектуальными процессами, характерными для человека, такими как: способность рассуждать, обобщать или учиться на прошлом опыте.

Разобравшись в «обывательском» определении искусственного интеллекта, хотелось бы обратить ваше внимание на следующий нормативно пра-

вой акт – Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года, утвердивший национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Анализируя положения данной стратегии, мы можем найти ответы на многие вопросы, связанные с развитием системы искусственного интеллекта, которые нас так давно тревожили. В частности, начать хотелось бы с понятия искусственного интеллекта, которое определил законодатель в п. 5 раздела 1 данного документа. Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [2].

Безусловно, данное понятие позволяет нам рассуждать об искусственном интеллекте как потенциальном направлении развития юриспруденции, в частности, уголовного судопроизводства. В данном контексте, хотелось бы отметить позицию А. Ю. Афанасьева, который считает, что искусственный интеллект – это атрибут современной и эффективной оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности [3, с. 34]. При этом, отмечая, что за системами искусственного интеллекта кроется перспектива успешного развития уголовного судопроизводства. С данной позицией, на наш взгляд, сложно не согласиться.

Поднимая заявленную автором проблематику, мы больше склоняемся к тому, что искусственный интеллект это не фикция, а реальность, только существует один нюанс. Эта реальность придет постепенно, также постепенно, как сменяются времена года.

Сам по себе искусственный интеллект, если вести речь о его применении в сфере уголовного судопроизводства, должен быть направлен на упрощение принятия решений и оценку рисков. В данном контексте хотелось бы обратить Ваше внимание на содержание одной статьи под названием «Искусственный интеллект помогает американским судьям принимать решения», анализируя содержание которой мы видим, что искусственный интеллект в Соединенных Штатах Америки (далее США) задействован в самых разных областях деятельности, не является исключением и деятельность американских судов. В целях упрощения принятия решений некоторые суды США начали использовать искусственный интеллект, благодаря которому «оказывается помощь» в решении вопроса о времени и случаях, при которых имеется необходимость задержания подозреваемых. Для того, чтобы создать такой искусственный интеллект, специалистами в компьютер были загружены данные тысяч уголовных дел. Эти

данные используются, чтобы оценить вероятность, с которой подозреваемый совершит новое преступление или попытается сбежать от суда [7]. PublicSafety Assessment (PSA), именно так в США называется система оценки общественной безопасности, основанная на искусственном интеллекте. Данная система активно внедряется в правоприменительную деятельность судов США, в целях обеспечения судей объективной информацией и помощи им в принятии адекватных решений относительно подозреваемых. В Китае, Великобритании, Франции, и ряде других стран программы искусственного интеллекта, подобно программе PSA, в настоящий момент, проводят апробацию и служат вспомогательным инструментом для анализа документов, не заменяя собой судью [8].

В целом, ознакомившись с обозначенной выше статьей, а также другими источниками, поднимающими вопросы применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, стоит отметить, что внедрение данной системы позволит решить множество вопросов, к примеру, связанных с коррупцией, конфликтами интересов, снижением нагрузки на судебское сообщество и др.

Мы также можем рассуждать и по поводу допущения ошибок в системе, созданной на основе искусственного интеллекта. Допустим, что через пару лет будет запущен пилотный проект, направленный на внедрение в деятельность судов системы искусственного интеллекта, подобной приведенному нами выше примеру. Где гарантии того, что судья получит на 100 % правильное решение от системы искусственного интеллекта? Да, безусловно, говорить однозначно, не рассуждая критически о системе искусственного интеллекта невозможно. Ведь, даже в данном примере мы ведем речь о судебной стадии уголовного процесса, не учитывая, что ошибки правоприменители могут допускать на досудебной стадии. В данном вопросе необходим комплексный подход, закрепление гарантий на законодательном уровне, а также определение границ использования систем искусственного интеллекта. Говоря о таком критерии как комплексность, стоит отметить необходимость пересмотра большинства положений действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ). К примеру, ст. 17 кодекса (Свобода оценки доказательств), говорит нам о том, что «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [1]. Получается, система искусственного интеллекта, проводя анализ материалов уголовного дела, будет основываться на внутреннем убеждении, руководствуясь совестью? Безусловно, нет. Алгоритмы вычислительной техники не имеют совести, как бы это не звучало парадоксально.

Когда в России вопрос внедрения систем искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство встанет ребром, законодателю, как мини-

мум, придется кардинально менять положения действующего УПК РФ, как максимум, в дополнении к минимуму, писать детальные инструкции и методические рекомендации, которые позволят правоприменителям пользоваться и активно применять данные системы.

Юридическое сообщество, по нашему глубокому убеждению, нуждается в поддержке, выраженной в разработке систем искусственного интеллекта. Следователи, дознаватели, адвокаты, судьи, сотрудники прокуратуры, тесно связаны «юридической нитью». Упрощение систем поиска и принятия решений будет способствовать повышению трудоспособности и качества принимаемых решений.

Возвращаясь к началу данной статьи, подчеркнем, что Россия, согласно экспертной оценке компании Microsoft, является лидером по внедрению искусственного интеллекта, что дает нам основу рассуждать о возможности создания систем искусственного интеллекта, позволяющих решать вопросы (ситуации), связанные с оценкой, анализом и решением конкретной ситуативной модели. Благо, на территории Российской Федерации имеется множество передовых научных центров, лабораторий, компаний и комплексов, позволяющих исследовать и внедрять системы искусственного интеллекта. Так, компаниями-лидерами в сфере искусственного интеллекта в России оказались «Яндекс» и Сбербанк, на третьем месте расположился холдинг Mail.ru Group [9]. Также в топ вошли компании, которые специализируются на конкретном рынке или области применения: CognitiveTechnologies (разработчик программного обеспечения для беспилотных автомобилей); «Айкумен» (анализ больших данных, выявление трендов); «Лаборатория Касперского»; АBBYY (разработчик технологий для распознавания текста); ЦРТ (разработчик решений в области распознавания речи).

Подводя итог, скажем, возможности в нашей стране, как финансовые, так и интеллектуальные, позволяют нам смотреть на вопросы внедрения и использования искусственного интеллекта не через призму научно-фантастических рассказов, а вполне ясно и очевидно, лишь затрагивая временные рамки. Однозначно, юристы без работы не останутся, тенденция идет к оптимизации их деятельности, а не к уничтожению профессии и замене на роботизированные программы с искусственным интеллектом. Ведя речь об уголовном судопроизводстве, необходимо помнить, что цена ошибки – судьба человека.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.11.2019).

2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стра-

тегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.11.2019).

3. Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. 2018. № 3(38). С. 28–34.

4. Власова С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1(36). С. 9–18.

5. Microsoft признал Россию лидером по внедрению искусственного интеллекта // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190306/1551576861.html> (дата обращения: 23.10.2019).

6. Что такое искусственный интеллект (ИИ): определение понятия простыми словами // Теории и практики : научно-просветительский проект «Надо разобраться». URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/17550-что-такое-iskusstvennyu-intellekt-ii-opredelenie-ponyatiya-prostymi-slovami> (дата обращения: 23.10.2019).

7. Искусственный интеллект помогает американским судьям принимать решения // Новости науки, техники и технологий. 22 век. URL: <https://22century.ru/computer-it/61806> (дата обращения: 23.10.2019).

8. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Официальный сайт юридической фирмы INTELLECT. URL: https://www.intellectpro.ru/press/commenters/iskusstvennyu_intellekt_v_sudoproizvodstve (дата обращения: 23.10.2019).

9. Названы компании-лидеры в сфере искусственного интеллекта в России // Rusbases. Медиа, которое решает задачи предпринимателей. URL: <https://rb.ru/news/ai-leaders> (дата обращения: 23.10.2019).

УДК 343.148.5

Жбанков Виктор Андреевич,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист России, Российская таможенная академия,
г. Люберцы, Российская Федерация
viktor.zhbankov@mail.ru.

Монгуш Дугурмаа Радомировна,
аспирант, Российская таможенная академия,
г. Люберцы, Российская Федерация
dugurmaa@gmail.ru.

**Об организации использования специальных знаний
при расследовании преступлений органами дознания
Федеральной таможенной службы Российской Федерации**

В статье отмечается неудовлетворительное использование специальных знаний подразделениями дознания ФТС России при расследовании таможенных преступлений и предлагаются пути решения проблемы.

Ключевые слова: *специальные знания, таможенные преступления, подразделения дознания ФТС России, центральное экспертное криминалистическое управление ФТС России, криминалистические подразделения УТРД ФТС России.*

Zhbankov Viktor Andreevich,

doctor of law, professor,

Honored lawyer of Russia, Russian customs Academy,

Lyubertsy, Russian Federation

Mongush Dugurmaa Radomirovna,

post-graduate student, Russian customs Academy,

Lyubertsy, Russian Federation

On the organization of the use of special knowledge at investigation of crimes investigation authorities of the Federal Customs Service of Russian Federation

The article is devoted to the problems that arise during the organization of forensic examinations in the investigation of customs crimes by the bodies of inquiry of the Federal Customs Service of Russia. The system of customs crimes, the system of expert units of the Central Expert Forensic Department of the Federal Customs Service of Russia are also considered.

Keywords: *customs crime, forensic examination, customs examination, expert activity, customs authorities.*

В настоящее время в соответствии с действующим процессуальным законодательством органы дознания ФТС России производят расследование в форме дознания следующих преступлений: ст. 173.1, 173.2, 174, 174.1, 189, 190, 193, 193.1, 194, 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [5]. В литературе их выделяют в особую группу преступлений, а именно таможенных [1, с. 7; 2; 3].

Их определяют как общественно опасные деяния, совершаемые при перемещении товаров и транспортных средств через границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕАЭС или же совершаемые в иной сфере деятельности, но выявляемые в процессе таможенного контроля и расследование которых в соответствии с действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ отнесено к компетенции таможенных органов. Отличительными свойствами таможенных преступ-

лений являются повышенная общественная опасность, организованный характер, транснациональность, латентность, многообъектность, бланкетность [1, с. 9]. Раскрытие, расследование и предупреждение, указанных преступлений, в связи с разнообразием перемещаемых объектов, требует применения широкого спектра специальных знаний из разных областей науки, техники, искусства и т. д., и, прежде всего, криминалистических.

Организация использования специальных знаний при расследовании таможенных преступлений Федеральной таможенной службы России возложено на Центральное экспертное криминалистическое управление ФТС России (ЦЭКТУ ФТС России).

В настоящее время ЦЭКТУ является специализированным региональным таможенным управлением, которое входит в единую федеральную централизованную систему таможенных органов России и осуществляет судебно-экспертную, экспертно-криминалистическую, экспертно-исследовательскую, научную и научно-методическую деятельность.

Выполнение возложенных на ЦЭКТУ задач в масштабах Российской Федерации, в том числе в ряде случаев в масштабах Таможенного союза, обеспечивается за счет функционирования 10 региональных филиалов – экспертно-криминалистических служб (ЭКС), которые расположены в городах Калининграде, Санкт-Петербурге, Брянске, Нижнем Новгороде, Пятигорске, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Новосибирске, Иркутске, Владивостоке. В состав ЭКС входят 36 экспертно-исследовательских отделов и отделений, расположенных в местах дислокации таможен, таможенных постов и на внешней таможенной границе таможенного союза.

Согласно Положению о ЦЭКТУ, оно обеспечивает производство таможенных, судебных экспертиз и исследований, экспертиз назначаемых по делам об административным правонарушениям, а также научно-методическому обеспечению экспертной деятельности таможенных органов в пределах предоставленной компетенции.

Анализ практики применения специальных познаний подразделениями ЦЭКТУ показывает, что основной объем его деятельности приходится на производство таможенных экспертиз, проводимых в процессе таможенного контроля и применения специальных знаний в процессе расследования административных правонарушений.

В 2017 году сотрудниками ЦЭКТУ было проведено 26177 таможенных экспертиз, 14746 в процессе расследования административных правонарушений, 633 экспертизы по уголовным делам (в основном товароведческих и экономических). Криминалистические экспертизы проводятся крайне редко. Соответственно в 2018 году – 21596 таможенных, 15510 – в процессе расследования административных правонарушений, 732 – в рамках расследования уголовных дел.

До 2012 года потребности в применении специальных криминалистических знаний в процессе расследования таможенных преступлений ор-

ганами ФТС России обеспечивались криминалистическими подразделениями, которые входили в состав Управления таможенных расследований и дознания (УТРД).

Первое подразделение – отдел криминалистики в Московском таможенном управлении был организован 1995 году [4, с. 5]. Таким образом, была создана сеть криминалистических подразделений в составе оперативных таможен, включающая отделы, отделения, а также отдел криминалистики РТУ по БТП ГТК РФ.

Указанные подразделения были укомплектованы в основном специалистами, окончившими экспертное отделение Волгоградской высшей школы МВД СССР, Саратовского института МВД России и имеющие допуск на производство соответствующих криминалистических экспертиз. Они проводили большую работу по применению специальных криминалистических знаний в процессе расследования таможенных преступлений, участвуя в качестве специалистов при производстве следственных действий, а также путем производства криминалистических экспертиз и вели разнообразные криминалистические учеты.

Система криминалистических подразделений ФТС России включала отдел криминалистики ГУТРД ФТС России (головной), отделы и отделения криминалистики оперативных таможен. Однако приказом ФТС России от 21 сентября 2011 г. № 1929 «О распределении численности таможенных органов Российской Федерации» с 26 декабря 2011 г. криминалистические подразделения были ликвидированы.

Однако анализ практики расследования уголовных дел органами дознания ФТС России показывает, что криминалистические знания сотрудниками ЦЭКТУ практически не применяются, особенно это относится к привлечению специалистов в процессе производства следственных действий. В известной степени это связано с тем, что сотрудники ЦЭКТУ являются государственными служащими, их практически невозможно привлечь к работе в ночное время и в выходные дни. Все это крайне отрицательно сказывается на практике расследования таможенных преступлений. При возбуждении органами дознания в среднем около 2 тысяч преступлений в год в 2017 году ими в суды направлено лишь 109 уголовных дел, а в 2018 году и того меньше – всего 75.

В этой связи, мы считаем необходимым воссоздать в системе УТРД ФТС России криминалистические подразделения, сотрудники которых обеспечивали бы подразделения дознания криминалистическими знаниями путем участия в процессе производства следственных действий, вели криминалистические учеты, которые были ликвидированы в процессе ликвидации криминалистических подразделений. Что же касается производства криминалистических экспертиз, то мы считаем правомерным ставить вопрос, производства указанных экспертиз как это сделано в следственном комитете, где в 2019 году была создана собственная экспертно-кримина-

листическая служба. Предполагается, что будут устранены как внутриведомственные, так и межведомственные барьеры между следственными и экспертно-криминалистическими подразделениями.

Библиографический список

1. Жбанков В. А. Криминалистическая характеристика таможенных преступлений : монография. М., 2012. 182 с.
2. Жбанков В. А. К вопросу о криминалистическом обеспечении правоохранительной деятельности таможенных органов // Техническо-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. М. : Былина, 2000. С. 32–36.
3. Криминалистика : учебник / под общ. ред. проф. В. А. Жбанкова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Рос. тамож. акад., 2018. 496 с.
4. Приказ Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 27 января 1995 года № 49 «О создании в Московском таможенном управлении отдела криминалистики» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.11.2019).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. : ввод. Федер. законом Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.11.2019).

УДК 343.163

Васильева Анастасия Валерьевна,

аспирант, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
avd.anastasya93@mail.ru

Кадровое обеспечение прокурорской деятельности

В статье рассматриваются вопросы организации кадрового обеспечения органов прокуратуры, исследуются актуальные направления в деятельности органов прокуратуры по работе с кадрами. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе и теории прокурорской деятельности предлагается авторское определение понятию «кадровое обеспечение прокурорской деятельности».

Ключевые слова: прокуратура, кадровое обеспечение, кадровая служба, политика кадров, прокурорская деятельность.

Vasilyeva Anastasia Valeryevna,
postgraduate student, Saint Petersburg law Institute (branch)
University of the Prosecutor's office of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation

Personnel support of Prosecutor's activity

The article deals with the organization of personnel support for the prosecutor's office, examines the current trends in the activities of the prosecutor's office to work with personnel. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature and the theory of prosecutorial activity, the author's definition of the concept of «personnel support of prosecutorial activity is proposed».

Keywords: *prosecutor's office, personnel support, personnel service, personnel policy, prosecutor's activity.*

Одной из основных задач современного цивилизованного государства является установление и поддержание должного правопорядка в стране, обеспечение политико-правового режима законности. Средством достижения такого состояния выступает контрольная и надзорная деятельность соответствующих государственных органов и их должностных лиц. Надзорную функцию государства призваны реализовывать органы прокуратуры.

«Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации», – сказано в п. 1 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон).

Результативность деятельности прокуратуры, эффективность осуществления ее основных функций основаны на качестве кадрового обеспечения, на уровне профессионализма, как кадровых работников, так и кандидатов на должности в органах прокуратуры, а также на морально-психологической подготовке вышеуказанных лиц. Это предопределяет необходимость постоянного совершенствования деятельности по обеспечению кадровой работы в органах и организациях прокуратуры, в том числе посредством укрепления ее правовой основы, организационного, информационно-методического и социально-психологического обеспечения, распространения положительного опыта организации работы с кадрами.

В этих целях в последние годы Генеральной прокуратурой Российской Федерации принимаются дополнительные меры, направленные на формирование высокопрофессионального кадрового состава прокуратуры. Обновлены ряд приказов и иных организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации по вопросам рабо-

ты с кадрами, повышается требовательность к уровню профессиональной подготовки работников, активно внедряется система профессиональной переподготовки прокурорских работников, для повышения квалификации, чаще проводится обучение работников кадровых подразделений, больше внимания уделяется психологическому и этическому обеспечению прокурорской деятельности.

От уровня организации работы с кадрами, правильного подбора, расстановки и воспитания прокурорских работников зависит успешное выполнение стоящих перед органами прокуратуры задач.

Работа с кадрами в органах прокуратуры является одним из направлений внутрисистемной организации работы органов прокуратуры и обеспечивает выполнение целей и задач, стоящих перед прокуратурой.

Согласно ст. 40 Закона одним из видов федеральной государственной службы является служба в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации.

Следовательно, прокуроры являются государственными служащими Российской Федерации, которые с учетом требований вышеупомянутого Закона обязаны исполнять полномочия в соответствии с государственной должностью федеральной государственной службы Российской Федерации.

В отечественной литературе справедливо отмечается, что прокуратура является специфическим государственным органом, наделенным присущими только ему надзорными функциями, и поэтому она не может быть отнесена к законодательной, исполнительной или судебной власти. В связи с этим служба в органах прокуратуры представляется особым видом федеральной государственной службы, однако, прямо данное утверждение не нашло своего закрепления в Законе [1, с. 192].

В научной литературе предложены разные определения понятию «кадровое обеспечение», так по мнению Р. В. Мартанус «кадровое обеспечение – это активная созидательно-организующая деятельность государства по реализации мер организационного, образовательного, экономического, управленческого характера, направленная на удовлетворение потребности государственных органов в кадрах определенной специализации и квалификации; система целенаправленных кадровых процессов по прогнозированию, планированию подготовки кадров, по обновлению и сохранению преемственности государственных служащих, их профессиональному развитию, стимулированию качества труда и служебного продвижения» [5, с. 139–141].

Кадровое обеспечение в органах прокуратуры по мнению некоторых ученых, представляет собой постоянно развивающуюся органическую систему, в которую входят следующие элементы: основные направления, этапы, принципы, виды и формы работы с кадрами. Значение этой системы заключается в обеспечении деятельности прокуратуры высокопрофессиональным кадровым составом, способным достигать цели, определенные

Законом. Достижение поставленной задачи достигается путем создания надлежащих организационных условий для успешного формирования кадрового состава [3, с. 192].

Будучи системным явлением, кадровое обеспечение связано с целенаправленным воздействием на людей по поводу их совместной деятельности в достижении намеченных общественно-полезных целей. Применительно к кадрам прокуратуры оно направлено на формирование представления о важнейших и необходимых качествах работника прокуратуры, о формах и методах их подготовки для работы в органах прокуратуры, об их лучшей расстановке, организации коллектива сотрудников, объединенных единством целей и способных с наибольшей эффективностью использовать свой внутренний потенциал для решения задач, стоящих перед органами прокуратуры.

Отметим, что кадровое обеспечение органов прокуратуры по нашему мнению можно рассматривать как профессиональную целенаправленную деятельность работников органов прокуратуры, основанную на Конституции Российской Федерации, Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», иных федеральных законах, международных правовых актов, указах Президента Российской Федерации, организационно-распорядительных документах Генерального прокурора Российской Федерации, включающую организацию и проведение работы по подбору, расстановке и воспитанию высокопрофессиональных служащих (в том числе государственных гражданских служащих и работников, замещающих должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы), условия прохождения службы, присвоения классных чинов, аттестации, поощрения, дисциплинарной ответственности, по информационно-аналитическому обеспечению кадровой работы, профессиональной подготовки и переподготовки кадров как для системы в целом, так и внутри, по материальному и пенсионному обеспечению, воинскому учету, освобождению от должностей и увольнению.

Представляется, что для успешности кадрового обеспечения большое значение имеет кадровая политика, которая диктует определенные направления и перспективы использования кадровых ресурсов в условиях существующих экономических, социальных процессов в обществе и государстве.

Сегодня среди основных направлений кадровой политики в системе органов прокуратуры выделяют поиск подходов к определению методов повышения эффективности деятельности прокурорских работников, новых методов по обеспечению высокого уровня профессиональной подготовки, стабильности кадров и их необходимой ротации, а также условий, способствующих постепенному развитию инициативных и творческих начал у работников прокуратуры с осознанием значимости собственного вклада в результаты деятельности органов прокуратуры.

Необходимо отметить, что алгоритм кадровой работы в системе органов прокуратуры состоит из следующих этапов: 1) компетентного отбора кандидатов с учетом индивидуальных характеристик и их соответствия предъявляемым требованиям; 2) расстановки действующих и потенциальных кадров; 3) правовой регламентации положения прокурорского работника; 4) обучения и организации переподготовки и повышения квалификации работников; 5) оценки их деятельности. Каждое из вышеуказанных составляющих кадровой работы реализуется в определенных правовых рамках и имеет свою специфику.

Работа системы органов прокуратуры, в том числе и кадровая работа, строится на установлении между органами, подразделениями и работниками устойчивых взаимосвязей, определении целей и задач их деятельности, функций, полномочий, на создании необходимых условий, а также обеспечении эффективного взаимодействия [4, с. 197].

Одним из путей совершенствования кадрового обеспечения деятельности прокуратуры является четкое определение требований, которым должны соответствовать прокурорские работники различных категорий. Закрепление в Законе требований, отражающих общие и специальные принципы подбора кадров прокуратуры, не исключает, а предполагает детализацию этих требований применительно к конкретно занимаемой работником должности.

Современный подход к формированию кадрового корпуса, в максимальной степени отвечающий высоким требованиям статуса прокурорского работника, диктует необходимость перехода от субъективно-личностной оценки к научно-обоснованному профессиональному отбору кандидатов.

В заключении отметим, что проведение государственной политики, направленной на повышение качества и эффективности функционирования прокуратуры, предполагает возрастание требований, которым должны соответствовать прокурорские работники, в том числе к уровню их профессиональной подготовки и личностным качествам. Представляется целесообразным продолжить реализацию и изучение системного подхода к исследованию актуальных проблем подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации прокурорских работников.

Библиографический список

1. Братановский С. Н. Право России. М., 2010. С. 329.
2. Заболотских А. Б. Определение штатной численности и распределение кадровых ресурсов в прокуратуре субъекта Российской Федерации: методические рекомендации СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2012. 44 с.
3. Кехлеров С. Г., Капинус О. С. Настольная книга прокурора. т. 1 : практич. пособие / под общ. ред. ; науч.ред. А. Ю. Винокуров. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. 449 с.

4. Коршунова О. Н. Актуальные вопросы повышения эффективности подготовки квалифицированных прокурорских работников // Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции 2–3 октября 2015 года. СПб. : Санкт-Петербургский ин-т проектного менеджмента. 2016. С. 194–196.

5. Мартанус Р. В. Социальное управление: кадры и кадровая политика : монография. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 141, [3] с. (Научный коммунизм).

6. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики : монография / кол. авторов. М. : КноРус, 2019. 268 с.

УДК 343.98

Загрядская Екатерина Александровна,
старший преподаватель,
Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Zag.ea@mail.ru

Судебный контроль как метод минимизации рисков в деятельности следователя

В статье предпринята попытка ответить на вопрос: является ли судебный контроль средством минимизации рисков в деятельности следователя. Автор рассматривает значение судебного контроля на предварительном следствии, анализирует, насколько этот уголовно-процессуальный институт минимизирует риски, возникающие у следователя при реализации им своих полномочий, и делает соответствующие выводы.

Ключевые слова: судебный контроль, следственные действия, минимизация рисков, полномочия следователя, ситуация риска, заключение под стражу, ходатайство следователя.

Zagryadskaya Ekaterina Alexandrovna,
senior lecturer, Nizhny Novgorod branch
of Saint Petersburg state University
Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation

Judicial control as a method of minimizing risks in the activities of the investigator

The article attempts to answer the question: is judicial control a means of minimizing the risks in the activities of the investigator. The author examines the importance of judicial control in the preliminary investigation, analyzes how this criminal procedure institution minimizes the risks arising from the investigator in the exercise of his powers, and makes appropriate conclusions.

Keywords: *judicial control, investigative actions, minimization of risks, powers of the investigator, a situation of risk, detention, the petition of the investigator.*

В уголовно-процессуальном механизме, обеспечивающем деятельность правоохранительных органов по привлечению лица к уголовной ответственности (уголовное преследование), одним из важнейших элементов является судебный контроль.

Правовая основа института судебного контроля заключена в ст. 46 Конституции Российской Федерации, где определяется, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч.1), решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ч. 2).

Определяя, что такое судебный контроль, сошлемся на позицию авторитетных ученых-процессуалистов. Н. Н. Ковтун считает, что – это система предусмотренных процессуальным законом средств, направленных на реализацию конституционных функций судебной власти, призванных в конечном итоге к недопущению незаконного и необоснованного ограничения прав личности в уголовном процессе, к ее восстановлению в этих правах либо возможной их компенсации средствами права [2, с. 14]. Судебный контроль в российском уголовном процессе осуществляется в нескольких формах или направлениях: 1 – принятие судом решений, связанных с ограничением свободы; 2 – принятие судом решений о производстве отдельных следственных действий; 3 – обжалование действий и решений органов предварительного расследования и прокурора [5, с. 98].

В настоящей статье не будут рассматриваться вопросы об усилении или расширении судебного контроля на стадии предварительного следствия. На эти темы есть немало научных публикаций, наша задача в рамках настоящей статьи ответить на вопрос: является ли судебный контроль методом (средством) минимизации рисков в деятельности следователя.

Чтобы проанализировать уголовно-процессуальные механизмы действия судебного контроля в контексте его превентивного значения, обратимся к такому процессуальному действию следователя как избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, которая назначается судом по ходатайству следователя. В соответствии со статьей 97 УПК РФ следователь в пределах предоставленных ему полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом. Таким образом, закон ставит следовате-

ля перед выбором определенного типа поведения, или иными словами он оказывается в ситуации риска принятия как «правильного», так и «неправильного» решения.

Принимая решение, о ходатайстве перед судом об избрании меры пресечения в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, следователь, в первую очередь, должен четко для себя уяснить, какую цель он желает достичь в результате этого действия, чем вызвано его решение, возможно ли обойтись в данном конкретном случае без заключения под стражу и какие негативные последствия могут наступить в случае отказа от применения им данной меры процессуального принуждения?

Ответив на эти вопросы, и приняв решение о необходимости изоляции обвиняемого или подозреваемого на период предварительного следствия, следователь с согласия руководителя следственного органа, выносит мотивированное постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу. Таким образом, он уже принимает на себя, все отрицательные последствия своих действий, то есть риски. А далее в этот процесс включается суд, осуществляющий судебный контроль, цель которого состоит в рассмотрении ходатайства органа предварительного следствия, и принятие по нему решения. Судебному контролю подвергается как законность, так и обоснованность решения следователя.

Как видно из ч. 1 ст. 108 УПК судья, давая согласие на заключение лица под стражу, должен указать конкретные фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение. Это означает, что в этих случаях предметом разбирательства является наличие не только формальных, но и фактических оснований для принятия процессуального решения.

Постановление следователя должно быть обоснованным и мотивированным, поскольку ч. 3 ст. 108 УПК РФ специально подчеркивает, что в постановлении, содержащем ходатайство о заключении под стражу, излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в применении этой меры. Требование обоснованности вышеуказанного постановления, также, несомненно, должно соблюдаться органами расследования не только для того, чтобы избежать ограничения прав граждан, но и потому, что в противном случае суд будет лишен возможности правильно разрешить их ходатайство [3].

Казалось бы, вот он метод (средство) минимизации рисков следователя. Его решение еще раз перепроверяется, и в процессе этой проверки исключаются все негативные последствия. То есть следователь как бы передает, а судебная инстанция принимает на себя ответственность за риски. Однако так ли это? Предположим, что суд не согласился с доводами следователя и отказал в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого или подозре-

реваемого. Сам факт привлечения лица к уголовной ответственности не может влечь за собой обязательного заключения под стражу. Мера пресечения принципиально отличается от уголовного наказания, тем, что она не находится в прямой зависимости от тяжести содеянного подозреваемым обвиняемым, а ее применение имеет цель обеспечить ход предварительного расследования и судебного разбирательства в будущем. Полагаем можно согласиться с мнением ряда авторов, о том, что неприменение меры пресечения в виде заключения под стражу на стадии расследования уголовного дела, даже если лицу в дальнейшем было назначено наказание в виде лишения свободы, не должно рассматриваться как отрицательное явление, в частности, как судебная или следственная ошибка [1, с. 121].

По-другому ситуация будет оцениваться, когда неприменение судом меры пресечения в виде заключения под стражу привело к наступлению таких негативных последствий как совершение лицом нового, зачастую более тяжкого преступления (рецидив преступлений); уклонение от явки к следователю или в суд; угрозы свидетелям, потерпевшим и другим участникам уголовного судопроизводства. По данным Следственного комитета Российской Федерации, начиная с 2008 года и по настоящее время, скрылись от следствия 185 обвиняемых по делам Следственного комитета, в отношении которых суд отклонил ходатайства об аресте. Из них 25 человек, находясь в розыске, вновь совершили преступления [4]. В этом случае мы можем говорить о негативном последствии принятого судом решения. Однако негативные последствия наступают не для суда, а для следователя или других участников уголовного судопроизводства.

Например, если подозреваемый или обвиняемый, испугавшись уголовной ответственности, «пустился в бега» (т. е. скрылся от органов предварительного следствия и суда), следователь, объявив его в розыск, вынужден приостановить производство по уголовному делу. В результате страдают не только интересы органов предварительного следствия, выраженные в окончании предварительного следствия в разумный срок, но и интересы потерпевшего, выраженные в скорейшем восстановлении нарушенных в результате совершения преступления прав.

И вот еще один аспект, на котором хотелось бы остановиться. Анализ положений статьи 108 УПК РФ показывает, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу законодатель напрямую связывает с необходимостью наличия достоверных данных, подтверждающих факт обоснованности подозрения, или обвинения в совершении предусмотренного законом уголовного деяния определенной тяжести. То есть, суд при решении вопроса о заключении лица под стражу должен исследовать не только «вопрос права» (формальные основания для принятия указанных решений), но и «вопрос факта» – наличие минимального набора доказательств инкриминируемого лицу подозрения или обвинения. Вот почему «вопрос факта» крайне важен для принятия судебного решения, поскольку

в обоснование своего репрессивного решения он ссылается на квалификацию инкриминируемого подозреваемому, обвиняемому следствием деяния, обращая особое внимание на его тяжесть или особую тяжесть. Вместе с тем, при рассмотрении судьей ходатайства следователя, в судебном заседании, помимо прокурора, участвуют обвиняемый (подозреваемый), его защитник, представители несовершеннолетних обвиняемых подозреваемых. Суд, исследуя в судебном заседании имеющиеся в уголовном деле доказательства, обосновывающие подозрение, делает их достоянием, в том числе и стороны защиты. А такое оглашение показаний свидетелей или подозреваемых, на ранних этапах предварительного следствия, ставит следователя перед новыми рисками и возможностью наступления негативных последствий, таких как, например, изменение показаний свидетелями под давлением обвиняемого (подозреваемого). И в этом случае процедура судебного контроля не только не минимизирует риски в деятельности следователя, но и открывает новые «их перспективы».

Так является ли судебный контроль методом минимизации рисков в деятельности следователя или нет?

Напомним, что законодатель в ч. 2 ст. 38 УПК РФ наделяет следователя значительными полномочиями по направлению хода расследования, производству следственных и иных процессуальных действий, которые составляют юридическую основу процессуальной самостоятельности следователя. Обеспечение процессуальной самостоятельности следователя имеет огромное значение при выполнении задач предварительного следствия. Представление самостоятельности важно и тем, что таким образом на следователя возлагается ответственность за ход и результаты расследования, а также все риски и возникающие негативные последствия его деятельности. Судебный контроль – является, конечно же, дополнительной призмой, через которую рассматриваются процессуальные решения следователя, им дается дополнительная юридическая оценка. Однако назвать его методом минимизации рисков и выступать за то, чтобы подвергнуть судебному контролю всю деятельность следователя, дабы исключить негативные последствия, в том числе и связанные с нарушением прав и свобод человека, мы бы не стали.

При оценке целесообразности и правильности любого решения, принимаемого в условиях риска, в том числе и решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, следователем самостоятельно должны быть соблюдены не только нормативно закрепленные предписания закона, но и морально-этические принципы. В этом случае он сможет избежать негативных последствий и обеспечить баланс, по крайней мере, трех групп интересов: интересов подозреваемого, выраженных в защите от необоснованного и незаконного уголовного преследования, от несоразмерности применяемых к нему мер принуждения и тяжести, характера совершенного преступления и данных о его личности; интересов потерпевшего, выраженных в скорейшем восстановлении нарушенных в результате со-

вершения преступления прав и в исключении всяческого рода воздействия на него в ходе предварительного следствия со стороны подозреваемого (обвиняемого); интересов органов предварительного следствия, выраженных в окончании предварительного следствия в разумный срок, недопущении осуществления уголовного преследования в отношении невиновного, охране прав потерпевшего.

Библиографический список

1. Ильин И. В. Задержание, заключение под стражу и критерии ограничения прав личности // Проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: тезисы научной конференции. СПб., 1996. С. 124–128.
2. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2002. 331 с.
3. Сыдыкова З. Д. Судебный контроль как средство выявления и устранения следственных ошибок // Universum: Экономика и юриспруденция. 2016. № 5(26). URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/3114> (дата обращения: 26.11.2019).
4. Тюремный портал России. URL: <http://prisonlife.ru> (дата обращения: 28.11.2019).
5. Яценко С. С., Иванченко Е. А. Судебный контроль на досудебном производстве по уголовным делам // Право: современные тенденции : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017). Краснодар : Новация, 2017. С. 98–101.

УДК: 342.8

Зайцева Ольга Олеговна,

студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
stupnikova1998@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна,

кандидат педагогических наук, доцент,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Уголовно-правовой аспект защиты прав граждан в сфере оплаты труда

В работе представлен анализ механизма защиты прав граждан в сфере оплаты труда с точки зрения уголовного права. Проводится анализ статистических данных по привлечению к уголовной ответственности лиц по статье 145.1 УК РФ. Выявлены проблемы доказывания состава преступления о невыплате заработной платы и предлагаются пути их законодательного разрешения.

Ключевые слова: защита права граждан в сфере оплаты труда, невыплата заработной платы.

Zaytseva Olga Olegovna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna,
candidate of law, associate professor, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna,
candidate of pedagogics, associate professor, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Criminal-legal aspect of protection of citizens' rights in the sphere of remuneration

The paper presents an analysis of the mechanism for protecting the rights of citizens in the field of remuneration from the point of view of criminal law. The analysis of statistical data on bringing persons to criminal responsibility under article 145.1 of the criminal code of the Russian Federation is carried out. The problems of proving the crime of non-payment of wages are identified and ways of their legislative resolution are proposed.

Keywords: protection of citizens ' rights in the sphere of labor remuneration, non-payment of wages.

На протяжении всего существования человечества трудовые отношения являлись и являются общественно значимыми в любом государстве. Конституция Российской Федерации (ст. 7, 37, п. «к» ч. 1 ст. 72) [1], а также целый ряд нормативных правовых актов закрепляют право на труд и гарантируют оплату за выполненную работу.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в Костромской области в возрасте 15 лет и старше в период с мая по июль 2019 года трудятся 308,3 тысяч человек. Следует обратить внимание, что

население Костромской области составляет 637 тысяч. Таким образом, занятость населения в процентном соотношении составляет 55,5 % [2]. Более половины жителей нашего региона трудятся, получая за свой труд заработную плату. Однако не всегда вовремя и частично. Поэтому тема защиты права граждан на оплату труда является актуальной.

В Трудовом кодексе Российской Федерации закреплено легальное определение заработной платы (оплаты труда работника), под которым понимают вознаграждение за труд, которое зависит от ряда факторов, таких как квалификации работника, количество, качество, а также сложность и условия выполняемой работы. Кроме того, законодатель включает в понятие заработной платы (ч. 1 ст. 129 ТК РФ) компенсационные выплаты, понимая под этим доплаты и надбавки компенсационного характера, стимулирующие и компенсационные выплаты [3]. Считаем, что данное законодательное понятие четко и в полной мере отражает правовой аспект данного феномена, так как учитывается и квалификация работника, и сложность выполняемого труда, что ставит на первое место личность работника и его мотивацию к труду.

Защита права на труд является конституционной гарантией для граждан нашей страны, и государство, выполняя свою обязанность по правовому регулированию трудовых отношений, устанавливает конституционные и иные гарантии реализации данного права. Одной из таких гарантий является введение в УК РФ статьи 145.1 Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат.

В результате анализа официальных статистических данных [4] было выявлено, что за 2018 год по части 1 статьи 145.1 УК РФ осуждено 39 человек, один из которых оправдан; 38 – выплатили штраф. По части 2 этой же статьи осуждено 229 человек, пять из которых оправдано; по части третьей был осужден лишь один человек за указанный период.

В диспозиции указанной статьи объединены в одно целое основные выплаты гражданам, включая не только заработную плату, но и невыплату пенсий, стипендий, пособий, а также иных выплат, предусмотренных действующим законодательством. Поэтому невозможно отследить в отношении какого лица и за удержание какой именно выплаты было возбуждено уголовное дело. Это значительно затрудняет анализ состояния преступности в экономической и социальной сфере. Считаем, что в связи с этим целесообразно выделить невыплату заработной платы в отдельную статью 145.2 УК РФ, отграничив тем самым преступления по субъектному составу.

В ходе анализа судебной практики по ст. 145.1 УК РФ, было замечено две особенности состава преступления, которые следует рассмотреть подробнее.

Первая особенность, а точнее важное обстоятельство, подлежащее доказыванию и дающее основания для привлечения лица к уголовной ответственности – это наличие реальной финансовой возможности для вы-

платы заработной платы или отсутствие такой возможности вследствие неправомерных действий работодателя [5]. Однако на практике доказать данное обстоятельство очень сложно. Получается, что норма, защищающая права работника на оплату его труда есть, факт невыплаты заработной платы есть, но защиты этого права нет. В итоге данную норму можно признать «мертвой», т. е. не реализуемой на практике.

Второе обстоятельство закреплено в диспозиции ч.ч. 1, 2 ст. 145.1 УК РФ и содержит указание на такой обязательный признак субъективной стороны преступления, как мотив. Невыплата заработной платы признается уголовно наказуемым деянием лишь при условии, что она совершена из корыстной или иной личной заинтересованности. Как и наличие реальной финансовой возможности для выплаты заработной платы, доказать данное обстоятельство почти невозможно. Указывая этот мотив в диспозициях двух первых частей данной статьи, законодатель создает привилегированный статус субъектам этого преступления, такое указание фактически превращается в непреодолимый барьер для привлечения этих лиц к уголовной ответственности. Мотивы совершения преступления одновременно дают оправданную, согласно действующему уголовному закону, возможность субъекту этого деяния полагать, что в случае невыплаты заработной платы по иным мотивам, субъект не подлежит наказанию [6].

Таким образом, ввиду выявленной проблемы предлагаем из формулировки диспозиций ч. 1, 2 статьи 145.1 УК РФ указание на мотив невыплаты изъять. Тем самым устранить привилегированный статус работодателя, а также «освободить» работника от личных и корыстных побуждений начальника. Кроме того, вижу целесообразность в выделении в отдельный состав преступления невыплату заработной платы, отграничив ее от социальных и иных выплат.

Предлагаем ввести статью 145.2 УК РФ «Невыплата заработной платы». Санкцию и структуры статьи оставить без изменений, однако диспозицию изложить в следующей формулировке:

«1. Частичная невыплата свыше трех месяцев заработной платы руководителем организации, работодателем – физическим лицом, руководителем филиала, представительства или иного обособленного структурного подразделения организации.

2. Полная невыплата свыше двух месяцев заработной платы руководителем организации, работодателем – физическим лицом, руководителем филиала, представительства или иного обособленного структурного подразделения организации.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли тяжкие последствия».

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993): (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 26.11.2019).
2. Портал государственных органов Костромской области. URL: <http://www.adm44.ru/area/data/population/> (дата обращения: 26.11.2019).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 12.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.11.2019).
4. Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 26.11.2019).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.11.2019).
6. Мальцев В. В. Право граждан на оплату труда: уголовно-правовой аспект // Законность. 2014. № 6. С. 43–44.

УДК 342.33

Коваленко Татьяна Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Московский инновационный университет,
г. Москва, Российская Федерация
KovalenkoTS@mail.ru

Система сдержек и противовесов в уголовном судопроизводстве

Цель настоящей статьи – краткий анализ системы сдержек и противовесов уголовного судопроизводства, основными элементами которого являются суд, прокуратура и адвокатура. Изучив статистические данные судов общей юрисдикции за 2018 год, автор отмечает незначительную долю оправдательных приговоров и относительную стабильность судебных актов судов первой инстанции. В выводах подчеркивается, что в уголовном судопроизводстве судья, прокурор и адвокат благодаря законодательно закрепленным механизмам процессуального взаимоконтроля обра-

зуют систему сдержек и противовесов, позволяющую максимально эффективно защищать права и свободы человека и гражданина.

Ключевые слова: судья, прокурор, адвокат, уголовное судопроизводство, взаимодействие.

Kovalenko Tatyana Sergeevna,
candidate of law, associate professor,
Moscow innovation University,
Moscow, Russian Federation

System of checks and balances in criminal proceedings

The purpose of this article is a brief analysis of the system of checks and balances of criminal proceedings. The main elements of it are the court, the prosecutor's office and the bar. The statistic of the courts of general jurisdiction for 2018 show small proportion of acquittals and the relative stability of judicial acts of the courts of first instance. In criminal proceedings the judge, the prosecutor and the lawyer constitute a system of checks and balances that allows the most effective protection of the rights and freedoms of man and citizen through legislatively established mechanisms of procedural mutual control.

Keywords: judge, prosecutor, lawyer, criminal proceedings, interaction.

Анализ судебной практики показывает, что в 2018 году в судах общей юрисдикции и мировыми судьями было рассмотрено 883 993 уголовных дела в отношении 959 429 человек. Из указанного числа 681 789 лиц были осуждены, 2028 – оправданы, в отношении 1722 лиц – вынесены постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям. По иным обстоятельствам уголовные дела были прекращены в отношении 191 192 человек [1]. Таким образом, в процентном соотношении число оправданных составляет лишь 0,24 % от общего числа лиц, в отношении которых материалы были переданы в суд.

По результатам апелляционного пересмотра уголовных дел судами общей юрисдикции в 2018 году были отменены приговоры в отношении 6 891 лиц. В отношении 17 575 лиц приговоры были изменены, либо приняты иные итоговые решения по делу [4].

В кассационном порядке судами общей юрисдикции за указанный период были отменены приговоры в отношении 1836 лиц, изменены – в отношении 7374 лиц, отменены и изменены апелляционные постановления по существу обвинения в отношении 814 осужденных [5].

Анализ статистики судов общей юрисдикции указывает на незначительный объем отмененных и измененных постановлений суда по результатам рассмотрения апелляционных и кассационных жалоб и представлений, что свидетельствует о необоснованности доводов, указанных в жало-

бах (представлениях), а также сохранении стабильности судебных актов судов первой инстанции.

Таким образом, прокуроры и адвокаты имеют законодательно закреплённые механизмы влияния на законность и обоснованность приговоров, постановлений и определений суда, а также промежуточных судебных актов по отдельным процессуальным вопросам, в том числе, путем их оспаривания. В свою очередь задачи, полномочия и функции суда предусматривают действенные способы контроля надлежащего выполнения профессиональных обязанностей прокурором и адвокатом. Таким образом, законодатель предусмотрел действенную систему сдержек и противовесов уголовного судопроизводства.

Общей целью судьи, прокурора и адвоката в уголовном судопроизводстве является повышение эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства. Эта цель может быть достигнута лишь путем объединения их усилий. При этом задачи их организационного взаимодействия корреспондируют с задачами процессуального взаимодействия [2; с. 318–321].

При таком подходе функции обвинения (уголовного преследования) и защиты являются основными и неотъемлемыми составляющими правосудия, которые находят свою реализацию в механизме состязательного судопроизводства, ибо суд не может осуществлять судебную власть без стороны обвинения (прокурора) и стороны защиты (адвоката) [6; с. 18–20].

Подводя итоги, отметим, что от эффективности взаимоотношений суда, прокуратуры и адвокатуры зависит качество и своевременность защиты прав и свобод человека и гражданина. Поэтому развитие их отношений видится не в противопоставлении указанных институтов, а, напротив, в многоаспектном сотрудничестве и взаимодействии, несмотря на различные функции и полномочия. Данный вывод вытекает из триединой природы правосудия, которую можно представить в виде формулы «тезис + антитезис = синтез» или «обвинение + защита = постановление суда».

Библиографический список

1. Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на Совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации (Москва, 12 февраля 2019 года) // Офиц. сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/video_archive/27607 (дата обращения: 21.10.2019).

2. Кобзарев Ф. М. Проблемы теории и практики процессуальных и организационных отношений прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства : дис. ... докт. юр. наук. 2006. С. 319–321.

3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 // URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 21.10.2019).

4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 12 месяцев 2018 года. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F6-svod_vse_sudy_-2018.xls (дата обращения: 21.10.2019).

5. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке за 12 месяцев 2018 года // Офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F8-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 21.10.2019).

6. Прилуцкий С.В. Вступ до теорії судової влади (Суспільство. Правосуддя. Держава): Монографія / С.В. Прилуцький. – Київ : Інститут держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2012. С. 18–20.

УДК 343

Макашова Татьяна Павловна,
старший преподаватель, Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация
t.p.ish@mail.ru

Пределы полномочий адвоката при сборе доказательств по уголовному делу

Статья посвящена особенностям реализации адвокатом своих полномочий при расследовании уголовного дела. Автором рассмотрены проблемы сбора и оценки доказательств, предоставляемых адвокатом, а также особенности проведения адвокатом опроса.

Ключевые слова: адвокат, уголовное дело, доказательство, опрос, следственные действия.

Makashova Tatyana Pavlovna,
senior lecturer, Chelyabinsk state University,
Chelyabinsk, Russian Federation

Limits of the lawyer's powers in collecting evidence in a criminal case

The article is devoted to the peculiarities of the lawyer's exercise of his powers in the investigation of a criminal case. The author considers the problems of collecting and evaluating evidence provided by a lawyer, as well as the features of conducting a lawyer's survey.

Keywords: lawyer, criminal case, evidence, interview, investigative actions.

В соответствии с положениями п. 2 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса РФ: «подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств». Законодательством определен значительный перечень полномочий, предоставленных адвокату для реализации указанного права. Так, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» от 31.05.2002 № 63-ФЗ в ст.6 наделяет адвокатов правом: 1) собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций; 2) опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь; 3) собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации; 4) привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи; 5) беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности; 6) фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну; 7) совершать иные действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации. Однако, адвокатская практика показывает, что, несмотря на указанный перечень, адвокат не может в полной мере осуществлять полномочие по собиранию доказательств в уголовном судопроизводстве. Так, например, для того, чтобы получить информацию из организаций и справок из иных органов и организаций адвокат должен обратиться с ходатайством о запросе необходимых документов либо к следователю, либо к судье, рассматривающему данное уголовное дело. Запрашиваемые справки и иные документы могут повлиять на исход дела и зачастую, не в пользу стороны обвинения. В связи с этим чаще всего указанные ходатайства адвокатов отклоняются, чем нарушаются принципы равноправия сторон и состязательности процесса. Кроме того, указанные принципы нарушаются следователями и судом при безосновательном отказе в удовлетворении заявленных адвокатом ходатайств о допросе новых свидетелей, о проведении повторных экспертиз, о привлечении к участию в деле специалистов и т.д. Адвокат в полной мере лишен возможности реализовать свои функции, т.к. следователь является властным должностным лицом, определяющим ход следствия и зачастую отклоняющим все ходатайства защитника. Единственный выход – обжаловать действия и решения следователя в прокуратуру или суд, одна-

ко не всегда это оправданный способ, так как подобные действия могут вызвать возможную негативную реакцию со стороны следователя и положение доверителя может усугубиться.

На практике подавляющее большинство следственных действий проводится следователем с нарушением процессуальных требований, установленных УПК РФ. Попираются не только права подозреваемых и обвиняемых, но и права потерпевших и свидетелей. Потому, как правило, адвокаты участвуют во всех следственных действиях вместе со своим доверителем. В данном случае цель их участия – не только оказывать квалифицированную юридическую помощь доверителю, но и следить за правомерностью и законностью действий следователя при проведении того или иного следственного действия, реагировать вовремя на нарушения норм закона со стороны следственных органов. Подписью участвующего адвоката в протоколе следственного действия подтверждается его полнота и правильность. Если адвокат не отразит по какой-либо причине (по невнимательности, не проявит настойчивости, принципиальности и т. п.) в протоколе допущенные нарушения или неполноту установленных обстоятельств, в последующем он фактически утрачивает возможность оспаривать результаты проведенного следственного действия. Например, при проведении опознания с участием потерпевшего О. следователь, используя компьютер при оформлении протокола, не записал показания потерпевшего О., данные им при проведении опознания, а скопировал показания из протокола допроса, включив их в протокол опознания (данные о внешности). Это привело к искажению обстоятельств дела. Адвокат – представитель был вынужден принести замечания на протокол следственного действия.

При допустимости доказательств, собранных стороной защиты, также ситуация неоднозначная. В соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК предметы, документы, сведения, полученные при опросе защитником, по своему содержанию могут являться доказательствами, но без процессуального оформления судом, прокурором, следователем или дознавателем не могут быть признаны допустимыми. Данный вопрос очень актуален на практике. Процессуалисты считают, что «только тот полученный адвокатом-защитником предмет (документ) будет процессуально легализован как вещественное доказательство, который будет затем изъят, осмотрен и приобщен к делу следователем, прокурором, судом» [3, с. 91]. Именно данным доводом руководствуются следователи, дознаватели, прокуроры и судьи при отклонении ходатайств о допросе в качестве свидетелей опрошенных адвокатом лиц, т.к. следствию не выгодно, чтобы в деле имелись доказательства, противоречащие основной версии обвинения. Еще больше вопросов вызывает оценка результатов опроса, проведенного адвокатом при реализации полномочий, указанных в ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» и ст. 86 УПК РФ. Показания (информация), полученная адвокатом в ходе такого опроса заносится в опросный лист. В УПК РФ не

закреплен такой вид доказательства, ни его форма, ни содержание. Закон лишь предписывает нам положение, что опрос проводится с согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь (ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»). По поводу формы так называемого «опросного листа» также нет даже разъяснений пленума Верховного суда РФ. Некоторые авторы предлагают ввести понятие «протокола опроса», наравне с понятием «протокол допроса» [4, с. 137]. В литературе встречается мнение о необходимости привлекать нотариуса для заверения показаний, полученных адвокатом при опросе. Но тогда, полностью дискредитируется деятельность адвоката – на каком основании доверие нотариусу выше, чем адвокату? Адвокат – участник уголовного процесса, наделенный полномочиями в разрезе уголовно-процессуальных правоотношений. Однако реализовать свои полномочия адвокату представляется затруднительным. И здесь мы полностью разделяем позицию Л. А. Воскобитовой, которая подчеркивает, что «закрепление совокупности прав адвоката, т.е. провозглашение их в тексте закона, формирует, по существу, материально-правовую основу для участия адвоката в доказывании. Вместе с тем эти нормы остались необеспеченными процедурно в силу крайне непоследовательного, несистемного и фрагментарного регулирования собственно процедуры реализации этих продекларированных прав» [1, с. 23]. П. П. Киселев подчеркивает, что процессуальная форма играет особую роль для формирования доказательственной базы по делам, по которым проводится «государственное расследование», так как за границами уголовного судопроизводства доказательства собираться не могут, и ведущую роль в формировании доказательственной базы играют те доказательства, которые были собраны после возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 86 УПК РФ) [2, с. 47].

Порядок собирания доказательств определен в законе таким образом, чтобы обеспечить необходимый познавательный результат, а его закрепление в такой форме, которая гарантирует возможность ознакомления, проверки и использования полученной информации всеми субъектами уголовного процесса. Нарушение формы фиксации доказательства, по сути – нарушение его формы, которое может привести к ряду последствий, например, признанию его незаконным и исключению из массива доказательств. На основании анализа указанного материала стало совершенно очевидно, что необходимо внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в частности, предоставить адвокату возможность по проведению опроса и признания его результатов в качестве доказательств. Также необходимо определить на законодательном уровне структуру и содержание опросного листа. В опросном листе должны содержаться, помимо анкетных данных, ссылки на статьи уголовного кодекса об ответственности за дачу ложных показаний и предупреждение о привлечении лица в последующем в качестве свидетеля по уголовному делу.

Библиографический список

1. Воскобитова Л. А. Состязательность: две концепции участия адвоката в доказывании. Статья 1. Поиск алгоритма // Уголовное судопроизводство. 2012. № 2. С. 22–24.
2. Киселев П. П. Правовой статус собираемых адвокатом сведений и его соотношение с процессуальной формой доказательств // Евразийская адвокатура. 2017. № 4(29). С. 45–51.
3. Кузнецова Н. А. Собираение и использование документов в качестве доказательств по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / ВНИИ МВД РФ. М., 1996. 183 с.
4. Польная Е. С. Адвокатское расследование и перспективы его введения в уголовный процесс РФ // Тенденции развития современной юриспруденции : сб. науч. тр. междунар. студ. науч. конф. Юридического института Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград, 20–22 апреля 2018 г.). Калининград, 2018. С. 136–141.

УДК 343.14

Муравьев Михаил Викторович,

старший оперуполномоченный по особо важным делам УЭБ и ПК
ГУ МВД по Нижегородской области,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
mmuraviev@mail.ru

Использование в уголовно-процессуальном доказывании по уголовным делам в отношении субъектов предпринимательской деятельности материалов, полученных в результате гласных обследований помещений

К настоящему времени сложился особый уголовно-процессуальный стандарт доказывания по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершаемых в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Данный правовой стандарт распространяется и на получение доказательственной информации путем проведения гласных обследований помещений при раскрытии преступлений в сфере экономической деятельности. Он включает в себя требования к составлению протокола данного оперативно-розыскного мероприятия, а также обращению с изъятыми предметами, документами, а также электронными носителями информации. Было бы логичным развить указанный правовой стандарт проведения гласного обследования помещений следующими мерами: во-первых, наделением прокурора полномочием на его санкциониро-

вание, во-вторых, обязательным уведомлением представителя Уполномоченного по правам предпринимателей.

Ключевые слова: гласное обследование помещений, уголовно-процессуальное доказывание, преступления в сфере экономической деятельности, прокурор, уполномоченный по правам предпринимателей.

Muravyov Mikhail Viktorovich,
senior operative for particularly important cases WEB and PC
of the Ministry of internal Affairs of the Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Use in criminal procedural evidence in criminal cases with respect to business entities of materials obtained as a result of public inspection of premises

Annotation: to date, a special criminal procedure standard has been established for proving criminal offenses against property committed in the field of entrepreneurial and other economic activities in criminal cases. This legal standard also applies to obtaining evidence by conducting public surveys of premises when solving crimes in the field of economic activity. It includes requirements for the compilation of the protocol of this operational-search measures, as well as the handling of seized items, documents, as well as electronic information carriers. It would be logical to develop the indicated legal standard for conducting a public inspection of premises by the following measures: firstly, by giving the prosecutor the authority to authorize it, and secondly, by mandatory notification of the representative of the Commissioner for the Rights of Entrepreneurs.

Keywords: public inspection of premises, criminal procedural evidence, crimes in the field of economic activity, prosecutor, commissioner for the rights of entrepreneurs.

В результате последовательно проводимой уголовной политики по обеспечению экономической безопасности России в уголовно-процессуальном законодательстве произошли изменения, количество и значение которых позволяют резюмировать о том, что сложился *особый порядок* производства по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершаемых в сфере экономической деятельности [1, с. 80-93].

Этот порядок включает в себя и некоторые особенности в доказывании, предусмотренные статьей 81.1, частями 2 и 2.1 статьи 82, частью 4.1 статьи 164, а также статьей 164.1 УПК РФ. Указанные нововведения состоят в порядке: (а) признания предметов и документов вещественными доказательствами (ст. 81.1 УПК РФ), (б) хранения и определения судьбы вещественных доказательств в ходе производства по уголовному делу

(части 2 и 2.1 статьи 82 УПК РФ), (в) проведения следственных действий (ч. 4.1 ст. 164, ст. 164.1 УПК РФ). Они призваны, прежде всего, не допустить необоснованного применения мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, а главное – не допустить неправомерного уголовного преследования субъектов предпринимательской деятельности, уголовно-правового давления на бизнес.

Несмотря на предложения некоторых защитников прав предпринимателей исключить применения оперативно-розыскной деятельности в сфере экономики [6], пока оперативно-розыскная деятельность имеет место быть при выявлении преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых субъектами предпринимательской деятельности.

Соответственно, сотрудники подразделений ЭБиПК используют предусмотренные ФЗ «Об ОРД» оперативно-розыскные мероприятия для раскрытия такого рода преступлений и изобличения предпринимателей в преступлениях, связанных с осуществляемой ими предпринимательской или иной экономической деятельностью. В их число входят и гласные оперативно-розыскные мероприятия, включая гласное обследование помещений, в которых осуществляется предпринимательская деятельность.

Преимуществом гласного обследования помещения, способствовавшего его широкому распространению на практике, является то, что с его помощью можно получить предметы, документы, электронные носители информации, которые становятся вещественными доказательствами по уголовному делу.

Оформление хода и результатов гласного обследования помещения *протоколом* с соблюдением требований статей 166, 167 УПК РФ приближают его к следственному стандарту формирования уголовно-процессуального доказательства. Поэтому в теории давно уже обсуждается вопрос о включении этого документа в число «иных документов», признаваемых источниками уголовно-процессуальных доказательств согласно пункту части второй статьи 74 УПК РФ. Несмотря на возражения против этого «догматиков», опирающихся на статью 89 УПК РФ, содержащую запрет на прямое использование результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании, практика идет по тому пути, что результаты гласного обследования помещений, в том числе по той категории преступлений, которые принято называть «предпринимательские преступления против собственности», что эти материалы используются в последующем доказывании.

Поскольку правильным будет исходить из того, что правовой стандарт формирования доказательств в ходе досудебного производства должен быть одинаковым, как при производстве следственного действия, так и гласного оперативно-розыскного мероприятия (обследования помещения), постольку требования статей УПК РФ, определяющих особый порядок получения доказательств по данной категории преступлений, в полной

мере должны распространяться и на порядок изъятия, осмотра, копирования и возвращения собственнику предметов, документов, а также электронных носителей информации в рамках анализируемого нами ОРМ.

Надо признать повышенную важность обеспечения защищаемых законом прав субъектов предпринимательской деятельности, объективно подвергаемых ограничению в результате изъятия оборудования, средств ведения бизнеса в связи с предположением о том, что в нем могут находиться следы преступной деятельности.

Самым целесообразным гарантом было бы ведение судебного превентивного судебного контроля за проведением такого рода ОРМ в отношении субъектов предпринимательской деятельности путем введения института следственных судей [4, с. 12–20]. А самым правильным: полное переустройство системы обвинения и доказательственного права [2, с. 75–86], что стало бы надежным фундаментом формирования доказательств обвинения по любым категориям уголовным делам, включая рассматриваемую нами.

Однако, в виду неопределенной перспективы подобным мер говорить приходится об оптимизации той модели – следственной, которая имеется. В этой связи, нами поддерживаются предложения, во-первых, о расширении надзорных полномочий прокурора в сфере проведения гласных ОРМ [3, с. 31–34], а, во-вторых, подключением уполномоченного по правам предпринимателей к решению вопросов, возникающих относительно правомерности их проведения [5, с. 146–155].

Считаем возможным на данный период развития отечественной правовой системы противодействия экономической преступности ввести санкционирование прокурором такого гласного ОРМ, как обследование помещений субъектов предпринимательской деятельности. Второе предложение касается включения в законодательство положения о необходимости уведомления прокурором представителя Уполномоченного по правам предпринимателей о дачи санкции на проведение данного гласного оперативно-разыскного мероприятия и возможности участия в нем.

Библиографический список

1. Александров А. С., Александрова И. А. Особый (частно-публичный) организационно-правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Журнал российского права. 2018. № 2(254). С. 80–93.
2. Александров А. С., Александрова И. А., Власова С. В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75–86.
3. Багаутдинов Ф. Н., Нуриев Т. М. Актуальные проблемы защиты прав предпринимателей при осуществлении оперативно-разыскной деятельности // Законность. 2017. № 3. С. 31–34.

4. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней / А. С. Александров и др. М. : Юрлитинформ, 2015. 304 с.

5. Панфилов П. О. Неопределенность процессуального статуса Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей как угроза независимости должностных лиц, осуществляющих досудебное производство // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 146–155.

6. Предложения «Стратегии Роста» по уголовному законодательству и судебной реформе // Сайт уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: <http://ombudsmanbiz.ru/2016/12/dlya-strategii-rosta-podgotovleny-predlozheniya-po-ugolovnomu-zakonodatelstvu-i-sudebnoj-reforme/#1> (дата обращения: 10.12.2019).

УДК 343

Омельяненко Мария Евгеньевна,
старший преподаватель, Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса,
г. Владивосток, Российская Федерация
mariyaomelyanenko@yandex.ru

**Исследование заключения эксперта (специалиста)
при рассмотрении дел судом
с участием присяжных заседателей: некоторые вопросы**

Рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей имеет ряд особенностей, установленных главой 42 УПК РФ. Представление доказательств коллегии присяжных заседателей, в том числе и заключения эксперта (специалиста), происходит с соблюдением определенных ограничений, обусловленных спецификой проведения судебного следствия при данной форме судоговорения. В статье проанализированы проблемы исследования заключений эксперта (специалиста) в суде с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: суд присяжных заседателей, заключение эксперта (специалиста), допрос эксперта (специалиста).

Omelyanenko Maria Evgenievna,
senior lecturer, Vladivostok state University
University of Economics and service,
Vladivostok, Russian Federation

Research of the conclusion of expert (specialist) in the consideration of cases with the participation of jury participants: some aspects

A jury trial has a number of features established by chapter 42 of the Code of Criminal Procedure. Presentation of evidence by a panel of jurors, including the conclusion of expert (specialist), is subject to certain restrictions due to the specifics of conducting a judicial investigation with this form of judicial conviction. The article analyzes the problems of researching an expert (specialist) opinion in a jury trial.

Keywords: *jury, conclusion of expert (specialist), interrogation of a expert (specialist).*

С 1 июня 2018 года увеличилась подсудность дел, рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей в связи с введением данной формы судопроизводства в районных судах. Это привело к увеличению числа дел, поступивших в суд для принятия решения коллегией судей от народа. За первые полгода действия суда присяжных в районных судах (второе полугодие 2018 года) количество поступивших дел с ходатайством о рассмотрении дела с участием коллегии присяжных заседателей возросло практически в три раза, со 110 дел, поступивших в суд в первом полугодии, до 402 дел, зарегистрированных за весь 2018 год. По сравнению с 2017 годом также наблюдается тенденция к увеличению количества поступивших в суд дел данной категории на 41 %, с 286 дел до 402 дел [10].

Увеличение количества дел, рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей повысило и число представляемых сторонами доказательств в ходе судебного следствия, в том числе и заключений эксперта (специалиста). В связи с этим становится актуальным изучение вопроса исследования заключения эксперта (специалиста) при рассмотрении дела коллегией непрофессиональных судей.

Институт судебной экспертизы является давним и устоявшимся в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. На сегодняшний день с развитием технического прогресса и науки достаточно сложно представить расследование и рассмотрение уголовных дел без производства судебных экспертиз, являющихся одним из наиболее важных источников доказательств по делу. Проведение судебной экспертизы является процессуальным действием, состоящим из проведения лицом, имеющим специальные познания в области определенной науки, техники, искусства или ремесла, исследования и дачи заключения по поставленным судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем вопросам, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [9, с. 119–125].

Исследование заключения эксперта является актуальным в суде с участием присяжных заседателей в связи с тем, что стороны имеют право ста-

вить на их разрешение частные вопросы об обстоятельствах, которые уменьшают или изменяют степень виновности подсудимого в инкриминируемом ему деянии, а, следовательно, изменяют степень и характер общественной опасности совершенного им деяния, либо вообще влекут освобождение подсудимого от уголовной ответственности [3, с. 155–166]. В связи с этим перед присяжными заседателями судом и участниками процесса в допустимой законом форме могут быть поставлены вопросы, например, о состоянии невменяемости подсудимого, либо о наличии или отсутствии у него состояния аффекта, которое являлось предметом судебно-психиатрической экспертизы при рассмотрении Иркутским областным судом уголовного дела в отношении Сарбозова О.Н., обвиняемого в совершении преступления предусмотренного пп. «а», «д», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, имитировавшего в ходе проведения предварительного расследования и судебного разбирательства состояние невменяемости [4]. Очевидно, что ответить на эти вопросы присяжные смогут только после всестороннего исследования и оценки соответствующего заключения эксперта (специалиста).

Исследование доказательств судом с участием присяжных заседателей, в том числе и заключений экспертов (специалистов) имеет ряд особенностей, обусловленных тем, что «судьям факта» представляются только те доказательства, которые необходимы для правильного разрешения уголовного дела по существу. Неоднозначным является вопрос об определении критерия полноты представления доказательств присяжным заседателям. По мнению некоторых правоприменителей заключение эксперта (специалиста) может содержать информацию, не подлежащую оглашению в присутствии присяжных заседателей, в связи с этим заключение эксперта (специалиста) на практике представляться присяжным заседателям не в полном объеме. В частности, в заключении эксперта может содержаться информация, которая не имеет прямого отношения к обстоятельствам рассматриваемого дела, но позволяет понять мотивы поведения подсудимого.

Например, при рассмотрении Нижегородским областным судом уголовного дела по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ исследовалось заключение судебно-психиатрической комиссии экспертов только в части отсутствия психического расстройства в период, относящийся к инкриминируемому ему деянию без исследования психологического статуса (анамнеза) подсудимого [5]. Однако, судебная практика неоднозначна при определении объема представляемых присяжным заседателям доказательств. При рассмотрении вышеупомянутого уголовного дела Иркутским областным судом судебно-психиатрическая экспертиза, проведенная в отношении подсудимого, исследовалась присяжными заседателями в полном объеме, включая психологический статус (анамнез) [4].

Представление лишь части доказательства в некоторой степени является нарушением принципа непосредственности в уголовном процессе, поскольку главным в принципе непосредственности является требование, что-

бы лица, призванные к решению вопроса о вине подсудимого, были свободны от постороннего влияния и основывали решение лишь на доказательствах, исследованных в судебном заседании [8, с. 111–112]. В случае определения объема представляемых доказательств присяжным заседателям председательствующим, тем самым оказывается опосредованное воздействие на их убеждение. Кроме того, сторонники легального закрепления принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела указывают и на его нарушение [2, с. 87–93].

Вместе с тем, в судебной практике имеет место фрагментарное представление доказательств, которые могут оказать сильное психологическое влияние. Приморским краевым судом в ходе судебного разбирательства по уголовному делу в отношении Куцуруба, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ исследовалось заключение эксперта, содержащее фотографии тел, сделанные с близкого расстояния, либо сильно обезображенные части тела потерпевших, которые были скрыты, при исследовании этого доказательства присяжными заседателями [6], что по нашему мнению позволило присяжным заседателям вынести наиболее объективный вердикт. Применительно к суду с участием присяжных заседателей ограничения в данной части являются оправданными, поскольку присяжные не являются профессиональными судьями и изъятие определенной информации в большей степени направлено на ограждение неподготовленной психики человека, а не введение его в заблуждение.

Еще одной проблемой исследования присяжными заседателями заключения эксперта (специалиста) является вопрос восприятия. При рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей доказательства должны представляться присяжным в максимально понятной для них форме и в объеме, достаточном для формирования необходимого представления о деле и вынесения вердикта. При представлении на обозрение суда заключения эксперта (специалиста) присяжные заседатели испытывают определенные трудности в понимании используемой сведущим лицом терминологии, поскольку для правильного ее понимания необходимы специальные знания, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки, житейского опыта и требующие особой подготовки, профессиональных навыков. Например, при рассмотрении Ростовским областным судом уголовного дела в отношении Саркисяна, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ вниманию присяжных заседателей была представлена баллистическая экспертиза, содержащая техническую и оружейную терминологию сложную для понимания простого обывателя. В этой связи у присяжных заседателей возникают определенные трудности в установлении фактических обстоятельств дела, имеющих существенное значение [7]. Во избежание сложностей восприятия представляемой присяжным заседателям информации полагаем возможным формирование специализированной коллегии присяжных для рассмотрения дел определенной категории [1,

с. 63]. Указанные суждения высказывались еще на рубеже 19–20 веков при реформировании института суда присяжных заседателей в царской России.

Помимо исследования заключения эксперта (специалиста) специальные знания могут быть обличены в форме допроса эксперта (специалиста). При рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей допрос указанных лиц происходит по общим правилам за исключением исследования тех вопросов, которые не подлежат оглашению в присутствии судей факта. Допрос эксперта (специалиста), как правило, происходит в случае, если у участников процесса имеются сомнения в правильности понимания существа изложенных сведущим лицом выводов. При допросе специалиста или эксперта в присутствии присяжных заседателей определенную сложность составляет тот факт, что они не являются специалистами в области юриспруденции и не осведомлены об особенностях судопроизводства при данной форме судоговорения. В этой связи эксперт (специалист) при даче пояснений может затронуть вопросы не подлежащие выяснению в присутствии присяжных заседателей. В качестве примера можно привести оглашение процессуальных особенностей проведения исследования или получения образцов (предмета) исследования.

Таким образом, исследование заключения эксперта (специалиста) судом с участием присяжных заседателей имеет ряд проблемных вопросов:

1. Ограниченность представляемой присяжным заседателям информации, что влечет нарушение принципа непосредственности уголовного судопроизводства;
2. Сложность в восприятии определенной терминологии, используемой сведущими лицами при составлении заключения;
3. Отсутствие специальных знаний у эксперта (специалиста) в области юриспруденции, что может повлечь процессуальные нарушения при исследовании доказательств присяжными заседателями.

Библиографический список

1. Верещагина А. В. Судостроительное и уголовно-процессуальное законодательство России конца XIX – начала XX века // Тенденции развития и идеи реформирования. Владивосток, 2014. 249 с.
2. Моисеева Т. В. Всесторонность и полнота исследования обстоятельств уголовного дела как условия объективности присяжных заседателей // Журнал российского права. 2010. № 12(168).
3. Пашутина О. С., Чеботарева И. Н. Использование знаний сведущих лиц при осуществлении защиты по уголовным делам: законодательный, доктринальный и правоприменительный аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 3(72).
4. Приговор Иркутского областного суда от 23 июня 2011 года по делу № 2-69/2011 // Судебные и нормативные акты РФ. URL:

https://sudact.ru/regular/doc/hkPtdh0MjZme/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc (дата обращения: 10.12.2019).

5. Приговор Нижегородского областного суда от 26 марта 2015 года по делу № 2-5/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ITaQhWfdWRIJ/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 10.12.2019).

6. Приговор Приморского краевого суда от 03 сентября 2014 года по делу № 2-37/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=Куцурубa®ular-case_doc (дата обращения: 10.12.2019).

7. Приговор Ростовского областного суда от 25 сентября 2015 года по делу № 2-2/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bpUnvDuzEpNV/?regular-txt> (дата обращения: 10.12.2019).

8. Рустамов А. А. О. Оценка доказательств и принцип непосредственности // Евразийский юридический журнал. 2011. № 4(35).

9. Селина Е. В. Заключение и показания специалиста в уголовном процессе // Журнал российского права. 2015. № 12(228).

10. Статистическая информация представлена с сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.12.2019).

УДК 347.633

Орловская Ирина Викторовна,

старший преподаватель, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
lawkostroma@yandex.ru

Барина Екатерина Александровна,

студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
katya_barinova_98@mail.ru

Фальсификация протокола судебного заседания секретарем судебного заседания и судьей

В данной статье рассматриваются проблемы, вытекающие из внесения секретарями судебного заседания и судьями заведомо ложных сведений в протокол судебного заседания, который в свою очередь является одним из основных процессуальных документов, на основании которого принимается решение судьей. Проанализированы уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за внесение заведомо ложных

или несоответствующих действительности сведений в протокол судебного заседания секретарем судебного заседания или судьей, а также предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: *уголовный закон, протокол судебного заседания, секретарь судебного заседания, судья, доказательства, мотивированное определение.*

Orlovskaya Irina Viktorovna,
senior lecturer, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Barinova Ekaterina Aleksandrovna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Falsification transcript of the hearing the court clerk and the judge

This article discusses the problems arising from the inclusion of deliberately false information by the secretaries of the court session and the judges into the minutes of the court session, which in turn is one of the main procedural documents on the basis of which the judge makes a decision. Analyzed the criminal law, establishing liability for making false or untrue information in the record of the hearing the court clerk or judges, and suggests ways to address them.

Keywords: *criminal law, court record, court clerk, judge, evidence, motivated determination.*

В настоящее время случаи фальсификации данных, занесенных в протоколы судебных заседаний, набирают популярность. В ходе судебного заседания протокол является единственным источником сведений о ходе разбирательства в суде при вынесении мотивированного решения. Он свидетельствует о точном соблюдении процессуального регламента, установленного при рассмотрении дел в суде. Проверка обоснованности и законности судебного приговора возможна именно благодаря составленному протоколу судебного заседания. Данная проблема является актуальной и резонансной по сей день, исходя из нынешней практики, страшно и представить, сколько судеб было подвергнуто несправедливому наказанию или решению судей от сфальсифицированных протоколов.

Ни для кого не секрет, что зачастую в протоколы судебных заседаний, как судьями, так и секретарями вносятся неполные данные, либо данные не соответствующие действительности, ломающие судьбы многих людей. Все судебные решения основываются на доказательствах, которые должны отвечать требованиям российского процессуального законодательства. Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответ-

ственность за совершение данного преступления в ст. 303 УК РФ. Данная статья имеет ряд пробелов в реализации механизма правового регулирования и не дает возможности соответствующим государственным органам противостоять его совершению. Являясь по сути одним из основных процессуальных документов, протокол судебного заседания отражает процессуальные действия, которые были совершены в процессе судебного разбирательства.

Очень часто после состоявшегося судебного разбирательства, участвовавшее в нем лицо, ознакомившись с протоколом судебного заседания, обнаруживает в нем необычные и новые записи, которых не было озвучено в ходе конкретного судебного разбирательства. Возмущившись, участник заседания на протокол делает замечания со своей стороны. В данном случае председательствующий выносит мотивированное определение об их полном или частичном отклонении. Обжалованию такое определение не подлежит.

Получается, что законодательство фактически «развязывает руки» беззаконию и вопиющему произволу в стране со стороны недобросовестного и небеспристрастного судьи. Судья может делать что угодно в процессе заседания, нарушая при этом права гражданина, как считает нужным. Превращая тем самым в фикцию любой контроль за осуществлением судьей своих полномочий.

Понятие «фальсификация» в Уголовном Кодексе РФ законодательно не закреплено, конкретные способы фальсификации доказательств тоже отсутствуют. Целесообразнее было бы ввести статью в УК РФ, закрепляющую как понятие фальсификации, так и способы ее осуществления.

При обращении к словарям за лексикологией слова «фальсификация» было установлено, что «фальсификация» – это подмена свойств и видов предмета, его подделка, которую стараются преподнести как подлинную. Получается, что в ст. 303 УК РФ идет речь подделывании и целенаправленном искажении доказательств, которые раскрывают свое понятие в различных нормативно-правовых отраслевых актах [2].

Статья 303 УК РФ о фальсификации доказательств распространяется лишь на уголовное и гражданское судопроизводство. Одним из значительных пробелов является тот факт, что административное судопроизводство не попадает под действие статьи 303 УК РФ. Дела, которые рассматриваются по правилам ГПК РФ и в предусмотренном АПК РФ порядке, подпадают под часть 1 ст. 303 УК РФ, которая говорит о фальсификации доказательств в гражданском процессе [2].

К типичным способам фальсификации относятся:

- внесение в подлинный документ искаженных сведений; подделка подписи должностного лица; исправление или уничтожение части документа, отдельных его цифр, слоев; внесение дополнительных сфальсифицированных данных в документ; закрепление оттиска поддельной печати на документах.

Вопрос о квалификации действий лица, который сфальсифицировал документ, в последующем не содержащий в себе ложной информации в измененном виде, является наиболее острым и менее исследованным. При определении квалификации значимым является само осознание лицом факта подделки доказательства и наличие желания воспользоваться этим фактом. Фальсификация в данном подтексте – это подделка документа, любое его искажение, изменяющее изначальное состояние.

Ответственность для лиц или их представителей за фальсификацию доказательств по уголовным делам, а также за фальсификацию доказательств по гражданскому делу определяет ст. 303 УК РФ, которую следовало бы ужесточить, что помогло бы избежать частого совершения данного преступления.

Искажая текст протокола судебного заседания, невиновного человека можно лишить свободы на долгие годы, недобросовестного наследника сделать собственником квартиры, дома, земельного участка, а у честного гражданина забрать его последнее имущество. Только представьте, потерпевший, ожидающий от суда справедливого наказания для своего обидчика, в итоге, слышит приговор, не отвечающий его ожиданиям лишь в силу того, что присяжным заседателям был предоставлен сфабрикованный протокол, содержащий сведения не соответствующие действительности. В какую дальнейшую справедливость наших судей он будет верить?

Секретарь, составляющий протокол судебного заседания как ему угодно, даже и не задумывается о том, что от его действий зависят человеческие судьбы, зачастую это происходит от его некомпетентности, так как требования, предъявляемые к должности секретаря достаточно просты. Секретарем может стать человек, не имеющий юридического образования. Следовало бы пересмотреть требования о приеме на работу секретарей судебного заседания и ужесточить их.

Наряду с секретарем фальсификация протокола может осуществляться и самим судьей, что нередко находит свое отражение в сложившейся практике, но в силу своей неприкосновенности судья избегает ответственности за совершенное преступление, что подрывает в обществе веру в справедливость и неподкупность наших судей.

По ст. 232 ГПК РФ замечания в протоколе рассматривает судья председательствующий в судебном заседании, который подписал его. При наличии согласия с замечаниями судья удостоверяет в их правильности. В случае несогласия с замечаниями – выносит мотивированное определение о полном или частичном отклонении этих замечаний. Все замечания в любом случае приобщаются к делу. Но зачастую граждане не проверяют протокол на правильность и справедливость его содержания в силу своей правовой безграмотности, что позволяет судьям и секретарям оставаться безнаказанными и продолжать осуществлять оговоренную ранее фальсификацию.

В ч. 2 ст. 303 УК РФ законодателем указывается другая проблема, заключающаяся в фальсификации доказательств по уголовному делу. Это значит, что фальсифицировать доказательства можно только после возбуждения уголовного дела. Возбуждение уголовного дела включает в себя этап проверки сообщений о преступлениях. Именно в процессе проверки может быть сфальсифицировано наиболее значимое доказательство [3].

Ни для кого не является секретом тот факт, что должностное лицо или государственный служащий может внести в официальный документ заведомо ложные сведения. Такие действия с их стороны называются служебным подлогом и ответственность за них предусмотрена ст. 292 УК РФ, раскрывающей в свою очередь понятие служебного подлога и формы его осуществления.

В действительности отсутствие «фиксируемых» фактов или их неверное изложение делают любой документ юридически ничтожным, хотя именно от них и зависят человеческие судьбы.

Действующая редакция Уголовно-процессуального кодекса РФ не содержит предписания, требующего от суда составления протокола судебного заседания, который бы строго соответствовал ходу судебного разбирательства, следовательно, в этом случае у судей отсутствуют препятствия к менее ответственному составлению, а особенно фальсификации текста протокола судебного заседания. У участников же отсутствует возможность обжалования постановления судьи об отклонении замечаний в протоколе судебного заседания до обжалования итогового судебного решения (ч. 2 ст. 389-2 УПК РФ). Судьи вышестоящих судов также лишены возможности проверить обоснованность замечаний в протоколе.

Являясь важнейшим процессуальным актом, протокол судебного заседания содержит полное, подробное и целостное отображение в суде процедуры разбирательства. Точность, достоверность и обеспечение своевременного доступа к протоколу судебного заседания является главным требованием к нему.

В статье 260 УПК РФ не предусматривается обязанность суда ознакомлять стороны, участвующие в процессе с результатами рассмотрения поданных ею замечаний в протоколе. Ею также не предусматривается оглашение вынесенного в судебном заседании постановления. Лица, подавшие замечания на протокол могут не вызываться при рассмотрении этих замечаний.

Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью отметить, что действующая на данный момент процедура рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания не только несовершенна законодательно, но и порождает собой неизбежность наступления судебных ошибок трудно и даже вовсе неустрашимых.

Раньше крайне редко проводилось аудио-протоколирование, которое бы помогло избежать фальсификации данных, заносимых в протоколы.

С сентября 2019 года аудио-протоколирование стало обязательным при проведении судебного заседания. Но это не исключает того факта, что до введения аудио-протоколирования как обязательного, большинство протоколов были сфальсифицированы. Императивная закреплённость в российском законодательстве обязанности аудио-протоколирования и приобщения диска к делу, казалось бы, помогла бы избежать рассматриваемой в статье проблемы, но известны случаи, когда аудио-протоколирование велось, а диск так и не был приобщен к материалам дела. В условиях отсутствия видео-протоколирования сторона защиты лишена возможности получения достоверного протокола судебного заседания и попадает в зависимость от сознательности и профессиональной компетенции судьи. Следовало бы, повысить контроль за соблюдением такого требования как «приобщение диска к делу» [1].

Также, было бы не лишним введение ответственности судей, вносящих заведомо ложных, неполных, сфабрикованных данных в протоколы, либо упущение фактов, имеющих роль для принятия справедливого и мотивированного решения. Также на судей было бы правильной возложить обязанность рассмотрения и удовлетворения жалоб о замечаниях на протоколы судебных заседаний.

Итак, на примере судебной практики доказано, что под «фальсификацией» принято понимать какое-либо намеренное искажение сути, содержания, веса или иных характеристик доказательств, вне зависимости от того, повлияло ли это на всестороннее, полное и объективное рассмотрение дела или нет. Именно эта трактовка «фальсификации» дает возможность достичь бескомпромиссного и более точного соблюдения процессуальной формы в осуществлении доказательства и позволяет достичь наиболее высокой ценности судопроизводства.

Статья 303 УК РФ, посвященная фальсификации доказательств, содержит существенные пробелы и недостатки. Они, в свою очередь, оказывают негативное влияние на правоприменительную деятельность. В этой норме предложенное понятие фальсификации явно несовершенно. Оно нуждается в дальнейшей детальной доработке с целью установления соответствия уголовного закона и практической деятельности по осуществлению доказывания. Также, в статье были рассмотрены пути решения проблемы привлечения судей за фальсификацию протоколов судебных заседаний к уголовной ответственности, и было предложено ужесточить меры ответственности, предъявляемые к секретарям судебных заседаний и ужесточить требования при приеме на работу.

Библиографический список

1. Верховодко И. И., Белова Т. А. Общие положения о процессуальных фактах, процессуальных и судебных документах // Промышленно-торговое право. 1999г. № 8-9. С. 134–143.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 303.

3. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / Под общ. ред. Беловой Т. А., Колядко И. Н., Юркевича Н. Г. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Амалфея, 2014. 546 с.

УДК 343.13

Ряполова Ярослава Петровна,
кандидат юридических наук,
Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация
yaroslava@mail.ru

Периодизация истории развития стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ и перспективы ее преобразования¹

В статье освещается история развития института возбуждения уголовного дела после принятия УПК РФ, анализируются результаты преобразований процессуальной формы проверки сообщения о преступлении. Делается вывод о том, что роль первоначальной стадии уголовного процесса вследствие последних качественных изменений в седьмом разделе УПК РФ возросла за счет указания на возможность осуществления уголовно-процессуального доказывания, расширения перечня процессуальных действий по собиранию доказательств, наделения минимальным объемом процессуальных прав участников доследственной проверки. Также исследуются пути совершенствования уголовно-процессуальной деятельности на этапе принятия, проверки и рассмотрения сообщений о преступлении.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, стадия, проверка, сообщение о преступлении, повод, основание.

Ryapolova Yaroslava Petrovna,
candidate of law, Southwestern state University,
Kursk, Russian Federation

Periodization of the history of the development stage of a criminal case under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the prospects for its transformation

© Ряболова Я.П., 2020

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00088).

The article highlights the history of the institution of instituting criminal proceedings after the adoption of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, gives a critical analysis of the effectiveness of the transformation of the criminal procedure regulation of relations arising at this stage. It is concluded that the role of the initial stage of the criminal process as a result of recent qualitative changes in the seventh section of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation has increased due to the indication of the possibility of carrying out criminal procedural evidence, expanding the list of procedural actions to collect evidence, and endowing the participants with a minimum amount of procedural rights with the pre-trial audit. In conclusion, the ways of improving the criminal procedure at the stage of acceptance, verification and consideration of reports of crime are formulated.

Keywords: *criminal case, stage, verification, report of a crime, occasion, basis.*

Со времен обсуждения Концепции судебной реформы, принятой Верховным Советом РСФСР 21 октября 1991 г., и до сих пор ведутся оживленные дискуссии относительно состоятельности стадии возбуждения уголовного дела для российского уголовного процесса. Вместе с тем, если проследить историю развития данного института в рамках УПК РФ, то станут очевидными намерения законодателя не только сохранить, но и всячески упрочнить правовые и организационные основы деятельности, составляющей содержание стадии возбуждения уголовного дела. Преобразования стадии, однако, не всегда отличались последовательностью, системным единством, целостностью, эффективностью с точки зрения практических результатов, в отдельных случаях недостатки отдельных редакций статей являлись изъянами законодательной техники. При этом справедливо говорить о наметившейся тенденции дифференциации процессуальной формы проверки сообщений о преступлении, расширении кругов ее официальных участников, рецепции и соответствующей адаптации отдельных норм и институтов, реализуемых в стадии предварительного расследования, к условиям и особенностям стадии возбуждения уголовного дела.

По степени концентрированности вносимых изменений в седьмой раздел УПК РФ развитие института возбуждения уголовных дел можно условно разделить на три этапа.

1) Начальный этап охватывает период с принятия УПК РФ 2001 г. по июнь 2007 г. Статья 144 УПК РФ изначально вообще не содержала указаний на способы и средства доследственной проверки, кроме возможности истребовать у средств массовой информации материалы и документы. Известные в ст. 109 УПК РСФСР проверочные действия (истребование необходимых материалов и получены объяснений) отныне также считались не допустимыми. Единственно возможное следственное действие, производство которого прямо разрешалось на этом этапе, – это был осмотр места

происшествия, при этом в ч. 4 ст. 146 УПК вскользь (в скобках) также упоминалось о возможном проведении освидетельствования и назначении экспертизы. Полномочиями по возбуждению уголовного дела обладали прокурор, а также дознаватель и следователь (с согласия прокурора). Ввиду фрагментарной регламентации порядка рассмотрения сообщений среди практических работников отсутствовало единое представление относительно производства и оформления результатов доследственной проверки, большинство полученных материалов (справка об исследовании, объяснения, протокол досмотра, добровольной выдачи и пр.) не могли использоваться в доказывании, их роль заключалась исключительно в обосновании вывода о наличии или отсутствии фактических обстоятельств, указывающих на признаки преступления. Федеральным законом от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ ст. 144 УПК РФ была дополнена правом требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов, что представляло частный случай использования специальных знаний в деятельности, главным образом, по борьбе с экономическими преступлениями. Впервые также была закреплена возможность продления сроков проверки до 30 суток.

2) июнь 2007 г. – март 2013 г. Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ исключил из полномочий прокурора право на возбуждение уголовного дела, тем самым законодатель по-новому распределил функции прокурорского надзора и уголовного преследования в досудебном судопроизводстве, прокурора наделили правом в 24-часовой срок отменять постановление о возбуждении уголовного дела, в отношении отказных материалов, вынесенных следователем, прокурор мог выносить только мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Насущной проблемой, так и не получившей достойного разрешения в новой редакции закона, стала возможность проведения следственных действий и иных процессуальных действий по собиранию доказательств до возбуждения уголовного дела, ч. 2 ст. 176 УПК РФ допускала производство только осмотра места происшествия.

Последующие преобразования седьмого раздела УПК РФ были столь же ожидаемыми, сколь практически необходимыми: спустя полтора года был восполнен пробел и руководитель следственного органа был наделен «случайно забытым» правом возбуждать уголовное дело. С 2010 г. усилия законодателя направлялись на постепенное расширение перечня проверочных средств: добавились требование производства исследований предметов, документов и трупов и возможность привлекать к участию в этих исследованиях специалистов, а также дача органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий. В этот же период прокурору возвратили полномочие

отменять незаконное и необоснованное постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела. В дальнейшем вносимые изменения касались обновления системы поводов для возбуждения уголовного дела: добавлен четвертый повод – постановление прокурора о направлении материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, введен «налоговый повод» – материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

3) Третий этап: с марта 2013 г. по настоящее время, в этот период сосредоточена большая часть изменений института возбуждения дела, отражающих, главным образом, пункты новой уголовно-процессуальной стратегии всего досудебного производства. Совершенствование стадии было продолжено путем очередного расширения полномочий следователя на этапе доследственной проверки, положения Федерального закона от 04.03.2013 г. №23-ФЗ видоизменили процессуальную форму порядка рассмотрения сообщений о преступлении: до возбуждения уголовного дела было разрешено производство всех видов следственных осмотров (осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование), назначение судебной экспертизы и получение заключения эксперта в разумный срок, получение образцов для сравнительного исследования. Впервые в качестве процессуальных проверочных действий на данном этапе названы получение объяснений; истребование документов и предметов, их изъятие в предусмотренном законом порядке. Новая ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ закрепила возможность использования в качестве доказательств полученных сведений в ходе проверки сообщения о преступлении, впервые введены положения, закрепившие основы процессуального статуса лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Пересмотр системы поводов для возбуждения уголовного дела обусловлен наметившейся в российском законодательстве общей тенденцией гуманизации уголовно-правовой ответственности за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Вместе с тем, как показала практика, наличие в УПК РФ специальных поводов для возбуждения уголовного дела стало скорее помехой в расследовании преступлений определенных категорий, чем ожидаемым благом: вместо исключенного «налогового» повода введен особый порядок рассмотрения сообщений о налоговых преступлениях, а введенный еще в 2014 г. специальный повод для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 172.1 УК РФ, также действовал непродолжительное время и был упразднен в конце 2018).

Очевидно, рассмотрение вопроса об этапах становления стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ было бы неполным без аналитического обзора перспектив совершенствования данного института, в общем виде существуют два противоположных подхода к оптимизации начально-

го этапа досудебного производства, которые отличаются масштабностью предлагаемых преобразований и различным представлением о направлениях модернизации всего досудебного производства.

Первый подход объединяет сторонников ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, их авторские метафоры легко вошли в научный оборот, и на страницах юридической печати выражения «суррогат расследования», «реликт социалистической законности», «атавизм уголовного процесса» стали общеупотребительными синонимами стадии возбуждения уголовного дела. Уголовное дело должно возбуждаться всякий раз незамедлительно после поступления в компетентные органы заявления о преступлении, зарегистрированного в реестре досудебных производств [1, с. 103], также предлагается ввести единый институт производства по проверке сообщений о правонарушении (о происшествии) в рамках административного законодательства и законодательства об оперативно-розыскной деятельности (Деришев Ю. В.) [3, с. 75], авторы работы «Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права» предлагают закрепить возможность производства до регистрации сообщения о преступлении следственных и иных проверочных действий, для закрепления следов преступления [5], в качестве первоочередной меры предлагается исключить ст.148 УПК РФ, предоставляющая правоприменителю право отказывать в возбуждении уголовного дела (Гаврилов Б. Я.) [2, с. 36]. Доводы сторонников такого подхода отчасти основываются на опыте ближних зарубежных стран (в частности, Казахстана, Украины, Грузии), в национальном законодательстве которых произошли существенные изменения, и стадия возбуждения уголовного дела упразднена.

Второй подход сводится к совершенствованию уголовно-процессуальной регламентации спорной стадии в рамках существующих процессуальных институтов. Помимо точечных изменений в части уточнения правового статуса участников проверки, закрепления гарантии своевременности участия защитника лица, в отношении которого ведется проверка и пр., адаптации порядка и условий производства отдельных следственных и процессуальных действий к особенностям и задачам стадии, интересны, в первую очередь, предложения, касающиеся существенной модернизации порядка возбуждения уголовного дела. Так, широкое распространение получила идея возвращения прокурора права возбуждать уголовные дела, а именно по тем материалам, по которым в возбуждении уголовного дела было необоснованно отказано [7, с. 315]. Предложение наделить прокурора правом давать обязательные для следователя поручения, в том числе о возбуждении уголовного дела, было утверждено в качестве рекомендации Комитетом по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации от 29 января 2019 г. № 31-11/227 по итогам проведенного круглого стола с участием Уполномоченного по права человека в РФ Т. Н. Москальковой [4].

Перспективным направлением совершенствования начального этапа досудебного производства видится замена устаревшего письменного делопроизводства техническими способами фиксации доказательств и широким использованием современных информационных технологий [6, с. 97]. В частности, внедрение электронного документооборота на этапе рассмотрения сообщения о преступлении предполагает создание программного обеспечения (платформы), позволяющего субъектам проверки осуществлять прием, регистрацию и дальнейшее производство по заявлениям (сообщениям) о преступлениях в электронной форме с возможностью создавать электронные документы, подписывать их посредством электронно-цифровой подписи, хранить, а также представляющего доступ к нему сотрудников, осуществляющих ведомственный контроль. Это способствовало бы своевременной и надлежащей регистрации сообщений о преступлении, обеспечивало оперативный контроль за соблюдением установленных сроков проверки и оформления ее результатов.

В своих трудах мы придерживаемся позиции о необходимости сохранения уголовно-процессуальной деятельности по выяснению наличия или отсутствия юридических и фактических оснований для возбуждения уголовного преследования независимо от принятых уголовно-процессуальных порядков и внутренних трансформаций досудебного производства. При этом нельзя отрицать, что в настоящее время назрела настоятельная необходимость в изучении, поиске и обосновании оптимальных направлений комплексного реформирования отечественного законодательства, в том числе с позиции рационального использования технических средств и технологий, призванных повысить эффективность деятельности органов предварительного расследования на самом начальном этапе уголовного процесса.

Библиографический список

1. Александров А. С., Грачев С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1(31). С. 101–108.
2. Гаврилов Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнение практиков и ученых // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 33–40.
3. Деришев Ю. В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2017. № 6(102). С. 71–76.
4. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/06/11/a1701940-dok.html> (дата обращения: 19.11.2019).
5. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, С. А. Грачев [и др.] //

Официальный сайт Международной Ассоциации Содействия Правосудию. URL: <http://www.iauaj.net/node/1766> (дата обращения: 19.11.2019).

6. Ищенко П. П. О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2019. № 8(60). С. 89–99.

7. Коломеец Е. В. Обеспечение законности решений об отказе в возбуждении уголовного дела средствами прокурорского реагирования // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 2. С. 314–318.

УДК 343.12

Серобаба Илья Александрович,
судья Арбитражного суда Костромской области,
г. Кострома, Российская Федерация
a31.iserobaba@arbitr.ru

Временный управляющий как участник уголовного судопроизводства

В статье на основе практики применения законодательства о несостоятельности (банкротстве) раскрыты проблемы участия временного управляющего организации в уголовном деле.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, временный управляющий, банкротство, уголовный процесс.

Serobaba Ilya Alexandrovich,
judge of the Commercial court of the Kostroma region,
Kostroma, Russian Federation

Temporary manager as a participant criminal proceedings

The article, based on the practice of applying the legislation on bankruptcy, discloses problems of the participation interim manager in a criminal case.

Keywords: arbitration manager, interim manager, bankruptcy, criminal procedure.

Специфика правоотношений, связанных с несостоятельностью (банкротством) юридических лиц, предопределяет участие в них специального субъекта – арбитражного управляющего.

Данный субъект, в зависимости от введенной судом процедуры несостоятельности (банкротства), может выступать в качестве временного, внешнего, административного либо конкурсного управляющего организации-

должника, правоспособность каждого из них различна и определяется в соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» [6].

При этом если конкурсный управляющий является законным представителем юридического лица, внешнему и административному управляющему также свойственны функции законного представителя, то правоспособность временного управляющего является весьма специфической.

Временный управляющий должен провести мероприятия процедуры наблюдения для формирования реестра требований кредиторов, подготовки и доведения по собраниям кредиторов объективного анализа финансового состояния организации-должника, заключения относительно наличия (отсутствия) признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, заключения о наличии (отсутствии) оснований для оспаривания сделок должника.

Указанная компетенция сопровождается обязанностью обеспечить сохранность имущества должника. Для реализации таких полномочий законодатель наделяет временного управляющего правом на согласования отдельных видов сделок должника, инициирования процедуры отстранения руководителя должника от управления юридическим лицом и др.

Реализация названного функционала обеспечивается специальными основаниями недействительности сделок, а также правом временного управляющего участвовать в судебных процессах, где стороной спора выступает должник.

Более того, обстоятельства принятия судебных актов без уведомления временного управляющего о времени и месте судебного заседания являются безусловными основаниями для их отмены.

На это указано в разъяснениях, содержащихся в пункте 43 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 №35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» [4]. Временного управляющего надлежит привлекать в процесс в процессуальном статусе третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора (статья 41 АПК РФ [1]).

В полной мере эти разъяснения используются в гражданском и административном процессе, где также предусмотрено участие третьих (заинтересованных) лиц (статья 43 ГПК РФ [2], статья 47 КАС РФ [3]).

Открытым остается вопрос участия временного управляющего в уголовном процессе, когда организация, в отношении которой введена процедура наблюдения, является потерпевшим, гражданским истцом или гражданским ответчиком.

Основной проблемой в этом контексте является отсутствие в закрытом перечне участников уголовного судопроизводства, а равно в иных нормах уголовно-процессуального закона, формы участия временного управляющего в уголовном деле.

От имени потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика в уголовном процессе действуют законные представители и представи-

тели. При этом в силу специфики своего правового статуса и стоящими перед ним задачами, временный управляющий не является законным представителем (потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика), и не действует, по общему правилу, от организации-должника по доверенности, а по смыслу пункта 4 статьи 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» он должен в равной степени представлять интересы должника, его кредиторов и общества, то есть иметь в своем поведении определенный нейтралитет.

Уголовно-процессуальный закон, допуская возможность рассмотрения гражданского иска в уголовном деле, не предусматривает участие в процессе третьих (заинтересованных) лиц, отсутствуют иные тождественные процессуальные статусы, позволяющие временному управляющему участвовать в уголовном деле и реализовывать поставленные перед ним законодателем задачи.

Первый вывод, который следует из обозначенной проблемы, что с учетом разъяснений, содержащихся в пункте 43 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» [4], в уголовном деле без участия временного управляющего не может быть разрешен гражданский иск, если в отношении гражданского истца или гражданского ответчика, потерпевшего введена процедура наблюдения и утвержден временный управляющий.

Никаких теоретико-прикладных предпосылок не применять названные разъяснения высшей судебной инстанции к гражданским искам в уголовном деле не имеется, поскольку любой гражданский иск в уголовном деле предполагает наличие материально-правового спора, а такой спор предопределяет последствия для конкурсной массы организации-должника, следовательно, затрагиваются интересы кредиторов организации – участника уголовного процесса.

Статья 309 УПК РФ формально предусматривает право суда оставить без рассмотрения гражданский иск при наличии объективных препятствий к его разрешению.

Субсидиарное применение данного процессуального механизма к обозначенной коллизии проблему не разрешает, поскольку полномочия гражданского истца и гражданского ответчика, потерпевшего могут не ограничиваться разрешением материально-правового спора, а сами материально-правовые отношения могут трансформироваться в уголовно-процессуальные акты, например, в постановление о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием и пр.

Иными словами, процессуальные решения могут опосредовать сделки, а выводы суда при рассмотрении уголовного дела могут создавать преюдициальные последствия для рассматриваемых в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) обособленных споров.

У временного управляющего могут появиться разумные сомнения в законности тех или иных уголовно-процессуальных решений, добросове-

стности и разумности процессуального поведения участников уголовного разбирательства, поэтому он должен иметь уголовно-процессуальную компетенцию для реализации поставленных перед ним задач, не связанную исключительно с разрешением гражданского иска.

Например, право заявить возражения на рассмотрение дела в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ [5]), когда поведение фактически аффилированных участников уголовного разбирательства направлены на признание гражданско-правового деликта в рамках уголовного процесса в целях формирования доказательственной базы для последующего установления «дружественных» требований конкурсного кредитора, либо приоритетных по отношению к реестровым текущих требований кредитора.

В этом контексте для установления истины по уголовному делу, защиты интересов должника и кредиторов временный управляющий должен иметь соответствующую процессуальную компетенцию для доказывания фактических обстоятельств, непосредственно связанных с составом преступления, независимо от наличия в уголовном деле гражданского иска, должен быть наделен процессуальными полномочиями на обжалование судебных постановлений по уголовному делу.

Обратное означает фактическое ограничение полномочий временного управляющего, предусмотренных законом.

Немаловажным моментом является и возможность получения временным управляющим через ознакомление с материалами уголовного дела и участие в нем объективных данных относительно оперативно-хозяйственной деятельности должника для формирования достоверного анализа финансового состояния организации, заключения о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, заключения о наличии (отсутствии) оснований для оспаривания сделок должника.

Участие временного управляющего в уголовном деле (независимо от процессуального статуса участвующей в уголовном деле организации-должника) в настоящее время является объективной необходимостью, поскольку общий правоприменительный подход со всей очевидностью указывает на неправосудность актов, постановленных с участием организации, в отношении которой введена процедура наблюдения, без участия в деле временного управляющего как самостоятельной и независимой процессуальной фигуры.

Участие временного управляющего в уголовном деле через действующие конструкции недопустимо, поскольку противоречит его правовому статусу, определенному законодательством о несостоятельности (банкротстве) и разъяснениям, содержащимся в пункте 43 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 №35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».

Соответствующий уголовно-процессуальный статус временного управляющего может иметь компетенцию тождественную статусу закон-

ного представителя потерпевшего (гражданского истца, гражданского ответчика) акцентированную на его независимый и самостоятельный статус по аналогии с полномочиями третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований (заинтересованного лица) в гражданском (арбитражном, административном) процессе.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800 (дата обращения: 01.07.2019).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570 (дата обращения: 01.07.2019).

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 24.03.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147 (дата обращения: 01.07.2019).

4. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132825/ (дата обращения: 01.07.2019).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020, с изм. от 09.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.07.2019).

6. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. 08.06.2020 № 181-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078527> (дата обращения: 01.07.2019).

УДК 343

Сиверская Людмила Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
lsiverskaya@yandex.ru

Пеунова Кристина Сергеевна
магистрант, Костромской государственный университет,

г. Кострома, Российская Федерация
Kristina1996pe2013@ya.ru

Правовая служба УМВД России: понятие, цели, задачи, направления деятельности

В данной статье дан краткий анализ точек зрения на определение понятия юридической службы в системе УМВД России, раскрывается основное содержание целей, с учетом отсутствия из законодательного закрепления, задач и направлений ее деятельности. Определяется значение и роль юридической службы МВД РФ в условиях правового демократического государства.

Ключевые слова: Юридическая служба (правовая служба), МВД России, направления деятельности, законность, правопорядок.

Siverskaya Lyudmila Anatolevna,
candidate of law, associate professor, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Peunova Kristina Sergeevna,
undergraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Legal service of the ministry of internal affairs of Russia: concept, goals, tasks, directions of activity

This article provides a brief analysis of the points of view on the definition of the concepts of legal service in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, revealing the main content of goals, taking into account the lack of legislative consolidation, tasks and support for its activities. The significance and role of the legal service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the conditions of a legal democratic state is determined.

Keywords: legal service, Ministry of Internal Affairs of Russia, activities, legality, law and order.

Юридическая служба МВД России (далее юридическая служба) является одним из основных средств по укреплению законности в государстве и непосредственно в работе органов внутренних дел, что особенно актуально на современном этапе развития правового государства и постоянного реформирования правоохранительной системы и ведомственного законодательства. Вклад каждого сотрудника правового подразделения посредством должного исполнения своих функциональных обязанностей способствует укреплению авторитета системы МВД России в целом.

Для того чтобы перейти к терминологическому определению понятия «юридическая (правовая) служба УМВД», при отсутствии на сего-

дняшний день его законодательного закрепления, считаем целесообразным и необходимым обратиться к мнению научных исследователей, ведомственным нормативным документам и мнением правоприменителей.

В современной научной литературе имеется ряд исследований, посвященных данному вопросу, при этом большинство авторов в дефиниции понятия акцентируют внимание на перечисление направлений деятельности данного подразделения.

Так, по мнению Когута О.И. юридическая служба УМВД России представляет собой сферу деятельности органов внутренних дел по предупреждению и пресечению правонарушений посредством подписания документов правового характера, так и их подготовке, правовой экспертизы и гражданско-правовых договоров, представление интересов, как МВД, так и его подразделений в судах и обеспечение защиты, а также осуществление правового помощи сотрудникам, государственным гражданским служащим и работникам по вопросам нормативно-правового регулирования сферы внутренних дел [1, с. 3].

Черников В. В. считает, что юридическую службу можно представить, как неотъемлемую часть МВД России имеющую немаловажное значение в структуре правовых организаций государственного аппарата, деятельность которой вносит значительный вклад в решение задач по укреплению законности и правопорядка в стране [2, с. 3].

Н. Д. Эриашвили, Ю. Ф. Беспалов, Л. В. Щербачева в понимании юридической службой полностью разделяют позиции В. В. Черникова и О. И. Когута, представляя юридическую службу как одно из основных подразделений правовой деятельности по предупреждению правонарушений путем визирования нормативных актов, издаваемых органами внутренних дел по защите прав и законных интересов различных структур МВД, а также по систематизации локальных актов и участию в проведении конференций, совещаний, заседаний на правовую тематику в трудовых коллективах [3, с. 7].

Анализируя позиции, указанных выше авторов, можно сделать вывод, что юридическая служба МВД России представляет собой правовое подразделение, входящее в систему МВД РФ и пронизывающую всю систему управления органов внутренних дел, деятельность, которой заключается в обеспечение законности и правопорядка в стране.

Создание правовой службы в МВД России преследовало определенные цели и задачи. В различных научных исследованиях авторы не достаточно уделяют внимание определению цели деятельности юридической службы.

Так, Черников В. В. [4, с. 4] и Когут О. И. [5, с. 5] считают, что цель юридической службы МВД России определяется в укреплении законности и правопорядка в стране. Авдейко А. Г. и Кононов А. М. [6, с. 1] целью юридической службы определяют как повышение эффективности правового

го регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД России на основе использования результатов научно-исследовательских, опытно-технологических и опытно-конструкторских работ в процессе правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД России.

В Указе Президента РФ от 21 декабря 2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» [7, разд. 1] главной целью юридической службы, как подразделения созданного в системе МВД является: защита прав и свобод человека и гражданина в РФ, обеспечения правопорядка и общественной безопасности.

Таким образом, обобщив мнения исследователей и положений законодателя можно сделать вывод, что главной целью юридической службы, как подразделения созданного в системе МВД является: обеспечение верховенства закона, укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества, государства, МВД РФ в рамках нормотворческой, международно-правовой, договорно-правовой, судебно-исковой, информационной и организационной деятельности.

Определив цель, следует вернуться к задачам правовой службы. Так Черников В.В. выделяет в качестве задач юридической службы МВД России: качественное изменение нормативно-правового регулирования; повышение уровня международно-правовых отношений в области правоохраны; эффективность правового контроля; совершенствование судебно-исковой работы и договорно-правовой работы; оптимизация информационно-правовой деятельности [8]. Но также он отмечает, что в процессе реформирования системы органов внутренних дел появляются новые задачи.

С.П. Булавин в качестве основных задач юридической службы выделяет: проведение правовой экспертизы и экспертизы на коррупциогенность разрабатываемых проектов нормативно правовых актов и иных правовых документов; участие в подготовке либо подготовка проектов нормативных и иных правовых актов; участие в подготовке либо подготовка отзывов на поступающие проекты правовых актов; организация судебно-исковой работы, представление интересов органа в судах и обеспечение их защиты правовыми средствами; организация и осуществление договорно-правовой работы; осуществление правового информирования сотрудников; координация правовой работы; разработка предложений по поднятию эффективности работы в системе МВД России.

В соответствии с Приказом МВД РФ от 9 января 2017 года № 1 «Об утверждении Концепции правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД на период с 2017 по 2021 год» деятельность правовых подразделений определяется следующими задачами:

1. Качественное изменение нормотворческой деятельности с учетом оценки практики и потребности в правовом регулировании;
2. Повышение результативности правового контроля и правомерности управленческих решений, выраженных в правовых актах;
3. Совершенствование договорно-правовой работы в финансово-хозяйственной сфере деятельности МВД России;
4. Развитие судебно-исковой работы;
5. Поднятие уровня в информационно-правовой деятельности;
6. Совершенствование международно-правового сотрудничества с органами правопорядка;
7. Повышение эффективности ведомственной организации правовой работы, как необходимой составляющей правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД России [9, разд.1].

Современная юридическая служба, согласно анализу правовых источников и научных исследований, представляет собой развитую систему правовых подразделений, действующих на всех уровнях управления органов внутренних дел, основные направления которой определены в нормотворческой деятельности, международно-правовой работе, правовом контроле, договорно-правовой работе, судебно-исковой работе, информационно-правовой деятельности, организационно-правовой работе.

Значение и роль юридической службы МВД РФ в настоящее время объективно высоки. Правовые подразделения давно стали неотъемлемой частью МВД России, работа которых вносит значительный вклад в решение задач по укреплению законности и правопорядка в стране.

Библиографический список

1. Авдейко А. Г., Кононов А. М. О научном обеспечении правовой работы в системе МВД // Научный портал МВД России. 2018. № 4. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 01.07.2019).
2. Когут О. И. Юридическая служба в системе МВД России на современном этапе // Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики. 2017. С. 330–334.
3. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (ред. от 06.11.2018) // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.07.2019).
4. Приказ МВД России от 9 января 2017 № 1 «Об утверждении Концепции правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2017 по 2021 год» // Сайт УВД ПО СЗАО ГУ МВД России по г. Москве. URL: <https://сзао.мск.мвд.рф> (дата обращения: 01.07.2019).

5. Черников В. В. Нормотворческая функция МВД России // Вестник ННГУ. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 01.07.2019).

6. Юридическая служба в государственных органах и на предприятиях: учеб. пособие / Н. Д. Эриашвили, Ю. Ф. Беспалов, Л. В. Щербачева, ред. С. С. Маилян, ред. Ю. Ф. Беспалов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 288 с.

7. Юридическая служба в системе МВД России: на страже закона и безопасности граждан // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 37. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 01.07.2019).

8. Черников В. В. Интернет-интервью // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/chernikov2/> (дата обращения: 01.07.2019).

9. Приказ МВД России от 9 января 2017 г. № 1 «Об утверждении Концепции правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2017 по 2021 год» (в ред. приказа МВД России от 7 марта 2017 г. № 112) // ИПП «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72012302/> (дата обращения: 01.07.2019).

УДК 347.9

Смирнова Наталья Александровна,
старший преподаватель,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация

Терехина Полина Викторовна,
магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
bebeshkopolina@mail.ru

К вопросу о понятии медиации в современном праве Российской Федерации

Статья посвящена изучению вопроса, касающегося отсутствия в Российском законодательстве дефиниции «медиация», анализу, является ли медиация правовым институтом. Особое внимание обращено на позиции ученых относительно указанной проблемы, предложено решение в виде внесения изменений в законодательство.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, институт медиации в России, понятие медиации.

Smirnova Natalia Aleksandrovna,
senior lecturer, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Terekhina Polina Viktorovna
undergraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

On the concept of mediation in the modern law of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the question concerning the absence of the definition of “mediation” in the Russian legislation, the analysis of whether mediation is a legal institution. Special attention is paid to the position of scientists on this problem, a solution is proposed in the form of amendments to the legislation.

***Keywords:** alternative dispute resolution, mediation Institute in Russia, the concept of mediation.*

Одним из наиболее важных индикаторов развития современного правового общества является наличие в нем альтернативных процедур урегулирования споров. По справедливому замечанию С. Гараева, «Институт медиации рассматривается, как важнейшее, закрепленное Конституцией РФ, право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [1]».

Нередко для урегулирования правовых споров и конфликтов возможен альтернативный судебному путь их разрешения, который минимизировал бы финансовые, психологические, моральные, процессуальные и другие издержки, и при этом наиболее лояльно и корректно разрешил бы спор и конфликт.

В Российской Федерации законодательно установлен медиативный способ разрешения споров, который регулируется Федеральным законом 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Данным Федеральным законом регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений» [2].

Для анализа нового для российского правового пространства института, необходимо в первую очередь определиться с терминологическим определением понятия «правовой институт» и его соответствии данной правовой категории.

А. В. Малько определяет правовой институт, как «сравнительно небольшую, устойчивую группу правовых норм, регулирующих более определенную группу общественных отношений, отражающих их своеобразие» [3]. Юридический словарь современного гражданского права дает следующее определение данной категории: «обособленная группа юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения и входящих в соответствующую отрасль права» [4]. По мнению С. С. Алексеева, правовые институты – это сравнительно небольшая устойчивая группа правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений [5]. Анализ вышеизложенных позиций ученых содержат некоторые общие черты, которые полностью соотносятся с рассматриваемыми нами правоотношениями, а именно: наличие совокупности норм, предмета и метода правового регулирования.

Так, в законодательстве Российской Федерации имеется совокупность норм, регулирующих данные правоотношения. Предметом в рассматриваемом институте выступают спорные (конфликтные) отношения между людьми, которым для его разрешения необходима правовая помощь третьей стороны, то есть совокупность отношений, возникающих между субъектами по поводу разрешения конфликта. Третьим критерием является метод правового регулирования, а именно: «совокупность способов воздействия на общественные отношения» [6]. В рассматриваемых правоотношениях метод правового регулирования является императивным, так как имеют место обязательные для выполнения государственные властные предписания, которые регламентируют как процессуальный порядок, так и различные приемы, принципы, способы, обстоятельства осуществления процедуры медиации.

Представляется, что наличие всех критериев, является достаточными для признания обособленных, но взаимосвязанных между собой норм, которые регулируют общественные отношения, возникающие при осуществлении деятельности по регулированию споров, в качестве института. Подобную точку зрения на институциональный характер данных норм имеют также ученые: В. В. Созанов [7], С. В. Соловьева и Е. В. Ершова [8].

В ч. 2 ст. 2 Закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», медиация это «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [2]».

Научные дефиниции данного понятия отличаются заметным разнообразием, что не дает окончательного терминологического понятия данного определения.

Изучение научных источников, относящихся к данной теме показал, что существует несколько точек зрения, которым придерживаются ученые трактуя указанное понятие, они имеют два выраженных направления: кон-

цептуальный и описательный. Концептуальный подход трактовки определения медиации представляет собой описание в виде перечисления основных принципов осуществления медиации, ее целей и задач. Следовательно, исходя из концептуального подхода, медиация – «это добровольная конфиденциальная процедура разрешения спора, в ходе которой нейтральное лицо (медиатор) помогает сторонам в проведении переговоров с целью заключения взаимоприемлемого соглашения [10]». Точка зрения ученых, касающаяся описательного подхода определения медиации предполагает трактовку определения через практику применения процедуры, а именно: медиация рассматривается в данном случае непосредственно в качестве процедуры урегулирования спора, при которой ее участники при содействии третьей стороны пытаются разрешить ситуацию наиболее приемлемым для всех способом. Полагаем, что оба подхода имеют право на существование, поскольку это необходимо для облегчения понимания сущности процедуры, которая предоставляет сторонам возможность разрешить спор мирно.

Так, Е. И. Химикус понимает под медиацией «законодательно закрепленный способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [10]. Данная трактовка больше относится к концептуальному подходу, и, как следствие, не может рассматриваться как полное терминологическое определение.

По мнению С. К. Загайновой, медиация – это особым образом организованные переговоры с участием специального субъекта – медиатора, который содействует устранению разногласий и достижению соглашения, отвечающего интересам сторон правового спора [11]. В данном случае определение включает в себя и концептуальный и описательный подход, что видится положительным для закрепления элементов указанной дефиниции в законе.

В свою очередь, В. А. Панкратов отмечает, что медиация – это «вне-судебный способ урегулирования спора между сторонами при участии и под руководством третьего нейтрального лица – посредника, не наделенного правом вынесения обязательного для сторон решения» [12]. Данное определение, на наш взгляд, также не в полной мере раскрывает особенности процедуры, а также раскрывает возможность использования урегулирования спора только для гражданских правоотношений.

У. У. Абдулкадыров отмечает, что медиация – «это переговоры с участием третьей стороны, которая заинтересована в том, чтобы конфликтующие стороны разрешили свой спор максимально выгодно для себя [13]». Данное определение неполно отражает сущность процедуры, а также не включает элементы концептуального подхода.

Интересной является точка зрения А. Е. Цукарева, который понимает под медиацией «форму внесудебного разрешения споров посредством проведения переговоров между конфликтующими субъектами с участием

независимого посредника (медиатора), который помогает спорящим сторонам урегулировать свои разногласия и прийти к компромиссному взаимоприемлемому решению, устраивающему обе стороны» [9]. Думается, что данное определение наиболее полно и подробно раскрывает особенности проведения процедуры и ее сущность.

Представляется необходимым закрепление понятия медиации в законодательстве, в связи с чем считаем целесообразным внести п. 8 в ст. 2 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» регламентируя определение медиации следующим образом: «медиация – это способ внесудебного урегулирования споров с помощью проведения переговоров между конфликтующими субъектами при содействии нейтральной (беспристрастной) стороны – медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения, порождающая взаимовыгодные права и обязанности.

Предлагаемое дополнение будет способствовать унификации нормы, ее единообразному пониманию, толкованию и правоприменению и, как следствие, активации использования, так как правоприменители получают наиболее полную норму, в которой подробно регулируется содержание, особенности и характеристики процедуры в целом.

Библиографический список

1. Гараев С. Проблемы и перспективы развития медиации в судах Медиация: теория, практика, перспективы развития. Сб. материалов научно-практической конференции (13–14 апреля 2017 г., Москва). С. 56.

2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 29.03.2019).

3. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Юристъ, 2004.

4. Юридический словарь современного гражданского права. 2014 // Словари и энциклопедии на академике. URL: https://modern_law.academic.ru (дата обращения: 29.03.2019).

5. Алексеев С. С. Теория права. М. : БЕК, 1995. 320 с.

6. Бошно С. В. Способы и методы правового регулирования // Право и современные государства. 2014. № 3. С. 52–60.

7. Созанов В. В. Институт медиации в системе отношений несостоятельности (банкротства) в РФ // Terra economicus. 2014. Т. 12, № 2. Ч. 2. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.03.2019).

8. Соловьева С. В., Ершова Е. В. Школьная служба медиации как институт восстановительного правосудия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3(2). С. 212–217.

9. Цукарев А. Е. К вопросу о принятии медиации в российском праве // Ростовский научный журнал. URL: <http://rostjournal.ru> (дата обращения: 29.03.2019).

10. Химикус Е. И. Виды медиации // Современное право. 2015. № 11. С. 114–117.

11. Загайнова С. К. Соотношение медиативного и мирового соглашений: актуальные вопросы судебной практики // Российский юридический журнал. 2018. № 5. С. 92–96.

12. Панкратов В.А., Позинская К., Медиация – альтернативный способ разрешения споров // Вестник Брянского университета. 2008. № 2. С. 131–132.

13. Абдулкадыров У. У. Понятие и значение медиации // Государственная служба и кадры. 2019. № 2 // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-mediatsii-1> (дата обращения: 20.11.2019).

УДК 347.962

Сеидов Виталий Олегович,

соискатель,

Санкт-Петербургский юридический институт

(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

svo-47lo@yandex.ru

Актуальные проблемы регулирования полномочий прокурора по надзору за исполнением законов

В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы, возникающие при реализации полномочий прокурора по надзору за исполнением законов. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего федерального законодательства и организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации выдвигается и аргументируется подход о необходимости исследования содержания и объема полномочий прокурора по надзору за исполнением законов.

Ключевые слова: прокуратура, надзор за исполнением законов, прокурорская деятельность, полномочия прокурора.

Seidov Vitaly Olegovich,
applicant,
Saint Petersburg law Institute Institute
(branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation

**Actual problems of regulating the powers of the prosecutor
to supervise the execution of laws**

The article deals with some topical issues that arise in the implementation of the Prosecutor's powers to supervise the implementation of laws. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, current Federal legislation and organizational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation, the author puts forward and argues for the need to study the content and scope of the Prosecutor's powers to supervise the implementation of laws.

Keywords: *prosecutor's office, supervision of law enforcement, prosecutor's activity, powers of the Prosecutor.*

Прокуратура Российской Федерации в условиях сегодняшнего дня играет важную роль в охране, и защите прав и свобод граждан, интересов общества и государства, укреплении законности и правопорядка, способствуя развитию демократического правового государства. Осуществляя надзор за исполнением законов на всей территории России прокуроры в центре и на местах принимают меры, направленные на обеспечение единства законности и незыблемости правопорядка, устранение нарушений и привлечение виновных к ответственности, восстановление нарушенных прав граждан и организаций.

На современном этапе прокуроры реализуют предоставленные им законом полномочия в различных направлениях деятельности, как надзорного, так и ненадзорного характера. Выявляя нарушения закона, прокуроры обеспечивают верховенство закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства [5, с. 120].

Актуальные проблемы прокурорской деятельности традиционно находятся в поле зрения ученых. Научное исследование идет в двух направлениях: изучение теоретических основ с формулировкой и уточнением понятийного аппарата, а также разработка научно обоснованных рекомендаций, направленных на совершенствование указанной деятельности [6, с. 16; 7, с. 57].

Практика последних лет с учетом изменений в законодательстве указывает на потребности в изучении вопросов осуществления прокурорской деятельности в целом и вопросов, связанных с полномочиями прокурора

по надзору за исполнением законов как важной составной части работы прокурора, в частности.

Прокуроры продолжают осуществлять свою деятельность, руководствуясь соответствующими положениями закона, используя практический опыт в том или ином направлении (как свой собственный, так и накопленный коллегами). Очевидно, что различия в законодательной регламентации общественных отношений или групп общественных отношений предопределяют особенности реализации полномочий прокурора по надзору за исполнением законов.

В организационно-распорядительных документах Генерального прокурора Российской Федерации довольно часто обращается внимание подчиненных прокуроров на необходимость осуществлять свою деятельность как надзорного, так и ненадзорного характера в едином контексте, рассматривать деятельность в ненадзорных направлениях, как продолжение надзорной деятельности.

Отметим, что прокурорско-надзорные полномочия на разных этапах неоднократно наполнялись новым содержанием: постоянные изменения законодательства соответственно меняли объем полномочий прокурора по надзору за исполнением законов (например, в сфере организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля). Вместе с тем в разное время очевидными были и недостатки формально-юридического закрепления полномочий прокуроров, как в ведомственном законе, так и в иных законодательных актах, регулирующих осуществление ими различных направлений надзора за исполнением законов.

Ученые и практики неоднократно обращали внимание на необходимость устранения такого рода недостатков правового регулирования, препятствующих эффективной реализации поставленных перед прокуратурой задач [2, с. 45–46], [3, с. 34–38], [4, с. 3–9].

Видится, что решение вопросов надделения прокурора теми или иными полномочиями невозможно в отрыве от соответствующей теоретической основы.

В связи с этим, можно сделать вывод, что в теории прокурорской деятельности до настоящего времени, не вполне проработаны и остаются спорными вопросы природы полномочий прокурора по надзору за исполнением законов.

Так, в ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) закреплено полномочие прокурора проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона; в соответствии с ч. 1 ст. 27 прокурор при осуществлении возложенных на него функций рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина; в ч. 1 ст. 30 установлено, что полномочия прокурора по надзору за испол-

нением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами, которые также предоставляют прокурору право осуществлять проверки; в ч. 1 ст. 33 предусмотрено право прокурора проверять соответствие законодательству Российской Федерации приказов, распоряжений, постановлений администрации органов и учреждений пенитенциарной системы.

Несколько сложнее обосновать наличие полномочий проверочного характера в случае участия прокурора в рассмотрении дел судами (ст. 35, 36 Закона о прокуратуре). Однако и в этих случаях определенные основания для этого имеются. Так, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор осуществляет от имени государства уголовное преследование, в том числе поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность (ч. 3 ст. 37 УПК РФ).

Полномочия прокурора в гражданском процессе определяются исходя из положений ст. 34 и 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. В суде первой инстанции как таковая «проверочная составляющая деятельности» прокурора минимальна. Достаточно часто исковые заявления или заявления, предъявляемые прокурором, представляют собой акт реагирования на нарушения закона, выявленные в ходе надзорных проверок. В таком случае дополнительной проверки прокурор не проводит.

Что же касается принесения представлений в случаях, предусмотренных гражданским процессуальным законодательством (например, ст. 244.10, 244.18, 320, 376 ГПК РФ и др.), то проведение проверки прокурором представляется необходимым, поскольку любое представление должно быть обосновано, в том числе с точки зрения соответствия закону того решения, которое обжалуется [1, с. 3–4].

Полномочия прокурора в арбитражном процессе определяются исходя из положений, закрепленных в ч. 4 ст. 4, ст. 40 и 52 Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК РФ). Деятельность прокурора, связанная с его участием в арбитражном процессе, во многом сходна с его деятельностью в гражданском процессе. Поэтому о проверочной составляющей его деятельности имеются основания говорить, прежде всего, применительно к пересмотру судебных актов арбитражным судом.

Вместе с тем, остается дискуссионным вопрос об отнесении прокурорской проверки к возможным полномочиям прокурора. Так, по мнению ряда ученых в области прокурорской деятельности «понятие прокурорской проверки с достаточной долей условности можно определять, как полномочие прокурора. При этом следует различать полномочие прокурора на проведение проверки и саму проверку как средство получения информации

о нарушениях законов. Очевидно, что сама по себе проверка не является полномочием, поскольку полномочия реализуются через соответствующие средства. Сущность полномочия прокурора проводить проверку заключается в праве и обязанности прибегать к средству – проверке» [1, с. 4].

Практика последних лет показывает, что наравне с судом прокурорский надзор стал одним из основных гарантий прав и законных интересов. Прокуроры в рамках своих полномочий незамедлительно реагируют и оценивают нарушения закона в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, требуя привлечения к ответственности должностных лиц, допустивших данные нарушения.

Представляется, что ряд законодательных норм и неоднозначность их применения на практике, различные мнения ученых и практических работников, побуждают к всестороннему исследованию данных вопросов.

Таким образом, полагаем возможным сделать вывод о том, что несмотря на наличие у прокурора весомого круга полномочий при осуществлении надзорной деятельности, на современном этапе отсутствует должным образом работающий механизм по их реализации, что отрицательно сказывается на эффективности и оперативности надзора за исполнением законов.

Библиографический список

1. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учеб. пособие / под ред. О. Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстиция, 2019. 350 с.
2. Винокуров А. Ю. Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов // Законность. 2006. № 4. С. 45–46.
3. Винокуров А. Ю., Винокуров Ю. Е. О новом взгляде на полномочия прокурора, связанные с применением Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 34–38.
4. Капинус О. С. Прокурорский надзор за исполнением законов: состояние и перспективы развития // Законность. 2013. № 7. С. 3–9.
5. Прокурорский надзор : учеб. пособие. СПб. : Юридический центр, 2017. 396 с.
6. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики : монография / кол. авторов. М. : РУСАЙН, 2019. 268 с.
7. Сушина Т. Е. К вопросу о совершенствовании методических и организационных основ прокурорского надзора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2017. № 6(62). С. 57.

УДК 343.16

Ушакова Кристина Сергеевна,
ассистент, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
Kristina.ush@yandex.ua

Фарафонова Валерия Андреевна,
студент, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
farafonova.valera@mail.ru

Некоторые проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения в уголовном процессе

В статье рассматривается отказ прокурора от обвинения как институт уголовно-процессуального права и как деятельность государственного обвинителя в судебном разбирательстве, а также описаны уполномоченные лица, которые могут выступать в качестве государственного обвинителя. Помимо этого, на основе литературы уголовного права и нормативно-правовой базы Донецкой Народной Республики (в частности, на базе Уголовно-процессуального кодекса) проанализированы причины, способствующие отказу от обвинения. Также охарактеризованы действия государственного обвинителя в рамках судебного процесса в случае его отказа от обвинения. Нами были рассмотрены случаи, когда государственный обвинитель не вправе отказаться от обвинения в судебном процессе. Указаны этапы уголовного процесса, на которых государственному обвинителю возможно отказаться от обвинения.

Ключевые слова: государственный обвинитель, прокурор, отказ от обвинения, судебный процесс.

Ushakova Kristina Sergeevna,
assistant, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Farafonova Valeria Andreevna,
student, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Some problems of refusal by the state accountant from accusing the criminal process

The article discusses the prosecutor's refusal from the prosecution as an institution of criminal procedure law and as the activity of the public prosecutor in the trial, it also describes authorized persons who may act as a public prosecutor. In addition, based on the literature of criminal law and the regulatory framework of the Donetsk People's Republic (in particular, on the basis of the Code of Criminal Procedure), the reasons contributing to the refusal of the prosecution are analyzed. Also described are the actions of the public prosecutor in the trial if he refuses to charge. We have considered cases where the public prosecutor is not entitled to refuse the charge in the trial. The stages of the criminal process are indicated at which it is possible for the public prosecutor to refuse the charge.

Keywords: *public prosecutor, prosecutor, refusal of a charge, lawsuit.*

Направление прокурором в суд уголовного дела с утвержденным им обвинительным заключением, означает выдвижение перед судом государственного обвинения. Суд, по инициативе прокурора, должен решить основной вопрос уголовного дела – о виновности или невиновности обвиняемого лица и о назначении либо не назначении ему уголовного наказания. Поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу, должностное лицо органа прокуратуры выступает в качестве государственного обвинителя.

В судебном производстве довольно часто встречаются случаи, когда государственный обвинитель в силу открывшихся обстоятельств вынужден отказать от предъявляемого обвинения. Таковыми причинами являются следующие: 1) изменение показаний участниками судебного производства; 2) выяснение ранее неизвестных обстоятельств по уголовному делу; 3) признание ранее полученных доказательств недействительными и др.

Дело в том, что перед судебным процессом государственный обвинитель исследует материалы уголовного дела, формирует соответствующие выводы о виновности подсудимого, основываясь только на свои внутренние убеждения. В рамках судебного заседания осуществляется непосредственное рассмотрение доказательств (в том числе и те, которые подтверждают его невиновность). В связи с этим утверждения о виновности могут не только измениться, но и пропасть вовсе.

Согласно юридическим источникам, под отказом от обвинения понимается отречение от обвинительного тезиса и прекращение обвинительной деятельности государственного обвинителя в случае несостоятельности утверждения о виновности подсудимого в рамках рассматриваемого уголовного дела, а также прекращение его уголовного преследования частично или полностью [1, с. 132].

По мнению В.Ф. Крюкова, отказ государственного обвинителя в судебном процессе необходимо трактовать как негативное выражение собственного отношения к обвинению в виде отрицания его законности и обос-

нованности, мотивируя это невозможностью продолжения обвинительной деятельности в адрес подсудимого, сообщение о полном или частичном прекращении вынесения обвинения по уголовному делу [2, с. 75].

В соответствии с точкой зрения А. А. Леви, отказ государственного обвинителя от предъявляемого обвинения не способствует моментальному прекращению судебного разбирательства. Суд вправе продолжить судебное следствие, выслушать прения сторон, а после вынести верное на свой взгляд решение [3, с. 41].

Стоит сказать, что данное суждение является не совсем корректным, поскольку в случае отказа государственного обвинителя от обвинения данные обязательства возлагаются на суд, что противоречит принципу состязательности сторон (суд должен придерживаться нейтралитета).

Л. В. Головкич более категоричен в своих высказываниях. По его мнению, отказ обвинения, как и его изменение, считается теоретически несостоятельным действием, не обладающим правом на проверку в виде отдельного процессуального института.

Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (далее УПК ДНР) предусматривает основания для отказа государственного обвинителя от обвинения. Об этом свидетельствуют ст. 110, 229 УПК ДНР, в соответствии с которыми уголовное дело или уголовное преследование подсудимого прекращается [4].

Следовательно, в качестве отказа государственного обвинителя от обвинения понимаются структурные элементы отказа от обвинения, его причины, правовые основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования в случае отказа от обвинения.

Примечательно, что государственным обвинителем в судебном процессе может быть как прокурор или заместитель прокурора, подписавший обвинительное заключение (обвинительный акт), так и иное лицо уголовного процесса.

Необходимо отметить, что различают такие причины для отказа от обвинения, как:

1) в ходе судебного разбирательства утрата убедительности собранных по делу доказательств;

2) выявление в рамках судебного разбирательства новых доказательств или новых обстоятельств;

3) были определены нарушения процессуального закона или был установлен односторонний обвинительный подход и др.

П. П. Рукавишников рассматривает такие причины отказа от обвинения, как:

1) правонарушения и ошибки, допущенные в ходе предварительного расследования;

2) ошибочная оценка государственным обвинителем материалов уголовного дела;

3) появление в ходе судебного следствия новых доказательств, изменение обстоятельств дела [5, с. 240].

Согласно УПК ДНР, причинами для отказа государственного обвинителя от обвинения являются следующие:

- 1) отсутствие события преступления (ст. 110 УПК ДНР);
- 2) отсутствие в деянии состава преступления (ст. 110 УПК ДНР);
- 3) непричастность обвиняемого к совершению преступления (ст. 229 УПК ДНР);
- 4) прекращение уголовного дела по основаниям, закрепленным в обозначенном нормативно-правовом акте (ст. 229 УПК ДНР).

Стоит сказать, что перечисленные причины, кроме последней, среди исследователей уголовного права не вызывают явных возражений, поскольку они объединены общей составляющей – «отсутствие события», «отсутствие состава», «непричастность». Что касается последней, то в данной норме нет непосредственного основания для отказа от обвинения.

Согласно УПК ДНР, государственный обвинитель не может отказаться от обвинения, если этим будут нарушены правила о подсудности или обязанности проведения предварительного следствия (ст. 291 УПК ДНР). В данном случае государственный обвинитель должен подать ходатайство о возвращении дела на дополнительное расследование.

В случае отказа от обвинения государственный обвинитель вынужден прокомментировать свое решение, поскольку он:

- 1) своим решением затрагивает права потерпевшего – влечет за собой прекращение уголовного дела;
- 2) прокурор и его обвинение выступает в качестве основы решения, принимаемое судом (в данной ситуации, без письменного текста отказа решение суда является не в полной мере обоснованным);
- 3) судья должен предоставить отказ от обвинения государственного обвинителя потерпевшему и иным участникам судебного разбирательства.

Поскольку государственный обвинитель является государственным представителем, то у него отсутствует личная увлеченность в осуждении невиновного. В связи с этим, в случае отказа от обвинения, он руководствуется публичным интересом недопустимости привлечения к уголовной ответственности и осуждению невиновных.

Важно отметить, что отказ от обвинения возможен только в стадиях уголовного процесса, предусматривающих проведение судебного следствия и исследование доказательств по делу, то есть, с учетом ныне действующего законодательства, в суде первой инстанции, а также при производстве по уголовному делу в суде апелляционной инстанции.

Таким образом, отказ государственного обвинителя от обвинения базируется на основе положений УПК ДНР. Причинами могут быть как выявление новых обстоятельств по делу, так и признание недопустимыми ра-

нее полученных доказательств, а также при выявлении существенных противоречий в доказательствах стороны обвинения.

Библиографический список

1. Бабаев С. Н. Некоторые аспекты отказа прокурора от поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 132–142.

2. Крюков В. Ф. Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. Курск, 2010. 412 с.

3. Леви А. А. Отказ государственного обвинителя от обвинения // Законность. 2006. № 6. С. 41–43.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: (утвержден Постановлением Совета Донецкой Народной Республики № 240-ИНС от 24.августа 2018) // Офиц. сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki> (дата обращения: 10.12.2019).

5. Рукавишников П. П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2010. 240 с.

УДК 374.918

Фадеев Виктор Александрович,
преподаватель, Волго-Вятский институт
(филиал) университета им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
fadeev@msalkirov.ru

Недостовверные выводы эксперта: возмещение расходов в арбитражном процессе

Возмещение расходов за проведение судебной экспертизы возложено в арбитражном процессе на лиц, участвующих в деле. Автор приходит к выводу, что в случае представления заключения эксперта, содержащего недостоверные выводы, указанные расходы возмещению не подлежат. Речь идет и о тех случаях, когда ошибочной является используемая экспертом методика. В такой ситуации доказательство, подтверждающее или опровергающее какие-либо обстоятельства по делу суду не представлено. А следовательно, понесенные экспертом расходы не являются судебными.

Ключевые слова: Судебная экспертиза, недостоверность выводов эксперта, экспертная методика, возмещение расходов на проведение экспертизы.

Fadeev Viktor Aleksandrovich,
lecturer, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

False expert conclusions: reimbursement of costs in the arbitration process

Persons participating in the arbitration process are obliged to reimburse the costs of the examination. The author comes to the conclusion that if the expert included false conclusions in the conclusion, his expenses for the examination should not be paid. Expenses will not be paid also in the case when an unreliable technique is used. In this case, the expert did not present evidence to the court. Therefore, his expenses cannot be considered judicial.

Keywords: forensics, the unreliability of the conclusions of the expert, the expert's methodology, the reimbursement of costs of examination.

Заключение эксперта как итоговый документ судебной экспертизы допускается в арбитражном процессе в качестве доказательства на основании ч. 2 ст. 64 АПК РФ. Частью 1 ст. 64 АПК РФ предусмотрено, что доказательствами по делу являются сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела.

Как доказательство заключение эксперта исследуется наряду с другими доказательствами по делу (ч. 3 ст. 86 АПК РФ). С точки зрения закона никакие доказательства (включая и экспертное заключение) не имеют заранее установленной силы, не обладают преимуществом перед другими доказательствами (ч. 2 ст. 67 ГПК РФ и ч. 5 ст. 71 АПК РФ).

При этом суд оценивает достоверность выводов эксперта, как и достоверность любых имеющихся в деле доказательств, исключительно по своему внутреннему убеждению. Внутреннее убеждение любого судьи формируется, в том числе исходя из его жизненного опыта (включая опыт работы, предшествовавшей судейской карьере), а также здравого смысла [6, с. 61].

Но ранее, чем суд оценит доказательства и установит на их основе факты, необходимо проверить доказательство на достоверность. Вследствие чего признание доказательства достоверным означает, что оно достойно доверия со стороны суда, то есть признано способным служить средством формирования знания суда об обстоятельствах дела [7, с. 85].

Статья 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее –

Закон № 73-ФЗ) предписывает, чтобы заключение эксперта основывалось на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных [2]. В части 3 статьи 71 АПК РФ законодатель впервые в истории современного процессуального закона дал определение достоверности доказательства: «Доказательство признается арбитражным судом достоверным, если в результате его проверки и исследования выясняется, что содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности» [1].

Безусловно, весьма проблематично установить достоверность выводов, сделанных сведущим лицом на основе его специальных познаний, суду, такими специальными познаниями не обладающему. Какой-либо особый процессуальный порядок опровержения достоверности заключения эксперта отсутствует. Как правило, без помощи иного сведущего лица (эксперта или специалиста), обладающего необходимыми специальными познаниями, осуществить такую проверку для суда не представляется возможным.

При несогласии с выводами эксперта суд вправе назначить дополнительную или повторную экспертизу либо разрешить дело по существу на основании других доказательств, если они в своей совокупности позволяют сделать истинный вывод о фактических обстоятельствах по делу. В последнем случае суд должен привести в мотивировочной части решения убедительные доводы, по которым он отвергает заключение эксперта и разрешает дело по существу без назначения повторной экспертизы.

В том случае, если суд пришел к выводу о недостоверности выводов эксперта, возникает вопрос о том, каким образом распределять расходы за проведение такой экспертизы.

Так, при рассмотрении обособленного спора в рамках дела о банкротстве № А28-15681/2016-24 суд рассматривал заявление о фальсификации четырех договоров займа [5].

В целях проверки заявления была назначена судебно-техническая экспертиза (для установления давности изготовления реквизитов документов), проведение которой поручено ООО экспертному учреждению «Воронежский центр экспертизы». Перед экспертами были поставлены вопросы о соответствии времени нанесения печатей и подписей в указанных договорах их дате (всего 16 объектов).

Согласно представленному заключению экспертов время выполнения исследуемых реквизитов на договорах займа дате составления этих документов (24.03.2014) не соответствует, так как данные реквизиты на документах были выполнены в другие, более поздние сроки, определяемые общим интервалом с 26.02.2018 по 28.07.2018.

Однако при исследовании судебной экспертизы установлено, что выводы экспертов опровергаются представленными в материалы дела доказательствами. Сканкопии с подлинных договоров займа были представлены в суд 18.02.2018 (в электронном виде через «Картотеку арбитражных дел»).

В результате суд пришел к выводу, что экспертное содержит, очевидно, недостоверные выводы о времени фактического изготовления реквизитов представленных на исследование документов.

Вызванный в судебное заседание эксперт указала, что возможно в экспертном заключении были допущены арифметические ошибки, наличие которых могло повлиять на выводы экспертов.

С учетом мнения вызванного в судебное заседание специалиста суд пришел к выводу, что недостоверность выводов вызвана особенностями примененной методики.

Экспертом была применена методика по установлению абсолютной давности выполнения документов путем определения «возраста» штрихов исследуемых реквизитов по динамике выцветания цветowych штрихов.

Сущность метода заключается в том, что «возраст» штрихов определяется путем построения модели выцветания штрихов на основании спектрофотометрических измерений экстракта красящего вещества в штрихах и последующих расчетов согласно ГОСТ Р 52489-2005 (ISO 7724-1:1984) «Материалы лакокрасочные. Колориметрия. Основные положения» и международных стандартов по колориметрии ISO 7724-3:1984 «Лаки и краски. Колориметрия. Расчет цветowych различий».

То есть экспертом модель выцветания материалов письма (пасты шариковой ручки и штемпельной краски) построена на основании метода колориметрии, применяемого для лакокрасочных материалов, имеющих иной химический состав. Материалы письма существенно отличаются по свойствам от объектов, исследование которых предусматривают ГОСТы. Указанные ГОСТы не описывают динамики (изменения) параметров во времени, поэтому их применение для определения давности изготовления штрихов необъективно.

Из представленного в материалы дела экспертного заключения следует, что вырезки опытных и контрольного штрихов были экстрагированы в растворителе (метаноле), после чего определялось их полное цветowe различие согласно ГОСТ Р 52489–2005 (ISO 7724-1:1984) «Материалы лакокрасочные. Колориметрия. Основные положения» с кратностью не менее двух раз (спектрофотометрические измерения).

Эксперт в судебном заседании пояснила, что подбор контрольных штрихов осуществлялся из имеющегося каталога экспертной организации, условия хранения исследуемых документов не учитывались, контрольный и опытный образцы являются близкими по составу красящих веществ, но идентичность по химическому составу не устанавливалась, поскольку не предусмотрена методикой.

Однако с точки зрения криминалистики, модель, применительно к штрихам, должна воспроизводить состав и условия существования моделируемого объекта. Именно таким образом обеспечивается достоверность сделанных выводов.

Таким образом, для установления абсолютной давности договоров займа экспертами были использованы для сравнения образцы штрихов-моделей с достоверной датой их исполнения, но с неидентичным составом красителей. Между тем, процессы выцветания у контрольного и исследуемого объектов могли быть различны. При этом не учитывались материалы письма, в состав которых входят специальные компоненты, в том числе компоненты, предотвращающие цветное выцветание, а также условия влияния внешней среды на документ (например, воздействие света, температуры и др. агрессивных внешних факторов).

В условиях отсутствия достоверного подтверждения полной сопоставимости сравнительных образцов и исследуемых документов (отсутствуют данные о том, каким образом отбирались образцы для натурной коллекции и какова репрезентативность образцов, использованных экспертами для сравнения) выводы экспертного заключения не могут быть признаны объективными и достоверными.

Фактически применяемая ООО Экспертное учреждение «Воронежский центр экспертизы» экспертная методика позволяет установить изменение цвета (процесс выцветания) штрихов красящих веществ в период проведения исследования, применение модели изменения цвета в период проведения экспертизы не может быть с достоверностью установить процесс выцветания в прошедший период, учитывая, что экспертами не принят во внимание химический состав сравниваемых красителей, а также условия воздействия факторов окружающей среды на исследуемый документ.

Поскольку экспертное заключение ООО Экспертное учреждение «Воронежский центр экспертизы» не отвечает критерию достоверности, оно не может являться доказательством при рассмотрении дела.

Поскольку в данном случае результатом экспертизы является экспертное заключение, не отвечающее признакам достоверности, его нельзя считать доказательством по рассматриваемому обособленному спору (ч. 1 и 2 ст. 64 АПК РФ).

Процессуальное законодательство исходит из возмещения судебных издержек, то есть расходов, связанных с рассмотрением дела в арбитражном суде, которые возникли либо в связи с получением доказательств по делу, либо в связи с представлением правовой позиции стороны по делу (ст. 106 АПК РФ).

В данном случае в результате проведения судебной экспертизы судом не получено доказательство по делу, отвечающее признакам достоверности, в связи с чем понесенные экспертом расходы не могут расцениваться как судебные издержки, в связи с чем суд не усмотрел оснований для их возмещения. Более того, представляется, что действия сведущего лица (эксперта) могут быть оценены как злоупотребление правом в такой ситуации.

Полагаем, что подобный подход является абсолютно законным и справедливым, позволяет исключить возложение на стороны расходов за проведение экспертизы, содержащей недостоверные выводы.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.
5. Определение Арбитражного суда Кировской области от 01.02.2019 по делу № А28-15681/2016-24 // Картотека арбитражных дел Арбитражного суда Московского округа. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0df0c9b9-e5fc-4a4c-8b6d-1c1acbdd350e/7c328e99-f68a-4e04-8f21-0c1dd3850c95/A28-15681-2016_20190201_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 22.10.2019).
6. Епатко М. Ю. Оспаривание экспертного заключения в арбитражном (гражданском) процессе // Арбитражные споры. 2014. № 2. С. 59–70.
7. Шварц М.З. К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2010. № 3. С. 85.

УДК 349.6

Хлестакова Любовь Анатольевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Рунтов Сергей Игоревич,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
sergey.runtov@rambler.ru

**Проблемы разграничения
уголовной и административной ответственности
при загрязнении атмосферного воздуха**

В статье рассматривается проблема разграничения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 251 УК РФ от административного правонарушения, определенного ч. 1, 2 ст. 8.21 КоАП РФ. Автором приводятся критерии разграничения составов исследуемых правонарушений. Указывается на пробелы в законодательстве, касающиеся определения дефиниций понятий «загрязнение атмосферного воздуха» и «изменение природных свойств атмосферного воздуха». Приводятся авторитетные мнения о криминализации исследуемых деяний. Предлагаются пути устранения выявленных проблем путем внесения в отечественное законодательство ряда изменений, касающихся определения ответственности за загрязнение атмосферного воздуха.

Ключевые слова: *атмосферный воздух, уголовная ответственность, административная ответственность, предельно допустимые концентрации, критерии дифференциации.*

Khlestakova Lyubov Anatolyevna,

candidate of pedagogics, associate professor, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Runtov Sergey Igorevich,

undergraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Problems of differentiation of criminal and administrative liability for air pollution

The article considers the problem of delimiting a crime under Part 1 of Art. 251 of the Criminal Code of the administrative offense, defined by Part 1, 2 of Art. 8.21 Administrative Code of the Russian Federation. The author provides criteria for distinguishing the composition of the investigated offenses. The gaps in the legislation regarding the definition of the concepts of «atmospheric air pollution» and «change in the natural properties of atmospheric air» are indicated. Authoritative opinions on the criminalization of the investigated acts are given. Ways are proposed to eliminate the identified problems by introducing into the domestic legislation a number of changes regarding the definition of liability for air pollution.

Keywords: *atmospheric air, criminal liability, administrative responsibility, maximum permissible concentrations, differentiation criteria.*

Если заводить разговор о проблеме дифференциации юридической ответственности за нарушение установленных требований в сфере правовой охраны атмосферного воздуха, то видится необходимым исследовать вопрос о том, что действующая конструкция состава преступления предусмотренного ч. 1 ст. 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы», не позволяет

четко отграничить ее от ст. 8.21 КоАП РФ «Нарушение правил охраны атмосферного воздуха». В обоих нормативно-правовых актах, разных отраслей права используются одинаковые термины, которые соревнуются друг с другом по вопросу криминализации в случае совершения правонарушения в области охраны атмосферного воздуха.

Одна из важнейших проблем связана с применением ст. 251 УК РФ, она заключается в том, что критерии для определения понятия «загрязнение атмосферного воздуха» и «изменение природных свойств атмосферного воздуха» отсутствуют. Обратившись для решения вопроса к законодательству, выясняется, что загрязнение воздуха в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха», заключается в поступлении в атмосферный воздух или же образование в нем вредных веществ в концентрациях, которые превышают установленные государством гигиенические и экологические нормативы качества атмосферного воздуха [6]. Но непосредственно количественными и качественными характеристиками загрязнения атмосферного воздуха, а также размером причиненного вреда ч. 1 ст. 251 УК РФ не наполнена, что говорит о недостаточной проработанности состава.

Гигиеническими и экологическими нормативами выступают предельно допустимые концентрации (ПДК), то есть максимальное количество единиц массы загрязняющего вещества на единицу объема воздуха (мг/м³), которое принимается за 1 ПДК [2]. Российское законодательство определяет то, что загрязнение атмосферного воздуха будет иметься в случае поступления в атмосферу концентрации загрязняющего вещества, превышающей ПДК [3].

При этом возникает вопрос, в каждом ли случае превышение 1 ПДК, если имеются все остальные необходимые признаки преступления, необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 251 УК РФ. В соответствии с вышеизложенным, можно сделать вывод, что это необходимо. Именно тогда мы замечаем, что границы между преступлением и административным правонарушением начинают размываться. Речь идет о ч. 1, 2 ст. 8.21 КоАП РФ, которая имеет сходный состав правонарушения с ч. 1 ст. 251 УК РФ, и отличается только отсутствием специального разрешения.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 №21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушение в области окружающей среды и природопользования» имеются конкретные критерии только для квалификации деяний, рассматриваемых по ч. 2, 3 ст. 251 УК РФ.

Согласно ст. 251 УК РФ к уголовной ответственности привлекаются только физические лица, которые нарушили правила выброса в атмосферу загрязняющих веществ или допустили нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, если эти действия повлекли за собой смерть, либо причинили вред здоровью человека.

Объектом преступления будут являться общественные отношения в сфере экологической безопасности, охраны и рационального использования атмосферного воздуха, предметом является сама атмосфера.

Объективная сторона характеризуется как действиями, которые прямо запрещены законом, так и бездействием, которое заключается в невыполнении установленных законом обязанностей субъектов природопользования.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 251 УК РФ, имеет умышленную и неосторожную формы вины. Субъект преступления специальный, это физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста на момент совершения преступного деяния и ответственное за соблюдение установленных требований законодательства об охране атмосферного воздуха, в том числе порядка эксплуатации установок, сооружений и других объектов.

Сравнительный анализ ч. 1 ст. 251 УК РФ и ч. 1.2 ст. 8.21 КоАП РФ позволяет найти совпадение непосредственного объекта и предмета указанных противоправных деяний. Что же касательно дополнительных объектов, то критерии дифференциации имеются только в ч. 2 ст. 251 УК РФ, это здоровье человека, и в ч. 3 ст. 251 УК РФ - жизнь человека.

Объективной стороной правонарушения, предусмотренного ч. 1, 2 ст. 8.21 КоАП РФ, являются выбросы вредных веществ в атмосферный воздух или вредное физическое воздействие на атмосферный воздух. Признаком для разграничения ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ и ч. 2 ст. 8.21 КоАП РФ является наличие или отсутствие разрешения на выбросы вредных веществ в атмосферный воздух.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1, 2 ст. 8.21 КоАП РФ, как характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины, то есть, как и субъективная сторона ч. 1 ст. 251 УК РФ. Субъектом рассматриваемых административных правонарушений выступают граждане, юридические лица, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Диспозиция ч. 1 ст. 251 УК РФ сформулирована как преступление с материальным составом. Моментом окончания данного преступления являются два противоположных преступных последствия в виде загрязнения атмосферного воздуха или иного изменения природных свойств атмосферного воздуха. Именно наступление этих последствий является обязательным признаком объективной стороны. По этому критерию в основном и различают ч. 1 ст. 251 УК РФ и ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ, соблюдение которого влечет за собой не загрязняющие окружающую среду последствия, а так же не влечет изменение природных свойств атмосферного воздуха, но степень и характер наступивших изменений в качестве критерия разграничения преступления и административного правонарушения ни в уголовном, ни в административном законодательстве, ни даже в разъяснительных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ не определены.

Разграничивающими критериями для ч. 1, 2 ст. 8.21 КоАП РФ, а также ч. 1 ст. 251 УК РФ, с ч. 2, 3 ст. 251 УК РФ является отсутствие вредных последствий для жизни и здоровья каждого человека.

Проанализировав п. 8, ст. 15 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха» можно с полной уверенностью сделать вывод, что при выбросе загрязняющих веществ в наиболее полном соответствии со всеми требованиями, которые установлены в разрешении, уже осуществляется изменение состояния атмосферного воздуха, хотя это и является одним из преступных последствий, которые содержатся в ч. 1 ст. 251 УК РФ. Получается, что любое превышение определенных законодательством норм влечет за собой изменение природных свойств атмосферного воздуха, а как максимум, его загрязнение.

Для того, чтобы установить объем допустимых концентраций веществ в выбросах нужно получить разрешение Росприроднадзора на эти выбросы вредных веществ, которые оказывают пагубное воздействие на атмосферный воздух.

К Административному регламенту имеется приложение № 2 (утвержденному Приказом Минприроды России от 25.07.2011 № 650), устанавливающее форму разрешения на выбросы вредных веществ в атмосферу. В настоящем документе указывается следующее: 1) количество и перечень вредных веществ, которые допускаются к выбросу в атмосферный воздух стационарными источниками веществ, которые располагаются на отдельных территориях производства; 2) условия действия разрешения на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух; 3) нормативы выбросов вредных веществ в атмосферный воздух по конкретным источникам и веществам [4].

В случае нарушения какого-либо из названных пунктов разрешения на выбросы вредных веществ в атмосферный воздух, совершенное деяние будет подпадать под действие как ч. 1 ст. 251 УК РФ, так и ч. 2 ст. 8.21 КоАП РФ.

На основании вышеизложенного, можно сделать заключение о том, что разграничение ч. 1 ст. 251 УК РФ и ч. 1, 2 ст. 8.21 КоАП РФ происходит по объективной стороне состава преступления, то есть по наступившим преступным последствиям в виде загрязнения и иного изменения природных свойств атмосферного воздуха, с которыми законодатель связывает момент окончания преступления. В каждом определенном случае следует устанавливать причинно-следственную связь между хозяйственной деятельностью субъекта и текущим состоянием атмосферного воздуха на той или иной конкретной территории.

Сами уголовные последствия, выступающие в качестве дифференцирующего критерия ч. 1 ст. 251 УК РФ и ч. 1, 2 ст. 8.21 КоАП РФ, имеют оценочный характер, и сущность этих последствий в данной ситуации определяется субъектом, который применяет закон.

Но есть и несколько других мнений. Например, Т. Д. Устинова считает, что если показатели загрязнения воздуха или изменения его свойств превысят безопасные нормативы выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, то будет поставлен вопрос о незначительности деяния [5]. Е. Ю. Бокуц, считает, что любое виновно совершенное незаконное загрязнение атмосферного воздуха должно нести за собой серьезную уголовную ответственность [1]. Единой позиции касательно ответственности за загрязнение атмосферного воздуха не имеется. В связи с чем, был произведен анализ судебной практики Костромской области, из которой следует, что за загрязнение атмосферного воздуха привлекаются только за административное правонарушение, ни одного обвинительного приговора по ч. 1 ст. 251 УК РФ вынесено не было.

Полагается что есть несколько вариантов решения проблемы разграничений исследуемых правонарушений к которым относятся: а) введение денежного критерия криминализации деяния, который будет неразрывно связан с размером причиненного вреда при загрязнении воздуха; б) тяжесть преступления предусмотренного ч. 1 ст. 251 УК РФ позволяет использовать административную преюдицию, которая позволит привлекать к уголовной ответственности лицо, по вине которого произошел выброс загрязняющих веществ в воздух с превышением нормы в течении года после привлечения к административной ответственности за такое же правонарушение. Данная конструкция делает возможным использование превентивной функции уголовной ответственности, поскольку лицо, совершившее административное правонарушение, предупреждается о возможности привлечения к уголовной ответственности за повторное совершение того же правонарушения.

На основании вышесказанного видится необходимость в более точной формулировке диспозиции ч. 1 ст. 251 УК РФ, в устранении из нее всех неточностей, которые создают препятствия в ее применении на практике. Таким образом, исследуемая проблема в настоящее время является актуальной и требует незамедлительного решения.

Библиографический список

1. Бокуц Е. Ю. Понятие «загрязнение воздуха», используемое в диспозиции ст. 251 УК РФ // Законность. 2011. № 12. С. 28–32.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Е. Н. Жевлаков и др.; ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М. : Проспект, 2016. Т. 2. 704 С.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : отв. ред. А. А. Чекалин; под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. 3-е изд., доп. М. : Юрайт-Издат, 2006.
4. Приказ Минприроды России от 25.07.2011 № 650 (ред. от 25.06.2014) «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по предоставлению

государственной услуги по выдаче разрешений на выбросы вредных (загрязняющих) веществ атмосферный воздух (за исключением радиоактивных веществ)» (Зарегистрирован в Минюсте России 30.12.2011 № 22852) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125001 (дата обращения: 28.11.2019).

5. Устинова Т. Д. Общественная опасность и ее воздействие (учет при конструировании норм Общей части УК РФ // Lex Russica. 2015. № 3. П. 63–72.

6. Федеральный закон Российской Федерации от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об охране окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823 (дата обращения: 28.11.2019).

УДК 343.13

Шерстнев Владимир Бориславович,
преподаватель, Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
vsherstnev99@gmail.com

Оптимизация процедуры прекращения уголовного дела о предпринимательском преступлении против собственности

Процессуальный порядок применения оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьей 76.1 УК РФ, нуждается в оптимизации. Одной из мер по оптимизации данной процедуры является снятие формального ограничения на прекращение уголовного дела в связи с полным возмещением ущерба в судебных стадиях, содержащегося в части первой статьи 28.1 УПК РФ. Вторая, более принципиальная мера связана с переводом процедуры прекращения уголовного дела по этим основаниям в ходе досудебного производства из следственного в судебный формат и наделением полномочием на такое решение следственного судьи.

***Ключевые слова:** прекращение уголовного дела, полное возмещение ущерба, следственный судья, судебные стадии, досудебное производство.*

Sherstnev Vladimir Borislavovich,
lecturer, Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of internal affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Optimization of the procedure for terminating a criminal case on an entrepreneurial crime against property

The procedural procedure for applying the grounds for exemption from criminal liability provided for in Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation needs to be optimized. One of the measures to optimize this procedure is to remove the formal restriction on the termination of the criminal case in connection with the full compensation of damage in the judicial stages, contained in the first part of Article 28.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The second, more fundamental measure is related to the transfer of the procedure for terminating the criminal case on these grounds during pre-trial proceedings from the investigative to the judicial format and empowering such a decision of the investigating judge.

Keywords: *termination of a criminal case, full compensation for damage, investigating judge, judicial stages, pre-trial proceedings.*

Гуманизация уголовного и уголовно-процессуального законодательства в сфере противодействия экономической преступности привела к созданию специального правового механизма освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба от преступления в полном объеме.

Этот правовой механизм включает в себя статью 76.1 УК РФ и статью 28.1 УПК РФ, в которых содержатся правовые нормы, предусматривающие основания и условия освобождения от уголовной ответственности за совершение ряда предпринимательских преступлений против собственности и налоговых преступлений, а также основные требования к процедуре прекращения уголовного дела в связи с полным возмещением ущерба от совершенного преступления.

Как отмечается в научной литературе [1, с. 236–248], своеобразием созданного российским законодателем альтернативного способа разрешения уголовно-правовых споров в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности является то, что факт полного возмещения материального ущерба, причиненного нарушителем уголовного закона, порождает обязанность, а не право, как в случае «классического» деятельного раскаяния, правоприменителя прекратить уголовное дело. Не имеют при этом обязательных правовых последствий такие факты, как (а) тяжесть преступления, размер преступного вреда, повторность совершения лицом преступления в экономической сфере, наличие раскаяния у правонарушителя и даже согласие его с обвинением/подозрением. Необходим только подтвержденный факт возмещения ущерба в полном объеме, а в случаях, указанных в части третьей статьи 28.1 УПК РФ и части третьей статьи 76.1 УК РФ, кроме того еще уплата штрафа в кратном размере.

Таким образом, законодатель максимально упростил процедуру и можно сказать облегчил сторонам нахождение компромисса при разрешении уголовно-правового конфликта. Снял почти все формальные ограничения для того, чтобы состоялось освобождение от уголовной ответст-

венности субъекта преступления при возмещении им ущерба от преступления в полном объеме.

Вместе с тем, остается одно странное процедурное ограничение по принятию решения о прекращении уголовного дела по анализируемому, касающееся срока не позднее которого может состояться данное решение, а именно: «до назначения судебного заседания» (часть первая статьи 28.1 УПК РФ). Иными словами, получается, что крайней стадией, где может быть прекращено уголовное дело по основанию, предусмотренному частью первой статьи 28.1 УПК РФ (частью первой статьи 76.1 УК РФ) является стадия назначения судебного заседания (разбирательства), а в последующем подобное произойти не может.

Якобы только в этой стадии у обвиняемого остается возможность полностью возместить ущерб, и потребовать на этом основании прекращения ведущегося в отношении него уголовного преследования. А у суда в таком случае возникает обязанность провести предварительные слушания и с участием сторон в порядке, установленном статьей 239 УПК РФ, прекратить уголовное дело по данному основанию. В последующих судебных стадиях, т.е. в стадиях судебного разбирательства, апелляционного, кассационного производства и пр., следуя букве закона, прекращать уголовное дело по указанному основанию нельзя. Даже в том случае, если суду станет известно о полном возмещении ущерба подсудимым (осужденным).

Между тем, судебная статистика опровергает подобное предположение: в 2018 году судами различных инстанций было прекращено 28 уголовных дел по данному основанию, в предыдущем, то есть в 2017 году – 35 [3].

Несмотря на то, что в стадии предварительного расследования цифры прекращения уголовных дел по данному основанию выше, чем в судебных стадиях, тем не менее, суды тоже принимают такие решения [4].

И это вполне логично и укладывается в общую модель, заложенную в статью 28.1 УПК РФ, 76.1 УК РФ, и отвечает принципам равенства всех перед законом и судом, справедливости судебного разбирательства, состоятельности, то есть общему смыслу нашего уголовно-процессуального национального законодательства, общепризнанным международно-правовым стандартам.

Поэтому мы разделяем мнение о том, что пора изменить редакцию части первой статьи 28.1 УПК РФ, убрав из нее формулировку «до назначения судебного заседания ущерб» и придать правому предписанию относительно условия освобождения от уголовной ответственности такой вид: «в случае, если ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме».

Согласно действующему законодательству (статьи 239, 254 УПК РФ) суд может прекратить уголовное дело до удаления в совещательную комнату для вынесения приговора. Значит, и по основаниям, предусмотренным статьей 28.1 УПК РФ, 76.1 УК РФ, суд в стадии судебного разбира-

тельства обязан прекратить уголовное дело по анализируемому основанию до удаления в совещательную комнату. В прочих судебных инстанциях суд обязан прекратить уголовное дело при наличии данного основания в установленном законодательством порядке.

Другой момент в правовой организации прекращения уголовных дел по данному основанию в ходе предварительного расследования, который, на наш взгляд, также нуждается в оптимизации, имеет более принципиальный характер. Он связан с тем, что освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию, каковыми являются все основания, предусматриваемые статьей 28.1 УПК РФ, ст. 76.1 УК РФ, *если следовать презумпции невиновности*, должно осуществляться только в судебном порядке.

Мы поддерживаем предложение о введении в досудебное производство института следственных судей, наделенных полномочием прекращать уголовное дело (преследование) по нереабилитирующему основанию в ответ на ходатайство стороны (обеих сторон) в уголовном деле [2, с. 23, 56 и след.].

Поэтому самой актуальной и важной мерой по оптимизации процедуры прекращения уголовного дела о преступлении против собственности в сфере предпринимательской деятельности в связи с возмещением ущерба в полном объеме надо считать перевод ее из следственного формата в судебный, не орган предварительного расследования, а следственный судья по итогам судебного заседания с участием сторон обвинения и защиты должен принимать такое решение.

Библиографический список

1. Александров А. С., Александрова И. А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 608 с.

2. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней / А. С. Александров и др. М. : Юрлитинформ, 2015. 304 с.

3. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел (Форма № 10.2) // Офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.11.2019).

4. Обзор по привлечению к уголовной ответственности по налоговым и другим предпринимательским составам по итогам 2018 года // Офиц. сайт платформы VC.ru. URL: <https://vc.ru/finance/61466-obzor-po-privlecheniyu-k-ugolovnoy-otvetstvennosti-po-nalogovym-i-drugim-predprinimatelskim-sostavam-po-itogam-2018-goda> (дата обращения: 12.11.2019).

УДК 343.132.5

Яснева Елена Васильевна,

старший преподаватель, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
yasneva.e.v@yandex.ru

Гуляева Алёна Анатольевна,

студентка, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
alyona.gulyaeva.999@mail.ru

**Некоторые проблемные вопросы
о применении правовых средств защиты
участников уголовного судопроизводства**

В статье исследованы понятия таких терминов как государственная защита и безопасность, рассмотрены некоторые проблемные вопросы применения правовых средств защиты участников уголовного судопроизводства и предложены пути совершенствования норм о применении правовых средств защиты участников уголовного судопроизводства в России.

***Ключевые слова:** государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, безопасность, меры безопасности, охрана прав и свобод человека и гражданина.*

Yasneva Elena Vasilyevna,

senior lecturer, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Gulyaeva Alyona Anatolyevna,

student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

**Some problem questions about the use of legal means of protection
of participants in criminal proceedings**

The article explored the concepts of terms such as state protection and security, addressed some of the problematic issues of the use of legal remedies to protect participants in criminal proceedings and proposed ways to improve the rules on use of legal means to protect participants in criminal proceedings in Russia.

***Keywords:** state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings, security, security measures, protection of human rights and freedoms.*

Независимо от того, на какой стадии находится уголовное дело, должностные лица при наличии угроз жизни и здоровью участников уголовного судопроизводства должны принять решение о применении мер безопасности. Своевременное и качественное реагирование на противоправные действия в отношении участников уголовного процесса выступает одним из условий успешного выполнения задач уголовного судопроизводства. В свою очередь успешное решение задач уголовного судопроизводства является необходимым элементом поддержания авторитета государственной власти, а также престижа правоохранительных органов.

Необходимо различать сущность таких понятий, как государственная защита и безопасность в уголовном процессе. В соответствии с Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», государственная защита – это осуществление уполномоченными на то государственными органами предусмотренных законом мер безопасности, направленных на оберегание их жизни и здоровья и (или) имущества, а также меры социальной защиты указанных лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве [6]. Можно отметить, что государственная защита определяется здесь через меры безопасности. Используя термин «защита» законодатель понимает под ним активную деятельность.

Рассматривая понятия, предлагаемые законодателем, возникает необходимость размежевания понятий «защита» и «безопасность». Отметим, что термин «безопасность» достаточно многозначен. Слово «безопасность» в русском языке означает положение, при котором не угрожает опасность кому-либо [4]. Безопасность представляет собой такую степень защищенности, которая позволяет объекту сохранять свою сущность и целостность в условиях целенаправленного разрушающего воздействия извне. Терминологическое соотношение безопасности и охраны, а также защиты состоит в определении, прежде всего, их общей направленности на обеспечение своевременного и адекватного отражения угрозы или устранения опасности извне. По существу, эти термины могут быть рассмотрены и использованы не столько как синонимы, а как средства обеспечения безопасности законных интересов личности в уголовном судопроизводстве.

Для унификации законодательства назрела необходимость разработки единого, универсального понятия государственной защиты, без разделения по субъектам и, соответственно, различным отраслевым нормативным актам (как это сегодня наблюдается). Государственная защита это реализация мер безопасности, которые урегулированы законодательством России для того, чтобы обеспечить защищенность жизни, здоровья, имущества, чести, достоинства участников производства по уголовному делу, и мер социальной поддержки вышеперечисленных лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве или участием в предупреждении, рас-

крытии общественно-опасных деяний вне пределов уголовно-процессуальной деятельности. А под безопасностью необходимо понимать защищенность участников уголовного судопроизводства от каких-либо посягательств, которая обеспечивается деятельностью специально уполномоченных на то органов, дающая им возможность беспрепятственно пользоваться своими правами и исполнять обязанности в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Понятия безопасность и государственная защита, хотя и имеют схожие черты, все же различаются. Так, безопасность – это конечное состояние, выступает целью и должно быть результатом защиты, а защита в свою очередь является средством достижения и обеспечения безопасности [2].

Согласно статье 11 УПК РФ, безопасность участников уголовного судопроизводства входит в состав принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе. Действительно, безопасность участников уголовного процесса выступает результатом обеспечения охраны прав и свобод человека и гражданина [3].

Положительным является то, что в уголовно-процессуальном кодексе появились нормы, направленные на защиту потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [5].

Например, для обеспечения защиты законодатель предусмотрел такую меру безопасности, как организацию конфиденциальности сведений о личности участника уголовного судопроизводства. Она обеспечивается следователем путем вынесения мотивированного постановления с указанием в нем псевдонима участника следственного действия (либо измененных полностью данных о его личности), а также образца подписи участника. В последующем участник расписывается в протоколах следственных действий, произведенных с его участием, избранным образцом подписи, а конверт с постановлением о действительных данных его личности в опечатанном виде подшивается в материалы уголовного дела, и впоследствии может быть вскрыт только судьей, в производстве которого будет находиться соответствующее уголовное дело. В дальнейшем следственные действия с участием такого лица будут производиться с обеспечением отсутствия прямого визуального и голосового контакта участника, т. е. либо нахождение вне помещения, либо изменение голоса средствами технической связи.

Допустимо применение и условных имен и фамилий другого пола, если использование псевдонима, соответствующего полу защищаемого, может позволить идентифицировать его. Запись показаний в протоколе ведется в соответствии с выбранным псевдонимом. Выбор псевдонима может ограничиваться лишь обстоятельствами уголовного дела, объективно исключающими использование псевдонима того или иного рода. Другие вымышленные данные (дату и место рождения, место жительства и пр.) в протоколах следственных действий с его участием указывать не следует, чтобы исключить возможное совпадение с подлинными данными другого

Несмотря на урегулирование данного вопроса в правоприменительной практике возникают проблемные вопросы. Например, закон не урегулировал возможность использования псевдонима на стадии возбуждения уголовного дела. В соответствии с ч. 2–3 ст. 141 УПК РФ: «письменное заявление о преступлении должно быть подписано заявителем. Устное заявление о преступлении заносится в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим данное заявление. Протокол должен содержать данные о заявителе, а также о документах, удостоверяющих личность заявителя».

Если обратиться к положительному опыту других государств, то увидим, что, например, в Польше, Белоруссии и ряде других стран, данный вопрос урегулирован законодателем. Предлагаем воспользоваться опытом Республики Беларусь и Республики Казахстан, и включить в УПК РФ в качестве отдельной нормы положения о возможности использования псевдонима на стадии возбуждения уголовного дела. Для этого необходимо внести дополнения в ч. 8 ст. 141 УК РФ следующего содержания: «орган уголовного преследования обязан, возбуждать уголовные дела в результате возникшей угрозой, которая состоит в совершении в отношении потерпевшего, его родных и близких запрещенного деяния независимо от того, какие меры защиты применяются».

Действующее законодательство предусматривает в ч. 9 ст. 166 УПК РФ право дознавателя с согласия начальника органа дознания или следователя с согласия руководителя следственного органа принять решение о вынесении постановления о сохранении в тайне данных о личности защищаемого лица, присвоении ему псевдонима, получения образца подписи. Такое постановление помещается в конверт, печатывается, приобщается к уголовному делу и хранится при нем в условиях, исключающих к нему доступ посторонних лиц.

А как следует поступить должностным лицам, когда угрозы потерпевшему, свидетелю поступили уже после их допроса по уголовному делу? Частью 9 ст. 166 УПК РФ предусмотрено сохранение в тайне в отдельном конверте только персональных данных защищаемого лица, но не протокола состоявшегося ранее допроса с указанием подлинных данных о нем. Полагаем в данной ситуации возможно использование аналогии применения уголовно-процессуальной нормы и помещение в конверт не только постановления о присвоении псевдонима, но и первоначального протокола допроса.

Для устранения выявленного пробела целесообразно дополнить ст. 189 УПК РФ частью 6, изложив ее в следующей редакции: «В случае, если потерпевшему, свидетелю псевдоним в соответствии с ч. 9 ст. 166 настоящего Кодекса присвоен после первоначального допроса, то такой протокол с подлинными данными изымается из материалов уголовного дела и хранится в конверте вместе с постановлением о присвоении псевдонима».

Также УПК РФ не предусмотрена возможность сохранения конфиденциальности сведений о личности допрашиваемого лица и установления

его отношения к подсудимому в судебном заседании. Исходя из смысла ч. 2 ст. 278 УПК РФ не ясно, каким образом можно установить отношение потерпевшего или свидетеля к подсудимому, не раскрывая его личность.

Представляется, что ст.278 УПК РФ должна быть дополнена частью 7 с указанием на порядок установления личности потерпевшего, свидетеля председательствующим следующего содержания: «при использовании псевдонима, установление отношения лица, использующего псевдоним, к подсудимому не требуется».

При допросе потерпевшего или свидетеля, лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, должна соблюдаться очередность и содержание задаваемых вопросов для поддержания секретности личности защищаемого. Поскольку в протоколе допроса не указываются подлинные данные потерпевшего, свидетеля, то и стиль изложения не должен персонифицировать защищаемое лицо. Следовательно следует фиксировать показания допрашиваемого, таким образом, чтобы в тексте протокола сохранилось только содержание доказательственной информации. С целью последующего «дезинформирования» преступника и его окружения нецелесообразно использовать слова и выражения, часто употребляемые защищаемым лицом.

Еще одним способом защиты свидетелей и потерпевших можно использовать ограничение материалов уголовного дела, которые предъявляются обвиняемым и их защитникам для ознакомления. Мы согласны с мнением С. Н. Белясова который, предлагает закрепить в УПК РФ норму, которая предусматривает возможность не вручать список лиц, являющийся приложением к обвинительному заключению, которые подлежат вызову в суд, в том случае, если в нем есть информация о лицах под псевдонимом [1].

Таким образом, обеспечение безопасности участников российского уголовного судопроизводства является важным направлением доказательственного процесса в производстве по уголовному делу. Активное вовлечение свидетелей, потерпевших и иных лиц в расследование и судебное рассмотрение уголовного дела способствует достижению цели уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Белясов С. Н. Государственная защита участников уголовного процесса как средство обеспечения их прав и законных интересов // Актуальные проблемы современной юриспруденции. 2017. № 3. С. 152–159.

2. Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. М., 2004. С. 47.

3. Клевцов К. К., Оленев П. А. К вопросу о мерах защиты интересов участников уголовного судопроизводства // Научные достижения и открытия современной молодежи : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2019. С. 265.

4. Толковый словарь русского языка : Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28 е изд., перераб. М. : Мир и Образование ; Оникс, 2012. 1376 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

6. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ОПЫТ

УДК 347:33:004.9

Быкова Мария Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет,
старший прокурор отдела по надзору за исполнением
законов о несовершеннолетних и молодежи
прокуратуры Ярославской области,
г. Ярославль, Российская Федерация
marbyk@bk.ru

О некоторых вопросах реализации прав граждан в условиях цифровой экономики

В статье рассматриваются особенности реализации прав граждан в связи с развитием информационных технологий. Опираясь на правоприменительную практику, автор обращает внимание на существующие барьеры в указанной сфере.

Ключевые слова: цифровая экономика, права человека, информационные технологии, правовое регулирование, телемедицинские технологии, прокурорский надзор.

Bykova Maria Sergeevna,

candidate of law, associate professor, Kostroma state University,
senior Prosecutor of the Department for supervision of execution
laws on minors and youth,
Prosecutor's office of the Yaroslavl region,
Yaroslavl, Russian Federation

Some issues of human rights implementation in the digital economy

The article discusses the features of human rights implementation in the conditions of information technologies development. On the basis of law enforcement practice the author draws attention to the existing obstacles in this sphere.

Keywords: the digital economy, human rights, information technologies, legal regulation, telemedical technologies, prosecution watch.

Повышение качества жизни граждан (равно как и их защищенности от различного рода информационных угроз) как следствие внедрения информационных технологий является не менее значимым результатом, чем достижение роста производительности труда, развитие товарооборота, упрощение финансовых операций и т.д.

Подобный подход государства к регулированию цифровой экономики нашел свое отражение как в ее официальном определении [6], так и в содержании основных документов, определяющих стратегические направления ее развития на ближайшую перспективу.

Так, например, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы в качестве задач применения информационных и коммуникационных технологий определены повышение доступности качественных медицинских услуг и медицинских товаров; качественных образовательных услуг; развитие технологий электронного взаимодействия граждан, организаций, государственных органов, органов местного самоуправления наряду с сохранением возможности взаимодействия граждан с указанными организациями и органами без применения информационных технологий и др.

Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» одна из задач национальной программы «Цифровая экономика» сформулирована как «преобразование приоритетных отраслей экономики и социальной сферы посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений».

Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает мероприятия, непосредственно затрагивающие права граждан и имеющие целью упростить доступ к различным материальным и нематериальным благам [2].

Практика прокурорского надзора за соблюдением прав граждан в социальной сфере свидетельствует о существовании в настоящее время определенных барьеров для эффективной и безопасной реализации прав граждан в условиях цифровой экономики.

Остановимся лишь на некоторых из них.

1. Отсутствие должного нормативно-правового регулирования.

Принятие ряда нормативных правовых актов, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики, содержалось в перечне мероприятий утратившей силу в феврале 2019 года Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» [5], так и в ныне действующем федеральном проекте «Нормативное регулирование цифровой среды».

Отсутствие необходимого правового регулирования тормозит и эффективное применение внедряемых информационных технологий.

Рыбинским городским, Угличским межрайонным, прокурорами Борисоглебского, Даниловского, Некрасовского, Первомайского районов Ярославской области установлено, что поднадзорными органами местного самоуправления в нарушение действующего законодательства не приняты нормативные документы, определяющие порядок предоставления в электронной форме услуги «Предоставление сведений о текущей успеваемости обучающегося, ведение дневника и журнала успеваемости».

При этом система электронных дневников в данных муниципальных образованиях (как и во всех других районах области) внедрена, однако в силу различного рода причин зачастую не функционировала (информация о текущей успеваемости образовательными учреждениями попросту не вносилась) либо функционировала с перебоями. Механизм же принуждения к надлежащему исполнению обязанности фактически отсутствовал.

В адрес руководителей органов местного самоуправления по данным фактам внесены представления об устранении нарушений.

Приведем еще один пример.

В целях обеспечения доступности медицинской помощи гражданам, проживающим в малонаселенных, отдаленных и (или) труднодоступных населенных пунктах, а также в сельской местности, предусмотрено внедрение телемедицинских технологий.

Не вдаваясь в технические и организационные тонкости, отметим, что при должном уровне обеспеченности материальной базы и наличия квалифицированного медицинского персонала развитие таких технологий действительно сделает возможным оказание гражданам оперативной и квалифицированной медицинской помощи вне зависимости от места их жительства [3].

Вместе с тем не во всех субъектах Российской Федерации установлены тарифы на оплату медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, как это предусмотрено Программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи.

Очевидно, что отсутствие такого тарифа, в который закладываются расходы на оплату труда врачей-специалистов, влияет на количество случаев оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий (даже при наличии всех технических условий).

Между тем, как справедливо отмечает В. А. Вайпан, формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, потребует не только точечных изменений в отдельные нормативные правовые акты, но и системных поправок в базовые отраслевые законы [1].

При этом новое регулирование данных должно органично встраиваться в систему действующего законодательства, в противном случае возникает риск появления пробельного и несбалансированного регулирования [5].

2. Незащищенность прав граждан на неприкосновенность частной жизни в процессе использования цифровых технологий.

В настоящее время работа органов государственной власти и местного самоуправления, связанная с обработкой значительного объема информации, активно перестраивается на автоматизацию всех процессов путем использования информационных систем, что, бесспорно, позволяет систематизировать данные и существенно упростить их обработку.

Так, например, постановлением Правительства Российской Федерации от 14.02.2017 № 181 утверждено Положение о Единой государственной информационной системе социального обеспечения, которая предусматривает сбор, хранение, обработку и иные действия со значительным объемом информации о получателях мер социальной защиты (поддержки), социальных услугах, предоставляемых в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи.

В системе здравоохранения запущен и реализуется механизм единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) [4].

Такие информационные системы используются при ведении единого государственного банка данных о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, комплектовании дошкольных образовательных организаций и пр.

При этом доступ к системам в силу специфики обрабатываемых данных получает все более широкий круг пользователей, в том числе, и не являющихся операторами таких систем (например, медицинские и фармацевтические организации, образовательные организации).

Вместе с тем любая информация система потенциально содержит риски, связанные с неправомерным доступом к хранимой информации, ее утрате, незаконному распространению третьим лицам.

Информационные системы (далее – ИС), носящие статус государственных, требуют соблюдения повышенных мер защиты.

Требования по защите информации, установленные законодательством об информатизации и защите персональных данных, включают в себя целый комплекс мер организационного, правового, технического характера: формирование оператором ИС требований к защите информации, содержащейся в ИС; разработка и внедрение системы защиты информации ИС; выполнение аттестации ИС по требованиям защиты информации; ограничение доступа к ИС неуполномоченных лиц; реализация мероприятий по внутреннему контролю состояния защиты персональных данных в ИС и др.

На практике же достаточно распространены факты неправомерного допуска должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления к работе в ИС работников подведомственных учреждений, не включенных в перечень субъектов, имеющих право осуществлять обработку персональных данных.

Недостаточное внимание уделяется органами власти (операторами персональных данных) исполнению обязанностей по осуществлению внутреннего контроля за реализацией требований по защите персональных данных. В результате без внимания остаются факты изменения моделей информационных угроз по причине смены пользователем ИС своего рабочего места (например, в случае переезда в другой служебный кабинет либо здание).

Некоторые используемые в работе системы, обладающие признаками ИС (в частности, списки граждан, которые ведутся в виде таблицы Excel и позволяют применять автоматические способы их обработки по определенным параметрам), ошибочно не относятся к категории ИС, вследствие чего меры по их защите вообще не принимаются.

В завершение отметим, что для реального воплощения поставленных задач по развитию цифровой экономики, определенных государством в качестве стратегических, необходимо достижение баланса интересов между интересами хозяйствующих субъектов и правами граждан как потребителей товаров, работ, услуг.

Библиографический список

1. Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 12–17.

2. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 7 от 04.06.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.12.2019).

3. Правовой режим применения телемедицинских технологий и внедрения электронного документооборота: современное состояние правового регулирования и перспективы развития / С. И. Пospelова, Ю. Д. Сергеев, Ю. В. Павлова, Н. А. Каменская // Медицинское право. 2018. № 5. С. 24–33.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.05.2018 № 555 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения» // ИПП «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837270> (дата обращения: 12.11.2019).

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1632-р от 28.07.2017 «Об утверждении Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Офиц. сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/28653/> (дата обращения: 12.11.2019).

6. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Офиц. сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/> (дата обращения: 12.11.2019).

УДК 34.06

Качалова Светлана Витальевна,

начальник отдела правового и методического обеспечения
административной реформы управления цифрового развития,
администрация Костромской области,
г. Кострома, Российская Федерация
sv--morozova@mail.ru

**Возможности практического применения гибкого подхода
при правовом регулировании отдельных отраслей цифровой
экономики (на примере Костромской области)**

В данной статье рассмотрены вопросы правового регулирования цифровой экономики на региональном уровне. Проанализированы актуальные проблемы барьеров федерального законодательства в развитии новых технологий на примере возможности применения конкретной цифровой технологии в сфере государственного управления на территории Костромской области. Даны предложения по использованию гибкого подхода при правовом регулировании данных правоотношений, в частности, такого механизма как экспериментальные правовые режимы. Выявлена необходимость заблаговременного совместного обсуждения данных вопросов с участием представителей научного и экспертного сообщества, заинтересованных органов и организаций. Обоснована целесообразность создания на региональном уровне центров компетенций в сфере нормативного регулирования цифровой среды.

Ключевые слова: цифровая экономика, нормативное регулирование цифровой среды, гибкий подход при правовом регулировании, экспериментальные правовые режимы, предоставление государственных услуг, выдача разрешений на перевозку легковым такси.

Kachalova Svetlana Vitalyevna,

head of legal and administrative Department methodological support
of administrative digital development management reforms,
administration of the Kostroma region,
Kostroma, Russian Federation

**Possibilities of practical application of flexible approach
at legal regulation of separate branches of digital economy
(on the example of the Kostroma region)**

This article addresses the issues of legal regulation of the digital economy at the regional level. The current problems of the barriers of federal legislation

in the development of new technologies are analyzed on the example of the possibility of using specific digital technology in public administration in the Kostroma region. Suggestions are given for using a flexible approach to the legal regulation of these legal relations, in particular, such a mechanism as experimental legal regimes. The need for preparatory joint discussion of these issues with the participation of representatives of the scientific and expert community, interested organs and organizations has been identified. The expediency of creating regional centers of competence in the field of normative regulation of the digital environment is substantiated.

Keywords: *digital economy, normative regulation of the digital environment, experimental legal regimes, flexible approach to the legal regulation, provision of public services, issuance of permits for transportation by passenger taxi.*

Цифровая экономика обладает значительным потенциалом для ускорения темпов экономического развития государства и улучшения качества жизни граждан, оказывает существенное влияние на темпы роста валового внутреннего продукта Российской Федерации [2].

Создание системы правового регулирования цифровой экономики в настоящее время ведется в рамках федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (далее – Федеральный проект), который входит в состав национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В результате реализации данного федерального проекта должна быть создана система правового регулирования цифровой экономики, основанная на гибком подходе в каждой сфере. В рамках проекта планируется разработка и принятие в период с 2019 по 2024 годы порядка 50 законопроектов, проведение различных исследований и подготовка ряда концепций. При этом большая часть задач (14 из 17), входящих в состав федерального проекта, должна быть решена в 2019–2020 годах [3; 5].

Принятие региональных проектов, посвященных вопросам нормативного регулирования цифровой среды не является обязательным [9]. Однако по данным Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации нормативно-правовые барьеры являются одними из ключевых барьеров в развитии цифровой экономики в регионах [1].

В Костромской области принят региональный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» (далее – региональный проект), который, по сути, является, «рамочным», во многом заимствующим мероприятия федерального проекта. Реализация регионального проекта зависит от реализации федерального проекта, от принятия нормативных правовых актов на федеральном уровне. Региональный проект предполагает, прежде всего, организацию на постоянной основе мониторинга и совершенствования нормативного правового регулирования цифровой экономики, методического обеспечения системы регулирования цифровой экономики, и созда-

ние в этих целях центра компетенций, что позволит своевременно и оперативно реагировать на изменения федерального законодательства, разрабатывать и своевременно готовить к принятию проекты нормативных правовых актов регионального уровня. [12] Вместе с тем, возможности для развития на территории региона новых цифровых технологий, новых форм применения уже существующих цифровых технологий, инноваций и экономики в целом, которые будут появляться с принятием федеральных нормативных правовых актов в рамках федерального проекта, нельзя упускать. Необходимо своевременно реагировать на эти изменения, чтобы иметь определенные преимущества для роста конкурентоспособности области в условиях усиления конкурентных процессов среди российских регионов.

В связи с этим представляется необходимым детально проработать данные возможности еще на стадии разработки проектов федеральных законов.

При формировании системы правового регулирования цифровой экономики необходимо учитывать специфику различных сфер применения цифровых технологий. К таким сферам могут быть отнесены: формирование цифровой среды доверия, формирование условий для внедрения искусственного интеллекта, в том числе, регулирование процесса сбора, хранения и обработки данных; регулирование использования цифровых технологий в сфере гражданского оборота и в финансовой сфере; регулирование цифрового взаимодействия граждан, государства и организаций [2].

Рассмотрим детально аспект правового регулирования цифрового взаимодействия граждан, государства и организаций.

Одним из ключевых законопроектов Федерального проекта, закладывающим основу системы гибкого подхода при правовом регулировании цифровой среды, является, разработанный Министерством экономического развития Российской Федерации законопроект «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым предусматривается предоставление лицам, занимающимся разработкой и внедрением цифровых инноваций, возможности осуществить их практическое применение в экспериментальных условиях отказа от ограничений, иных обременений, установленных нормативными правовыми актами [11]. Внедрение цифровых технологий часто принципиально меняет порядок функционирования целых отраслей и сфер деятельности. Принятие новых нормативных актов, внедрение новых принципов регулирования без их апробации может привести к существенным рискам, к непредвиденным и часто отрицательным последствиям. В связи с этим федеральным проектом предлагается использовать экспериментальные правовые режимы (так называемые «регуляторные песочницы»), что позволит минимизировать риски от принимаемых решений, проводить изменения гораздо быстрее, чем при использовании традиционного пути длительного и детального обсуждения проектов нормативных правовых актов [2].

Возможности предстоящего применения данного федерального закона после его принятия требуют детальной предварительной проработки на региональном уровне уже сегодня.

Рассмотрим возможности практического применения данного законопроекта в сфере регулирования цифрового взаимодействия граждан, государства и организаций на территории Костромской области.

Другим федеральным проектом, входящим в состав национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», – «Цифровое государственное управление», предусматривается цифровая трансформация государственных и муниципальных услуг по целевой модели (предоставление без необходимости личного посещения государственных органов и иных организаций, с применением реестровой модели, онлайн, в автоматическом режиме, проактивно). Устанавливается контрольный показатель «Доля приоритетных государственных услуг и сервисов, соответствующих целевой модели цифровой трансформации». Значения данного показателя для регионов составляют: 15 % в 2020 году, 40 % в 2021 году [6].

Однако действующим законодательством установлены существенные барьеры для цифровой трансформации по целевой модели отдельных государственных услуг.

Министерством экономического развития Российской Федерации также разработан законопроект № 612719-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности», в части внедрения реестровой модели предоставления государственных услуг по лицензированию отдельных видов деятельности». Законопроект направлен на обеспечение условий для отказа от лицензий в бумажном виде. Принят Государственной Думой Российской Федерации во втором чтении 12 декабря 2019 года [10].

Вместе с тем, не все виды разрешительной деятельности регулируются Федеральным законом от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», при этом реестровая модель выдачи разрешений является весьма актуальной и востребованной не только на федеральном, но и на региональном уровнях.

Так, например, частями 2.1, 7 статьи 9 Федерального закона от 21.04.2011 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 69-ФЗ), абзацем пятым пункта 2.1.1 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 (далее – Правила дорожного движения) установлены ограничения для внедрения реестровой модели в отношении предоставления государственной услуги по выдаче разрешений на осуществление деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси. Действующая редакция указанных нормативных правовых актов предусматривает, что разрешение на осуществление деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым

такси и уведомление об отказе в выдаче разрешения выдаются заявителю на бумажном носителе. Разрешение должно находиться в салоне легкового такси и предъявляться по требованию пассажира, должностного лица уполномоченного органа или сотрудника государственной инспекции безопасности дорожного движения [13, 8]. Запись в реестре выданных разрешений не является юридически значимой и не подтверждает действительность разрешения для сотрудника ГИБДД. Для получения разрешения заявителю необходимо лично явиться в орган, уполномоченный на его выдачу.

Предложения о необходимости внесения изменений в указанные федеральные нормативные правовые акты направлены администрацией Костромской области в Минэкономразвития России в сентябре 2019 года [7]. Однако процедура изменения федерального законодательства в традиционном режиме достаточно длительная. Информация о подготовке соответствующих проектов федерального закона и постановления Правительства Российской Федерации в настоящее время отсутствует.

При этом в Костромской области осуществляется работа по цифровой трансформации государственной услуги по выдаче разрешений на осуществление деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси в соответствии с целевой моделью путем внедрения специализированной автоматизированной информационной системы (далее АИС Такси) в деятельность департамента транспорта и дорожного хозяйства Костромской области (далее – Департамент). Запуск системы в продуктивный режим планируется в течение 1 квартала 2020 года.

Уже сегодня получение разрешения на такси в электронной форме пользуется большим спросом. Возможность подачи заявления на получение разрешения в электронной форме реализована в III квартале 2018 года. В 2018 году через региональный портал госуслуг Костромской области за этой услугой обратилось 23 % заявителей. В 2019 году в электронной форме данную услугу получило уже 98 % заявителей. Растет и абсолютный показатель востребованности услуги за весь 2018 год выдано 549 разрешений на перевозку такси, а за 11 месяцев 2019 года уже 715 заявлений [4].

АИС Такси включает все необходимые бизнес процессы по выдаче разрешений на перевозку легковым такси, переоформлению разрешения и выдаче дубликата в электронном виде, включая интеграцию с региональным порталом государственных и муниципальных услуг Костромской области (44gosuslugi.ru) (далее – региональный портал госуслуг). Применение данной информационной системы позволяет оптимизировать и усовершенствовать процесс предоставления услуги в новом цифровом формате: подача заявления на региональном портале госуслуг в электронной форме; оплата пошлины онлайн; автоматическая генерация и сбор пакета необходимых документов от заявителя; автоматическая проверка и валидация данных, указанных в заявлении через единую систему межведомственного электронного взаимодействия, проверка оплаты госпошлины через

Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах. АИС Такси ведет учет всех входящих заявлений на выдачу, переоформление и получение дубликата разрешений, ведет сводный реестр выданных разрешений, контролирует сроки действия разрешений. В системе имеется дополнительный «сервис проверки разрешений на работу такси», доступный для граждан на региональном портале госуслуг или на сайте Департамента. АИС Такси позволяет выдать заявителю результат предоставления услуги в электронной форме – разрешение, подписанное усиленной квалифицированной электронной подписью Департамента отправится в личный кабинет пользователя регионального портала госуслуг.

Внедрение АИС Такси также значительно облегчит работу сотрудников органов внутренних дел при условии передачи сводного реестра выданных разрешений в информационные базы данных ГИБДД. У сотрудников не будет необходимости останавливать каждый автомобиль и проверять наличие выданного разрешения в «ручном режиме», поскольку информация с камер фото- видеофиксации поступает в базу данных, автоматически сверяя регистрационный номер движущегося автомобиля с информацией о выданных разрешениях, выявляя наличие либо отсутствие разрешения, проверяя срок его действия.

Таким образом, внедрение АИС Такси значительно облегчает процесс получения предпринимателями, осуществляющими деятельность по перевозке легковым такси, необходимых разрешений, упрощает деятельность Департамента, органов внутренних дел, создает дополнительные сервисы для граждан, пользующихся услугами такси. В целом, данные меры позволят, с одной стороны, улучшить инвестиционный климат в рассматриваемой отрасли, а, с другой стороны, способствуют эффективному предотвращению и пресечению правонарушений, повысят степень безопасности дорожного движения.

Однако полноценному внедрению сервисов на территории Костромской области препятствуют указанные нормы Федерального закона № 69-ФЗ и Правил дорожного движения. Несмотря на все возможности АИС Такси, водителю, по-прежнему, необходимо будет иметь в салоне автомобиля бумажный вариант разрешения для предъявления сотрудникам ГИБДД. При смене фамилии, адреса места жительства, других личных данных предпринимателя потребуется переоформление разрешения. Для получения разрешения ему необходимо прибыть лично в место расположения Департамента, либо Департаменту потребуется понести почтовые расходы по отправке разрешения заявителю почтой. Также департамент регулярно несет бюджетные расходы на закупку бумажных бланков разрешений установленного образца.

Принятие Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» позволит использовать вариант такого специального правового ре-

жима на территории Костромской области для успешного апробирования и внедрения новой цифровой технологии при выдаче разрешений на перевозку такси. Соответствующие предложения о возможности применения данного правового режима планируется обсудить с экспертами, заинтересованными органами, организациями и подготовить для направления в Минэкономразвития России.

Представляется целесообразным осуществлять комплексное рассмотрение возможностей применения гибкого подхода к правовому регулированию аналогичных вопросов также и в иных отраслях экономики и государственного управления, сферах взаимодействия граждан и организаций с государством, и как следствие, достижения положительного эффекта для развития экономики региона в целом.

Вместе с тем, вопрос о возможности применения такого подхода следует решать комплексно, с привлечением всех возможных участников данного процесса, представителей правоохранительных и надзорных органов, экспертов в соответствующих областях, представителей научного сообщества и общественности. Проработку таких вопросов целесообразно осуществлять заблаговременно, чтобы при принятии на федеральном уровне необходимых нормативных правовых актов было затрачено минимальное время на подготовку взвешенного решения на региональном уровне, сокращающего возможные риски и учитывающего интересы всех стороны и участников правоотношений в соответствующей сфере.

В связи с этим функционирование регионального центра компетенций по совершенствованию и мониторингу правового регулирования цифровой экономики является весьма актуальным.

Библиографический список

1. Барьеры в развитии цифровой экономики в субъектах Российской Федерации : информационно-аналитический доклад Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. М., ноябрь 2019 // Официальный сайт Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/25838.pdf>. (дата обращения: 12.11.2019).

2. О совершенствовании федерального законодательства в части создания единой системы правового обеспечения развития цифровой экономики Российской Федерации» : материалы Парламентских слушаний в Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации. М., 21 ноября 2019 года (официально не опубликованы).

3. Национальный проект «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утвержден Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 04.06.2019) // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.ac.gov.ru/materials/?id=51> (дата обращения: 12.11.2019).

4. Отчетность департамента транспорта и дорожного хозяйства Костромской области (официально не опубликована).

5. Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.ac.gov.ru/materials/?id=51> (дата обращения: 12.11.2019).

6. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.ac.gov.ru/materials/?id=51> (дата обращения: 12.11.2019).

7. Письмо администрации Костромской области от 02.09.2019 № ЮМ-6304/5 о представлении информации по предложениям об изменении федерального законодательства (официально не опубликовано).

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 22.11.1993, № 47, ст. 4531.

9. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 01.08.2019 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (направлен письмом Минкомсвязи России от 02.08.2019 № ЕК-П18-070-17703; официально не опубликован).

10. Проект федерального закона № 612719-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности», в части внедрения реестровой модели предоставления государственных услуг по лицензированию отдельных видов деятельности // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz#data_source_tab_b (дата обращения: 12.11.2019).

11. Проект федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Портал административной реформы. URL: <https://ar.gov.ru/RU/menu/default/view/68> (дата обращения: 12.11.2019).

12. Региональный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. губернатором Костромской области 14.12.2018) // Официальный портал государственных органов Костромской области. URL: <http://adm44.ru/RSI/digeco/> (дата обращения: 12.11.2019).

13. Федеральный закон от 21.04.2011 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 88, 25.04.2011.

УДК 331. 102. 344

Никитин Валерий Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
venik2206@yandex.ru

Правовые основы регулирования информационных отношений в условиях цифровизации экономики

В статье рассматриваются проблемы информационных отношений в правовом пространстве в условиях современного постиндустриального общества и цифровизации экономики. Делается вывод о необходимости исследования основ правового регулирования информационных отношений в условиях цифровизации экономики и объединения усилий исследователей различных отраслей наук.

Ключевые слова: информация, информация как объект права, информационный труд, информационное содержание труда, информационное право, информационные цифровые рынки, инновационная деятельность, интеллектуальные права, постиндустриальное общество, технологический прогресс, фиктивные цифровые рынки, цифровые права, цифровые сетевые эффекты, четвертая технологическая революция, человеческая энергия.

Nikitin Valery Vladimirovich,
candidate of economic sciences, associate professor,
Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Legal bases of regulation of information relations in the conditions of digitalization of economy

The article considers the problems of information relations in the legal space in the context of modern post-industrial society and the digitalization of the economy. The conclusion is drawn about the need to study the foundations of the legal regulation of information relations in the context of the digitalization of the economy and the joint efforts of researchers in various fields of science.

Keywords: information, information as an object of law, informational work, informational content of labor, informational law, informational digital markets, innovative activity, intellectual rights, post-industrial society, technological progress, fictitious digital markets, digital rights, digital networks effects, the fourth technological revolution, human energy.

Информация представляет собой специфический продукт, формирующийся и создающийся как в материализованно-вещественном виде, так и в нематериализованном (нефиксированном или виртуальном и даже «квази», суррогатном виде). Поэтому без четких границ, определяющих информацию как объект права, применение по отношению к ней любых законодательных норм проблематично.

В настоящее время информация имеет несколько отличительных особенностей. Недавно было отмечено еще несколько интересных моментов в современной экономике непосредственно оказывающих влияние на человека.

Во-первых, простота (быстрота) для получателя, пользователя, информации.

Во-вторых, мобильность интернета, целевая аудитория направленности информации. У интернета нет конкуренции, он монополист, так как там каждый найдет что-то для себя. Это унифицированный и специализированный ресурс.

В-третьих, это определенная агрессивность информации. Информационные потоки настойчиво внедряются в конкретные слои населения в основном через средства массовой информации и сети. Особенно это заметно в отношении рекламы и различных форм предвыборной агитации. В условиях глобальных угроз терроризма, определенные подобное проявление сегодня необходимо рассматривать через призму национальной безопасности государства и оказывать действенное противостояние преступности в этой области.

В-четвертых, ярко выраженная ограниченность восприятия информации конкретным человеком. Объем предлагаемой для усвоения информации явно превышает физиологические возможности индивидуума.

В-пятых, неудовлетворенность действительно необходимой объективной информацией. В большинстве своем та информация, которая нас окружает, является ненужной или «фоновой», а необходимую информацию приходится выбирать из общего потока самому человеку, как бы вручную альтернативным путем сравнения или фильтрации, отсекая и отмечая все непродуктивное, неэффективное и ненужное.

В-шестых, сегодня обостряется проблема исследования вопросов (отношений) и результатов информационного содержания труда в правовом поле и пространстве. Возможно, рассмотрение этого через призму теоретических проблем информационного права. Думается, что исходить необходимо из анализа самого содержания информационных отношений [5, с. 64–72].

В-седьмых, разнополярность информационной среды: А. (телевидение). Генерация верифицированных новостей, источнику информации (каналу) редко вчиняют иски, сложность этого процесса; Б. (Интернет). Можно смоделировать, сконструировать событие (новости) и запустить новость в обиход, деловой оборот. В английском языке это термин – лож-

ные новости, Фейк Ньюс (Fake News). Там степень верификации стремится к нулю. Но сегодня важна и та и другая информационная среда.

В-восьмых, глубина проникновения информации. У телевидения она пока выше, чем у интернета.

В-девярых, несоизмеримые возможности и риски цифровой среды.

В-десятых, все еще существует и сохраняется проблема выбора научного подхода к исследованию труда [6, с. 62–66], тем более информационного с его интеллектуальными и творческими составляющими элементами. Вопросам инновационной деятельности посвящены работы современных экономистов, при более чем скромных попытках юристов в этом же направлении.

В настоящее время обостряется проблема исследования, а, следовательно, и регулирования вопросов, отношений и результатов информационных процессов в правовом поле и пространстве. Рассматривать это, по нашему мнению, нужно через призму теоретических проблем информационного права. Считаем, что исходить необходимо из анализа самого содержания информационных отношений [10, с. 28–37].

Доля интеллектуальных составляющих элементов в информационных процессах нарастает. Значительное количество функций с применением цифровых технологий, постоянно увеличивается и растет как снежный ком. Сегодня без объяснения сути явления и отношений весьма часто используется, ставшее модным, но пока не закрепленное в Федеральном законодательстве понятие цифровизации, цифровой экономики. Попытаемся привести лишь некоторые из этих элементов, которые помогут разъяснить некоторые внутренние процессы в них происходящие.

- Связь с цифровыми сетевыми эффектами информационных цифровых рынков их тиражируемость и пачкование. Сетевой эффект – это зависимость от количества потребителей. Если мы, являясь частью сети, выпускаем даже невыгодную услугу, то она все равно будет вызывать повышенный спрос в данной сети, так как подверженность изменениям будет минимальна;

- Индивидуальная конкретная информация может быть объектом отношений неограниченного круга лиц, и использована ими многократно, до тех пор, пока это позволяет существующий тип научно-технического, технико-технологического уклада;

- Преумножаемость информации, она «растет как на дрожжах» или как соты в пчелином улье. Количество и объем информационных ресурсов не уменьшается со временем, а наоборот возрастает и множится;

- Нетоварность информации, разрыв связей, отход цифровых рынков от товарных рынков и товара, что и приводит к разрыву прямых рыночных связей;

- С точки зрения товара, как бы «фиктивные» цифровые рынки напрямую управляют и воздействуют на товарные рынки;

- Цифровые платформы абсолютно управляют рынками, на которых обращаются товары и влияют на эти рынки. Создают там спрос, искусственный и ажиотажный спрос.

- Современные рынки цифровые динамичны. Они изменяются ментально, почти мгновенно;

- Модульность цифровых рынков. С помощью их все рынки связаны между собой;

- Объектом правоотношений, правовой защите по поводу информации всегда является материальная ее форма, носитель, информационная база, документ или жесткий диск, позволяющий ее идентифицировать и защищать права на нее [9, с. 9].

- Мобильные приложения по платежам дают возможность отслеживать общие, совместные (семейные) расходы, одновременно могут и разрушать личные отношения. Уже известны исследования воспринимаемой мелочности в этой области авторов: Тами Ким, Тинг Чжан и Майкл Нортон. Так, с появлением, например, таких платежных приложений как Venmo, можно с легкостью записывать точные расходы, понесенные партнером по ланчу, и вернуть долг до копейки, считая себя разумным, справедливым и эффективным. В русской интерпретации такое поведение человека можно считать, как мелочность. В западном образе делового поведения это «преднамеренная внимательность к мелочам», по нашему, мелочность, может разрушить отношения, привести к взаимному обвинению и разрушить хорошие, благие намерения, которые могут стоять даже за очень щедрыми пожертвованиями. И напротив, оставляя место для ошибки при обмене денег – например, путем округления суммы – мы можем сигнализировать о доверии и желании установить прочную, надежную, доверительную связь. Приложение Venmo – это сервис мобильных платежей, принадлежащий платформе PayPal. Владельцы счета Venmo могут переводить средства другим с помощью приложения для мобильного телефона.

Практическую же сторону анализируемых отношений, по нашему мнению, тоже надо развивать и, в первую очередь, на законодательном уровне. Так, еще в 2013 году в ИА «Гарант» была проведена интернет-конференция с Председателем Суда по интеллектуальным правам человека Новоселовой Людмилой Александровной, которая и подтвердила необходимость безотлагательного создания Суда по интеллектуальным правам как эффективного инструмента решения патентных споров. Было отмечено, что большое количество конфликтов, связанных с защитой интеллектуальных прав – это только не одно главное обстоятельство, которое принимается во внимание при создании такого специализированного суда.

Ведущим фактором явилась сама природа подобных споров, рассмотрение которых необходимо и требует не только глубоких правовых знаний, умения увидеть реальную причину конфликта, и оценки технически выверенных научных решений. В ряде стран уже пришли к необходи-

мости создания особого судебного органа, специализирующегося на патентных спорах. Аналогичное направление выбрано и в странах Евросоюза. Так, в феврале 2004 года Еврокомиссия предложила создать Европейский патентный суд, который бы занимался разрешением споров в области интеллектуальной собственности [3].

Особую тревогу в наш информационный век вызывает то, что технологический прогресс стал доминировать над человеческими факторами, управлять ими и даже всей человеческой цивилизацией, где моральные нормы о человеческих гуманных ценностях отодвигаются на задний план. Здесь невозможно не вспомнить об эффекте теории Окно Овертона или Окно Дискурса. Свое название в 90-х годах прошлого столетия Окно Овертона получило в честь американского социолога Джозефа Овертона. В соответствии с этой концепцией в сознание человека, общества, даже высокоморального или даже религиозного, можно внедрить, насадить практически любую идею. Мы попытаемся предположить, что следуя этой теории, с этих позиций на рынке можно сделать популярным, создать миф редкости, уникальности, нужности, полезности любого товара, а, следовательно, создать на него ожиотажный спрос и моментально реализовать продать практически любой товар. Это не фантастика, не власть над рынками и миром, а описанная технология, постоянно действующая на протяжении всего существования человека и общества.

Ранее это воспринималось интуитивно и подсознательно, но в эпоху четвертой технологической революции интуитивное перерастает в интуитивно-логическое, а далее приобретает более конкретные точные математические формы, то есть теория становится вероятностью. Однако, человек стремясь к повышению удобства и качества жизни, привлекательности, сталкивается с рядом вызовов, не всегда ясных и понятных, в том числе глобальных мировых, на которые ему предстоит ответить. Известный британский физик теоретик Стивен Хогинг заявил, что «Рост мощного искусственного интеллекта будет либо лучшим, либо худшим из того, что когда-нибудь случится с человечеством» [7]. Такое заявление 74-летний ученый сделал на церемонии открытия Центра по изучению искусственного интеллекта и будущего человечества в Кембриджском университете. «Наши современные компьютеры все еще отстают по вычислительной мощности от мозга простого земляного червя. Опасность заключается в том, что наша способность разрушать и губить окружающую среду и друг друга возрастает гораздо быстрее, чем наша мудрость в использовании этой способности» – говорил он [2].

В Давосе 23 января 2020 года на Всемирном экономическом форуме состоялся деловой завтрак Сбербанка «Личностная трансформация в цифровую эпоху». Модератор традиционной дискуссии с участием спикеров с мировым именем – Герман Греф. В выступлении Андрея Курпатова [4], которое можно было бы назвать и связать с экономикой мозга человека,

прозвучали тревожные слова по поводу того, что люди сейчас все более рассчитывают на легкий быстрый успех и более стремятся к комфорту, но менее заинтересованы в росте самой экономики. Как ни печально, но все это еще лишний раз подтверждает мысли Стивена Хогинга. Поэтому, сегодня как никогда нужны правовые обоснования, основы регулирования информационных отношений в условиях цифровизации экономики, причем как на государственном, так и на мировом уровнях.

Возвращаясь к проблеме современных информационных отношений, отметим, что внедрение цифровых технологий требует особого специального (возможно отраслевого) регулирования с целью снижения рисков при их использовании. Вместе с тем в ГК РФ уже внесены изменения – ст. 128 ГК РФ дополнена цифровыми правами, а в ст. 141.1 эти права разъясняются. Изменения вступили в силу с 1 октября 2019 года [1, с. 1224]. Неправомерные действия в отношении цифровых прав теперь будут охватываться теми же составами преступлений, в которых имущество закреплено в качестве предмета. Однако, ряд ученых уже подвергли критике отнесение цифровых прав к имущественным правам [8, с. 376], считая, что они не являются правом требования, которое обращается в гражданском обороте.

Анализируя правовые явления и экономические процессы, противоречия, коллизии и метаморфозы происходящие в информационной среде и правовом поле современной России, практики и исследователи, юристы и экономисты сходятся в одном – экономико-правовое пространство для исследования информационно-содержащих явлений в XXI веке значительно и стремительно расширяется. Это лишний раз подтверждает острую необходимость исследования в научных работах экономико-правовой материи, основ правового регулирования информационных отношений в условиях цифровизации экономики и проведения базисных научных разработок, которых сегодня с нетерпением ждет практика от теории.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

2. Alex Hern. Professor praises creation of Cambridge University institute to study future of artificial intelligence Stephen Hawking: AI will be 'either best or worst thing' for humanity. The Guardian. International edition // Wed 19 Oct 2016 21.05. BST Last modified on Wed 22 Feb 2017 17.43 GMT. The Guardian. International edition/ <https://www.theguardian.com/international>.

3. Необходимость и цели создания Суда по интеллектуальным правам как эффективного инструмента решения патентных споров // ИПП «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/interview/442549/#ixzz63G9qY10l> (дата обращения: 23.11.2019).

4. Несмелов Сергей. Выступление Андрей Курпатов в Давосе на бизнес-завтраке Сбербанка // Видеохостинг «YouTube». URL: <https://youtube.com> (дата обращения: 23.11.2019).

5. Рудычева Н. Цифровизацию транспорта тормозит отсутствие стандартов и экономической целесообразности // Интернет-портал о высоких технологиях Cnews.ru. URL: https://www.cnews.ru/reviews/it_v_transportnoj_otrasli_2019/articles/tsifrovizatsiyu_transporta_tormozit_otsutstvie_standartov_i_ekonomicheskoy (дата обращения: 16.10.2019).

6. Никитин В. В. Проблемы выбора методологии при научном анализе труда // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. тр. V11 Междунар. науч.-практ. конф. Кострома : КГУ, 2010. С. 62–66.

7. Передельский Денис. Стивен Хокинг рассказал о страшном сценарии будущего // Российская газета. 21.10.2016.

8. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики. М. : Юстицинформ, 2019, 376 с.

9. Северин В. А. Принципы регулирования информационных отношений в инновационной экономике // Коммерческое право. 2017. № 2(25). С. 9.

10. Стрельцов А. А. Содержание информационных отношений // Теоретические проблемы информационного права / Институт государства и права российской академии наук. М., 2006. С. 28–37.

УДК 33

Рубцова Майя Викторовна,

научно-исследовательский институт

Университета прокуратуры Российской Федерации,

г. Москва, Российская Федерация

majya-rubcova@yandex.ru

Цифровые технологии в транспортной сфере: проблемы, перспективы

Статья посвящена вопросам использования современных цифровых технологий в транспортной сфере, правовым отношениям, связанным с транспортным комплексом, единой системы контроля в Российской Федерации, государственным автоматизированным информационным системам, проблемам и перспективам в данной сфере.

Ключевые слова: цифровые технологии, транспортная сфера, система контроля, правовые отношения, национальный проект, авиакомпания, законодательство, проблема кибератак в транспортной сфере, транспортная безопасность.

Rubtsova Maya Viktorovna,
Research Institute of the University of the Prosecutor's office
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Digital technologies in the transport sector: problems, prospects

The article is devoted to the use of modern digital technologies in the transport sector, legal relations related to the transport complex, the unified control system in the Russian Federation, state automated information systems, problems and prospects in this area.

Keywords: *digital technologies, transport sphere, control system, legal relations, national project, airlines, legislation, the problem of cyberattacks in the transport sphere, transport security.*

На сегодняшний день рынок транспортных услуг один из самых динамично развивающихся в мире. От эффективности функционирования транспортных сетей зависит продуктивность работы других отраслей промышленности, следовательно, и экономического благосостояния страны.

Одним из самых перспективных направлений развития цифровых сервисов для транспортной отрасли являются геоинформационные технологии. Это не только мониторинг движения транспорта, но и оснащение контейнеров и прицепов датчиками, которые измеряют параметры внешней среды и груза, считывают информацию с окружающих объектов и передают ее в единый центр для онлайн-анализа и контроля процесса доставки. Объем рынка геосервисов в России, по оценкам экспертов, составляет около 6 млрд долл. [1].

Транспорт нуждается в самых современных цифровых технологиях, чтобы оставаться конкурентоспособным на мировом рынке, обеспечивать потребность в перевозках возрастающих объемов пассажиров и грузов, обеспечивать доступность и качество оказываемых услуг. Первоочередные задачи, обозначенные в послании Президента России, в майском указе, расшифрованные в комплексном плане магистральной инфраструктуры, требуют широкого применения цифровых технологий. Такие технологии будут на новом уровне обеспечивать проектирование, строительство и эксплуатацию объектов инфраструктуры, а также процессы мониторинга и управления проектной деятельностью. В транспортном комплексе реализуется целый ряд масштабных проектов по созданию информационных систем нового поколения. Создана и функционирует государственная автоматизированная информационная система «ЭРА-ГЛОНАСС», внедрена и эффективно используется система «Платон». На их основе развиваются необходимые транспортному комплексу сервисы, которые не связаны на-

прямую с взиманием платы с большегрузных автомобилей. Эти системы позволяют собирать и сохранять большие данные. Для формирования доверенного пространства взаимодействия всех участников отрасли предстоит сформировать цифровую платформу транспортного комплекса, которая объединит все перечисленные сервисы и массивы данных и станет своего рода экосистемой для всех участников транспортного процесса. Фактически на основе отечественного программного обеспечения будет создано «единое окно» государства и бизнеса при выполнении всех перевозок. Эта платформа установит единые стандарты, правила и регламенты информационного обмена, в том числе юридически значимые данные о транспортной инфраструктуре и транспортных средствах. Платформа выступит в качестве агрегатора данных о транспорте, который исключает приватизацию этих данных и гарантирует недискриминационный доступ к ним всех заинтересованных участников транспортной отрасли. Наконец, эта платформа позволит сохранить национальный суверенитет над информационными потоками в транспортном комплексе страны. Все перечисленные направления нашли отражение в ведомственном проекте «Цифровой транспорт и логистика». Имеющийся фундамент, заложенный ФГУП «ЗащитаИнфоТранс» в части учета и регистрации беспилотные авиационные системы (БАС), уже позволил начать создание единой системы контроля в Российской Федерации. Единая система контроля БАС должна включать в себя весь сквозной процесс, начиная от учета, регистрации и переходя к обучению и созданию клиентоориентированных интерфейсов, наблюдению, планированию, обеспечению безопасности транспортной и критической инфраструктуры в связи с деятельностью БАС, а также взаимодействию с заинтересованными ведомствами по транспортной, информационной и кибербезопасности, в том числе с использованием единой государственной информационной системы объектов транспортной безопасности. На текущий момент Российская Федерация в лице предприятий и специализированных организаций в полной мере располагает техническими возможностями для построения единого процесса наблюдения за БАС. С опорой на собственные ресурсы создан серьезный задел, технологический и интеллектуальный, что позволяет уже в ближайшее время добиться значительного прогресса в вопросе контроля. Госкорпорация по ОрВД является национальным провайдером аэронавигационного обслуживания в Российской Федерации и осознает необходимость решения в данном контексте целого ряда задач технического характера. При этом располагает для этого интеллектуальными и финансовыми возможностями. Наличие у предприятия собственного учебного заведения позволяет обеспечивать должный уровень подготовки всех категорий персонала, что является одним из необходимых условий для безопасной эксплуатации. Таким образом, предлагается создание единой системы контроля за БАС, беспилотными воздушными судами (БВС) путем формирования единого опера-

тора на основе государственно-частного партнерства за счет собственных средств госкорпорации и за счет привлечения инвестиций и инфраструктурных инвесторов [2].

На сегодняшний день уровень развития цифровых технологий в Аэрофлоте остается одним из самых высоких в мировой транспортной отрасли. Авиакомпания в течение нескольких лет сохраняет 4-е место в мире среди авиакомпаний по цифровизации в рейтинге консалтинговой компании Bain & Co. На практике – это более десятка реализованных бизнес-кейсов на базе современных цифровых технологий. Программа «Интернет на борту», которая реализована на широкофюзеляжных воздушных судах и сейчас распространяется на узкофюзеляжный флот. Система Монитор руководителя, предоставляющая менеджерам Аэрофлота онлайн-доступ к более чем 500 показателям деятельности компании. Оснащение бортпроводников и пилотов планшетами, которые позволяют полностью и детально видеть свое поле работы. Впервые осуществленный в России цифровой проект «Витрина данных налогового мониторинга», не уступающий лучшим западным образцам. Система управления ресурсами, которая сократила среднее время обслуживания самолета между прилетом и вылетом. Система интеллектуальной поддержки эксплуатации воздушных судов, позволившая повысить среднесуточный налет лайнеров «Аэрофлота». Автоматизация основных бизнес-процессов – от офисной работы до обслуживания пассажиров и самолетов уже достигла в компании 100%. В планах дальнейшие разработки в области искусственного интеллекта, которые включены в обновленную стратегию развития Группы «Аэрофлот» до 2023 года [3].

Для транспорта актуальна проблема кибербезопасности. Как известно, в законодательстве отсутствует понятие «кибербезопасность», однако киберпространство – реальность, затрагивающая все сферы деятельности человека, в том числе транспортную. В Федеральном законе от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» употребляется только термин «кибербезопасность» без его раскрытия по содержанию. В настоящее время вопросы кибербезопасности становятся одними из основных в общей структуре безопасности транспортного сектора. Широкое внедрение компьютерных технологий для автоматизированного и автоматического управления техническими объектами и технологическими процессами, а также глубокая интегрированность программно-аппаратных комплексов в информационно-коммуникационные сети передачи данных дают возможность злоумышленникам обнаруживать их слабые стороны и активно пользоваться ими. Одним из основных требований к транспортной инфраструктуре любого государства является способность противостоять любым видам преступных посягательств. В случае России это приобретает особое значение, учитывая протяженность ее территории и транспортных коммуникаций (так протяженность железнодорожных путей в России составляет око-

ло 85 тыс. км. – второе место после США). Сегодня вопрос кибербезопасности транспортного сектора – это вопрос национальной *безопасности страны*.

Следует отметить, что бурное развитие транспортного комплекса России ставит новые задачи, связанные с обеспечением транспортной безопасности. Постоянно растет уровень внутренних перевозок на всех видах транспорта. Кроме того, появляются задачи глобального масштаба, продиктованные ростом роли России как транспортного коридора между Европой и Азией, это касается в первую очередь железнодорожных путей и Северного морского пути. В этих условиях повышение значимости информационных технологий в процессах управления неизбежно и продиктовано необходимостью решать новые задачи эффективно, оперативно и с минимальными затратами. Однако стоит отметить, что протяженность территории России это не только преимущество. Этот фактор делает транспорт одним из самых уязвимых точек в системе глобальной безопасности государства и требует создания сложных систем управления инфраструктурой. И с развитием и внедрением новейших информационных систем, с созданием в российских городах интеллектуальных систем управления транспортными потоками уровень опасности возрастает многократно. Объектами кибератак в транспортной сфере могут стать бортовые программно-аппаратные системы управления, системы управления полетами или движением поездов, системы навигации, системы железнодорожной автоматики, телемеханики и электроснабжения, объекты инфраструктуры вокзалов, портов и аэропортов. Целью кибератак может являться кибершпионаж (несанкционированная передача данных, программ или географических координат объектов транспорта и инфраструктуры посредством скрытых каналов связи) или кибераудит (поиск киберуязвимостей в системах управления, разработка сценариев кибератак). Гораздо большую опасность представляет киберсаботаж (снижение пропускной способности железнодорожных участков и аэропортов, вплоть до полной остановки движения) и кибердиверсии (физическое уничтожение аппаратуры, перехват управления транспортным средством, создание опасных маршрутов движения, нарушение технологий транспортировки и скоростного режима, в первую очередь при перевозке особо опасных и социально значимых грузов и пассажиров). Угроза может исходить как от анонимных злоумышленников (хакеров), так и от организованных преступных и экстремистских группировки, а также спецслужб других государств. Следует отметить, что стопроцентной защиты от киберугроз не существует. Сегодня возникает потребность в создании архитектуры безопасности не только объектов, но и целых городов и регионов, неотъемлемой частью которой является транспорт. Для достижения этой цели необходимо создание комплексных систем обеспечения безопасности (КСОБ). Прежде всего, была разработана общая модель угроз и частные модели угроз для каждого объекта, которые позволяли определить актуальные угрозы для каждого объ-

екта, а также мотивировали необходимость применение тех или иных средств мониторинга и защиты транспортной инфраструктуры и транспортных средств. КСОБ была реализована как сигнальная система на основе созданных объектовых технических систем и совокупности аналитических моделей, автоматизирующих процессы выявления событий безопасности. Система также осуществляла обработку информации персонального характера о сотрудниках транспортной инфраструктуры, сотрудниках подрядчиков и потребителях ее услуг. Наконец, КСОБ обеспечивала собственную безопасность в части информационно-телекоммуникационной среды и системы управления этой средой. В целом – это был первый в России уникальный опыт, и уверен, он будет обязательно востребован в будущем в любых уголках нашей страны [4].

Библиографический список

1. Струкалев М. Ю. Цифровизация транспортной отрасли // Официальный сайт ИД «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/conference/377> (дата обращения: 16.10.2019).
2. Медведев Д. А. О цифровой трансформации транспортного комплекса // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/34821> (дата обращения: 16.10.2019).
3. Семенов А. К. Аэрофлот стал членом ассоциации «Цифровой транспорт и логистика» // Официальный сайт ИД «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4061406> (дата обращения: 16.10.2019).
4. Родионов Д. Н. Киберугрозы и прочие современные вызовы // Официальный сайт Фонда транспортной безопасности. URL: <https://tb-inform.ru/kiberugrozy-i-prochie-sovremennye-vyzovy/> (дата обращения: 16.10.2019).

КРУГЛЫЙ СТОЛ
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
В МЕХАНИЗМЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

УДК 339.543:328.185

Александрова Людмила Ивановна,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
liud.alexandrova2012@yandex.ru

Противодействие коррупции в таможенной сфере

В статье рассматриваются вопросы противодействия коррупции в таможенной сфере. Дана оценка коррупции в Российской Федерации на современном этапе. Отмечены результаты работы по борьбе с коррупцией в таможенной сфере, осуществляемой подразделениями по противодействию коррупции ФТС России с приведением примеров выявления совершенных коррупционных преступлений. Подчеркнуто, что противодействие коррупции – это системный комплекс экономических, правовых, социальных и др. мероприятий, направленный, главным образом, не только на выявление уже совершенных правонарушений, но и на устранение причин и условий им способствующих, а также на создание нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Ключевые слова: коррупция, противодействие, таможенные органы, преступления, дача взятки, получение взятки, таможенная сфера.

Alexandrova Lyudmila Ivanovna,
senior researcher, Research Institute
of the Prosecutor's office University of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Anti-corruption in the customs sphere

The article deals with the issues of combating corruption in the customs sphere. An assessment of corruption in the Russian Federation at the present stage is given. The results of the work on fighting corruption in the customs sphere carried out by the anti-corruption units of the Federal customs service of Russia with examples of detection of committed corruption crimes were noted. It

is emphasized that the effect of corruption is a systemic complex of economic, legal, social, etc. measures aimed primarily not only at identifying crimes that have already been committed, but also at eliminating the causes and conditions that contribute to them, as well as at creating intolerance to corruption.

Keywords: *corruption, counteraction, customs authorities, crimes, giving a bribe, receiving a bribe, customs sphere.*

В России, как и на мировом уровне, проблема противодействия коррупции является весьма актуальной. Это одно из опаснейших социальных явлений глобального характера, под угрозой, которой находятся не только национальные интересы государства, но и сдерживается экономический рост, разрушается рынок, отталкиваются иностранные инвесторы, ослабляется функционирование государственных служб, снижается доверие к руководителям властных структур.

Коррупции существует уже на протяжении многих тысячелетий, о чем свидетельствуют немало исторических памятников. Массовое распространение коррупции приводило даже к гибели отдельных государств. По меткому выражению короля Македонии Филиппа II «не существует таких высоких крепостных стен, через которые бы невозможно было перебраться ослу, навьюченному золотом» [1, с. 6].

В России появление коррупции связано с традицией кормления чиновников от дел, то есть от подношений от тех, кто был заинтересован в их деятельности. Первое законодательное ограничение коррупции чиновников было установлено Иваном III, а Иваном Грозным за коррупционные правонарушения, главным образом за взятки, была введена смертная казнь. За время его правления уровень коррупции в стране впервые резко сократился. Так, французский дипломат Арнольд Шемо в 1558 году писал в Париж: «Московию не узнать – страх смерти изменил эту страну так, что наши купцы теперь не знают, как дела вести. Даже местные княжны подарков не берут, ибо каждый день мздоимцев прилюдно разрубают на куски прямо на городской площади».

Имеется немало архивных свидетельств реального антикоррупционного оздоровления общества, в том числе переписка «государевых людей» тех лет, в которых они резко отвергают всякую возможность получения «податей» и различных «угощений» от люда мирского. После Ивана IV, к великому сожалению, все вернулось на круги своя [2].

В Российской Федерации за последние годы ситуация с коррупцией кардинально не изменилась. На начало 2019 г. Россия на один балл приблизилась к коррупционному «дну», заняв 138-е место из 180 в Индексе восприятия коррупции, составленном международным движением Transparency International. Российская, набрав 28 баллов против 29 в течение нескольких прошлых лет (чем меньше баллов, тем выше уровень коррупции в стране). Столько же баллов в 2018 году набрали Папуа – Новая Гвинея, Ливан, Иран, Гвинея и Мексика.

По информации Следственного комитета Российской Федерации с 2011 г. ущерб от коррупционных преступлений на декабрь 2018 г. составил 123 млрд руб. [3].

По данным Национального антикоррупционного комитета (НАК) России уровень коррупции в стране достиг огромных размеров. Ежегодный объем взяток чиновникам колеблется от 240 до 300 млрд долл. В структуре коррупции 40–60 % составляет система откатов. Коррупция проявляется также в системе государственных закупок, выделения различных квот, например, в сфере природопользования и в других сферах. Кроме того, на антикризисные меры правительством выделяются крупные суммы, часть из которых также попадет в карман недобросовестных служащих госаппарата. Как отметил глава НАК К. Кабанов «у наших чиновников выработано некое понимание своего уровня жизни, ниже которого они не могут опускаться, поэтому не стоит ожидать, что в ближайшее время тарифы на коррупционные сделки снизятся, а ставки на взятки остаются на докризисном уровне» [4].

Высокий уровень коррупции в органах государственной власти, в том числе в таможенных органах, значительно снижает эффективность их функционирования, подрывает правовые основы таможенного администрирования, создает предпосылки негативного морально-психологического климата в коллективах и отрицательного влияния на имидж сотрудников таможенных органов в обществе.

Таможенная служба России играет заметную роль в пополнении бюджета государства, а также в обеспечении национальной экономической безопасности. Высокий уровень коррупции в таможенной сфере может оказать отрицательное влияние на политическую и экономическую стабильность в стране.

Коррупционная составляющая в действиях таможенных органов чаще всего присутствует при пропуске через границу запрещенных к перевозке товаров, занижении таможенных пошлин и таможенной стоимости товаров, возврате конфискованных товаров и валюты, а также необоснованной отсрочке таможенных платежей.

В 2018 г. по материалам подразделений по противодействию коррупции в таможенной сфере возбуждено 251 уголовное дело, из числа которых по преступлениям коррупционной направленности возбуждено 173 уголовных дела (93 – в отношении должностных лиц таможенных органов и 80 – в отношении взяткодателей) [5]. Только за 9 месяцев 2019 г. по материалам подразделений по противодействию коррупции возбуждено 302 уголовных дела. Из них по преступлениям коррупционной направленности возбуждено 237 уголовных дел (140 – в отношении 44 должностных лиц таможенных органов и 97 – в отношении 66 взяткодателей) [5].

Наиболее распространенными видами преступлений коррупционной направленности, выявленных подразделениями по противодействию кор-

рупции за 9 месяцев 2019 г. являлись: получение взятки (ст. 290, 291.2 УК РФ) – 99 уголовных дел; дача взятки (ст. 291, 291.2 УК РФ) – 97 уголовных дел; мошенничество, присвоение или растрата (ч. 3, 4 ст. 159, 160 УК РФ) – 22 уголовных дел.

В качестве примеров деятельности подразделений по противодействию коррупции ФТС России можно привести следующие:

- сотрудники отдела по противодействию коррупции Кингисеппской таможни в апреле 2019 года в Ивангороде установили и задокументировали факт получения взятки инспектором отдела таможенного оформления и таможенного контроля таможенного поста МАПП Ивангород Кингисеппской таможни в размере 200 евро за не проведение форм таможенного контроля в полном объеме в отношении перемещаемого гражданином Российской Федерации товара. Возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ;

- сотрудники службы по противодействию коррупции Северо-Западного таможенного управления совместно с сотрудниками службы экономической безопасности Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области установили и задокументировали, что должностное лицо руководящего звена Турухтанного таможенного поста Балтийской таможни в период с апреля по июнь 2019 года неоднократно получало взятки от представителя участника ВЭД и иных неустановленных представителей юридических лиц, осуществляющих коммерческую деятельность, связанную с перемещением товаров через Турухтанский таможенный пост Балтийской таможни, на общую сумму в размере около 900 тысяч рублей за общее покровительство осуществляемой компаниями коммерческой деятельности. Возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 290 УК РФ [7];

- 19 июня 2019 г. Приморским следственным отделом на транспорте Дальневосточного следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации (СК России) по материалам отдела по противодействию коррупции Находкинской таможни Дальневосточного таможенного управления и Управления ФСБ России по Приморскому краю возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 290 УК РФ («Получение взятки») в отношении главного государственного таможенного инспектора отдела таможенного оформления и таможенного контроля Владивостокского таможенного поста (центра электронного декларирования) Владивостокской таможни Дальневосточного таможенного управления по факту получения взяток в крупном размере в период с января 2016 г. по декабрь 2017 г. на общую сумму 252 000 рублей путем переводов на банковские карты супруги от представителя компаний, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, за ускоренный выпуск таможенных деклараций, подаваемых на товары на указанном посту;

- в течение февраля – июня 2019 г. Иркутским следственным отделом на транспорте Восточно-Сибирского следственного управления на транспорте СК России по материалам отдела по противодействию коррупции Бурятской таможни возбужден ряд уголовных дел в отношении оперуполномоченного по особо важным делам оперативно-розыскного отдела Бурятской таможни, в том числе, возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 290 УК РФ по факту получения им взятки в крупном размере в сумме 357 326 руб. от представителя юридического лица, осуществляющего коммерческую деятельность, за общее покровительство и попустительство по службе в отношении осуществляемой им коммерческой деятельности [5];

- 18 февраля 2019 г. Мичуринским следственным отделом на транспорте Московского межрегионального следственного управления на транспорте СК России по совместным материалам отдела по противодействию коррупции Воронежской таможни, УФСБ России по Воронежской области, УФСБ России по Смоленской области возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 290 УК РФ в отношении старшего оперуполномоченного по особо важным делам подразделения специального отряда быстрого реагирования (СОБР) Воронежской таможни, находившегося в командировке в Смоленской таможне для силового обеспечения деятельности мобильных групп, по факту получения взятки в размере 872 000 руб. от гражданина, занимающегося организацией поставок плодоовощной продукции из Республики Беларусь на территорию Российской Федерации.

Отличительной особенностью преступлений, связанных с коррупцией в целом, является наивысший уровень их латентности. При этом одной из специфических особенностей пресечения и предупреждения совершаемых коррупционных преступлений является то, что оно практически невозможно без предварительной оперативно-розыскной разработки и постоянного оперативно-розыскного сопровождения, в том числе с участием подразделений ФСБ России.

Немаленький уровень коррупции в таможенной сфере обусловлен как объективными, так и субъективными факторами. К числу первых относятся: активное влияние со стороны организованных преступных групп и отдельных криминальных элементов на должностных лиц таможенных органов с целью их втягивания в противоправную деятельность; недоработки в организации таможенного оформления и контроля; организационно-управленческие недостатки, пробелы правового характера; обстоятельства социального характера. К обстоятельствам субъективного характера можно отнести: нравственно – психологические, моральные факторы; незаинтересованность таможенных органов в искоренении таможенных правонарушений и преступлений, в том числе взяточничества; низкая эффективность ведомственного контроля за повседневной деятельностью таможенных органов; низкий уровень расследования данной уголовных дел коррупционной направленностью; недостатки в подборе и расстановке кадров.

Вместе с тем, ключевыми проблемами коррупционного поведения отдельных сотрудников таможенных органов, все-таки являются, с одной стороны, нравственные качества отдельных должностных лиц, а с другой – возможность благодаря противоречивости и несовершенству законодательства вольно трактовать его в пользу участников коррупционных схем.

Работа по противодействию коррупции в таможенных органах основывается на федеральных законах, указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства Российской Федерации, а также локальных правовых актах (приказах и распоряжениях Минфина России, ФТС России).

В соответствии с действующим законодательством мерами борьбы с коррупцией в таможенных органах являются:

- предоставление гражданами, назначаемыми или замещающими в таможенных органах должности, включенные в перечни, установленные нормативными правовыми актами России и ФТС России, сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей; размещение данных сведений по установленному перечню должностей на официальном сайте ФТС России;

- обязательное уведомление должностными лицами таможенных органов руководство, органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений;

- организация деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, рассмотрению фактов совершения должностными лицами таможенных органов коррупционных правонарушений на заседаниях комиссий;

- обязательное уведомление служащим руководство о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения;

- внедрение в практику кадровой работы мер по поощрению сотрудников таможенных органов за безупречное и эффективное исполнение своих должностных обязанностей путем присвоения специального звания, классного чина, назначения их на вышестоящую должность и др.;

- проведение ротации должностных лиц таможенных органов.

Борьба с коррупцией в таможенных органах осуществляется также иными мерами предупредительного характера: осуществления надлежательного контроля за деятельностью подчиненных должностных лиц руководящим составом; совершенствования системы воспитательно-профилактической работы; поддержания здорового социально-психологического климата в коллективе, атмосферы нетерпимости к проявлениям коррупции; применения индивидуального подхода в материальном стимулировании пер-

сонала; анализа руководством таможенного органа нарушений, совершенных лицами, в отношении которых возбуждаются уголовные дела коррупционной направленности, а также причин и условий, их породивших [9].

В таможенных органах практикуются также используются также и иные методы профилактики коррупции, в том числе: осуществление проверки рекомендаций и биографии кандидата при приеме на работу; определение «групп риска» (люди, которые находятся в затруднительных жизненных обстоятельствах); создание «телефона доверия», на который предлагается сообщать обо всех случаях вымогательства взяток сотрудниками таможенных органов); анкетирование участников ВЭД; доведение до должностных лиц обзоров по преступлениям коррупционной направленности и судебной практики в отношении должностных лиц таможенных органов и др.

Изложенное свидетельствует о том, что проводимые ФТС России предупредительно – профилактические мероприятия по противодействию коррупции являются достаточно проработанными, однако, учитывая многочисленные факты коррупционного поведения таможенных сотрудников, требуют дальнейшего совершенствования.

Работа по противодействию коррупции в таможенной сфере должна строиться системно, путем проведения комплекса мероприятий, включающих решение организационных, социальных, экономических и правовых вопросов, направленных на демотивацию коррупционных проявлений. При этом, основная деятельность подразделений по противодействию коррупции должна направляться не только на выявление уже совершенных правонарушений, а на устранение причин условий им способствующих.

Библиографический список

1. Бесчастнова О. В. Основы антикоррупционного поведения : учеб. пособие. М. : КноРус ; Астрахань : Изд-во Астрахан. гос. ун-та, 2016. 106 с.
2. Каськов И. В., Цыганков А. Н., Штанько М. А. Борьба с коррупцией в таможенных органах: исторический опыт и современность // Проблемы и перспективы экономики и управления : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 2014). СПб. : Заневская площадь, 2014. С. 49–51.
3. Россия по уровню коррупции встала в один ряд с Папуа – Новой Гвинеей // Новостной портал NEWSru.com». URL: <https://www.newsru.com/russia/29jan2019/ivk.html> (дата обращения: 09.12.2019).
4. Дудаш Г. С. НАК оценивает объем взяток в \$240-300 млрд // Новости дня в мире и России. URL: <https://www.infox.ru/news/104/11852-nak-ocenivaet-obem-vzatok-v-240-300-mlrd> (дата обращения: 09.12.2019).
5. Официальный сайт ФТС России // Офиц. сайт Федеральной таможенной службы. URL: <http://customs.ru/activity/protivodejstvie-korruptzii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informaczi> (дата обращения: 09.12.2019).

7. О результатах работы службы по противодействию коррупции Северо-Западного таможенного управления в I полугодии 2019 года // TKS.RU. Российский таможенный портал. URL: <https://www.tks.ru/crime/2019/07/16/03> (дата обращения: 09.12.2019).

9. Данилов Р.В. Экономическая безопасность внешней торговли России в современных условиях (энергетический аспект) // Таможенное дело. 2012. № 2. С. 15–17.

УДК 343.352

Васин Алексей Андреевич,

прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокуратуры Костромской области, г. Кострома, Российская Федерация
a.vasin@kosoblproc.ru

Практика надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции на территории Костромской области

В статье рассмотрена правоприменительная практика надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции на территории Костромской области. Проанализированы статистические данные прокурорских проверок в регионе. Сформулировано предложение по усовершенствованию законодательства о конфликте интересов.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции, прокурорская проверка.

Vasin Alexey Andreevich,

prosecutor of the Department for supervision of the implementation of legislation about counteraction to corruption of Prosecutor's office of the Kostroma region,
Kostroma, Russian Federation

Practice of supervision over the implementation of legislation on combating corruption in the territory Kostroma region

The article deals with the law enforcement practice of supervising the implementation of anti-corruption legislation in the Kostroma region. Statistical

data of Prosecutor's checks in the region are analyzed. A proposal to improve the legislation on conflicts of interest has been formulated.

Keywords: *anti-corruption legislation, supervision of the implementation of anti-corruption legislation, audit.*

Вопросы противодействия коррупции касаются каждого, они влияют на безопасность и стабильное развитие государства, формирование высокой правовой культуры граждан и просто на восстановление справедливости.

Надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции органами прокуратуры области уделяется повышенное внимание, работа проводится во взаимодействии с правоохранительными органами, органами государственной власти и местного самоуправления, организациями и учреждениями.

В прокуратуре области и районных прокуратурах проблемы и тенденции противодействия коррупции обсуждаются на координационных совещаниях, заседаниях специально образованных рабочих групп, что систематизирует уровень межведомственного взаимодействия различных структур.

Не менее важное направление деятельности – это разъяснение прокурорами действующего законодательства среди должностных лиц органов власти и населения, формирование в обществе негативного отношения к различного рода злоупотреблениям, взяткам, кумовству и другим формам коррупции. Замечу, что законодательство в данной сфере содержит много оценочных понятий и категорий, не во всех случаях оно может быть истолковано однозначно, приходится учитывать судебную и прокурорскую практику других регионов России.

По итогам проверок прокуроров на территории Костромской области в истекшем периоде 2019 года выявлено свыше 2000 нарушений антикоррупционного законодательства; принято 700 актов прокурорского реагирования, в результате более 500 должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности, свыше 70 – к административной. По итогам антикоррупционной экспертизы выявлено 250 нормативных правовых актов и их проектов, содержащих коррупциогенные факторы.

Ежегодно в области регистрируется более 100 коррупционных преступлений, половина которых совершены должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления, учреждений. Особое внимание уделяется выявлению и пресечению фактов взяточничества. В текущем году отмечается увеличение таких преступлений более чем на 30 % и составило 38 преступлений (29).

Имели место факты совершения мошенничества и присвоения с использованием служебного положения, злоупотребления и превышения должностных полномочий из корыстной заинтересованности, коммерческого подкупа, незаконных рубок лесных насаждений, совершенных с использованием служебного положения.

В регионе наиболее подвержены коррупционным проявлениям сферы освоения бюджетных средств, управления государственным и муниципальным имуществом, сферы лесо- и землепользования.

Центральное звено профилактики коррупции – это обеспечение соблюдения запретов, ограничений и обязанностей, предусмотренных законодательством о противодействии коррупции. До настоящего времени сотни должностных лиц на территории области не в состоянии безукоризненно заполнить справки о своих собственных доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, причем независимо от уровня органа: начиная от специалистов сельских поселений и заканчивая депутатами Костромской областной Думой, сотрудниками администрации региона.

Должностными лицами не отражаются объекты недвижимости, транспортные средства, различные виды доходов от работы и продажи вещей, банковские счета. Ежегодно полномочия 5-6 депутатов сельских поселений по представлениям прокуроров прекращаются по утрате доверия, это те депутаты, которые вообще не представили справки о доходах. Они включены в федеральный реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия.

Прокурорами за последние три года инициировано более 30 процедур контроля за расходами чиновников, когда приобреталось слишком дорогостоящее для них имущество. При этом не всегда должностные лица отражают в декларациях произведенные крупные расходы даже при наличии оснований, а если отражают, то во многих случаях неполно и противоречиво.

В Костромской области в 2019 году прокурорами выявлено 44 случая непринятия должностными лицами мер по предотвращению и урегулированию ситуации конфликта интересов, в прошлом году – 31, в 2017 году – 26, что свидетельствует об имеющейся проблеме неисполнения данной обязанности. Необходимо понимать, что конфликт интересов напрямую создает условия для проявления коррупции, запрет направлен на обеспечение объективности и беспристрастности государственных и муниципальных органов и организаций.

В Управлении Роспотребнадзора, УМВД России по области, муниципалитетах имели место факты нарушения запрета на соподчиненность (подконтрольность) близких родственников на службе; в г. Костроме, Парфеньевском, Антроповском, Галичском, Шарьинском районах области служащие регистрировались в качестве индивидуальных предпринимателей либо осуществляли предпринимательскую деятельность без регистрации, являлись директорами и учредителями коммерческих организаций.

Не снижается количество должностных и юридических лиц, привлеченных к административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений, предусмотренных ст. 19.29 КоАП РФ – нарушение порядка привлечения к работе бывшего служащего (2019 г. – 50, 2018 г. – 44), а также ст. 19.28 КоАП РФ – незаконное вознаграждение от имени юридического лица (2019 г. – 2, 2018 г. – 1).

Нарушения федерального законодательства оцениваются прокурорами на предмет наличия коррупционной составляющей с учетом понятия «коррупции», закрепленном в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» [3]. Имеются факты оказания незаконных преференций и исключений в разных сферах реализации властных полномочий.

К примеру, в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд допускаются факты заключения контрактов в условиях конфликта интересов с родственниками, ненадлежащая приемка работ, все больше искусственного «дробления заказа» в целях непроведения торгов. Государственное и муниципальное имущество предоставляется без торгов и концессионных соглашений, используется без договоров и даже с извлечением личной выгоды от неофициального предоставления имущества.

В ходе осуществления надзорной деятельности выявляются проблемы применения законодательства, неточности формулировок, а иногда пробелы в праве, о которых прокуратура области ежеквартально информирует Генеральную прокуратуру Российской Федерации. Некоторые отраженные ранее нами в докладных записках предложения уже включены в Национальный план противодействия коррупции на 2018-2020 годы, который сейчас реализуется.

Например, в настоящее время актуальны вопросы о распространении на руководителей государственных и муниципальных учреждений обязанности представлять сведения о расходах (учитывая, что доходы они декларируют несколько лет).

Имеет смысл дополнить Земельный кодекс РФ [1] и Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [2], включив в них понятие конфликта интересов, запрет на совершение сделок, в том числе в отношении земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, в условиях конфликта интересов, а также правовые последствия нарушения субъектами правоотношений данного запрета.

В заключение скажу, что победить коррупцию невозможно, этот порок человека будет всегда, но вполне реально совместными усилиями свести ее к минимуму.

Библиографический список

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 18.03.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения 10.10.2019).

2. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения 10.10.2019).

3. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения 10.10.2019).

УДК 343.9

Диканова Татьяна Александровна,
доктор юридических наук,
Университет прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
dikanovata@yandex.ru

К вопросу о борьбе с коррупцией

Статья посвящена оценке тенденции, направленной на либерализацию контроля и правоохранительной деятельности, связанными со сферой предпринимательства. Отмечается теснейшая связь экономической преступности с коррупцией. Приводятся свидетельства того, что эти преступления стали не отдельными эпизодами, а системой, характерной для «освоения денег». Приводится опыт Китая в борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, экономическая преступность, космодром «Восточный», китайский опыт.

Dikanova Tatyana Aleksandrovna,
doctor of law,
University of the Prosecutor's office of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

On the issue of fighting corruption

The article is devoted to assessing the trend towards liberalizing control and law enforcement activities related to the sphere of entrepreneurship. There is a close connection between economic crime and corruption. There is evidence that these crimes were not separate episodes, but a system characteristic of "money development". China's experience in fighting corruption is given.

Keywords: corruption, economic crime, Vostochny cosmodrome, Chinese experience.

В настоящее время активно продвигаются идея, заключающаяся в том, чтобы освободить предпринимателей, совершающих правонарушения, в том числе преступления, от какой-либо ответственности, что якобы приведет к «трансформации делового климата». Эта активность происходит на фоне крупномасштабных хищений бюджетных средств и связанных с этими хи-

щениями преступлениями коррупционной направленности. «Грязные» похищенные деньги выводятся за рубеж, речь идет о млрд рублей.

Достаточно привести один лишь пример строительства космодрома «Восточный», чтобы понять: указанные преступления – не единичные случаи, а система, свойственная «освоению бюджетных средств».

Осуществляется вывод значительных объемов денежных средств, похищенных из бюджетов различных уровней, полученных в виде так называемых «откатов» в сфере государственных заказов. Речь идет о преступлениях коррупционной направленности, непосредственно связанных с преступностью предпринимателей. Именно такие преступления приносят многомиллиардный ущерб. В результате не выполняются принятые руководством страны решения по национальным проектам, приоритетным программам. Строительство критически важных для страны объектов растягивается на многие годы. За это время желающие поживиться за государственный счет требуют многократного увеличения стоимости строительства. Строительство объектов в России обходится в разы, а то и в десятки раз дороже, чем в других странах. Похищенное компенсируется из государственного бюджета, в конечном итоге за счет населения.

Наглядный пример – преступления, связанные со строительством космодрома «Восточный». По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2014–2018 гг. было выявлено 17 тыс. различных нарушений (хищения бюджетных средств, затягивание сроков строительства, невыплата зарплат и др.) при возведении этого космодрома. Более 1 тыс. человек, в том числе должностные лица, привлечены к ответственности. По фактам нарушений следствием возбуждено 140 уголовных дел, ущерб от преступлений оценивается в 11 млрд руб., из которых возвращено лишь 3,5 млрд руб. Всего по различным статьям УК РФ осуждены 50 человек. В 2018 г. приговоры вынесены в отношении 27 человек [1]. Так, каждый десятый бюджетный рубль, направленный на строительство космодрома Восточный, был украден [2].

Так, в 2016 г. Гагаринским судом Москвы гр. О был признан виновным в хищении путем мошенничества из федерального бюджета более 14 млн руб. (ч. 4 ст. 159 УК РФ) и приговорен к пяти годам лишения свободы с отбыванием в колонии общего режима и штрафу в размере 800 тыс. В 2019 г. Гагаринский суд Москвы приговорил О. к семи годам лишения свободы за то, что О., будучи старшим группы главных инженеров проекта Государственного проектного института специального строительства, обманом убедил руководство в необходимости делегировать часть работ по контракту подконтрольной ему компании ПСК «Микос». Госконтракт был заключен через субподрядную организацию, а не напрямую с Роскосмосом, Следствие считает, что через «Микос» было похищено около 71 млн руб. [3].

Руководителей «Тихоокеанской мостостроительной компании» осудили за многомиллионные хищения, при том что рабочие месяцами не по-

лучали зарплату: председатель совета директоров Ю. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, ч. 4 ст. 159 УК РФ (организация мошенничества) и приговорен к трем годам и четырем месяцам колонии общего режима и штрафу в размере 1 млн руб. Его сообщник – генеральный директор компании Н. за хищение 104,5 млн руб. у собственной компании приговорен к трем годам и трем месяцам лишения свободы, а также штрафу в размере 900 тыс. руб. [4].

Уссурийский районный суд признал Г. – генерального директора мостостроительной компании, являющейся субподрядчиком при строительстве космодрома «Восточный» – виновным по ч. 4 ст. 160 УК РФ («Присвоение или растрата в особо крупном размере») и ст. 196 УК РФ («Преднамеренное банкротство») и назначил наказание в виде пяти лет лишения свободы условно сроком на 2 года, а также обязал его выплатить штраф в размере 200 тыс. руб. В удовлетворении искового заявления было отказано, при том, что прокуратура настаивала на сроке 8 лет лишения свободы, а также в удовлетворении гражданского иска. Г. похитил более 288 млн руб. и нанес компании ущерб на 130 млн руб., в результате чего компания была признана банкротом. В ходе рассмотрения дела вины своей не признал, ущерб не возместил, при этом часть ущерба возникла из-за невыплаты заработной платы 1100 работниками компании на общую сумму около 61 млн руб. [5]. В период руководства Г. мостостроительной компанией средства, предназначенные на строительство объектов, широко расходовались на непрофильные цели: приобретение дорогих яхт, возведение базы отдыха на острове Ханка, дарение квартир и строительство особняков [6].

Многомиллиардные хищения бюджетных средств совершались и руководством ФГУП «ГУСС «Дальспецстрой», являющегося генеральным подрядчиком при строительстве космодрома. По данным следствия Х, его сын, главный бухгалтер организации А., а также экс-спикер законодательной думы Хабаровского края Ч., действуя в составе организованной группы, похитили около 105,9 млн руб., принадлежавших «Дальспецстрою» при закупке металлоконструкций, цемента и автомобильных шин для нужд предприятия по явно завышенным ценам через подконтрольные им коммерческие организации. Х. и А. злоупотребили должностными полномочиями при использовании авансов по 11 государственным контрактам на цели, не связанные со строительством объектов космодрома Восточный, в частности, деньги пошли на погашение кредитов, полученных предприятием, что повлекло причинение ущерба Российской Федерации почти в 5,2 млрд руб. Х. признан виновным в совершении двух эпизодов преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ («Присвоение или растрата»), преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 285 УК РФ («Злоупотребление должностными полномочиями») и приговорен к 12 годам лишения свободы с выплатой штрафа 1,5 млн руб. Верховный суд, рассмотрев апелляционную жалобу адвокатов на приговор, в связи с истечением срока

давности по ч. 4 ст. 160 (эпизод с растратой относится к 2008 году и не имеет отношения к строительству космодрома) смягчил ему приговор до 11 лет и 6 месяцев и снизил размер наложенного штрафа до 1 млн руб.

Сын Х. – учредитель ООО, которое участвовало в закупках для строительства космодрома, был также признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, и приговорен к пяти годам шести месяцам лишения свободы с выплатой штрафа 800 тыс. руб., однако Верховный суд в связи с истечением срока давности преступления отменил ему наказание.

Ч. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, и приговорен к шести годам лишения свободы с выплатой штрафа 900 тыс. руб. Вину не признал, пояснил, что «просто занимался предпринимательской деятельностью». Ч. пробыл в колонии менее года, так как ему зачли срок содержания под стражей в срок наказания, и был освобожден в связи с заменой 2 оставшихся лет лишения свободы исправительными работами [7].

В 2019 г. стало известно о гибели бывшего главы «Дальспецстроя» С., который курировал строительство космодрома «Восточный». Его тело с огнестрельным ранением в голову было найдено во дворе его дома. Рядом лежал карабин Browning Acera R, принадлежавший ему. По версии следствия это было самоубийство. Однако в СМИ выразили сомнение по этому поводу и предложили другую версию – «концы в воду». С. скрывал задержки выплаты зарплат труда сотрудникам, которые потом вышли на голодовку. Кроме того, он фиктивно устроил в компанию собственную жену, выплачивая ей заработную плату месяц 800 тыс. руб. [8].

В суд было направлено дело по ч. 4 ст. 160 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ и ч. 2 ст. 201 УК РФ по факту хищения денежных средств ФГУП «ГУСС «Дальспецстрой» на общую сумму свыше 1,2 млрд руб. в отношении В., который в 2012–2014 гг., являясь генеральным директором ООО «УСИО» растратил вместе с учредителем другой фирмы (уголовное дело в отношении него выделено в отдельное производство) более 892,6 млн руб. [9], направленных из федерального бюджета на строительство космодрома «Восточный», а также 318,7 млн руб. – на реконструкцию и строительство объекта в Новосибирской области [10]. В ходе предварительного расследования сотрудниками УМВД России по Амурской области у обвиняемого В. и его супруги выявлено недвижимое и движимое имущество в Испании на общую сумму свыше 60 млн руб. По ходатайству следователя Благовещенским городским судом принято решение о наложении ареста на указанное имущество. Соответствующий запрос о правовой помощи передан в Испанию.

Гендиректор компании «Стройиндустрия-С» (компания-подрядчик космодрома «Восточного») Т., за невыплату заработной платы 70 работникам на общую сумму более 3 млн рублей, а также за растрату полученных

по договору подряда денежные средства на сумму около 6 млн руб. признан судом виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 145.1 УК РФ («Полная невыплата свыше двух месяцев заработной платы, совершенная из корыстной и иной личной заинтересованности руководителем организации») и ч. 4 ст. 160 УК РФ. Его приговорили к лишению свободы сроком на 11 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима, а также штрафу в размере 100 тыс. руб.

Было возбуждено уголовное дело в отношении генерального директора одной ставропольской компании Т. Ему инкриминируются растрата бюджетных средств и использование заведомо подложного документа. По версии следствия, фирма Т., выступавшая одним из подрядчиков строительства космодрома «Восточный», получила в качестве аванса около 800 млн руб., однако так и не выполнила работы на 500 млн руб.

23.01.2019 во вступительном слове на совещании по «Роскосмосу» Д. Медведев отметил: «Показательна ситуация с космодромом «Восточный». Первая очередь строительства должна была завершиться в прошлом году. Реально построена четверть запланированных объектов – только 5 из 19. На достройку остальных объектов «Роскосмос» запрашивает дополнительные средства...» [11]. Таким образом, можно предположить, что хищения продолжатся.

Вышесказанное относится только к одному проекту – космодрому «Восточный», а сколько таких проектов, стоимость которых оказывается в конечном итоге в десятки раз больше, чем аналогичные проекты в других странах.

И при таком уровне криминализации экономики постоянно делаются заявления о «тотальном контроле», «гильотине», «кошмаривании бизнеса силовыми структурами». Заявляется, что предприниматели должны отвечать за свои нарушения в рамках гражданского законодательства. То есть, обманутые дольщики, вкладчики, деньги которых выведены в офшоры, все остальные потерпевшие от многочисленных мошеннических операций «предпринимателей» должны обращаться с иском в суд самостоятельно защищать свои права. Таким образом, с одной стороны – жертвы мошенничества – с другой «окошмариванные» предприниматели с армией защитников. Одновременно заявляется о борьбе с коррупцией. Ситуация изображается таким образом, что коррупция и экономическая преступность не связаны друг с другом, хотя на самом деле крупномасштабная коррупция просто невозможна без экономической преступности, которая является ее питательной средой.

Тот факт, что якобы «кошмаривание» бизнеса контролем и силовыми структурами сдерживает привлекательность России в глазах иностранных инвесторов, полностью опровергается опытом Китая – страны, к деловому климату которой и иностранной инвестиционной активности сложно предъявить претензии. Однако в этой стране существует эффективный

и строжайший финансовый, в том числе валютный контроль, а также активно ведется жесткая борьба с экономической и коррупционной преступностью, связанной с выводом средств за рубеж.

О китайском опыте борьбы с коррупцией рассказал в интервью ветеран российской разведки С. И. Лисицын. По его данным за 2014–2016 гг. в рамках операции китайских спецслужб «Небесная сеть» (ранее проводились операции «Охота на лиц») в Китай вернулись 2566 коррупционеров, которые скрывались в 90 странах мира от китайского правосудия. Вернулись с деньгами, которые они перевели за рубеж – 8,6 млрд юаней. Число коррупционеров в Китае в результате проведения этих операций существенно сократилось. Чиновники и предприниматели знают, что если они совершат преступления, «их найдут везде». Сотрудники Министерства государственной безопасности Китая («охотники за головами») действуют по всему миру, в том числе в Америке (помимо розыска «беглецов» занимаются экономическим шпионажем). Американские власти вместо помощи Китаю в борьбе с казнокрадами, потребовали прекратить розыск коррупционеров. Однако китайцы продолжили поиски. Помощь в выявлении скрывшихся коррупционеров оказывают китайские диаспоры. Только за год из США удалось вернуть в КНР 930 сбежавших коррупционеров. Многие впоследствии расстреляли. Основной побудительный мотив, заставляющий провинившихся вернуться в Китай, – «потеря лица»; позор, навлекаемый на родственников; негативное отношение к ним кланового общественного мнения. Конечно, вряд ли такие мотивы воздействуют на российских «беглецов». Однако может подействовать другой китайский опыт. Это – прежде всего, ликвидация оффшорных компаний и теневой банковской системы. Именно с их помощью бывший лидер КНР Цзян Цзэминь и его ближайшее окружение переводили присвоенные деньги за рубеж. В числе тех, кто выводил активы: экс вице-председатель КНР Цзэн Цинхун, экс-председатель Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Цзя Цинлинь, экс-вице-премьер Госсовета КНР Чжан Гаоли, экс-член ЦК Политбюро Лю Юньшань и другие. Сам бывший лидер КНР держал свои деньги в швейцарских банках. Ситуацию изменил нынешний лидер КНР – Си Цзиньпин. Его администрация проводит заседания на тему международного преследования беглых коррупционеров и возврата украденных ими капиталов. Ликвидацией оффшорных компаний и теневой банковской системы занимается Народный банк Китая и Министерство государственной безопасности. Арест коррупционеров и возвращение украденных капиталов – компетенция Верховной народной прокуратуры КНР, и это работа находится под пристальным контролем Си Цзиньпина. Им лично составлен «Красный список беглых китайских коррупционеров», именно его инициатива – спецоперация «Небесная сотня».

Следует также отметить, что развитые страны, прежде всего, Китай и США не допускают «иностранных инвесторов» в свои критические отрасли

экономики и предприятия, сами скупают их за рубежом. Для России чрезвычайно важной является проблема сохранения контроля над своими значимыми предприятиями; предупреждение экономических и коррупционных преступлений, способствующих установлению иностранного контроля.

На наш взгляд, нужно не ослаблять, а резко усилить особенно государственный финансовый, в том числе валютный контроль, борьбу с выводом бизнеса в офшоры, с теневыми банками и экономическими и коррупционными преступлениями, использовать опыт Китая. Иначе вместо реализации планов, намеченных Президентом России получим опять ситуацию, подобную «освоению денег» при строительстве космодрома «Восточный», судостроительного комплекса «Звезда» и многих других проектов.

Библиографический список

1. Уголовные дела вокруг строительства космодрома Восточный // Офиц. сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/7101906> (дата обращения: 18.11.2019).

2. СК направил в суд 42 уголовных дела о растратах при строительстве космодрома Восточный // Офиц. сайт газеты «Комсомольская правда». URL: https://www.kp.ru/daily/27056.5/4123312/?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 18.11.2019).

3. Суд отменил второй приговор осужденному по делу о хищениях на «Восточном» // Российское агентство правовой и судебной информации РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20181015/289492021.html (дата обращения: 22.11.2019).

4. Не взлетим, так посадим: сколько человек осудили за космодром Восточный // Pikabu.ru. Офиц. сайт сообщества. URL: https://pikabu.ru/story/ne_vzletim_tak_posadim_skolko_chelovek_osudili_za_kosmodrom_vostochniy_5737356 (дата обращения: 22.11.2019).

5. Экс-строителю космодрома Восточный дали условный срок за растрату 400 миллионов рублей // Сайт телеканала «Красная линия». URL: <https://www.rline.tv/news/2019-06-26-eks-stroitel-yu-kosmodroma-vostochny-dali-uslovnyy-srok-za-rastratu-400-millionov-rublej/> (дата обращения: 18.11.2019).

6. Срок вместо расстрела: за что осудили строителя Восточного // Главные новости дня. Сайт АО «Газета.Ру». URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/06/26_a_12442867.shtml?updated (дата обращения: 18.11.2019).

7. Экс-спикер Закдумы Хабаровского края Виктор Чудов вышел на свободу // Офиц. сайт информационного агентства «AmurMedia». URL: <https://amurmedia.ru/news/826033/> (дата обращения: 18.11.2019).

8. Застрелился бывший руководитель «Дальспецстрооя», строившего космодром «Восточный» // Новости России. URL: <http://новости-россии>.

ru/новости/застрелился-дмитрий-савин-бывший-руководитель-дальспец
строя-строившего-космодром-восточный/ (дата обращения: 18.11.2019).

9. Бизнесмена обвиняют в растрате 900 млн рублей на стройке «Вос-
точного» // Информационное агентство REGNUM. URL: [https://regnum.ru/
news/accidents/2296833.html](https://regnum.ru/news/accidents/2296833.html) (дата обращения: 07.11.2019).

10. Красноярского бизнесмена не могут начать судить за космодром
Восточный // Дзен – сервис персональных рекомендаций. URL: [https://zen.
yandex.ru/media/babr24/krasnoiarskogo-biznesmena-ne-mogut-nachat-sudit-za-
kosmodrom-vostochnyi-5a2571eff03173414d4c473b](https://zen.yandex.ru/media/babr24/krasnoiarskogo-biznesmena-ne-mogut-nachat-sudit-za-kosmodrom-vostochnyi-5a2571eff03173414d4c473b) (дата обращения:
07.11.2019).

11. Застрелился бывший руководитель «Дальспецстроя», строившего
космодром «Восточный» // Новости России. URL: [http://новости-россии.ru/
новости/застрелился-дмитрий-савин-бывший-руководитель-дальспецстроя-
строившего-космодром-восточный/](http://новости-россии.ru/новости/застрелился-дмитрий-савин-бывший-руководитель-дальспецстроя-строившего-космодром-восточный/) (дата обращения: 18.11.2019).

УДК 343.97

Евстегнеев Алексей Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Ким Евгений Петрович,

доктор юридических наук, профессор, Хабаровский филиал
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
г. Хабаровск, Российская Федерация
kup5fpk@mail.ru

К вопросу о детерминантах преступлений коррупционной направленности

*В статье приводится анализ определений детерминации, детерми-
низма, причинности и фактора, рассматриваются детерминанты пре-
ступлений коррупционной направленности. Приводится анализ механизма
влияния того или иного фактора на возникновение конфликта интересов
и коррупционного поведения; осуществлена дифференциация факторов на
группы, которые по-разному влияют на возникновение конфликта интере-
сов на службе и способствуют совершению коррупционных преступлений.
На основании проведенного опроса и, изучения уголовных дел о коррупци-
онных преступлениях, определены основные факторы, способствующие
совершению таких преступлений. Обращается внимание на региональные*

факторы, влияющие на уровень и состояние коррупционной преступности в Дальневосточном федеральном округе.

Ключевые слова: *коррупционное преступление, коррупционная преступность, криминогенные факторы, низкая культура, Следственный комитет Российской Федерации, Дальневосточный федеральный округ, конфликт интересов.*

Evstegneyev Aleksey Sergeevich,
candidate of law, associate professor,
Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation
vse-evstegneev@yandex.ru

Kim Evgeniy Petrovich,
doctor of law, Professor, Khabarovsk branch
of the Investigative Committee Academy Russian Federation
Khabarovsk, Russian Federation

To the question about the determinants of corruption crimes

This article gives an analysis of the definitions of determination, determinism, causality and examines the determinants of corruption crimes. An analysis of the mechanism of the influence of a factor on occurrence conflict of interest and corrupt behavior; effected factors on differentiation of groups that affect the appearance of a conflict of interest in the service and contributed to the Commission of corruption offences. On the basis of the survey and study of criminal cases on crimes of corruption, identifies the main factors that contribute to the perpetration of those crimes. Attention is drawn to regional factors that affect the level and condition of corruption crime in the far eastern Federal District.

Keywords: *corruption crime, corruption, crime, criminogenic factors, low culture, the investigative Committee of the Russian Federation, far eastern Federal District, conflict of interest.*

На протяжении ряда лет в России сохраняется сложная криминальная ситуация. Наблюдается ухудшение не только ее динамики, но и ее характера. В настоящее время состояние преступности определяют не столько традиционные причины и условия, хотя и они сохраняют свою особую значимость, сколько многочисленные факторы, вытекающие из кризисных явлений социально-экономической и политической сфер, которые, в определенной мере, детерминируют такое негативное явление как коррупция.

Говоря о факторах детерминирующих коррупционные преступления или коррупцию в целом, как представляется, следует обратиться к анализу

понятий таких философских категорий как детерминизм, причинность, обусловленность и т. п.

И так, согласно положениям Философского словаря термин детерминизм произошел от латинского слова *determinare* – определять или это – противоположная философская концепция о месте и роли причинности. Детерминизмом называют учение о всеобщей закономерной связи, причинной обусловленности всех явлений. Последовательный детерминизм утверждает объективный характер причинности [12, с. 117]. Примерно аналогичное положение приведено в словаре иностранных слов – «детерминизм – философская концепция, признающая объективную закономерность и причинную обусловленность всех явлений природы и общества» [6, с. 161].

Обращаясь к электронным словарным источникам, на страничке «Словари и энциклопедии» в Философской энциклопедии мы обнаружили следующее определение понятию детерминизм: «Детерминизм – философское учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. Центральным ядром детерминизма служит положение о существовании причинности, т. е. такой связи явлений, в которой одно явление (причина) при вполне определенных условиях с необходимостью порождает, производит другое явление (следствие) [11].

Обобщая сказанное, нам представляется верным высказывание о том, что «детерминизм – это общее учение о взаимосвязи и взаимообусловленности материального и духовного мира, в основе которого лежит положение о существовании причинности явлений», в том числе и коррупции.

Анализ определений понятия причинности, изложенных в словарных источниках, свидетельствует о том, что причинность – это: «философская категория, обозначающая необходимую генетическую связь явлений, из которых одно (причина) обуславливает необходимость возникновения другого (следствия) [12, с. 383–384].

В философской энциклопедии мы находим следующее определение: «Причинность (каузальность; от латинского слова *causa* – причина) – определенное внутреннее отношение между явлениями, такая их связь, при которой всякий раз за одним следует другое. Причина – это явление, вызывающее к жизни другое явление; результат действия причины – следствие. ... Причина всегда предшествует во времени следствию» [11].

Согласно положениям Толкового словаря Ожегова: «Причинность – это взаимная связь явлений, в возникновении которых одно служит причиной, а другое – следствием, одно порождается другим» [9].

Резюмируя анализ определений понятия «причинность» можно утверждать, что это взаимообусловленная связь явлений, одним из которых является причина, а другим, которое порождено причиной – следствие. При этом причина всегда предшествует, то есть порождает – следствие.

В последнее время в научной литературе, при рассмотрении вопро-

сов о причинности или детерминизме преступности эти слова, все чаще, подменяются словом «фактор». Насколько это обоснованно и оправданно мы обсуждать не будем, так как в приводимых ниже определениях довольно четко обозначено значение слова «фактор». Однако в излагаемом тексте мы будем его использовать в соответствующих контекстах.

«Фактор [лат. *factor* делающий, производящий] – 1) движущая сила, причина какого-либо процесса, явления; существенное обстоятельство в каком-либо процессе, явлении; 2) математический редко употребляемый термин, обозначающий каждое из перемножаемых чисел (сомножителей)» [6, С. 530].

В Большом энциклопедическом словаре приведено следующее разъяснение: «фактор (от латинского *factor* – делающий, производящий), причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные его черты» [2, с. 540].

В электронной версии словаря русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой мы находим: «фа́ктор (лат. *factor* «делающий, производящий») – 1. Причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные черты. ... 2. Устаревшее. Посредник, комиссионер. ... 3. Устаревшее. Управляющий» [8, с. 549].

Фактически аналогичные толкования данного термина мы находим в электронной версии Словаря иностранных слов русского языка [7].

В одном из учебников по криминологии под фактором понимается – «момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении» [5, с. 196].

В настоящей работе, обобщая имеющиеся в словарных источниках определения данному понятию, мы будем использовать слово «фактор» как причину или движущую силу, определяющую его характер или отдельные черты какого-либо процесса, или явления.

Итак, коррупция, как любое явление не возникает из ничего и сама по себе. Ей всегда предшествуют определенные негативные социальные явления, которые побуждают субъектов общественных отношений искать наиболее, по их мнению, эффективные пути достижения намеченных целей, в том числе и противоправным путем.

В криминологии все факторы делятся на две основные группы: криминогенные и антикриминогенные. Вся совокупность факторов является своеобразным фоном общественного развития, на котором происходят (под воздействием криминогенных и антикриминогенных факторов) изменения в преступности [5, с. 196].

Механизм воздействия различных факторов на общественные отношения, порождающих коррупцию очень сложен. Порой о криминогенном или антикриминогенном влиянии того или иного фактора на возникновение конфликта можно говорить условно. Г. А. Аванесов отмечал, что с течением времени, во-первых, действующие факторы качественно изменя-

ются, во-вторых, одни из них исчезают и появляются другие, в-третьих, постоянно происходит процесс, при котором качественно и количественно расширяется круг антикриминогенных факторов. В криминологической литературе упоминается множество групп факторов, влияющих на преступность. В частности, Г. А. Аванесов выделяет следующие:

«- социально-демографического характера (факторы, связанные с урбанизацией, миграцией населения, изменением половозрастной структуры населения и т. п.);

- экономического характера (факторы, связанные с проблемами благосостояния, объемами реализации товаров, масштабами и темпами жилищного строительства и т. п.);

- социального и социально-психологического характера (факторы, связанные с ослаблением традиционных форм социального контроля за личностью в связи с урбанизацией, а также с ролью семьи в воспитании подрастающего поколения, занятостью женщин в общественном производстве, с повышением социальной активности населения, увеличением свободного времени трудящихся, с несоответствием возможностей человека психофизическим нагрузкам, обусловленным современными условиями жизни, акселерацией, развитием в стране туризма, автомобилизации и др.);

- организационно-правового характера (факторы, связанные с принятием новых законов, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений, с проблемами не только в уголовном, но и в иных законодательствах, с недостаточно высокой эффективностью отдельных правовых норм, регламентирующих порядок назначения и исполнения наказания; а также факторы, связанные с деятельностью органов, осуществляющих борьбу с преступностью, с принятием актов об амнистии, практикой помилования преступников и т. п.);

- иные факторы, не относящиеся к вышеназванным четырем группам» [1, с. 109].

Принимая во внимание широкий диапазон факторов, влияющих на коррупцию, мы ограничимся рассмотрением тех из них, которые оказывают влияние на преступления коррупционной направленности. Это – демографические, социально-экономические (материальные, жилищные, состояние здравоохранения), культурно-образовательные и идеологические факторы.

В ходе опроса сотрудников следственных органов Следственного комитета Российской Федерации о путях повышения эффективности профилактики преступлений коррупционной направленности, задавался вопрос: каковы основные факторы, влияющие на совершение преступлений коррупционной направленности¹? Опрашиваемые, отвечая на него, на пер-

¹ Проводился опрос 150 слушателей курсов повышения квалификации Пятого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск) ИПК ФГКОУ ВО «Академия СК России». Опрашивались руководители следственных отделов СУ СК

вое место поставили – материальные (30 %), на второе – неразвитость и несовершенство законодательства. На третье – отсутствие эффективного финансового и иного контроля за деятельностью субъектов таких преступлений. Наряду с этим отмечены: затянувшиеся реформы системы государственной службы; неэффективность деятельности государственных органов в борьбе с коррупцией, (вызванная, в числе прочих причин, отсутствием в масштабах страны самостоятельного, максимально независимого специального органа противодействующего коррупции, который, наряду с другими функциями выявлял и изучал бы причинный комплекс возникновения и существования коррупции, а также разрабатывал конкретные рекомендации по снижению ее уровня); отсутствие специальных независимых служб, осуществляющих финансовый контроль при проведении выборов или конкурсов для занятия соответствующей должности в органах государственной власти и местного самоуправления; отсутствие надлежащих форм социального контроля за сферой политических отношений и деятельностью представителей органов государственной власти и кандидатов на эти должности, как со стороны государства, так и общества.

Изучение уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности показало, что обозначенные факторы по-разному детерминируют коррупционные преступления, совершаемые государственными и муниципальными служащими.

Рассмотрим некоторые из них. При этом, учитывая то обстоятельство, что речь будет идти о Дальневосточном федеральном округе, следует отметить, что региону свойственны региональные факторы, влияющие на состояние коррупционной преступности.

По результатам исследований установлено, что на возникновение коррупционной преступности наибольшее воздействие оказывают социально-экономические факторы.

В сфере экономики, в последние годы, происходят бурные изменения, появлялись новые непривычные сферы и формы активности проявления, к чему труднее всего приспособлялись властные институты, где и наблюдается наибольший рост коррупционных проявлений.

Мы солидарны с авторами, указывающими на то, что определяющим признаком коррупционных преступлений служит конфликт интересов на службе, разрешаемый соответствующим субъектом конфликта противоправным способом. Совершение коррупционного преступления невозможно без конфликта интересов на службе. Выбор лица – «нарушить» или «соблюсти закон» может быть обусловлен его определенными потребностями и интересами [4, с. 33–38].

России по ДФО и следователи, специализирующиеся на расследовании коррупционных и должностных преступлений.

Понятие «конфликта интересов» российским законодателем толкуется как «...ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» [10, ст. 10 ч. 1].

Во второй части данной статьи указывается на то, что «...под личной заинтересованностью понимается возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) лицом, указанным в части 1 настоящей статьи, и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми лицо, указанное в части 1 настоящей статьи, и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями» [10, ст. 10 ч. 2].

Проводимые исследования указывают на то, что на конфликт интересов на службе сказываются имеющиеся недостатки в:

- распределение бюджетных средств различных сферах экономики;
- предоставление исключительных прав (льгот, в том числе приближенным компаниям, «нужным людям»);
- по экспорту и импорту, налогам, лицензированию и т. п.

Конфликты интересов на государственной и муниципальной службе часто случаются не в силу глубоких непримиримых противоречий, а в результате сложных жизненных ситуаций, наличия недостатков и упущений в организации служебной деятельности. Отсюда возникает необходимость изучения социально-экономических факторов: уровня жизни, материальной обеспеченности, степени удовлетворенности жилищными условиями и другими бытовыми потребностями [3].

Проведенные исследования позволяют нам констатировать то, что материальные трудности нередко являются одним из основных криминальных факторов, детерминирующих коррупцию. Так, в Хабаровском и Приморском краях, Амурской и Сахалинской областях среднемесячная оплата труда бюджетных работников, т. е. большей части населения, практически в 1,5–2 раза ниже уровня дохода. Это один из самых низких показателей по стране. При изучении уголовных дел установлено: материальные затруднения вызывают такие чувства, как зависть и озлобленность, порождают острые конфликты на службе, ведущие к совершению преступлений коррупционной направленности.

По данным исследования, около 75 % противоречий, послуживших основанием для возникновения конфликта интересов на службе, связаны с низким уровнем благосостояния населения.

К группе социально-экономических факторов, влияющих на конфликты на службе, мы относим и неудовлетворительные жилищные условия, низкая средняя обеспеченность населения жильем в расчете на одного жителя. Именно неудовлетворительные жилищные условия являются причинами негативных социальных противоречий между государственными и муниципальными служащими, и их работодателями. Заслуживает внимания и такой фактор, как обеспеченность членов общества товарами народного потребления и продуктами питания. Все это нередко толкает чиновника к совершению коррупционного преступления.

Среди факторов, играющих детерминирующую роль в совершении коррупционных преступлений, следует выделить и такой фактор, как полное или частичное игнорирование профессиональной этики, упущения в морально-воспитательной работе. К числу *так называемых моральных факторов*, детерминирующих коррупцию, можно отнести:

- проведение «кампаний» по борьбе с коррупцией во всех ее формах и проявлениях, которые скорее приносят вред, чем положительный эффект, поскольку они преследуют, чаще всего, политические цели и являются одним из способов их достижения. Зачастую лица, добившиеся поставленных перед собой политических целей, после этого забывают о своих обещаниях по повышению эффективности борьбы с этим социальным злом;
- несформированность политической культуры гражданского общества, что отражается, во-первых, в низкой электоральной активности избирателей, когда часть избирателей отдает свои голоса за тех или иных представителей политических сил без анализа их предвыборной платформы, ориентируясь на громкий лозунг. К числу особо важных факторов мы относим продажность избирателей и членов избирательных комиссий; во-вторых, в восхвалении или, наоборот, в огульной и безосновательной критике субъектов политической системы без серьезного анализа и проработки их предвыборных программ;
- отсутствие либо недостаточно налаженная работа в образовательной системе по антикоррупционному воспитанию подрастающего поколения;
- низкий уровень качества работы средств массовой информации по созданию нетерпимого отношения у населения к различного рода коррупционным проявлениям.

Таким образом, к факторам, оказывающим детерминирующее влияние на возникновение конфликта интересов на государственной и муниципальной службе следует отнести: недостатки в организации работы; слабая организация морально-воспитательной работы; недостатки в подборе и расстановке кадров. Названные факторы, переплетаясь между собой, проявляются и в других сферах общественной деятельности, а не только в служебной.

Подводя итог сказанному, можно констатировать то, что снизить уровень коррупции можно, лишь посредством одновременного выявления и нейтрализации факторов ее порождающих. Решение обозначенных проблем будет способствовать повышению деятельности по противодействию коррупции всеми законными мерами.

Библиографический список

1. Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 109.
2. Большой энциклопедический словарь : в 2-х т. / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1991. Т. 2. С. 540.
3. Квалификация коррупционных преступлений в сфере экономики. Курс лекций: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Академия Следственного комитета Российской Федерации. М. : Академия СК РФ, 2015.
4. Ким Е. П., Быков А. В. Конфликт интересов на службе как основа коррупционного преступления (криминологический аспект) // Российский следователь. 2013. № 10. С. 33–38.
5. Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / под ред. Г. А. Аванесова. 4-е изд. перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2006. С. 196.
6. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М. : Русский язык, 1989. С. 530.
7. Словарь иностранных слов русского языка // Диссертации на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/11442/Фактор (дата обращения: 12.10.2019).
8. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1988; Фундаментальная электронная библиотека – С. 549.
9. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24212> (дата обращения: 12.10.2019).
10. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» по состоянию на 30 марта 2019 г. Ст. 10, ч. 1 // СПС«КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959 (дата обращения: 12.10.2019).
11. Философская энциклопедия // Диссертации на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2179/ Детерминизм (дата обращения: 12.10.2019).
12. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М. : Политиздат, 1987. С. 383–384.

УДК 343

Зацепин Михаил Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
Вице-президент Российской Криминологической ассоциации,
г. Москва, Российская Федерация
mnz-1958@mail.ru

Глушкова Елена Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Москва, Российская Федерация
elena.zatsepina@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора Уральского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
г. Екатеринбург, Российская Федерация
tp0507@ya.ru

Политика экономической (предпринимательской) безопасности в России

В статье рассмотрена правоприменительная практика надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в России. Проанализированы статистические данные прокурорских проверок в регионе. Сформулировано предложение по усовершенствованию законодательства о конфликте интересов.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции, прокурорская проверка.

Zatsepin Mikhail Nikolaevich,
doctor of law, professor,
Vice President of the Russian Criminological Association
Moscow, Russian Federation

Glushkova Elena Mikhailovna,
candidate of law, associate professor,
Moscow, Russian Federation

Zatsepin Alexander Mikhailovich,
candidate of law, associate professor,
Deputy Director of the Ural Institute (branch) All-Russian state University
of justice (RPA of the Ministry of justice of Russia)
Yekaterinburg, Russian Federation

**The policy of economic (business) security in Russia is focused
on «money laundering»**

The article considers the law enforcement practice of supervision over the implementation of anti-corruption legislation in Russia. Statistical data of prosecutor's checks in the region are analyzed. A proposal to improve the legislation on conflicts of interest has been formulated.

Keywords: *anti-corruption legislation, supervision of the implementation of anti-corruption legislation, prosecutor's check.*

Проводимые политико-экономические реформы наряду с множеством положительных моментов привели к появлению новых форм общественно опасных деяний. Для борьбы с последними в УК РФ 24.05. 1996 г. введена глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», которая по своему содержанию существенно отличается от главы 6 УК РСФСР 1960 года «Хозяйственные преступления» [1].

Подавляющее большинство составов преступлений в сфере экономической деятельности являются материальными, т. е. их объективная сторона включает преступные последствия. Законодателем используются различные термины: «крупный ущерб» (ст. 171, 172, 176, 177, 180, 185 УК РФ) сейчас он 1 000 000 руб., «значительный ущерб» (ст. 182 УК РФ) – 5000 руб. и др. Содержание указанных терминов в полной мере законодателем не раскрывается, что порождает различные толкования на практике.

Рассматриваемые преступления совершаются в сфере экономической деятельности, т. е. в сфере производства, распределения, обмена или потребления материальных благ, последствия их совершения носят собственно материальный характер, а точнее, выступают в качестве имущественного ущерба. Признание нематериального вреда в качестве конструктивного признака составов преступлений главы 22 УК РФ приводит к трудностям при разграничении преступлений в сфере экономической деятельности и иных правонарушений. Так, согласно ст. 171 УК РФ преследуется в уголовном порядке осуществление предпринимательской деятельности без регистрации. В соответствии с п. 1 и п.7 ст. 7 Закона «О налоговых органах Российской Федерации» то же деяние может квалифицироваться как правонарушение, разница лишь в том, что в первом случае причиняется крупный ущерб. Сотрудничество с лицами, нарушающими требования законодательства о предпринимательской деятельности, нано-

сит вред деловой репутации контрагентов. Если нанесение вреда деловой репутации рассматривать как причинение крупного ущерба, граница между ст. 171 УК РФ и п.п. 1 и 7 ст. 7 Закона «О налоговых органах Российской Федерации» практически стирается.

Имущественный вред в результате совершения преступлений в сфере экономической деятельности выступает в виде неполучения должного дохода потерпевшим, чем они отличаются от преступлений против собственности. Вместе с тем последствием преступлений главы 22 УК РФ может быть и получение виновным недолжного. Так, согласно ст. 171 УК РФ преступлением признается осуществление предпринимательской деятельности, в частности, если это деяние сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, аналогичное указание содержится в ст. 172 УК РФ.

Ввиду того, что последствия рассматриваемых преступлений выступают в виде имущественного вреда, ставят вопрос об их стоимостном выражении (размере). Анализ составов преступлений главы 22 УК РФ позволяет сделать вывод об отсутствии единого подхода к трактовке размера преступных последствий. К примеру, применительно к ст. 171, 172 УК РФ крупным размером признается сумма дохода, превышающая два миллиона двести пятьдесят рублей. В ст. 191 УК РФ «крупный размер» трактуется уже как сумма, превышающая восемьдесят тысяч рублей. Какой-либо одной величины, составляющей крупный размер, в УК РФ нет. Он может быть установлен примечанием к конкретной статье, запрещающей то или иное деяние, и распространяется только на нее.

Полагаем, что на характер и степень общественной опасности преступлений в сфере экономической деятельности «влияет» ценность объекта уголовно-правовой охраны. В связи с тем, что рассматриваемые преступления посягают на единый родовой объект, считаем возможным «установить» и единый для всех преступлений главы 22 УК РФ размер преступных последствий.

Действия федеральных, исполнительных, административных органов по обеспечению безопасности предпринимателей (бизнеса) страны ограничивается подготовкой бюрократических¹ документов, которые пишутся для отчетности и статистики на основе ведомственных данных и не несут особой смысловой и объективной действительности, происходит постепенное «обесценивание» отечественного законодательства.

Проблема экономической безопасности (и предпринимателей в том числе) разрабатывается в Государственной думе еще с начала 90-х годов, однако уже тогда было понятно, что для части властных структур любые ограничения невыгодны [2; 3].

¹ Слово «бюрократ» в новейшей истории России превратилось практически в ругательство, хотя существует и противоположное мнение, суть которого сводится к тому, что бюрократия – это неотъемлемая часть государственного аппарата, приносящая пользу. Фактически это тот слой людей, который в бизнесе называется менеджментом, занимается выработкой конкретных решений для реализации задач, поставленных политическим руководством страны.

Идет административная реформа, одной из задач которой многим видится «дебюрократизация» власти. Коррективами в системе «госуправления» занимаются сами бюрократы, и маловероятно, что они пойдут поперек собственных интересов. А их интересы заключаются в выполнении работы при минимальных затратах и максимальном вознаграждении (отсюда и взятки). Кроме того, нет особого смысла искоренять бюрократов, поскольку это «самовоспроизводящаяся» структура, живущая по собственным законам и имеющая определенный цикл развития. Административная реформа назревает в тот момент, когда интересы бюрократии перестают совпадать с целями политического руководства.

Прошло более 25 лет, за это время ни разу не поднимался вопрос о том, что это надо пересмотреть. С середины 90-х политика экономической безопасности предпринимательской деятельности фактически застопорилась только на уровне понимания правоохранительными органами «отмывания денег» [4; 5].

С началом реформы появляется новая бюрократия – новые чиновники и переориентировавшиеся старые. После чего вновь происходит увеличение числа бюрократов. Для оправдания занятости увеличивается и количество исполняемых чиновниками функций. В 1994 году Россия и Евросоюз подписали соглашение о сотрудничестве, которое предусматривает гармонизацию законодательства России и ЕС. За это время несколько раз выделялись деньги, чтобы это реализовывалось, ничего не сделано, денег нет. Множество несогласованностей, а то и противоречий в этих документах. Гармонизация зашла в тупик и ведет к загниванию отечественного законодательства в этой области. Ситуация начала несколько меняться только в 2014 году, но положительных результатов до сих пор нет [6].

4. Коррекция аппарата сегодня проводится связанная с двумя факторами. Во-первых, сегодня основным стимулом работы среднего звена чиновников является размер пенсии – создана система, когда уровень заработной платы и пенсионное обеспечение зависят от выслуги лет и «размера» заработной платы. Во-вторых, большую часть госаппарата составляют люди либо старше 50 лет, либо в возрасте 25–28 лет. Среднего слоя, который обладает сочетанием активности, опыта и знаний, практически «мало»: он ушел в более эффективные структуры – бизнес. В предпринимательской среде сейчас, как правило, разведены функции собственника и генерального менеджера. Такая схема позволяет минимизировать риски за счет более профессионального и подконтрольного управления. Суть проводимой государственной реформы представляет собой как раз разведение функций «собственника» и «менеджера» от государства.

Президент РФ поставил перед Советом безопасности вопрос о том, что нужно разработать стратегию экономической безопасности. Такая стратегия появилась, качество же выпущенного документа оставляет же-

лать лучшего. Такое впечатление, что, как и многие документы сейчас, она писалась не профессионалами, а чиновниками для чиновников [7].

Административная реформа имеет ряд ограничений, которые могут ее сорвать. Первое – это кадровый состав органов власти. Сегодня наблюдается дефицит квалифицированных чиновников, в системе подготовки профессиональных аппаратчиков, существовавшая во времена Советского Союза разрушена. Второе ограничение – несоответствие интересов верховной власти и власти субъектов Федерации. В условиях работы губернаторов практически не оказывается никакого влияния на принятие экономических и политических решений. Третий подводный камень возникает, если основной задачей заявят деbüroкратизацию государственного аппарата. В этом случае административная реформа войдет в противоречие с интересами бюрократии, и неизвестно, на чьей стороне окажется победа.

2/3 документа посвящена описанию угроз. Авторы плохо понимают, что должна включать эта стратегия. Она – отражение чиновничьего аппарата. Это то, что выдрали из докладов министерств, не задумываясь, нужно ли это в стратегии описывать. Методология оценки опасности при помощи таких параметров давно устарела. В результате среди целей государственной политики в сфере экономики не осталось ничего из заботы о человеке, о его здоровье, безопасности. Такая халатность существует на всех уровнях и открыто декларируется чиновниками среднего уровня [8; 9].

6. Многие понимают право как социальный институт, главная задача которого – борьба с преступностью. Однако наряду с этим важнейшее его предназначение – служить человеку убежищем от социальных катаклизмов, от произвола и насилия, которые несут не только криминальные структуры, но и государство. Право должно приходить на помощь, когда нужно противостоять бесчинствам чиновников и государственному произволу.

Правовое воспитание в обществе и особенно молодежи не является сегодня важной государственной задачей. «Хороших» законов у нас принято немало, а точное и неуклонное их исполнение не осуществляется. Любой закон «живет» только тогда, когда он выполняется всеми и повсеместно [10]. Умелое применение «средств» правового регулирования во всех сферах жизни имеет «решающее» значение на современном этапе развития нашего общества.

Миссия правоведа заключается в том, чтобы уметь говорить: нет, право не позволяет сделать это. Перед государством стоит сложная задача: формирование всесторонне развитой личности, обеспечение единства идейно-политического, трудового, нравственного и правового воспитания молодого поколения. Как известно, правовые нормы формулируют и исполняют люди, юристы и не юристы, и чем выше их правовая и общая культура, чем шире они мыслят, чем лучше понимают человека, тем обоснованней и эффективней будет применение норм.

Для того чтобы регулировать поведение людей, нужно знать механизм их поведения, понимать мотивы их поступков, представлять влияние различных обстоятельств на эти поступки. Политики должны понимать других и понимать самих себя, чтобы контролировать свои поступки; уметь сдерживать себя, чтобы никогда не выйти из рамок законности, не поддаваться своим симпатиям и антипатиям в ущерб истине.

К сожалению, страна не становится более законопослушной. О правовом нигилизме много говорят на всех уровнях власти. Мы сталкиваемся с тотальной недооценкой права. Все трудности, переживаемые нашим обществом, связаны именно с этим. Стремление постоянное перекраивать существующую юридическую систему, манипулирование правовой материей приводят к крупным политическим и социально-экономическим просчетам и неблагоприятным последствиям.

Очень важно отношение общества и человека к закону, а оно может быть нравственным и безнравственным. Каждому юристу приходилось встречаться с молодыми людьми, которые знают многие законоположения, достаточно четко представляют себе, что дозволено и не дозволено действующими нормами права. Это объясняется их хорошей информированностью, способностью к запоминанию, увлеченностью работы правоохранительных органов и т.д. Однако информированность эта не всегда сочетается с уважением к правовым нормам. Действия, совершаемые разными людьми в сходных условиях в рамках требований правовой нормы, бывают часто различны, и не просто потому, что фактам, имеющим юридическое значение, сопутствуют разные обстоятельства. Это происходит главным образом потому, что, оценивая обстоятельства, человек выбирает определенный образ действий, а этот выбор зависит от самой личности, от системы ее социальных ценностей. Человек может быть добрым, чувствительным – задатки развиваются и заглушаются. Если у человека развито чувство отвращения к жестокости, несправедливости, нечестности, иждивенчеству, хамству, он способен по-настоящему осознать себя гражданином, тогда можно считать, что у него заложен фундамент для формирования уважения к праву.

Законопослушность – осознание человеком своих прав и обязанностей, понимание того, что каждому субъективному праву соответствует субъективная обязанность. Следовательно, никакое право субъектом не может быть реализовано, если встречно другим субъектом не будет надлежащим образом реализована обязанность. И поскольку на каждом субъекте лежит моральная и правовая ответственность за выполнение своих обязанностей, его надо готовить уже с молодежного возраста к проявлению в соответствующих условиях и мужества, и терпения, и добросовестности, и доброжелательности.

Начиная с 90-х годов много неудачных попыток осуществившихся при перекраивании юридической системы – скоропалительные экономиче-

ские реформы, которые не привели к формированию свободной конкурентной экономики, а к одному из вариантов номенклатурного полукриминального капитализма. И сегодня опережающее продвижение в области права отсутствует. Мы наблюдаем тенденцию к возвеличиванию власти как первостепенной ценности. Свойственные многим надежды на государство, на помощь его бюрократического аппарата, армии, силовых структур ведут к возрождению ценностей тоталитарных времен.

Правовая норма не может «предписать» человеку быть добрым или смелым. Среди действующих норм есть такие, которые требуют совершения поступков, воплощающих эти качества, например статья 125 УК РФ («Оставление в опасности»), запрещающая неоказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, если эта помощь заведомо могла быть оказана без серьезной опасности для себя и других лиц. Результативность действий по оказанию помощи во многом зависит от гражданской позиции того, кто ее оказывает.

Нравственный человек гораздо строже оценивает свои поступки, чем просто законопослушный: он заботится не только о том, на что он имеет право, но и о том, какие наступят последствия от реализации его субъективного права и субъективной обязанности, как это отзовется на других. Самые высокие требования он предъявляет к себе, а не к другим.

Совершенно очевидно, что целям нравственно-правового воспитания должен служить каждый шаг государства, и не только права, а любой другой дисциплины. В этом большую помощь может оказать государство, организовав для всех сотрудников регулярно информации по праву.

Жизнь показала, а научный анализ выявил, что в большинстве случаев люди нарушают нормы права не потому, что не понимают, неверно толкуют их, и даже не потому, что не знают соответствующей нормы, а по той причине, что считают действующее правило мешающим, препятствующим удовлетворению той или иной потребности. Это весьма серьезный и опасный мотив правонарушения. Исследования проведенные позволяют убедиться, что правовая осведомленность без готовности к правомерному поведению не исключает возможности совершения правонарушения.

Когда человек совершает правонарушение, выясняют не только цель его деяния, но и мотивы – осознанные им побуждения, потому что за этим стоит потребность субъекта, которая приобретала антиобщественный характер. Высокие социальные потребности личности побеждают любые другие, даже жизненно необходимые, изначально присущие каждому живому существу – потребность к самосохранению.

Всякая деятельность направлена в конечном счете на реализацию тех или иных потребностей, поэтому предопределять поведение человека, воспитывать его можно путем целенаправленного формирования соответствующих потребностей и вытеснения их корригирования тех, которые способны, причинять вред обществу.

От того, каковы потребности человека, какие из них доминируют, зависит направленность личности. Термин «личность» употребляется в разных случаях. Мы говорим «личность», имея в виду его особые качества: высокую духовность, подвижничество.

Принцип справедливости, заложенный в конституции, выражающийся в равенстве всех перед законом (равный масштаб требований, предъявляемых к разным людям, и возможностей, представляемых им), сам по себе не обеспечивает равно высокой сознательности и добросовестности субъектов по отношению к требованиям законодателя. Право – система абстрактных правил поведения, каждое из которых должно соблюдаться субъектами в конкретных, подобных друг другу случаях. Законодатель охватывает правовым регулированием все значимые общественные связи, и необходимо, чтобы каждый субъект права осмыслил общественные отношения, в которых вступает, а, следовательно, осознал себя как личность, определил свое место в социальной системе [11].

Сложность пользования административной властью объясняется противоречивой природой управленческой деятельности. С одной стороны, постоянная реализация административных полномочий требует умения, опыта, знаний, профессионализма, а с другой – процесс выполнения текущих управленческих функций корпусом служащих-профессионалов таит в себе и некоторую опасность. Вступление в административную должность нередко бывает связано с получением различных материальных и нематериальных благ. Все это не может не влиять на личные качества отдельных людей, у которых развивается вкус к власти [12].

Постоянное осуществление властных полномочий, длительное пребывание на административном посту способны в свою очередь развивать другие отрицательные качества должностного лица, делать его личную волю порочной. То, что упоение властью опасно в делах управления, понимали уже в античное время. Так, по постановлению римского сената, болевшего с манией величия государственных деятелей, к полководцу, возвратившемуся после победоносной войны и въезжавшему в город, приставлялся государственный раб, который держал над триумфатором золотой венец и, когда толпа рукоплесканиями приветствовала его, повторял: «Оглядывайся назад и помни, что ты человек» [13; 14; 15].

Как показывает опыт, властные полномочия, если их реализует человек с невысокими моральными качествами или слабо контролируемое должностное лицо, развивают в нем крайнюю подозрительность, настороженное отношение к способным сотрудникам, чувство превосходства и привычку властвовать, стремление использовать власть в собственных целях, порождают аномалии и ошибки в использовании административной власти.

В чем же заключается суть нерационального и незаконного использования административной власти? Она заключается в том, что государственная властная воля в пределах данной должности: 1) функционирует с ненад-

лежащей мобильностью (бездействие власти); 2) деформируется ее субъектом (превышение власти); 3) направляется («течет») по направлению, указанному не законом, а самим субъектом власти (злоупотребление властью); 4) направляется по одному и тому же руслу без учета других аспектов управленческой действительности (одностороннее использование власти) [16].

Осветим кратко указанные формы неправильного использования административной власти.

Бездействие административной власти выражается в неупотреблении должностным лицом властных полномочий для налаживания работы подчиненного персонала или для предотвращения действий, дезорганизующих работу механизма управления, а также действий, наносящих вред государству и обществу.

В психологическом плане бездействие административной власти проявляется в отсутствии властных импульсов, которые шли бы сверху вниз, от центра к периферии, которые несли бы энергию, государственный разум и волю, направляя, координируя и организуя работу всех подчиненных сотрудников. Одна из причин такого явления в аппарате управления заключается в том, что многие руководящие должности заняты лицами преклонного возраста. Подобную систему управления древние греки называли «геронтократией» – властью престарелых людей.

Между тем формировать корпус руководителей исключительно из молодых людей тоже неразумно. В деле управления хорошо сочетать энергию и волю молодых с опытом старых, ибо, как заметил философ Бэкон, «достоинства каждого возраста могут исправить недостатки другого» [17].

Бездействие административной власти в узком смысле слова представляет собой невыполнение (или ненадлежащее выполнение) должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного, халатного или недобросовестного к ним отношения, причиняющее вред государственным либо общественным интересам или правам в интересах граждан.

Превышением административной власти по закону считается совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его прав и полномочий. Подобные действия могут причинить вред государственным интересам, а также правам и интересам граждан [18; 19].

Законное использование административной власти предполагает соблюдение служащим двух правил преследование целей, которые предусматривает закон; использование для достижения указанных целей законных средств, т.е. средств, предусмотренных правом и моралью.

При превышении административной власти игнорируется второе правило: законная цель достигается действиями, выходящими за пределы полномочий данного руководителя. Такие действия могут оправдываться необходимостью, но не разрешены законом. Они совершаются без злого умысла, должностное лицо не ищет при этом собственной выгоды, государственная воля не присваивается человеком. Она направляется по пути,

указанному законом, но как бы выходит за его пределы. В превышении власти есть элементы незаконной самостоятельности или самоуправства, деформации государственной воли. Злоупотребление административной властью является отклонением власти от той цели, которую ставит перед должностным лицом закон [20].

Если при реализации властных полномочий руководитель использует законные средства. Не расширяет своих прав, т.е. не превышает власти, но преследует цель, не предусмотренную законом, а свою собственную, то такие действия руководителя (служащего) называются злоупотреблением властью или превратным осуществлением власти. Степень и формы злоупотребления властью разнообразны.

Связь злоупотребления властью с должностью состоит в том. Что не государство использует личную волю служащего как свою, государственную волю, а служащий, занимающий должность, благодаря своему официальному положению использует государственную волю в своих личных интересах, узурпирует государственную власть. Личная порочная воля должностного лица определяет в данном случае характер и направление государственной властной воли в рамках конкретной административной должности [21].

Хотя злоупотребление властью связано с конкретной должностью и осуществляется в ее пределах, на практике служащий действует при этом вне своей функции. Использование государственной воли в собственных целях (полностью или частично) происходит в рамках конкретной должности, но за пределами той функции, которую субъекта обязывают осуществлять его должность. Именно поэтому подобные действия служащего колеблют уважение населения не только к нему лично, но и к аппарату управления вообще [22].

В силу присущих должности властных полномочий и наличия связанных с ними материальных средств руководитель может распоряжаться известной совокупностью социальных благ в интересах общества. Злоупотребляя же властью, он употребляет вверенные ему служебные полномочия для незаконного приобретения благ для себя, своих родственников или близких. С данной точки зрения к злоупотреблению властью в государственном управлении относятся разнообразные действия: взяточничество, вымогательство, протекционизм и nepотизм, притеснение неугодных сотрудников или дурное обращение с ними, фаворитизм и т. д.

Принятие служащими односторонних управленческих решений – старая и притом нередкая болезнь аппарата управления.

Односторонность мышления – дефект ума, причем ума вполне нормального. Человек с односторонним умом ясно видит лишь то, что стоит прямо перед глазами, а потому и решает вопросы лишь на этом уровне. Односторонность, называемая в обычной жизни, не может признаваться нормой в государственном управлении: односторонние управленческие реше-

ния несут информацию неадекватную реальностям жизни, а потому могут губительно действовать на общество, приносить лишь временную пользу и большие отрицательные результаты в перспективе. Особенно роковой для общества является технократическая односторонность в государственном управлении, представляющая собой концептуальный взгляд должностного лица, согласно которому прогресс, счастье и благо людей возможны только на основе техники, на основе тех изменений, которые техника вносит в природу и жизнь людей. В широком плане односторонность в государственном управлении родственна невежеству.

В государственном управлении односторонность обуславливается различными причинами: догматизмом мышления должностных лиц, отсутствием настоящей образованности, кругозора, оторванностью от живой действительности. Сидение за столом и писание бумаг, подписание приказов, руководство регионом или подразделением по телефону превращаются в привычку, в стиль работы. Люди, жизнь с ее коллизиями и проблемами начинают постепенно отпугивать такого служащего. На жалобы, поступающие с мест, он смотрит враждебно, ибо они требуют проверок. Управленческие решения принимаются им на основе справок, докладов и отчетов. «Канцелярия становится решающим элементом во всех делах».

Элементы односторонности имеют место в таком социальном явлении, как волюнтаризм, под которым понимается управленческая деятельность, не считающаяся с объективными законами, возможностями, опытом, историческими традициями, определяемая субъективной волей руководителя [23].

В волюнтаризме элементы односторонности сочетаются с элементами превышения власти. Законные и правильные социальные цели достигаются на основе произвола, ничем не стесняемой властной воли [24].

В. И. Ленин, характеризуя тип руководителя-волюнтариста, писал: «...если коммунист – администратор, его первый долг – остерегаться увлечения командованием...Поменьше приемов Тит Титыча («я могу утвердить, могу не утвердить»), побольше изучения наших практических ошибок» [25].

Административная власть служащего неразрывно связана с механизмами ответственности. Аппарат управления (государственная служба), честно, рационально и с успехом выполняющий свои функции, обычно справляется со своей миссией. Если прибегнуть к метафоре, то такой аппарат напоминает башню с устойчивым основанием, находящуюся в строго вертикальном положении. Если же значительная часть государственных служащих длительное время неправильно используют административную власть, то, как свидетельствует исторический опыт, основание этой башни перестает быть устойчивым и ее положение постепенно начинает напоминать положение Пизанской башни. Вот почему административная власть, использование которой служащими бывает связано с отклонениями от за-

кона и субъективными ошибками, нуждается в системе сдержек, т.е. в наличии обузданности должностных лиц [26].

Можно, не впадая в преувеличение, утверждать, что вопрос о системе сдержек административной власти выступает в настоящее время одним из наиболее актуальных в практике управления [27].

Представляется, что негативные моменты в использовании власти в государственном управлении могут быть нейтрализованы различными способами: правильным подбором руководителей; их периодической сменяемостью; выборностью на должности; гласностью; действием механизмов ответственности. Последний способ – наиболее эффективный. Все крупные специалисты в области научного управления, исследовавшие проблему власти, полагали, что ее нельзя рассматривать изолированно от проблемы ответственности.

Библиографический список

1. В Генпрокуратуре назвали ущерб от коррупционных преступлений в 2018 году // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/news/210639> (дата обращения: 12.11.2019).

2. Рост коррупции за прошедший год ощутили почти четверть россиян // Первое антикоррупционное СМИ PASMIRU. URL: <https://pasmir.ru/archive/243387> (дата обращения: 12.11.2019).

3. Генпрокуратура назвала лидеров по уровню коррупции – силовики, суды, исполнительная власть // Первое антикоррупционное СМИ PASMIRU. URL: <https://pasmir.ru/archive/245653> (дата обращения: 12.11.2019).

4. Давление на предпринимателей не снижается – бизнес-омбудсмен не справляется // Первое антикоррупционное СМИ PASMIRU. URL: <https://pasmir.ru/archive/238921> (дата обращения: 12.11.2019).

5. Малый и средний бизнес в России на грани стагнации // РИА «Новый день». URL: <https://newdaynews.ru/economy/675952> (дата обращения: 12.11.2019).

6. Алла Шишкова 26.06.2019 // Профиль : офиц. сайт еженедельного журнала. URL: <https://profile.ru/society/investicii-v-sudebnye-tyazhbystanovyatsya-vse-populyarnее-v-rossii-152244> (дата обращения: 12.11.2019).

7. Одобрен законопроект о контрольно-надзорной деятельности. – Российские предприниматели не верят в честный бизнес. – Обнаружен новый вид мошенничества с банковскими картами. – В законе о бытовом насилии появилось примирение. – Экс-главу НПО «Космос» обвинили в хищении // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/story/216496/> (дата обращения: 12.11.2019).

8. Юристы рассказали, как бизнесу общаться с «силовиками» // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/story/209049> (дата обращения: 12.11.2019).

9. На войне все средства хороши: как «отбить» бизнес от силовиков // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/story/203088/> (дата обращения: 12.11.2019).
10. Итоги-2018 от Верховного суда: уголовные дела – новости // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/story/209060/> (дата обращения: 12.11.2019).
11. И не осталось ничего: как выводят активы и как их вернуть // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/tag/93> (дата обращения: 12.11.2019).
12. Общество требует чистки рядов силовых ведомств России // Первое антикоррупционное СМИ PASMIRU. URL: <https://pasmir.ru/archive/220816> (дата обращения: 12.11.2019).
13. Вендров Е. Е. Психологические проблемы управления. М., 1969, С. 62.
14. Путин внес в Госдуму поправки в УК и УПК // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/news/209120> (дата обращения: 12.11.2019).
15. Сорок процентов предпринимателей: в России нельзя законно вести бизнес // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/news/216499> (дата обращения: 12.11.2019).
16. ВЦИОМ: большинство россиян заявили о невозможности честного бизнеса в стране // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/news/209260> (дата обращения: 12.11.2019).
17. Бэкон Ф. Соч. М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 446.
18. Лишь четверть россиян считает аресты высокопоставленных чиновников реальной борьбой с коррупцией // Интернет-издание Накануне.RU. URL: <https://www.nakanune.ru/news/22540095> (дата обращения: 12.11.2019).
19. Путин поручил разработать меры против необоснованных арестов предпринимателей // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/news/212807> (дата обращения: 12.11.2019).
20. Добросовестный бизнес не должен ходить под статьей . 20.02.2019 г. // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/opinion/209269> (дата обращения: 12.11.2019).
21. Свердловский депутат назвал ОБЭПы области «эпицентром коррупции» // Информационное агентство «Znak». URL: <https://www.znak.com/2018-03-20/sverdlovskiy> (дата обращения: 12.11.2019).
22. Титов предлагает, Чайка поддерживает, бизнес сидит // 07.11.2019 г. // Первое антикоррупционное СМИ PASMIRU. URL: <https://pasmir.ru/archive/247509> (дата обращения: 12.11.2019).
23. Коммерческая организация как преступное сообщество или как следователи давят на бизнес // 07.06.2018 г. // Офиц. интернет-портал пра-

вовой информации. URL: <https://300.pravo.ru/news/201620> (дата обращения: 12.11.2019).

24. Чиновникам станет сложнее уйти от ответственности за коррупцию // 09.12.2019 г. // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/news/216692> (дата обращения: 12.11.2019).

25. Ленин В. И. Полн. собр. соч. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Т. 42. М. : Госполитиздат, 1958–1965. С. 347.

26. Борьба за права бизнесменов и разумные сроки: итоги года от Генпрокуратуры // 13.04.2019 г. // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.ru/story/210040> (дата обращения: 12.11.2019).

27. Путин согласовал план реформы контрольно-надзорной // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: [https://pravo.ru/tag/102./](https://pravo.ru/tag/102/) (дата обращения: 12.11.2019).

УДК 343.98

Изгагина Татьяна Юрьевна,

научный сотрудник, Научно-исследовательский институт
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
izg-tat@yandex.ru

Коррупционные схемы хищения бюджетных средств при строительстве объектов по государственным контрактам

В статье рассматривается схема хищения бюджетных средств на примере резонансных уголовных дел, а также анализируются результаты их расследования, сделан вывод о негативном влиянии коррупции на развитие строительной отрасли в Российской Федерации.

Ключевые слова: хищение бюджетных средств, строительная отрасль.

Izgagina Tatyana Yuryevna,

research associate, Research Institute
University of the Prosecutor's office of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Corruption schemes of embezzlement of budget funds in the construction of objects under state contracts

The article discusses the scheme of embezzlement of budget funds on the example of high-profile criminal cases, as well as analyzes the results of their

investigation, and concludes about the negative impact of corruption on the development of the construction industry in the Russian Federation.

Keywords: *embezzlement of budget funds, construction industry.*

Строительная отрасль России последнее десятилетие переживает кризис, как ни странно это звучит. В то время, когда все СМИ рассказывают о крупнейших стройках нашей страны (олимпийских объектах, Крымском Мосте, инфраструктуры к острову Русский, БАМе и др.), уголовные дела о хищениях при строительстве свидетельствуют о том, что российские компании, являющиеся генеральными подрядчиками по государственным контрактам лишь передаточное звено между государством и преступником, который осуществляет хищения. В результате коррупционных действий страдают действительно работающие строительные организации, которые выступают субподрядчиками по государственным контрактам. В результате хищений субподрядчики не получают оплату по договорам субподряда, а, следовательно, не могут выплачивать заработные платы сотрудникам, не платят налоги в бюджет, что приводит к возникновению огромных долгов перед поставщиками и как следствие этого – банкротство. Кроме того, строительство объектов не завершается в установленные сроки, что препятствует экономическому развитию государства в целом.

В настоящее время под видом российских застройщиков, которые побеждают на конкурсах при заключении государственных контрактов фактически строительство осуществляется иностранными компаниями.

Анализ последних публикаций в СМИ показал, что руководство нашей страны отмечает тот факт, что в строительной индустрии все более важное место начинают занимать иностранные строительные компании. Так, например, первый вице-премьер Игорь Шувалов, выступая на «круглом столе» в рамках Петербургского международного экономического форума, заявил, что иностранные компании в ближайшее время смогут начать строить в России жилье. Также, вице-премьер сообщил о переговорах, которые велись с китайскими застройщиками, и в настоящее время ведутся переговоры с белорусскими девелоперами, которые намерены войти в российские комплексные проекты по созданию жилья эконом-класса, на строительный рынок выходят компании из Казахстана [3].

Существует схема, по которой иностранный инвестор может вступить в строительную отрасль, не участвуя в аукционах, например, выкупив контрольный пакет акций у организации, которая выиграла право на возведение того или иного строительного объекта либо реконструкцию объектов, либо схема, согласно которой иностранный инвестор покрывает значительную долю проектных расходов, задействуя собственные подряды и мощности. При этом российский партнер только контролирует организационные задачи [4]. Иностранцы выступают часто субподрядчиками

в крупных строительных проектах, например, ванты для мостов через бухту Золотой Рог и на остров Русский во Владивостоке [12].

На реконструкцию БАМа и Транссиба – прямого железнодорожного пути между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом из Фонда национального благосостояния (ФНБ), если сложить все программы, выделено более 1 трлн руб. На новой «стройке века» почти нет частных денег, все финансирование – из ФНБ, бюджета и средств госкомпаний РЖД и ФСК. По результатам независимого технологическо-ценового аудита проектов РЖД, проведенного иностранными компаниями, обнаружено, что в проекте стоимость объектов сильно завышена по сравнению с мировыми аналогами. Например, по данным главного железнодорожного оператора Германии Deutsche Bahn, одна тяговая подстанция обходится в 101–201 млн в пересчете на рубли, а на Восточном полигоне – в среднем в 355 млн руб. Строительство разъезда в Германии не превышает в цене 112 млн руб. – а в России разброс от 128 млн до 216 млн. Больше всего вопросов вызвал Байкальский тоннель, его смета приближается к 37 млрд руб., т. е. больше 5 млрд руб. за км, – это превышает и нормативы РЖД и все имеющиеся в России аналоги. По результатам проверки цен на отдельные элементы было отмечена неэффективность расходования средств: например, на утилизацию срезанного грунта и одновременно закупку нового, доставку щебня из карьеров за несколько тысяч километров, привоз рабочих самолетами из Белгорода и оплату материалов и работ на 10–25 % выше рыночной стоимости. Конкурс на строительство выиграл консорциум во главе с московской управляющей компанией «Бамстроймеханизация» (УК «БСМ»), с уставным фондом 13 тыс. руб. и годовой выручкой до 2014 года не более 53 тыс. руб. Однако непосредственно стройкой занимается другой участник консорциума – ПАО «Бамстроймеханизация» (ПАО «БСМ»). За месяц до получения подряда 86,5 % акций компании было выкуплено неизвестными владельцами, скрывающимися за офшорными компаниями [2]. Официально ПАО «БСМ» принадлежит кипрскому офшору, а тот – фирме с Британских Виргинских островов, бенефициары которой не раскрываются [10]. По итогам 2018 года Счетная палата России отметила, что сроки строительства сорваны, не построены даже объекты 1 этапа строительства, а всего таких этапов 3. В августе 2018 года В. Путин поставил цель до конца 2024 года удвоить грузопоток на маршруте. Работы по модернизации БАМа и Транссиба постоянно откладываются из-за проблем с подрядчиками. Порядные организации, которые выиграла конкурс по строительству БАМа, выиграла и другие конкурсы по осуществлению строительства крупнейших объектов в Российской Федерации и просто не смогли обеспечить выполнение взятых на себя обязательств в силу ограниченности ресурсов, в том числе и людских. Нехватка строителей оценивается в десятки тысяч. Так, к завершению работ по модернизации Восточного полигона привлекают военных – железнодорожные войска, которые, например, уже

привлекались в 2015–2017 годах при строительстве обхода Украины (участок Журавка – Миллерово). Отсутствие подрядчиков вызвало и сокращение финансирования строительных объектов [1]. Помимо того, вместо того, чтобы заниматься строительством объектов, распорядитель бюджетных средств пытается получить личную выгоду от финансирования. Так, Счетная палата при проверке законности расходования бюджетных средств выявила, что в марте 2015 г. поступил первый транш 50 млрд рублей на расчетный счет РЖД, по состоянию на 01.01.2016 израсходовано 3,7 млрд руб. или 7,4%. По договору с банком ВТБ за период нахождения на счете крупной денежной суммы с марта по декабрь 2015 РЖД были начислены проценты, которые составили 4,2 млрд руб., данными денежными средствами РЖД распорядилось по своему усмотрению. Кроме того, подрядчики, получившие по договорам подряда денежные средства, так и не выполнили в установленные сроки в полном объеме необходимые работы: так, «РЖДстрой» получил из средств ФНБ 463,1 млн руб., при этом выполнив только 5 % от запланированных работ по оплаченному договору подряда; при этом оплата работ подрядчикам осуществлялась в нарушение установленного запрета авансовыми платежами. Так, например, по договору, заключенному с «Трансюжстроем» предусмотрено условие о выплате в течение 30 дней с момента заключения договора 1,5 млрд руб. из средств ФНБ.

Ситуация со строительством космодрома «Восточный» довольно показательная в части того, как выполняются работы по государственным контрактам и каким образом «осваиваются» бюджетные средства. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2014–2018 годах было выявлено 17 тыс. различных нарушений (хищения бюджетных средств, затягивание сроков строительства, невыплата зарплат и др.) при возведении космодрома. Более 1 тыс. человек, в том числе должностные лица, привлечены к ответственности. По фактам нарушений следствием возбуждено 140 уголовных дел, ущерб от преступлений оценивается в 11 млрд руб., из которых возвращено лишь 3,5 млрд руб. Всего по различным статьям УК РФ осуждены 50 человек. В 2018 г. приговоры вынесены в отношении 27 человек [11]. Так, каждый десятый бюджетный рубль, направленный на строительство космодрома Восточный, был украден [9]. В ходе расследования уголовных дел были установлены факты вывода похищенных денежных средств за рубеж.

Другой пример – ситуация со строительством на Дальнем Востоке стратегически важной для России судовой верфи «Звезда». Десять лет постройки «Звезды» российскими подрядчиками отмечены неоднократным срывом плановых сроков строительства, постоянным увеличением планового бюджета строительства, банкротством сразу нескольких генподрядчиков. «Бизнес партнеры» за денежное вознаграждение совершали незаконные банковские операции [7]. В результате достройка судовой верфи передана китайской государственной корпорации [5]. Один из руководителей генподрядчика

сбежал в США с присвоенными 7,5 млрд руб. Такие преступления, помимо прочих отрицательных последствий, влекут банкротство организаций, которые действительно осуществляли строительные работы; наносят непоправимый вред и экономики России в целом, и экономике региона, в котором велись работы; оставляют рабочих без заработной платы. Буквально за несколько лет ряд крупных строительных компаний (в том числе строивших объекты к Олимпиаде «Сочи-2014») сразу же после выполнения обязательств по государственным контрактам прекратили свою деятельность. Например, корпорация «Инжтрансстрой» построила в Сочи 14 объектов на 70 млрд руб., после чего получила иски от субподрядчиков на миллиарды рублей и объявила о ликвидации. Омский «Мостовик» построил 30 объектов на 70 млрд руб., и впоследствии подал заявление о признании себя банкротом из-за гигантских убытков. Корпорация «Трансстрой» (преемник Министерства транспортного строительства СССР) построила несколько объектов инфраструктуры к Олимпиаде и также получила несколько миллиардов убытков. Сложная ситуация в сфере инфраструктурного строительства. Например, мостостроительных организаций в дееспособном состоянии в стране остались единицы. Вместо того чтобы усиливать мощь этих организаций в результате строительства крупных российских объектов, повышать уровень экономического развития России, деньги выводят за рубеж; наступают такие отрицательные последствия, которые отметил Советник Президента РФ А. Белоусов в ходе Восточного экономического форума: «Мы запланировали большие стройки – БАМ, Транссиб, порты. Кто будет это все делать? Вчера были на «Звезде», работают в три смены, все китайцы... Потому что в Приморье нет ни одной подрядной организации, которая могла бы на себя взять работу» [8]. В ноябре 2019 г. ФГУ «Росморпорт» расторгло контракт с самарской компанией «Больверк», которая в конце 2019 г. должна была закончить строительство глубоководного порта в Пионерском. Цена государственного контракта составила более 7,4 млрд руб. С середины 2018 г. у «Больверга» образовалась многомиллиардная задолженность в результате совершения сомнительных финансовых операций. АСВ потребовало от компании восстановить долги перед кредитным учреждением и подрядчиками; и компанию признали банкротом [6].

Таким образом, генеральный подрядчик вывел основные средства, полученные из бюджета, за рубеж, оставив действительно работающие организации с огромными долгами и самоликвидировался, причинив ущерб и российскому бюджету в целом, и экономике региона: работники, не получив заработную плату, не заплатят налоги и т. д.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости усиливать контроль за расходованием бюджетных средств и предпринимать действенные меры по противодействию коррупции, которая способна за несколько лет привести к ликвидации целой отрасли в стране, как это мы видим на примере строительной отрасли.

Библиографический список

1. БАМу подставят плечо с погоном // Офиц. сайт ИД «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4142639> (дата обращения: 05.12.2019).
2. Владельцы «Бамстроймеханизации» продали компанию офшорам перед получением заказа от РЖД // Отраслевой портал «LOGISTICS.RU». URL: <https://logistics.ru/transportation/news/vladelcy-bamstroymehanzacii-prodali-kompaniyu-ofshoram-pered-polucheniem-zakaza> (дата обращения: 05.12.2019).
3. Жилье в России будут строить иностранные застройщики // Первый мультипортал «KM.RU». URL: <https://www.km.ru/nedvizhimost/2013/06/24/pravitelstvo-rossii/714325-zhile-v-rossii-budut-stroit-inostrannye-zastroish> (дата обращения: 05.12.2019).
4. Китайская компания хочет заняться реконструкцией проекта в Китай-городе // Сайт группы «РБК». URL: <https://realty.rbc.ru/news/5b9789d09a794755ff0ce833> (дата обращения: 05.12.2019).
5. На судоверфи в Китае начали строить передаточный док для комплекса «Звезда» // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/20170513/1494229065.html> (дата обращения: 05.12.2019).
6. Не новая схема: как в области начали строить порт, потеряли подрядчика и деньги // Новости Калининграда. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/23589626-ne-novaya-skema-kak-v-oblasti-nachali-stroit-port-poteryali-podryadchika-i-dengi.html> (дата обращения: 05.12.2019).
7. При строительстве судоверфи «Звезда» в Приморье похитили 7,5 млрд рублей // EADAILY. Все новости. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/06/27/pri-stroitelstve-sudoverfi-zvezda-v-primore-pohitili-75-mlrd-rublej> (дата обращения: 05.12.2019).
8. Путинская судоверфь «Звезда» упала в китайские лапы // RedDVL : автономный блог. URL: https://reddevol.com/articles/putinskaya_sudoverf_zvezda_upala_v_kitayskie_lapy (дата обращения: 05.12.2019).
9. СК направил в суд 42 уголовных дела о растратах при строительстве космодрома Восточный // офиц. сайт газеты «Комсомольская правда». URL: https://www.kp.ru/daily/27056.5/4123312/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 05.12.2019).
10. Расследование РБК: кто, как и зачем строит БАМ // Сайт группы «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2016/03/56cdd4199a79478601346800> (дата обращения: 05.12.2019).
11. Уголовные дела вокруг строительства космодрома Восточный // Офиц. сайт гос. информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/7101906> (дата обращения: 05.12.2019).
12. Почему иностранцы не строят российские дороги // Офиц. сайт ежедневной деловой газеты «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/>

УДК 340

Кабанов Павел Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова,
г. Казань, Российская Федерация
kabanovp@mail.ru

Заслуга в противодействии коррупции как основание официального поощрения и правовая категория

В работе автором, на основе анализа российских нормативных правовых актов, впервые в отечественной юридической науке дается понятие заслуги в реализации государственной политики противодействия коррупции как основания официального поощрения за правомерное антикоррупционное поведения и раскрывается ее содержание с перечислением основных правомерных деяний, подлежащих официальному признанию.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, профилактика коррупции, поощрение, заслуга, антикоррупционная заслуга.

Kabanov Pavel Aleksandrovich,
doctor of law, associate professor,
Kazan innovative University named after V. G. Timiryasov,
Kazan, Russian Federation

Meritation in anti-corruption as a basis for official promotion and a legal category

In the author's work, based on the analysis of Russian regulatory legal acts, for the first time in Russian legal science, the concept of merit in the implementation of state anti-corruption policy is given as the basis of official reward for legitimate anti-corruption behavior and reveals its content listing the main legitimate acts subject to official recognition.

Keywords: corruption, anti-corruption, corruption prevention, promotion, merit, anti-corruption merit.

Важнейшей составляющей официального поощрения антикоррупционной деятельности является определение правовых оснований для его осуществления. В связи с этим мы обратились к анализу российских норма-

тивных правовых актов, регулирующих вопросы официального поощрения за заслуги в противодействии коррупции и практике поощрения за антикоррупционную деятельность. В общей сложности нами были исследованы 286 нормативных актов, принадлежащих к различным отраслям права.

Проведенный нами анализ нормативных актов по вопросам противодействия коррупции и официального поощрения показал, что в качестве заслуги и основания для официального поощрения за правомерное одобряемое антикоррупционное поведение выступают:

- уведомление работника о подтвердившихся в установленном порядке фактах обращения с целью склонения его к совершению коррупционного правонарушения [1];
- сообщение работника о факте совершения коррупционного правонарушения иными лицами [2];
- помощь работника в установлении правонарушения коррупционной направленности [3];
- помощь лица в раскрытии коррупционных правонарушений или преступлений коррупционной направленности [4; 5; 6];
- содействие лица в раскрытии правонарушений коррупционной направленности [7];
- способствование раскрытию правонарушения коррупционной направленности [8];
- активное участие сотрудника в работе по профилактике коррупционных и иных правонарушений [9; 10];
- личные заслуги сотрудника в борьбе с коррупцией [11];
- личный вклад работника и оказание помощи в решении задач, определенных антикоррупционной политикой [12];
- организация и осуществление лицом мероприятий по противодействию коррупции [13];
- эффективная реализация мер по противодействию коррупции сотрудником [14];
- проведение экспертом независимой антикоррупционной экспертизы [15];
- активное участие лица в реализации основных направлений государственной политики в области международного антикоррупционного сотрудничества [16];
- вклад лица в организацию работы по выполнению Российской Федерацией рекомендаций Группы государств против коррупции [17];
- заслуги должностного лица в области реализации государственной антикоррупционной политики [18];
- за серию репортажей и расследований, посвященных борьбе с преступностью и коррупцией [19];
- за личный вклад журналиста в борьбу с коррупцией и преступностью в регионе [20].

Из приведенного перечня видно, что официальное поощрение за реализацию государственной политики противодействия коррупции осуществляется за различные по содержанию и объему виды заслуг и различных категорий лиц. В приведенном перечне мы видим всю пестроту заслуг от разовых правомерных одобряемых антикоррупционных поступков до длительной кропотливой системной работы по формированию и реализации государственной политики противодействия коррупции. Польза указанных в перечне антикоррупционных заслуг очевидна. Например, отказ от получения взятки – это индивидуальный общественно полезный и одобряемый антикоррупционный поступок, свидетельствующий о высоком уровне антикоррупционной культуры и порядочности поощряемого лица. Не менее значима и ценна для общества и государства активная, действенная, длительная, системная и результативная работа по противодействию коррупции уполномоченных на то органов и должностных лиц (*эффективная антикоррупционная деятельность*). Безусловно, между этими двумя видами антикоррупционных заслуг существует множество промежуточных заслуг.

Проведенный нами сравнительно-правовой обзор правовых актов позволяет сформулировать понятие заслуги в противодействии коррупции как правовой категории, а также более точно и емко определить примерный перечень заслуг, за которые следует официально поощрять лиц, противодействующих коррупции.

На наш взгляд, *заслуга в сфере противодействия коррупции – это правомерный одобряемый поступок или правомерная одобряемая деятельность физических и юридических лиц, совершенные в процессе исполнения своих трудовых (профессиональных, служебных, должностных) обязанностей (функций, задач), реализации своих законных прав, связанные с достижением общественно полезного результата в сфере противодействия коррупции, которые нуждаются в положительной оценке и поощрении.*

Очевидно, что важнейшей составляющей антикоррупционной заслуги является общественно полезный результат, который должен стать основанием для официального поощрения. Как нам представляется, общественно полезным результатом в реализации государственной политики противодействия коррупции, нуждающимся в официальном поощрении, в зависимости от форм его выражения и степени социальной значимости, можно считать:

а) создание уникальной системы противодействия коррупции, которая позволяет снижать показатели коррупционной пораженности (коррупциогенные риски) в отдельных сферах жизнедеятельности, в отдельных органах публичной власти либо в организациях;

б) разработка и/или внедрение инновационных инструментов, механизмов и технологий противодействия коррупции, которые обеспечивают снижение коррупционной пораженности в обществе;

в) разработка на высоком профессиональном уровне нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции (антикоррупционное правотворчество);

г) высокий профессионализм и результативность при использовании отдельных антикоррупционных инструментов в процессе осуществления антикоррупционной деятельности (антикоррупционная экспертиза, антикоррупционное планирование, антикоррупционное образование, антикоррупционное просвещение, антикоррупционная пропаганда и т. д.);

д) безупречная (образцовая) многолетняя профессиональная служба (многолетний труд) в сфере противодействия коррупции с достижением результатов, превосходящих по своим объемам и характеру результаты обычного добросовестного труда (сверхрезультативность);

е) осуществление антикоррупционной деятельности в особых условиях, отличающихся от обычных условий своей сложностью, важностью, срочностью, скоротечностью, напряженностью и т. д. (выполнение особо важных и сложных заданий);

ж) образцовая организация работы по противодействию коррупции, обеспечивающая необратимое снижение коррупционной пораженности в органах публичной власти либо в организациях;

з) образцовое исполнение профессиональных обязанностей в экстремальных и/или нестандартных коррупционных или коррупциогенных ситуациях, которое может привести или приводит к повышению репутации органа публичной власти и/или организации;

и) предупреждение, пресечение, предотвращение наступления тяжких последствий от совершения коррупционного преступления и/или выявление и пресечение коррупционной организованной преступной деятельности (эффективная борьба с коррупционной преступностью);

к) активное содействие лица в борьбе с коррупцией, связанное с риском для жизни и здоровья, либо с риском продолжительного ограничения законных прав и свобод этого лица.

Библиографический список

1. Наставление по организации работы по противодействию коррупции в Федеральной службе судебных приставов // Электр. фонд правовой и НТД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420285116> (дата обращения: 12.11.2019).

2. Постановление Администрации города Великие Луки от 28.02.2014 № 343 «Об утверждении Порядка поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения на территории города Великие Луки» // ИПП «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/16742829/> (дата обращения: 12.11.2019).

3. Постановление Избирательной комиссии Самарской области от 11.12.2014 № 164/1193-5 «Об утверждении Положения о наградах и поощ-

рениях в Избирательной комиссии Самарской области» // Избирательная комиссия Самарской области. URL: http://samara.izbirkom.ru/post_reshe/postanovlenie-164-1193-5-ot-11-12-2014g-ob-utverzhdanii-polozheniya-ona-gradakh-i-pooshchreniyakh-v/ (дата обращения: 12.11.2019).

4. Приказ министерства имущественных отношений Самарской области от 01.04.2016 № 476 «Об утверждении Положения о наградах и поощрениях в министерстве имущественных отношений Самарской области» // Электр. фонд правовой и НТД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/434602093> (дата обращения: 12.11.2019).

5. Постановление Администрации города Покачи от 18.12.2013 № 1428 «О видах поощрений и награждений муниципальных служащих, работников администрации города Покачи, способствующих раскрытию правонарушений коррупционной направленности, и порядке их применения» // Покачевский вестник. 2013. 27 декабря.

6. Постановление Администрации города Ханты-Мансийска от 08.11.2013 № 1448 «О видах поощрений и награждений муниципальных служащих Администрации города Ханты-Мансийска, органов Администрации города Ханты-Мансийска, способствующих раскрытию правонарушений коррупционной направленности, и порядке их применения» // Самарово-Ханты-Мансийск. 2013. 14 ноября.

7. Решение Думы города Когалыма от 23.09.2014 № 456-ГД «Об утверждении Положения о наградах и почетных званиях города Когалыма» // Когалымский вестник. 2014. 1 октября.

8. Приказ Агентства по туризму Республики Башкортостан от 22.04.2013 № 74 «Об утверждении Положений о Почетной грамоте и Благодарственном письме Агентства по туризму Республики Башкортостан» // Республика Башкортостан. 2013. 12 июля.

9. Приказ Управления по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан от 25.05.2018 № 189 (в ред. от 02.08.2018 № 257) «О ведомственных наградах Управления по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан» // Офиц. интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <http://www.npa.bashkortostan.ru>, 05.07.2018 (дата обращения: 12.11.2019).

10. Приказ Минземимущества Республики Башкортостан от 23.03.2017 № 272 «Об утверждении Положения о ведомственных наградах Министерства земельных и имущественных отношений Республики Башкортостан» // Офиц. интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан URL: <http://www.npa.bashkortostan.ru>, 05.05.2017 (дата обращения: 12.11.2019).

11. Закон Чувашской Республики от 12.04.2005 № 15 (в ред. от 21.12.2018 № 95) «О государственных наградах Чувашской Республики» // Собрание законодательства Чувашской Республики. 2005. № 3. ст. 115.

12. Приказ Службы по делам архивов Ямало-Ненецкого автономного

округа от 11.03.2012 № 35 (в ред. от 09.04.2014 № 63) «Об утверждении Положения о награждении наградами службы по делам архивов Ямало-Ненецкого автономного округа» // Красный Север. 2012. 19 марта.

13. Приказ Департамента государственного управления и кадровой политики Вологодской области от 15.10.2018 № 227 «О наградах Департамента государственного управления и кадровой политики Вологодской области» // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 22.10.2018.

14. Приказ министерства труда, занятости и миграционной политики Самарской области от 04.03.2013 № 48-п (в ред. от 23.12.2013 № 347-п) «О наградах министерства труда, занятости и миграционной политики Самарской области» // Волжская коммуна. 2013. 29 марта.

15. Приказ Минюста России от 17.07.2013 № 116 «О ведомственных наградах Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 21 августа.

16. Указ Президента РФ от 14.05.2016 № 225 «О награждении государственными наградами Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 20. ст. 2824.

17. Распоряжение Президента РФ от 25.04.2011 № 255-рп «О поощрении» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 18. ст. 2627.

18. Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 29.01.2016 № 933 «О награждении государственной наградой Республики Саха (Якутия)» // Якутия. 2016. 9 февраля.

19. Распоряжение Правительства РФ от 13.12.2017 № 2796-р «О присуждении премий Правительства Российской Федерации 2017 года в области средств массовой информации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 52(ч. I). ст. 8177.

20. Распоряжение Правительства РФ от 17.12.2013 № 2376-р «О присуждении премий Правительства Российской Федерации 2013 года в области средств массовой информации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. ст. 6922.

УДК 343.851

Фещенко Павел Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент,

Волго-Вятского институт (филиал) Университета им.О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

fpn2005@mail.ru

**Формирование нетерпимости к коррупционным проявлениям:
проблемы теории и практики**

В статье рассматривается состояние работы по формированию нетерпимости к коррупционным проявлениям как одного из важных направлений противодействия коррупции. Вносятся предложения по целесообразным основаниям классификации видов нетерпимости в зависимости от форм ее проявления, а также объектов воздействия, обосновываются правовые основы и возможные последствия данной деятельности.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные проявления, активная и пассивная нетерпимость, социальная напряженность, «цветные революции».

Feshchenko Pavel Nikolaevich,

candidate of legal sciences, associate professor,

Volga-Vyatka Institute (branch) University named after O. E. Kutafin

Kirov, Russian Federation

Formation of intolerance to corruption manifestations: problems of theory and practice

The article considers the state of work on the formation of intolerance to corruption manifestations as one of the important directions of combating corruption. Proposals are made on the appropriate grounds for the classification of types of intolerance depending on the forms of its manifestation, as well as the objects of influence, the legal basis and possible consequences of this activity are substantiated.

Keywords: corruption, corruption manifestations, active and passive intolerance, social tension, «color revolutions».

Задача формирования нетерпимости к коррупционному поведению поставлена в основополагающем ФЗ-273 «О противодействии коррупции», детализирована в последующих «Национальных планах» и активно реализуется в течение последних 10 лет.

В этих целях проводится:

- антикоррупционное обучение государственных и муниципальных служащих, а также студентов и школьников,

- антикоррупционное просвещение граждан с использованием возможностей СМИ, распространения Памяток и социальной рекламы,

- антикоррупционное информирование, включающее распространение материалов о результатах противодействия коррупции, фигурантах уголовных дел, судебных и кадровых решениях, составе антикоррупционных комиссий и планах их работы и т. д.

- антикоррупционные научные исследования, включающие проведение социологических опросов, научных конференций, форумов, круглых столов, где обсуждаются проблемы повышения эффективности противо-

действия коррупции, анализируется положительный опыт, в том числе в зарубежных странах и предлагаются пути устранения недостатков.

В целом можно сказать, что в стране сегодня создана единая система организации и проведения данной деятельности.

Следует отметить, что формирование нетерпимости к коррупции целесообразно рассматривать как составную часть формирования уважения к Закону и в целом формирования высококонравной личности. Данная работа прямо предусмотрена в «Комплексном плане просветительских мероприятий, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, в том числе на повышение эффективности антикоррупционного просвещения, на 2019–2020 годы», утвержденном Распоряжением Правительства РФ от 21.12.2018 № 2884-р.

В то же время, при большом количестве ежегодно проводимых мероприятий остается ряд проблем, на которые обращают внимание ученые – криминологи:

Прежде всего, это отсутствие установленных Законом критериев оценки результатов «формирования нетерпимости к коррупции». Традиционно в отчетах пока фигурирует количество лиц, прошедших обучение, проведенных конференций, распространенных Памяток и т. д.

На наш взгляд, применительно к результатам и оценке работы целесообразно рассмотреть две взаимосвязанные группы вопросов:

- у кого и в отношении кого (или чего) должна формироваться эта «нетерпимость» (субъекты и объекты нетерпимости);

- в каких формах она должна и может проявляться – активных или пассивных?

Во-первых, коль скоро коррупционные деяния носят умышленный характер, «нетерпимость» должна формироваться у граждан по отношению к своему поведению: образно говоря, должна быть жизнь по принципу «не беру взятки и не даю» – это достигается, прежде всего, воспитанием, обучением и просвещением. Большую роль здесь играет и Церковь, формирующая у прихожан установки на высококонравное и законопослушное поведение.

Другое направление данной деятельности – формирование страха наказания за лично свои коррупционные деяния. Пока, как представляется, осужденные коррупционеры не высылаются в Сибирь и не трудятся с утра до вечера на рудниках, не становятся «изгоями общества», хотя и украли у честных налогоплательщиков многие миллионы и миллиарды бюджетных рублей.

Результаты этой работы косвенно можно оценить по числу возбужденных уголовных дел. За прошлый год, например, их рост составил 15 %. То есть «нетерпимых» стало меньше.

Во-вторых, «нетерпимость» к коррупционному поведению других – коллег, должностных лиц, соседей – здесь возникает вопрос мотивации, поощрения – морального и материального, эффективной защиты свидете-

лей, повышения доверия к правоохранительным органам. Пока «телефоны доверия» не дают ожидаемого массива сообщений.

В-третьих, «нетерпимость» к коррупции членов семьи и осуждения их поведения обществом – здесь возникает вопрос: формировать ли облик нового «Павлика Морозова» [3] или просто не замечать проблему?

В-четвертых, «нетерпимость» к коррупции конкретных должностных лиц, что может закончиться самосудом [1; 2] или проигрышем на выборах, а также «нетерпимость» к «коррупцированной власти» в целом, когда настроения ненависти переходят из субъектно-субъектных в субъектно-объектные, когда начинаются погромы и совершаются «цветные революции» [4]. В частности, по стране за прошлый год число протестных акций, в том числе с нарушением закона и применением насилия, значительно возросло.

Именно под лозунгами «Долой коррупцированную власть» за последние 20 лет в мире произошло около 20 таких революций.

Президент прямо поставил задачу, «не допустить «цветной революции» в России, ее угроза включена в 2015 году в новую «Стратегию национальной безопасности».

Основное в этом – снизить не только число недовольных Властью – социальную напряженность, но и снизить число лиц, ориентированных на насилие – бывших осужденных, алкоголиков, членов ОПГ, так называемых «низов общества», которых сегодня в стране миллионы.

Эти вопросы сегодня активно изучают криминологи, не так давно проблеме снижения насилия был посвящен межведомственный «Круглый стол» в Прокуратуре Кировской области. Это совсем другое направление деятельности.

Мы сформируем «нетерпимость» к коррупционному поведению, но она в итоге может принять активные, неконтролируемые формы.

По нашему мнению, противопоставить этому, пока еще существующей «терпимости» – сделать коррупцию менее выгодной или крайне опасной, предлагается введением ряда дополнительных направлений деятельности:

- жестким контролем за доходами и расходами. При этом, если у должностных лиц это как-то сейчас контролируется, то у «дающей стороны», например, наркоторговцев, владельцев подпольных заведений и т. д. – нет. Один из предлагаемых путей – принятие «Закона о тунеядцах» с правом проверять источники доходов всех граждан, а не только должностных лиц;

- стимулированием активности граждан на сообщения в правоохранительные органы о фактах или подозрениях относительно коррупции.

Вариантами такого стимулирования предлагаются:

- моральное стимулирование, создание в обществе облика «героя», примера для подражания – это задача представителей СМИ и кино-теле индустрии. Пока таких примеров для подражания практически нет;

- материальное стимулирование – как, например, в США – установленная Законом 10–30 % выплата от суммы выявленных хищений;

- негативные последствия для членов семьи коррупционеров – большинство, как представляется, знало о том, что живут не на бюджетную зарплату. На первом этапе предлагается хотя бы ввести в обществе моральное осуждение таких членов семьи как богато живущих на украденные у народа деньги. Это тоже дело СМИ.

В принципе, на наш взгляд, нужно дополнить УК РФ аналогом ст. 205.6 в аспекте установления ответственности за несообщение о многомиллионных коррупционных хищениях.

- совершенствование практики защиты свидетелей – в обществе практически ничего не известно о случаях успешной защиты сообщивших о коррупции, как это делается, например, в США – новая квартира, пожизненное содержание за счет государства, создаются кинофильмы об успехах в данном вопросе – это тоже дело отечественных СМИ. Закон призывает сообщать, обещает защиту, но о практике ничего не створится.

- информирование граждан о конкретных и реальных последствиях борьбы с коррупцией, положительно влияющих на их личную жизнь или жизнь других, кто не использует коррупцию и живет честно.

Целесообразно использовать, например, итальянский опыт, где конфискованная недвижимость без вариантов и возможности перепродажи однозначно направляется на социальные цели с широким извещением населения. Например, «В этом особняке, раньше принадлежавшем осужденному за коррупцию ..., сейчас расположен детский сад...».

В частности, по делу бывшего полковника Захарченко изъято 27 объектов элитной недвижимости. В пользу бюджета. Что сейчас в этих особняках? Что досталось простым людям?

Вот если бы эти 27 объектов-квартир передали, например, Ветеранам Войны к Юбилею Победы?

А пока – продажа, деньги в бюджет и из него – снова казнокрадам...

Как представляется, внесенные предложения позволят повысить эффективность деятельности в сфере противодействия коррупции через реализацию такого важного направления, как формирование в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Библиографический список

1. Отчаявшись одолеть бюрократов, бизнесмен их просто застрелил // Комсомольская правда. 2009. 14 апреля.

2. Смирнов А. М. Самосуд в России : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. 384 с.

3. Феценко П. Н. Нравственный аспект предупреждения преступности (Появится ли в России новый «Павлик Морозов»?) // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук : материалы Всерос. науч.-

практ. конф. : в 2 т. Т. 1. Киров : Изд-во Кировского филиала МГЭИ, 2005. С. 138–143.

4. Фещенко П. Н. Коррупция, социальная напряженность, «цветные революции»: попытка системного анализа // Диалектика противодействия коррупции : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, 16 декабря 2016 г. Казань : Изд-во «Познание» Казан. инновац. ун-та им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), 2016. С. 173–176.

Научное издание

**«СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПРАВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»
(к 370-летию со времени принятия
Соборного уложения 1649 года)**

Сборник трудов XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме
Всероссийская научно-практическая конференция (12–13 декабря 2019 года,
г. Кострома)

В двух томах
Том 1

Составители:

Г а н ж а Наталья Владимировна
Е в с т е г н е е в Алексей Сергеевич
Л у к о я н о в Денис Николаевич
М е л ь н и к о в Иван Николаевич
П л ю с н и н а Ольга Витальевна
С и р о т к и н Алексей Геннадьевич
О р л о в с к а я Ирина Викторовна

Ответственные редакторы:

Б р и л ь Геннадий Геннадьевич
Г р у з д е в Владислав Владимирович

Компьютерная верстка:

Н. В. Ганжи, Н. И. Поповой

16+

Текстовый электронный сборник

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word 2007

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб; CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию 25.06.2020. 2,8 Мб. [Уч.-изд. л. 27].

Заказ 112. Электронное издание. Тираж 500.

Издательско-полиграфический отдел Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17.
Тел.: 49-80-84. E-mail: rio@kstu.edu.ru

Титул

**Сведения
об издании**

**Выпускные
данные**

Содержание